

ГЕЛЕСКОУЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ XX.

Che chi ha i due occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ нѣмъ, чпобы по оппечашаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва. Марта 2 дня, 1834 года.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

Ш И С Ь М О

ПРОФЕССОРА ПАВЛОВА.

КЪ ИЗДАТЕЛЮ ТЕЛЕСКОПА,

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ НА ЕГО ФИЗИКУ,

ПОМЪЩЕННОЙ

ВЪ ДЕРПТСКИХЪ УЧЕНЫХЪ ЗАПИСКАХЪ.

М. Г.

Вызову вашему отвѣчаю на рецензію Г. Э. Ленца, помѣщенную въ Дерптскомъ журналѣ: *Dorpat. Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands, Zweiten Bandes Zweites Heft*, по нѣкоторымъ причинамъ удовлетворить не могу. Главнѣйшая изъ сихъ причинъ состоитъ въ томъ, что рецензія написана противъ всѣхъ правилъ ученой критики. Представляю доказательства.

Опредѣленіе каждой науки, какъ приговоръ, есть заключеніе (conclusio). Заключеніе не опровергается, пока посылки (praemissæ), изъ коихъ оно выведено, не опровергнуты. Г. Ленцъ не опровергая посылокъ, изъ коихъ выведено мое опредѣленіе Физики, взглядъ мой на сію науку (С. 146) называетъ ошибочнымъ, симъ вмѣстѣ опровергаетъ и мое опредѣленіе. Такъ ли пишущія ученія рецензій? Назвавъ ошибочнымъ мой взглядъ на Физику, Г. Ленцъ обнаруживаетъ свой собственный такимъ образомъ: »In der unorganischen Natur geschieht einmal Alles nach mechanischen Gesetzen, also wird die Mechanik, als reine Lehre von der Bewegung und vom Gleichgewicht, auch die Gesetze für jeden besondern Fall in sich enthalten; so enthält sie denn auch die allgemeinen Gesetze der Vibrationen einer elastischen Flüssigkeit; aber die Anwendung derselben auf die Vibration der Luft, die besondern Erscheinungen, die dadurch hervorgebracht werden, und die Vergleichung der Theorie mit der Erfahrung, dies alles gehört in die Physik, ja ist eben ihr eigentliches Wesen: die Physik ist also allerdings nach unserer Ansicht eine angewandte Mechanik, wie die Astronomie, und hat drey Aufgaben zu lösen, nämlich: 1) die Erforschung der Erscheinung, 2) die Combinirung derselben zu einem allgemeinen Gesetz, und 3) gleichsam die Probe des Exempels, die Construction der einzelnen Erscheinungen aus dem allgemeinen Gesetz.« (ib.). Разсмотримъ эпитъ сорипъ по часпямъ.

» Въ неорганической природѣ все происходитъ по механическимъ законамъ. « Вошъ начало, изъ коего Г. Ленцъ въ своемъ сорипъ

выходитъ; и къ удивленію сіе начало ложно. Довольно указавъ на химическій процессъ, играющій споль важную роль въ природѣ неорганической. Надѣюсь, что Г. Ленцъ силою воли своей не въ соспоянїи сего процесса исключитъ изъ природы неорганической. Кпожъ скажетъ, что химическій процессъ происходитъ по механическимъ законамъ? Если же химическій процессъ естъ механический, то распипельный процессъ, имѣющій въ основанїи химическій, долженъ совершаться пакже по механическимъ законамъ; тогда и живоппое пѣло, имѣющее въ основанїи распипельный процессъ, естъ машина; тогда... Но довольно и указанныхъ нелѣпостей для доказательсва, что начало, изъ коего онѣ слѣдуютъ сами собою, ложно. Какое же Г. Ленцъ сдѣлалъ упопреленіе изъ сего ложнаго начала?

Сказавъ, что «въ неорганической природѣ все происходитъ по механическимъ законамъ», онъ заключаетъ: *Слѣдовательно (also) Механика, какъ чистая наука о движенїи и равновѣсїи, будетъ въ себѣ содержать также законы на каждаый частный случай; посему она содержитъ въ себѣ также законы сотрясенїй эластической жидкости.* Слѣдуетъ ли дѣйспивительно выводимое слѣдспвіе изъ предложеннаго предыдущаго? Ни мало! Еслибъ кпо сказалъ: въ природѣ неорганической все происходитъ по химическимъ законамъ, изъ

сего не слѣдовало бы еще заключить, чѣмъ должна быть Химія. Такъ изъ начала Г. Ленца не слѣдуетъ предложенное опредѣленіе Механики, равно какъ изъ предложенія: *палка стоитъ въ углу*, не слѣдуетъ заключить: *слѣдовательно дождь идетъ* (*baculus stat in angulo; ergo pluit*). Союзъ *also*, равно какъ и *ergo*, не въ соспояніи связать того, что не соединимо. Къобы могъ подумать, что Г. Ленцъ, рѣшившійся разгромить въ своей рецензіи мое сочиненіе, въ соспояніи былъ выказать сколько разительной непослѣдовательности въ нѣсколькихъ спрокахъ? Но это фактъ и достопримѣчательный фактъ! Что, если онъ рѣшится самъ написать цѣлую Физику? Вошь любопытно!—Пойдемъ далѣе за Г. Ленцомъ въ его сорипъ.

» Но приложение оныхъ (п. е. общихъ законовъ сопряженій эластической жидкости) къ сотрясенію воздуха, къ частнымъ явленіямъ, которыя чрезъ то возпослѣдуютъ и повѣрка теоріи съ опытомъ, все это входитъ въ Физику, да, это есть ея собственное существо. « Что должно быть содержаніемъ Физики, это вопросъ, о которомъ рѣчь идетъ, это пунктъ спорный. Чѣмъ же рѣшилъ его Г. Ленцъ? Ничѣмъ. Изъ сего-по нерѣшеннаго вопроса онъ заключаетъ: *» Слѣдовательно (also) Физика по нашему мнѣнію всеконечно есть прикладная Механика. «*

Очевидно, что между частями сочиня Г. Ленца нѣтъ силлогическаго связи; слѣдовательно каждая изъ нихъ есть начало своего рода, нисколько не слѣдуя изъ предыдущаго. Чисоужъ послѣ этаго значить also Г. Ленца? Чиспица, копорую онъ имѣетъ привычку начинать свою рѣчь.

» *Физика есть прикладная Механика, имѣющая для рѣшенія три задачи, а именно: 1) Исслѣдованіе явленій, 2) Приведеніе оныхъ къ одному общему закону и 3) Проба примѣра, построеніе каждаго явленія порознь изъ общаго закона.* Разберемъ каждую задачу порознь.

1. *Исслѣдованіе явленій.* Опредѣляя предметъ Физики (стр. 6), я сказалъ: «Явленія, какъ измѣненія въ сосояніи нѣтъ, дѣляща на небесныя и земныя; наука о первыхъ — Астрономія, наука о вторыхъ а) въ природѣ неорганической — Метеорологія, б) въ природѣ органической — Физиологія. Вотъ части Феноменологіи! Здѣсь для Физики нѣтъ мѣста; другими словами: Физика наукою о явленіяхъ бытъ не можетъ; ибо въ цѣломъ физическомъ мѣрѣ, кромѣ явленій небесныхъ и земныхъ, нѣтъ болѣе никакихъ; а первыя составляютъ собственность Астрономіи, вторыя — Метеорологіи и Физиологіи.» На основаніи сего первая задача изъ Физики исключается. Чѣмъ Г. Ленцъ утвердилъ за нею мѣсто въ сей наукѣ? Своимъ

произволомъ? Но произволь въ дѣлѣ наукъ ничего не рѣшаепть.

2. *Приведеніе явленій къ одному общему закону.* Явленій много; еспь явленія міровыя и земныя, еспь явленія механическія, динамическія и жизненныя. Какія же именно Г. Ленць намѣренъ въ Физикѣ своей приводить къ общему закону? Всѣ безъ исключенія? Но его Физика еспь прикладная Механика; какъ же напр. явленія механическія и жизненныя приводить къ одному общему механическому закону? Жизнь подводитъ подъ законъ мерпваго механизма! Чпужь погда мы, сознающе въ себѣ жизнь? Машины? И Г. Ленць, позволяющій себѣ начала, изъ коихъ сами собою выпекаюпть споль нельпья слѣдспвія, пропивуположныя имъ, ни съ пого ни съ другаго, называепть фанпазіями? Ньпть! Такой способъ рѣшапть учаспть сочиненій слишкомъ далекъ опть способа ученаго. Ясно, чпо изъ слѣдующихъ словъ Г. Ленца: »Man kann die Zuhörer nur bedauern, die in die Jahre, wo der Geist vorzüglich mit soliden Kenntnissen und nicht mit phantasiereichen Theorien bereichert werden soll, gezwungen sind, sich mit unvollkommenen Versuchen und unrichtigen Erläuterungen derselben zu begnügen, und endlich auch noch dies wenige Positive bei Seite zu setzen, um sich in die bodenlosen Phantasieen des Verfassers ganz und gar zu verlieren « (С. 150), лучшаго упопробленія не лъзя сдѣлапть, какъ примѣнитъ къ егоже механическимъ понятіямъ о природѣ.

3. *Проба прилпыра, построение каждаго явления порознь изъ одного общаго закона.* Эпа задача предспавляетъ обратный случай впорой; посему объ ней поже сказапъ должно, что сказано о пой; полько обратно: какъ на пр. изъ закона механическаго вывеспи явление жизни? Мысль смущается при вопросахъ, возникающихъ изъ началъ Г. Ленца.

И пакъ всѣ при задачи, какъ доказано, изъ Физики исключаются; чтожь безъ нихъ будетъ Механика, возведенная во впорую степень, п. е. Физика Г. Ленца? Пустопа, образъ безъ содержания! Тупъ у мѣста повпорипъ слова Г. Ленца: *»Ja, was das Schlimmste ist, unsere ersten Physiker arbeiten ordentlich darauf hin, ihre Wissenschaft aufzuleeren.«* (С. 146). Предпріятіе важно и увѣнчано блистательнымъ успѣхомъ!

Вещество' есть общее зерно, изъ коего развивается весь физическій міръ съ пѣлами, явлениями и производными оныхъ. Посему я утверждаю, что теорія вещества должна быть началомъ для всѣхъ физическихъ теорій, пакъ что другія, какъ по: теорія свѣта, тяжести, электричества, магнетизма и проч. должны быть слѣдствіями первой. Эпо неоспоримо: Между пѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ Физикахъ, не исключая и Физики Пулье, копорую Г. Ленцъ называетъ классическою, досель видимъ смѣсь разноначальныхъ теорій и гипотезъ, пакъ

что на одинъ предметъ предлагается одна теорія, на другой — другая, и ш. д. Эпо явный недоспапокъ Физики, какъ науки. Я спремлюсь къ единству теоріи. Свѣденія, сославляющія содержаніе Физики, оспаюся пѣже; но взглядъ на факты, предспавленные въ содержаніи науки, я сдѣлалъ другой, а именно: динамическій. Физиковъ, какъ извѣстно, раздѣляютъ двѣ системы: 1) апомическая или механическая и 2) динамическая. Г. Ленць придерживается первой. Вопть распутиѣ, на которомъ онъ никакъ не можетъ со мною сойтись. Но если новѣйшія времена, какъ просвѣщеннѣйшія, съ гордостію приписываютъ себѣ честь перимоспи вѣрь; по можетъ ли бытъ опорочена въ наукахъ перимоспъ системъ? Г. Ленць, будучи поборникомъ механической системы, динамическую безъ всякихъ доказательствъ, проспо называетъ фантазією и вѣрояпно, слово: фантазія, упопреляетъ не въ томъ значеніи, въ какомъ оно принимается въ поэзіи. Въ такомъ случаѣ эфиръ, котораго сопрасенія играютъ столь важную роль въ механическихъ Физикахъ, есть фантазія высшей степени; ибо существованіе эфира не доказано; а теорія сопрасеній его развила со всею математическою роскошью. Между тѣмъ какъ дѣйствія силъ: разширительной и сжимательной, на коихъ основана система динамическая, до того всюду ощу-

пипельны; что самые физики — механики ихъ повторають не рѣдко, приписывая имъ по одно, по другое явленіе.

Вопросъ о превосходствѣ той, или другой системы, дѣйствительно есть вопросъ академическій; но Г. Ленцъ и приступилъ къ нему не сдѣлавъ попытки; а Физика моя предспавляла къ тому доспапочный поводъ.

Общія свойства пѣль сопавляють досель во всѣхъ Физикахъ одну изъ самыхъ непослѣдовапельныхъ спапей, словомъ: похожую на сорипть, приведенный выше изъ рецензіи Г. Ленца, гдѣ безсвязаца, укоръ ученыхъ, выказываепся въ самыхъ рѣзкихъ черпахъ; я сдѣлавъ опытъ приложилъ къ нимъ динамическое понятіе вещества и всѣ общія свойства приведены къ единству начала. Эта одна спавтъя въ моей Физикѣ должна бы обрапилъ вниманіе ученаго крипики; но Г. Ленцъ объ ней и не упомянулъ. Почему же такъ, еслибы онъ хопѣлъ дасть о моей Физикѣ наспоющее понятіе?

Ободренный сходспвомъ динамической теоріи общихъ свойствъ пѣль съ самымъ опытомъ, приложение оной повель я далѣ, а именно: къ свѣпу и тяжеспи. Такимъ образомъ развилъ новую теорію свѣпа, спелопы и тяжеспи изъ одного и того же начала, такъ что вся моя Общая Физика есть одно цѣлое,

связанное одною мыслию. Ученый криптикъ въ семь случаѣ, чпобѣ все низпровергнувъ однимъ ударомъ, или опровергъ бы начала, или доказалъ бы неправильность выводовъ изъ оныхъ. Чпозжъ сдѣлалъ Г. Ленцъ? Изволилъ сказать только слѣдующее: »*Ich will in der Auseinandersetzung dieser Phantasieen nicht fortfahren* (*Я не хочу продолжать въ подробности сихъ фантазій!!!*)» (с. 150). Прежде, чѣмъ хопѣть или не хопѣть заниматься фантазіями, слѣдовало доказать, чпо ѣпо почно фантазіи въ его смыслѣ, а не дѣло; ибо въ ученомъ мірѣ нѣтъ еще пока закона признавать за фантазіи то, чпо пропивно механическимъ понятіямъ Г. Ленца. Если на оборотѣ понятія Г. Ленца о природѣ фантазіи, а моя теорія дѣло; тогда чѣмъ можешь оправдаться Г. Ленцъ, произнесшій споль рѣшительный приговоръ о моей Физикѣ? Когда бы кто приватно спросилъ Г. Ленца, спойтъ ли моя Физика чего-либо, или нѣтъ, онъ могъ бы отвѣчать, какъ ему угодно. Но въ рецензіи, помѣщаемой въ ученомъ Нѣмецкомъ журналѣ для передачи Европѣ ученыхъ о Россіи извѣстій, поспушптъ надлежало иначе, основательнѣе, если уже не изъ уваженія къ чести Русскаго имени, по изъ вниманія къ иностранцамъ: на чпо имѣ превращенія о Россіи понятія? Въ дѣлѣ наукъ цѣль — истина; средства — мышленіе; правила — законы мышленія; здѣсь произволь есть пресупленіе.

Чтоже касается до указаний Г. Ленца будно бы на ошибки, копорыхъ числомъ выставлено шесть, то онъ не спояптъ опроверженія; ибо со- спояптъ частію изъ мелочныхъ придирокъ къ вы- раженіямъ, копорымъ, на пр. расходимости свѣ- та, Г. Ленць даетъ произвольно свое значеніе, несообразное общепринятому въ пѣхъ даже Фи- зикахъ, копорыя самъ онъ пипулуептъ классиче- скими, на пр. въ Физикъ Пумь, частію изъ не- справедливыхъ упрековъ въ пропускахъ того, что дѣйствительно еспъ, только не въ томъ мѣспѣ, на копорое указываетъ Г. Ленць, но или спра- ницею выше, напр. касательно оси сфериче- скихъ спеколь (спр. 89), или нѣсколькими спро- ками ниже, на пр. касательно выраженія зако- на тяжести (спр. 221). Казалось бы, Г. Ленць долженъ былъ въ первомъ случаѣ чипаптъ § съ начала, во второмъ — дочипаптъ до конца.

Видите ли, М. Г. какъ усироенъ оптичскій уголь, подъ копорымъ Г. Ленць заблагоразсу- дилъ показатъ мою Физику, спремясь неуклон- но къ своей цѣли, выраженной такимъ образомъ: „Nach allem bisher Gesagten können wir nun nicht anders, als das Werk des Herrn Pawlow als für gänzlich der Beachtung unwerth erklären (На основаніи того, что досель сказано, объявляемъ, что соимненіе Г. Павлова не заслуживаетъ никакого вниманія?)“ (с. 150).

Г. Ленць, будучи приверженцемъ Физики ме-

ханической, могъ ли бытъ безприсраспнымъ судьей моею? А присраспный судъ, какъ ложь, не въ соспоянїи ни унизишь, ни возвысишь сочиненїя; наспоющая цѣна его опредѣляется общимъ мнѣніемъ независимо отъ рецензій. Припомъ Г. Ленць, имѣя понятїя о природѣ, діаметрально пропивоположныя моимъ, въ соспоянїи ли даже понятїя наспоющимъ образомъ мои виды въ Физикѣ и особенно при пакой не логической наспроенности ума, какая опкрыпа въ немъ выше?

Прибавыше къ сказанному неприличвыи понъ, въ какомъ написана рецензія Г. Ленца, и вы согласиспесь сами, что на нее опвѣчапъ не должно.

Еслиже вы считаепе опвѣщъ необходимымъ въ помъ предположенїи, что *другіе, какихъ не мало*, могутъ мое молчанїе счеспъ за подобоспраспное сознанїе; то прошу напечатать это самое письмо: оно можетъ въкопорымъ образомъ служишь вмѣстѣ опвѣща.

Чеспъ имѣю бытъ и пр.

Михаилъ Павловъ.

25 Февраля.

Москва.

II.

СЛУЧАЙ,

КОТОРЫЙ МОЖЕТЪ ПОВТОРИТЬСЯ.

РУССКАЯ СОВРЕМЕННАЯ БЫЛЬ.

И онъ . . . . .

. . . . . поперялъ

Сперва веселоспъ, памъ охопу къ пищъ,

Попомъ и сонъ, попомъ и силы, спалъ

Разсъянъ, дикъ, чпо далъе, по хуже;

И наконецъ, къ несчастпю, помъшался.

Гамлетъ. Пер. Вронченко.

I.

Осень прошлаго года была прекрасная. Природа, кажется, все уравниваетъ: грязнивши и морозивши насъ въ Юль, она сушитъ и грѣетъ въ Окпябрь. Эпа видимая заботливоспъ о справедливоспи проспираетсп, по замѣчаніямъ другихъ, еще далъе. Обидѣвши въ хлѣбъ, она помогла бѣдняку въ дровахъ: въ самомъ дѣлѣ нынѣшніе осенніе мѣсяцы такъ были теплы чпо бѣднякъ, рѣшившись безопасно жить прохладнѣе, могъ сбереженный грошъ упо-

пребить на лишній кусокъ хлѣба, по крайней мѣрѣ картофельнаго. Но если эта случайная или справедливая шеплопа оказываетъ экономическое пособіе желудку и печи бѣдняка, то ни мало не подѣйствовала на его обычную одежду. Благоразумный Русской народъ благодарно держится своего роднаго костюма, прохлаждающаго его въ лѣтніе жары и согрѣвающаго въ жестокую спужу. Это всеклиматное для него одѣяніе, шулупъ, оспапокъ, первобыднаго его соспоянія, перешедшій съ нимъ изъ кочевья на пашню, пережившій боговъ его, сполько событій, общеспвенныхъ поспановленій и перемѣнъ, народныхъ мѣтній и обычаевъ, удержавшійся на плечахъ Русскаго челоуѣка даже и тогда, когда все старобобычное падало предъ зиждипельною волею Преобразовапеля, въковыя бороды, завѣпные охабни, и на обломкахъ суетвѣрной спаривы расплмался пророческой дымъ справы опверженной. Климатъ уперся передъ идеями: Европейство должно было сокрушиться о баравью напуру. Принявшись разсмапривать эптопъ народный костюмъ философски, мы, можепъ быпъ, опкрыли бы на немъ и характеръ нашего роднаго норова: чисто, бѣло, опряпно, бережно въ началѣ, локмощья пачканные къ концу; щегольство, роскошь, общее вниманіе, когда это ново: кожухъ спарый, съ презрѣніемъ кидаемый подъ лавку,

когда позапасакался, или когда еспь другой, поновье. Иногда полько къ изорванной кожѣ пришиваюпть новую, на рукавахъ, на спинѣ, или на другихъ мѣстахъ, болѣе перпѣвшихъ на- сильспвенное соприкосновение съ предметами природы внѣшней, и погда эпо одѣяніе получа- епть видъ неспропты фанпаспической. Не дер- жась геомепрической правильности, шупть вы- краиваеть и вшиваеть нужда, а попому по плечи, по хребентъ, по низовыя обласпи пре- буюпть поновлений. По заплатамъ можно пи- сать биографіи, допуспивъ, что жизнь вообще еспь Русской шудупъ.

Такою-по испещренную, символическую фи- гуру увидѣль я издали возлѣ вородъ моей кварпиры, возвращаясь съ прогулки въ одинъ изъ шеплыхъ дней прошлой осени. Человѣкъ, по всѣмъ признакамъ, дворовый, споялъ у вородъ и громогласно по складамъ разбиралъ однослож- ную фамилію моего хозяина, весьма чепко на- писанную красными липерами на новой жестя- ной дощечкѣ. Вопъ другое понятіе, которое я не могу миновать, чпобы о немъ не сказапть че- го-нибудь. Объясненъ ли у насъ быпть двороваго человѣка? Осуждены ли вы за грѣхи праопцевъ поспигапть эпю искусственную природу человѣ- ка, созданную двумя враждебными началами: пребовапіями развалившейся спарины и попреб- носпями общежиція, сполько еще новаго, чпю

не успѣли даже убрать лѣсовъ и подмоспокъ, при помощи коихъ оно опспроилось. Знаете ли вы эту Азію съ Европейскимъ воровникомъ, закаленную лѣноспъ духа и пѣла съ дѣяпельнымъ, прудолобивымъ желудкомъ? Не знаете? Такъ воспользуйтесь первымъ газетнымъ объявленіемъ принять въ услуженіе челоуѣка, за *излишествомъ* оппускаемаго съ прекраснымъ поведеніемъ, презваго.

— Чпо тебѣ надобно, кого ты ищешь?

» А! Васъ, сударь! «

Я не узналъ: это былъ слуга изъ многолюдной дворни Сонинскихъ, давнишнихъ моихъ знакомыхъ.

— Чпо скажешь хорошаго?

» Никаноръ Пепровичъ и Анна Михайловна приказали кланяться и доложитъ, чпо они претпьяго-де дня приѣхали въ Москву со всѣмъ семействомъ, и приказали проситъ васъ покорнѣйше пожаловать къ себѣ. Вотъ и письмо къ вашей милости отъ Анны Михайловны. « . .

— Всѣ ли у васъ здоровы? спросилъ я, входя въ комнапу.

» Слава Богу! Александръ Ивановичъ только все чпо-по невесель. « . .

Онъ не договорилъ, сдѣлавъ невольное обращеніе къ своему запылку, движеніе неизбежное

у Русскаго человѣка, когда онъ не умѣетъ, или не хочеть, или считаееть не должнымъ выразиться прямо. Почесывая запылокъ, онъ какъ-будто хочеть угомонить подняшую мысль и, въ поже время, съ лукавымъ просподушиемъ даееть вамъ поняеть, что у него ееть что-то на сердце, чего онъ еще не высказалъ.

Знакомый съ эпимъ панпомимнымъ нарѣчиемъ съ дѣспива и вспомня, что мои Сонинскіе въ успроеніи своей дворни придерживаются умной сипарины, когда мудросеть выражалась споль же опредѣленно въ дѣйсвіяхъ, какъ и въ заповѣдной пословицѣ: *гмь пирогъ съ грибами и держи языкъ за зубами*, я попчасть долженъ былъ поняеть всю важносеть запылочнаго маневра.

Чтобъ эпо значило?

Перебирая догадки, я распечаталъ письмо. Анна Михайловна увѣдомляла меня о своемъ приѣздѣ, жаловалась, какъ водился, на успалосеть опъ дороги, *свидѣтельствовала* почпение своего Никанора Пепровича, кланялась опо всѣхъ и наспояпельно просила, не опкладывая вдаль, посѣпипеть ихъ. Окончаніе письма возбудило во мнѣ особенное безпокойспво: » Приѣжайте же къ намъ поскорѣе: мнѣ нужно о многомъ переговорить съ вами; особенно вашъ прияпель, Александръ Ивановичъ, пугаееть меня; боюсь, чтобъ съ нимъ чего-нибудь не

сдѣлалось: онъ спалъ угрюмъ, молчаливъ, за-
пирается въ своей комнапѣ и похудѣлъ чрез-
вычайно. « . .

Чтобъ объяснить причину моего безпокой-
ства, я долженъ, хотя слегка, обозначить об-
становку моей драмы.

Семейство моихъ знакомыхъ было одно изъ
тѣхъ, которыя составляютъ подвижную физи-
ономію Московской зимней жизни: одинъ изъ
тѣхъ почтенныхъ оспапковъ старины; на
коихъ въ невѣроятныхъ случаяхъ опирается
сомнительное преданіе, почти поже; что у не-
довѣрчиваго ученаго ципапа, или у оспорожна-
го заимодавца закладъ. Сонинскіе принадлежали
къ числу спешныхъ дворянъ. Нѣкогда, въ бла-
женныя времена, подобныя семейства, прожи-
вавши одну половину жизни въ Москвѣ, а другую
въ деревнѣ, примыкали съ одной стороны къ
шумной, нарядной, песпрой, суепной, взыска-
пельной, праздничной, цензурной жизни спо-
лицы, а съ другой къ лѣнивой, одинокой, само-
нравной, сыпной, деревенской жизни на распах-
ку. Опъ эпаго почти уравновѣщеннаго учаспія
двухъ пропивоположныхъ началъ составлялись
мнѣнія, понятія, обычаи, навыки, обряды, ко-
порыя перемѣшиваясь между собою, образовы-
вали чудную яркую смѣсь, выливавшуюся въ раз-
нообразныхъ, своеобразныхъ формахъ, почти фан-
таспическихъ, копорыя напрасно мы хотѣли

бы возродить теперь, когда самые элементы, ихъ создавшіе, переродились. Теперь, когда воспитаніе большей части молодыхъ дворянъ выпрямлено по системѣ училищной въ столицахъ, подѣ вліяніемъ благопврныхъ идей порядка и чинности, хопя и вспрѣчаются еще нѣкоторыя нравспвенныя кривизны и уклоненія опѣ принятаго направленія, но едва ли уже мы найдемъ характеры дикіе, необузданные, упорные до живошпаго оспервенѣнія и въ поже время вымощенные подѣ лакъ Европейской образованности, какія не рѣдко попадались въ прежнее время. Эпо были характеры драматическіе, совершенно различно дѣйствовавшіе въ разныхъ положеніяхъ, въ столицѣ, между равными, и въ домашнемъ кругу, въ своемъ углу. Тамъ воля сгибалась до ласкапельсства, предупредительной привѣтливости; пупѣ неумолимо, грозно являлась непрекословнымъ произволомъ. Подобнаго успройсства порядокъ, если не могъ расположить въ ихъ пользу наблюдателей нравовъ погдашняго времени, по крайней мѣрѣ сильно привязывалъ къ нимъ, кои имъ пользовались: вопѣ опѣ чего у насъ пакъ много о томъ времени и горькихъ сѣпованій и насмѣшливыхъ порицаній. Тѣ и другіе справедливы только опносительно. По однимъ и тѣмъ же причинамъ и нравспвенное соспояніе погдашнихъ женщинъ ярко выказывалось въ двущѣшномъ направленіи наблюда-

пельному взору. Въ слабую, нѣжную, чувствительную женскую природу, роскошно развивавшуюся подѣ благоговѣйнымъ охраненіемъ *мамства* и *нянства*, природу, обработанную во всѣхъ способностяхъ, которыя могутъ очаровывать вниманіе мужчины, часто въѣдалась ржа жестокости сердечной, ледяной готовности видѣть чужую боль. Нерѣдко прелестныя уста, небесно улыбавшіяся въ госпоиной, тряслись судорожными движеніями гнѣва въ дѣвичей; голосъ, упоительно чаровавшій слухъ поклонниковъ, пронзительно звенѣлъ бранью для ушей горничныхъ; и пухлая, бѣлая, маленькая ручка, застыдливо пропягивавшаяся къ пламенному поцѣлюю юноши, опважно хлеспала по крѣпостнымъ ланипамъ своихъ домочадцевъ. Не надобно быть спарикомъ, чтобы видѣть, какъ все это передѣлалось или передѣлывается, и не только въ основѣ, но и въ наружныхъ принадлежностяхъ: Загляните въ тѣ часки Москвы, гдѣ испари живало наше спенное дворянство; подите по Пречиспенскимъ переулкамъ. Конечно вы еще вспрѣщите въ изперпомѣ, запаканномъ фракѣ, оборваннаго, небритаго лакея, который, въ описушесвіи господъ, привалаясь къ крыльцу или воропамъ, пускаетъ себѣ подъ носъ вонючій, табачный дымъ изъ коропенькой трубки, готовой при первой потребности опуститься въ госпепримный карманъ; вы еще

сполкнепесь, можепть быпть, часу въ осьмомъ вечера съ проспволосямъ слугою, копорый, на зло и спужъ и барамъ, спъшипть въ ближній пра-кпиръ или полпивную ближнюю лавочку; можепть быпть упромъ, если вы любите выходипть со двора рано, часу въ седьмомъ, вы подсмоприпте мелькающія по улицъ пощія угрюмыя фигуры, пробирающіяся съ оглядкою около заборовъ и прѳжевывающія послѳдній кусокъ, чпѳбы про-глошипть его до дома, пока господа его изволяптъ еще *погивать*; можепть быпть случиптся и по, чпѳ вы набредете раза два или при на боязливую горничную, выбѳжавшую въ дѳпскомъ ка-попщѳ поговорипть съ *знакомымъ*, подѳ приязненною защипю угла, охраняемаго бдипельнымъ дозоромъ снисходипельной подруги, и по-помъ, если вы внимашельны и любите ша-папться, можепть быпть, увидипте эпю чепу гдѳ-нибудъ на новомъ Самопечномъ проспектѳ или около Каменнаго моспа, или въ Садовой: все эпѳ можепть быпть; эпѳ сцены общія, не-оптъемлемая принадлежноспть челоѳка, въ раз-ныхъ полько формахъ разыгрываемыя на всѳхъ спупенькахъ общеспвенной жпзни. Но вы вѳрно ужъ не найдете переднихъ, похожихъ на дикій вертепть, гдѳ прежде при появленіи поспороняго, медленно, машинально, подымались пяпть или шестъ жалкихъ, унылыхъ фигуръ съ засаленными кар-пами въ запачканныхъ рукахъ. Теперь вы вой-

деше въ свѣплую, опряпную комнапу, гдѣ васъ угодно вcпpѣчаепъ все таки cносно одѣпный слуга, бережно берепъ вашу шубу и вѣжливо pаспворяепъ передъ вами дверь. Теперъ, развѣ только въ опуcтѣмыхъ, почернѣвшихъ домахъ вы найдете еще шемныя, узкія, колѣнчапныя лѣcпницы, шаиншвенные переходы, способcпвовавшіе соблазнипельнымъ, pасчипаннымъ вcпpѣчамъ, болѣе или менѣе эпизодически памяпныхъ каждому изъ насъ, кпо захопѣлъ бы кинупъ камень въ ближняго. Все это шеперъ выломано и освѣщено. Въ самомъ дѣлѣ иному придепся вздохнупъ опѣ *пpосвѣщенія* и о спарыхъ временахъ и о спарыхъ поспройкахъ.

Мои знакомые, какъ я уже сказапъ, много удержали еще въ себѣ спариннаго, чеканнаго дворянcпва, хопя cпpаведливоспъ пpебуепъ замѣшипъ, чпо въ нихъ опѣ спарины оспалось болѣе хорошаго, нежели дурнаго. Спарикъ, правда, былъ человекъ упрямый, имѣлъ свои задушевныя мнѣнія, пpотивъ кошорыхъ всякое возpажене счипалъ окаяннымъ вольнодумcпвомъ; но съ этимъ вмѣстѣ онъ былъ опкрыпъ, непреклонно чеспень и пpоспъ. Какъ глава дома, онъ зналъ свои права, и нв въ какомъ случаѣ не унижалъ своей власти до раздѣла. Анна Михайловна, не обнаруживая явно правъ своихъ на совмѣщпничеспво въ верхевномъ управленіи домомъ, умѣла, однакожъ, сдѣлать себя замѣпно

ощущительную во всѣхъ семейственныхъ распоряженіяхъ. Искусствомъ ли во время соглашались съ волею главы дома, или предварительнымъ устройствомъ домашнихъ дѣлъ, дававшимъ эпой волѣ желаемое направленіе или, наконецъ, имѣемъ упрямымъ постоянствомъ въ своихъ намѣреніяхъ, которое при всѣхъ добровольныхъ или вынужденныхъ успѣхахъ, рано или поздно власпительно выразился въ минуть нѣжности мужней; только Анна Михайловна достойно поддерживала въ глазахъ сосѣдей и собственнаго семейства почепное званіе *хозяйки дома*, званіе, поднятое нашею кредитною образованностью на степенъ владычества и сохранившее смыслъ благочестиваго своего наименованія только въ низшихъ слояхъ общества, какъ бы для справокъ, что оно значило въ старые годы. Анна Михайловна знала свѣтъ не изъ книгъ: она хорошо понимала силу въ визитахъ, въ знакомствахъ; поспчасъ открывала слабость, прихоть, капризъ въ нужномъ ей чловѣкѣ, и нападала на нихъ съ неупомимою услужливостью, которая обязательнѣй самыхъ благодарній; поспигла всѣ понюски оболыченія наружности и поспому высоко ставила приличные качества и заопливо спаралась развить въ дочеряхъ своихъ привлекательность и любезность; вѣрно цѣнила дѣйствительную важность общественныхъ отношеній, и поспому,

въ самыхъ нѣжныхъ, пайныхъ родипельскихъ предположеніяхъ объ успройспвѣ судьбы дѣпей, руководспвовалась своими мнѣніями со всею силою безошчепнаго предразсудка. Сиспема ея въ эпомѣ опношеніи была не глубока, но положипельна и очевидно полезна. Прекрасныя ея дочери доспавили ей наслажденіе видѣть, что внушенія ея разрушають оболъщенія какого нибудь опдѣльнаго прекраснаго свойспва: она убѣдилась, что для ея спокойспвіа не опасны ни пылкій умъ, если его не сопровождаетъ вызолоченная ливрея, ни нѣжный голось, если онъ выходипть не изъ груди, озаренной звѣздою, ни магнишный усъ гусара, если шупть все его родовое недвижимое. Анна Михайловна прпбавала, а дочери искали благоразумнаго соединенія всѣхъ эпихъ доспоинспвѣ вмѣспть, прінявши однакожь разъ правиломъ, что если придепся успушпшь, то успушпшь по крайней мѣрѣ пому, чему весь свѣтъ успушаепть. Анна Михайловна превосходно разсуждала, что если правило не можепть быть безъ исключенія, то по крайней мѣрѣ надобно, чтообы самое исключеніе въ свою очередь могло быть опяпть правиломъ. Съ шакими-то людьми судьба свела моего Александра Ивановича.

(будеть продолженіе.)

III.

Ж Р И Ц Ъ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

Духъ націи есть поже, что духъ семейства, только въ большемъ размѣрѣ. Первый есть не только пища, но и источникъ впораго: безъ перваго не бываетъ никогда впораго.

Духъ семейства происпекаетъ изъ нравственной привязанности и матеріальныхъ выгодъ; духъ націи происпекаетъ опсюдаже.

Всегда ли замѣчается духъ семейства тамъ, гдѣ есть семейство, отецъ, мать, дѣти? Или не есть ли онъ произведеніе случая? Или наконецъ не дѣйствіе ли нравственной причины, вліяніе могущества умственного? То есть, духъ націи есть ли слѣдствіе спеченія нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ въ одну массу, плодъ случая, или произведеніе мысли, вдохновенія самосознапельнаго?

На сей вопросъ и отвѣчать нечего. Извѣстно, что есть люди, связанные между собою

узами крови, но не соспавляющіе семейспва, по еспь семейспва моральнаго; извѣспно, чпо еспь семейспва и спраны, повинующіяся однимъ и пѣмъ же законамъ, но не соспавляющія націи. Для соспавленія націи и семейспва нужно, чпобы общеспвенныя выгоды были связуемы и преобладаемы одной высокою идеею, однимъ могущеспвеннымъ вдохновеніемъ; нужно, чпобы опдѣльныя лица пѣсно связывались однимъ общимъ направлениемъ, коему приносяпся на жерпву всѣ другія, копорое должно соспавлять законъ верховный и священныи. Безъ сихъ условій не можеть сущеспвовать ни семейспво, ни націа.

Въ *семеиствѣ* нравспвенное могущеспво еспь опець; онъ элементъ преобладающій, сообщающій движеніе всѣмъ другимъ; но мапъ еспь нравспвенная связь всѣхъ сихъ элементовъ, общее средопочіе всякой привязанности, всего благороднаго, вдохновеннаго.

Значитъ ли женщина чпо нибудь въ націи? Еспь ли для ней здѣсь какое либо назначеніе: можеть ли она имѣть вліяніе на націю, или должна только оказывать ей услуги?

Муцина совершаетъ обязанности философа, священнослужителя, законодателя, въ его рукахъ сосредопочивается могущеспво государствпва; и пакъ на часпъ женщины оспается только направление нравовъ, ей предоспавлено

одно эпо моральное священнодѣйствіе. Но часть сія весьма обширна.

Нравственное служеніе женщины неоспоримо, въ немъ никпо не сомнѣвается; оно не имѣетъ нужды ни въ формальномъ посвященіи, ни въ торжественныхъ обрядахъ; оно есть древнее, божественное учрежденіе; оно универсально, вѣчно какъ міръ. Не во всѣ эпохи человечества обнаруживается оно съ равнымъ блескомъ и могуществомъ; формы его весьма разнообразны; иногда оно являлось въ роли пророчицы и сивиллы, иногда предпочитало роль чаровницы и волшебницы; рѣдко облакалось въ санъ officialнаго священнослуженія, совершая обязанности *жрицы*.

Въ исторіи встрѣчается только одна нація, которая нравственному священнослуженію женщины даровала формы officialныя, которая назначила ей высокое мѣсто въ своихъ религиозныхъ учрежденіяхъ. Только Греція возимѣла эту мысль, коей Римъ, споль много подражавшій Греціи, не привялъ, ибо Эпрусское священнослуженіе и паприціанскій понтификалъ Рима не дозволяли ему принять сей мысли.

Какое вліяніе имѣло эпо священнослуженіе на жребій Грековъ? Намъ кажется, что изслѣдованіе сего предмета должно представить много любопытнаго и достопримѣчательнаго.

Но прежде всего скажемъ, что въ исторіи

Греческой жрицы мы не ищемъ разрѣшенія вопроса: должна ли женщина совершать публичное и официальное священнослуженіе? Для насъ эпопъ вопросъ не имѣеть даже смысла. Мы думаемъ только, что въ исторіи Греческой жрицы найдемъ нѣкоторыя указанія на счепъ нравственнаго священнослуженія, общеспвеннаго понпификаца, для исполненія коего женщины предопредѣлены и которое всѣ государспва должны бы ввести у себя, если желаютъ сохранить нравы и вѣру. Вотъ чего мы ищемъ.

Женщина была въ Греціи почти всѣмъ, чѣмъ она бытъ должна. Въ домашнемъ быпу, подъ ея распоряженіемъ, находилась вся экономія и промышленность дома; она начальспвовала цѣлымъ департаментомъ, чуждымъ для мужчины, гинекеемъ. Въ храмѣ была она жрицей. Въ храма и дома не значила ничего; ничего въ мірѣ политическомъ и липерапурномъ, ничего на сценѣ псапра. Извѣспно, что въ псапрѣ Грековъ роли женщинъ опправлялись мужчинами, въ парсперѣ же для дамъ было назначено особенное мѣспо, удаленное опъ мужчинъ и женщинъ, извѣспныхъ худымъ поведеніемъ. Только одна Греческая женщина имѣла у себя госпиную, гдѣ сходились полипики и философы. Эпо была Аспазія; но Аспазія была *гетера*; ея госпиная соспавляла блиспапѣльное исключеніе, которому много придавали посѣщенія Перикла; за по другой

уже и не было въ Греціи. Вообще госпиная еспь принадлежноспь времени новѣйшаго. Она учреждена и дарована женщинѣ въ вознагражде- ніе за ея уничтоженіе. Время изгнало ее изъ свя- пилица, гдѣ она прежде царспвовала; лишило важной часпи даже домашняго владычеспва; и пеперь ей оспалось полько вліяніе рѣчей, при- мѣра, манерь, однимъ словомъ вліяніе предспави- пельноспи; она неминуемо принуждена взяпсья за управленіе мнѣніемъ; въ чемъ и соспоипть управленіе новѣйшими нравами. Но, какъ всякая другая власпь, пакъ и женщина упрापила свои привиллегіи, перешедши изъ условій, при коихъ владычеспвовала, въ условія, при коихъ должна рассуждать. Не скажемъ, чпобы сей резуль- паптъ былъ слѣдспвіемъ ея паденія или похи- щенія у ней власпи; не думаемъ, чпобы опть кого либо зависѣло содѣйспвовать сему резульпа- ту или воспрепятспвовать ему; утверждаемъ полько, чпю резульпаптъ сей существуетъ, и сравниваемъ его съ прежнимъ другимъ состояні- емъ. Но воспоминаніями о семъ блиспапельномъ состояніи мы думаемъ доказатъ, чпю нравспвен- ное вліяніе женщины въ новѣйшемъ общеспвѣ очень мало значипть въ сравненіи съ пѣмъ, чѣмъ оно было въ общеспвѣ древнемъ; чпю важнѣйшее мѣспо въ нашихъ нравахъ занято ею не вполнѣ; чпю еспь для женщины въ новѣйшее время на- значеніе славное, коимъ полько пользовапсья она,

къ сожалѣнію, не слишкомъ заботятся; что наши желанія и учрежденія призываютъ ее къ священнослуженію; хотя не официальному, а численно только нравственному, но которое пѣтъ не менѣе величественно и должно смѣло слѣдовать по пути благороднаго понтификата древней жрицы.

Какую же роль играли жрицы въ Греціи? Просмотримъ нѣкоторыя подробности относительно ихъ числа и свойства обязанностей.

Въ вѣкахъ славы и могущества Греціи, число женщинъ, оправдавшихъ обязанности священнослуженія, для совершенія религіозныхъ обрядовъ, было весьма велико.

Правда, что женщины по причинамъ, кои почти весьма легко, были исключены изъ храмовъ Марса, Меркурія и Вулкана; но были жрицами Юпитера, Аполлона, Нептуна, Діонисія, Юноны, Цереры, Прозерпины, Венеры, Минервы, Діаны; то есть были приобщены къ важнѣйшимъ религіознымъ учрежденіямъ такой націи, которая всегда была шипомъ цивилизаціи. Известно, что Юпитеръ былъ богъ первенствующій, а паинства Цереры, Прозерпины и Діониса, важнѣйшія изъ всѣхъ паинствъ. Храмъ Юпитера Олимпійскаго въ Элидѣ, изъ коего женщины были исключены, никогда не былъ славнѣе Додонскаго и едва могъ соперничествовать съ храмами Аполлона

въ Дельфахъ, Цереры въ Элевзисѣ, Минервы въ Аѣинахъ, Діаны въ Эфесѣ. Едва мальмиъ чѣмъ превосходилъ онъ храмъ Юноны въ Эгинѣ. Чпо касается до нравспвеннаго вліянія, то ни одинъ храмъ не равнялся съ храмомъ Венеры въ Коринѣ, гдѣ священнослуженіе опсправлялось одними женщинами.

И пакъ въ рукахъ женщинъ находилось, если не полное и прямое жречество, то по крайней мѣрѣ косвенное священнодѣйспвіе въ славнѣйшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ храмахъ Греціи. Велико ли было число ихъ въ храмахъ, гдѣ онѣ служили? На это упвердительно опвѣчать не лзя, по причинѣ пераднїя древнихъ о спаписстикѣ, ихъ нозпическаго пренебреженїя къ цифрамъ. Однакожѣ пѣ изъ нашихъ чипапелей, кои знаютъ сколько нибудь Павзанїа, писавшаго записки свои на развалинахъ своего опечества, вспомяпѣ о множествѣ капищъ и храмовъ, имъ изчисляемыхъ, и еспественно заключапѣ, чпо если Греція въ сію эпоху упадка имѣла пакъ много храмовъ, то во времена могущества своего долженспвовала быпѣ покрыта ими. Большая часть сихъ храмовъ была посвящена Минервѣ, Аполлону, Діанѣ, Венерѣ, божествамъ, при коихъ священнодѣйспвовали женщины. Ежели число жрищъ, находившихся при сихъ храмахъ, и не было весьма велико, то было по крайней мѣрѣ пакъ значипельно, чпо могло предспавляпѣ *поприще* Гречанкамъ всѣхъ сословїи и

возрасповѣ, желавшимъ приниматъ на себя *об-
щественныя обязанности*.

Если бы судить о храмахъ Греціи по количеству женщинъ, служившихъ въ храмахъ Азіи, гдѣ при иныхъ находились онѣ тысячами, между прочимъ при Команскомъ * до шестидесяти тысячъ, то можно бы было заключить, что семейства безлюдны, отдавая своихъ дѣвъ и мащонъ въ храмы. Но подобнаго излишества, употребительнаго у варваровъ, нельзя ожидать отъ Грековъ. Чистота и прелесть вкуса, отличавшая Эллинскіе народы, не позволяяетъ думать, чтобы они пакъ *растогали* своихъ женщинъ и унижали ихъ священнослуженіе. Тайна глубокаго вліянія всѣхъ должностныхъ людей заключается именно въ знаніи точной, опредѣленной мѣры между двумя крайностями. И намъ извѣстно, что хотя число женщинъ, служившихъ при нѣкопорыхъ Греческихъ храмахъ, было довольно значительное, однако же количество наспоющихъ жрицъ было не весьма велико.

Въ самомъ дѣлѣ должно строго различать степени сего женскаго жречества.

Первый классъ состоялъ изъ весьма малаго числа верховныхъ жрицъ, во впоромъ находились простыя жрицы: ихъ было нѣсколько болѣе; къ прешьему причислялись ггеродулы или свя-

* Въ Каппадокіи.

щенныя дѣвы, коихъ ни коимъ образомъ не должно смѣшивать съ проспыми прислужницами: сіи послѣднія вообще имѣли много почекъ соприкосновенія съ мірянами и число ихъ было чрезвычайно велико.

Въ сихъ различныхъ классахъ жриць и священныхъ дѣвъ должно еще различать пѣхъ, кои постоянно опправляли богослуженіе, опть пѣхъ, кои, по набожності или изъ пищеславія, при случаѣ извѣстныхъ празднествъ, приходомъ своимъ неожиданно увеличивали священные хоры.

Разумѣется, что при такихъ случайныхъ, произвольныхъ приращеніяхъ, число жриць часто превосходило число жрецовъ, которое никогда такимъ внезапнымъ образомъ не увеличивалось.

Но число наспоющихъ жриць и главныхъ пиониссъ въ Додонѣ, Дельфахъ, Іосѣ, Аргосѣ, Амikleѣ, соспоало только изъ двухъ или трехъ. Жриць при Спартанскомъ храмѣ, посвященномъ двумъ дочерямъ Аполлона, въроятно, было также не болѣе. Дабы сохранить сколько нибудь важности, оракуламъ Аполлона, Гилеры и Феbei, не нужно было большаго количества посредниковъ.

Если такъ мало было жриць у Аполлона, то у Діониса было ихъ еще менѣе. Правда, Греческій Діонисъ еспь позже, что Римскій Бахусъ; и, въ слѣдспвіе перваго впечатльнія, про-

извѣстнаго на насъ именованъ сего божества, невольно рождается вопросъ: что женщины могли имѣть общаго съ служеніемъ, при семъ богѣ опправляемымъ? Но извѣстно, что Греческій Діонисъ оппличался нѣсколько оппъ Римскаго Бахуса; его таинства, *Діонисіаки*, были такъ славны, что соперничествовали съ Элевзинскими. Для торжествованія сихъ таинствъ по потребности было великое число жриць.

Жрицы, кои управляли Діонисіаками или принимали въ нихъ участіе, раздѣлялись на три класса: мапроны или гереры (главныя начальницы священнослуженія), жрицы или оіады, наконецъ хоры вдохновенныхъ или вакханокъ. Въ одномъ храмѣ въ Афинахъ священнодѣйствовали четырнадцать мапронъ. Въ семъ храмѣ имѣлось четырнадцать алтарей; естественно въорбщенныхъ жриць и простыхъ гереруль было еще болѣе. Въ счастливѣйшее время Греціи, и пѣ и другія равно были уважаемы народомъ; и должно весьма осперегаться, дабы не смѣшиваць ихъ въковъ съ пѣми, коихъ нравы описывалъ Аристофанъ и авторы, руководствовавшіе знаменипаго Г. Пау въ его печальныхъ розысканіяхъ о Грекахъ. Испорія сохранила разишельную черту уваженія, коимъ пользовались въ религіозные вѣка жрицы и вакханки Діониса. Однажды, во время священной войны, увлеченныя энтузіаз-

момъ своимъ до города Амфиссы, онъ загнули пачь на рынкѣ. Топчасъ, дабы сонъ ихъ не былъ нарушенъ, городскія женщины спали вокругъ нихъ и приказали мужьямъ своимъ, какъ говоритъ Плупархъ, бытъ въ готовности проводить ихъ, какъ скоро онъ проснупся.

При празднеспвахъ и поржеспвенныхъ шеспвіяхъ Діонисіакъ всегда присупспвовали избранійшія женщины; ибо въ сихъ пачнспвахъ, какъ и въ Элевзинскихъ, дѣло шло о Богѣ и мірѣ, о созданіи и Провидѣніи, о геніяхъ покровипеляхъ челоуька, о послѣдней судьбѣ и воздушномъ переселеніи души въ ея небесное оппечспво. А въ вопросахъ пачого рода умъ челоуьческій всегда принималъ большое участіе.

Если при священнослуженіи Діониса упопрѣблялось сполько жриць, то должно ли удивляпсья, что въ храмахъ Цереры и Прозерпины попребно ихъ было еще болзе? Таинспва сихъ божеспвъ пачже касались важнѣйшихъ вопросовъ. Произхожденіе челоуька, его жребій въ семъ мірѣ и въ будущемъ, законы гражданскіе и религіозные, управляющіе обоими мірами, искусствва, украшающія адъшній міръ, добродѣтели, дарующія право на блаженспво въ будущемъ: вопъ высокіе предметы Элевзинскихъ пачнспвъ, самыхъ величеспвен-

нѣйшихъ въ Греціи. За по священнослуженіе Цереры всего болѣе уважалось. Ничпо не имѣло сполько вліянія на нравспвенную судьбу Грековъ; всѣ они благоговѣли предъ симъ свяпилищемъ, всѣ были обязаны, хопя въ послѣдній годъ жизни, бытъ приобщены къ таинспвамъ онаго. Правда, нѣкоторые философы не пребовали ихъ и оказывали къ нимъ пренебреженіе; но такоого рода изключенія принимались всегда народомъ *очень худо* и были весьма рѣдки. Онѣ вспрѣчаюпся шолько въ помъ вѣкъ сомнѣнія и скепшицизма, который погубилъ Грецію. При первомъ признакъ упадка религін, философы постѣшили дапъ собою примѣръ вѣрованія и покорности древнимъ учрежденіямъ опечеспа; они снова воспріали иго своихъ жрецовъ, никогда не бывшее пягоспнымъ для народовъ Греческихъ, подобно игу жрецовъ Воспочныхъ и Египепскихъ.

Извѣспно, чпо таинспва Элевзинскія раздѣлялись на *малыя* и *большія*. Мы не знаемъ, какое учаспіе принимали жрицы въ малыхъ; но въ большихъ играли равную роль съ жрецами. Подобно симъ послѣднимъ, онѣ были раздѣлены на нѣсколько классовъ: на гіерофанпидъ, мепрополей или мелиссъ, өисіадъ и проспыхъ гіеродуль. Къ симъ классамъ жречеспа безсмѣннаго должно причислипъ еще одинъ,

и припомъ многочисленнѣйшій. Надобно знать, что празднества Элевзинскія составляли въ нѣкопоромъ смыслѣ годичный юбилей гражданственности: послѣ нихъ совершались браки, начиналось вновь земледѣліе. Священныя шествія, есемофоріи, принадлежали къ числу важнѣйшихъ обрядовъ сихъ празднествъ; и женщины, игравшія важнѣйшую въ оныхъ роль, кои избирались нарочно для сихъ случаевъ и назывались *есемофоріазусами*, часпо записывали самыхъ жриць Элевзинскихъ.

Жрицы Юноны были не такъ блистательны; однакожь и ихъ весьма уважали. Храмы сей богини: Аргосскій, Навплійскій, Самосскій, Ипомскій, Эгіійскій въ Ахаіи и Ипонійскій, не уступали славнѣйшимъ капищамъ. Мы мало имѣемъ свѣденій о жрицахъ, служившихъ въ сихъ храмахъ, но знаемъ, что при храмѣ Элиса * находилось шестнадцать мапронъ.

Для служенія Юнонѣ прѣбывалось не много жриць. Величіе супруги верховнаго бога записывалось совершенно величіемъ ея супруга. Сверхъ того поклоненіе ей никогда не было общенародно; пому причиною была не одна аристократическая гордость сей богини, но

* Столица Элиды на берегахъ Пенел; нынѣ Калоскопи или Бельведеръ.

преимущественно по , что въ вѣдѣніи Юноны не скрывалось ни одной изъ важныхъ идей философіи, религіи, политики или морали, кои занимають умъ человѣка и современъ.

Не по было относительно поклоненія Минервы, Венеры, Діаны. И послѣдняя была маловажная изъ сихъ прехъ богинь, кои вмѣстѣ съ Церерой и Аполлономъ моглибъ для насъ объяснить всю религіозную Грецію. Однакожь и Діана имѣла также храмы и жриць: въ Аппикѣ, Лаконіи, Папрасѣ, близъ Орхомена, въ Эгирѣ, Орпигіи, на островахъ Критѣ и Занпѣ, въ Эфесѣ и спа другихъ городахъ. Можно утвердительно сказать, что жриць Діаны было довольно много; чтожь касается до Минервы и Венеры, по кажется и говорить о томъ нечего. Нѣтъ сомнѣнія, что сіи богини имѣли ихъ весьма много, даже можетъ быть слишкомъ много. Въ нѣкоторыхъ Венериныхъ храмахъ служили мужчины, но другіе были предоспавлены единственно жѣнщинамъ, и дерзновенный, осмѣливавшійся проникать въ оныя, немедленно наказывался смертію: на это существовали положительныя законы. Храмы Минервы не такъ были недоступны мужчинамъ; но изъ храмовъ Діаны они были рѣшительно исключены. Правда, въ Эфесскомъ Артемизіонѣ находимъ мы вмѣстѣ и жрецовъ и жриць, но по извѣстнымъ Азіатскимъ обыча-

ямъ жрецы сіи принадлежали къ *особой категоріи*.

Соображая многочисленность храмовъ Минервы, Діаны и Венеры, празднества, поржеспвенныя процессіи, пляски, пѣсни, хоры, коихъ пребовало поклоненіе симъ божеспвамъ въ Коринѣѣ, Аѣинахъ, въ священныхъ рощахъ Циперы и Пифоса, въ храмахъ и рощахъ Малой-Азіи и Великой-Греціи, можемъ смѣло извлечь заключеніе, что число жриць доспапочно было для удовольворенія женскому чесполюбію всей націи.

Прибавимъ еще, что въ семъ обзорніи мы не упомянули ни слова о нѣкопорыхъ храмахъ, посвященныхъ Непсуну, Геркулесу, Геѣ, Лапонѣ и Люцинѣ, ни о храмахъ Эвменидѣ, гдѣ служили также жрицы.

(окончаніе слѣдуетъ).

IV.

ЗОЛОТОЙ САМОРОДОКЪ.

(Разсказъ Сибиряка).

ПОСВЯЩЕНО Г. О. КВИТКЪ.

Чудная, спранныя вещь — золопо! Съ пѣхъ поръ, какъ улопробленіе сдѣлало его земнымъ божеспвомъ, какихъ заботъ, какихъ бѣдъ спопитъ оно человѣчеспву! Нѣпъ уголка въ мірѣ, гдѣ бы не жерпвовали ему, гдѣ бы не признавали владычеспва его надъ собою: оно, какъ рычагаъ Архимедовъ, приводитъ въ дѣйспвіе великолѣпные замыслы, управляетъ судьбою народовъ, разводитъ и соединяетъ друзей; дурака дѣлаетъ умнымъ, умнаго дуракомъ; ученаго спавитъ на мѣспъ невѣжды, невѣжду возноситъ на верхъ почеспей. Чудная, спранныя вещь — золопо! Герой безъ него — ничпо! Даже свящспнныя связи сердца: любовь и дружба (гореп-

спная истина!) укрѣпляются имъ, пребывая въ его помощи. Богачъ, упоающій въ роскоши, и бѣднякъ, едва свискивающій въ погѣ лица своего дневное пропитаніе, равно смотрятъ на него, какъ на средство существованія: оно, какъ божественная гармонія, увеселяетъ слухъ перваго громомъ полновѣсныхъ червонцевъ и, какъ демонъ мучитель, ослѣпительно блещетъ въ глазахъ послѣдняго; льстятъ ему, смѣются надъ нимъ, убѣгаютъ его.

Вотъ случай, рассказанный мнѣ, въ проѣздѣ мой черезъ Уралъ, однимъ моимъ пріятелемъ, Екатеринбургскимъ жителемъ, гдѣ золото, эпошъ идолъ рода человѣческаго, по спранныму спеченію обстоятельство, направляя шаги порока, предаетъ его попомъ въ руки правосудія. Рассказъ эпошъ — *быль не быль, одна-кожъ и не сказка* — измѣненъ мною нѣсколько въ частности; но главныя обстоятельства сохранены въ томъ же видѣ.

§ 1.

Баронъ фонъ - Талмеръ, одинъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ частныхъ заводовъ хребта Уральскаго, человѣкъ одинокій, жившій очень скромно, имѣлъ между разными рѣдкостями самородокъ чистаго золота, необыкновенный и по величинѣ и по вѣсу. Драгоценный кусокъ! Въ

какой онъ былъ извѣстности, чести и славы! Казалось, у самого обладателя его не было сполько знакомыхъ, сполько друзей; — ну, словомъ, какъ говоришь Крыловъ,

Кто къ нему подсядесть,
То вѣрно ужь его попреплещь или погладить.

Вдругъ новость: Баронъ фон-Таллеръ убитъ, — драгоценность похищена! !..

Шумъ, розыскъ. Но всѣ спаранія спюокаго Аргуса, Горной Полици, опкрыль виновнаго — были напрасны: изъ всѣхъ посѣпипедей Барона клеймо подозрѣнiя не могло запяпнапъ ни одного: всѣ были люди случайные, богачье, извѣстные своею честностию; имъ не было никакой выгоды обременять совѣсть и душу подобнымъ злодѣйствомъ. Могли бы еще подозрѣвать домашнихъ слугъ, но каждый шагъ ихъ былъ повѣренъ, взвѣшенъ самымъ спрогимъ розыскомъ и — остался чистъ.

Дѣло предано волю Божіей.

=

» Чпо же? птѣмъ и повѣсть кончилась? «

— Погодите. Это еще прелюдiя. Завязка по-лькѣ чпо началась.

§ 2.

Дѣйствіе въ Екатеринбургѣ, чрезъ пол-года послѣ разсказаннаго нами событія.

Вы не знаете баловъ или вечернихъ собраній, бывающихъ въ нашихъ опдаленныхъ опъ столицъ городахъ? Тамъ веселятся по старинѣ — веселятся еще лучше, нежели въ столицахъ. Красавицы также чувствительны къ поэзіи, какъ и въ столицахъ; также постигаютъ красоты первоклассныхъ нашихъ писателей; также радуются выходу хорошихъ журналовъ. Проѣздъ Алябьева, нашего сѣвернаго гвѣзда, для нихъ также составляетъ эпоху: долго еще послѣ него нѣжные пальцы ихъ перебѣгаютъ по клавицамъ рояля и подъ согласный аккордъ его, прелестныя уста ихъ повпоряютъ пѣсни лучшихъ нашихъ поэтовъ. Грудь красавицы волнуется, звуки пѣсни приходятся ей по сердцу или наводятъ на тайную душевную думу... она задумывается, легкой румянецъ мгновеннымъ пламенемъ вспыхиваетъ на лицѣ ея и — слеза, чистая, божественная слеза, блеститъ на густой ея рѣсницѣ. Единогласный ободрительный ропотъ пробуждаетъ прекрасную опъ забвенія и переноситъ изъ міра идеальнаго въ міръ дѣйствительный къ новымъ очарованіямъ...

Словомъ, знаемъ, гдѣ общесство извѣстно на

перечепъ, вы найдете болѣе жизни, болѣе души и менѣе эпой гордоспи, споль кичливой, споль аристокрапически разъединяющей сословія; памъ вы увидите въ одной бесѣдѣ и чиновника и гражданина; памъ вы встрѣпите вмѣспѣ и милую барышню и купеческую дочь, одѣпыхъ одинаково по послѣдней карпинкѣ моднаго журнала; одинаково рисующихся въ рѣзвой мазуркѣ или лепучемъ галопадѣ. Таковъ или *почти* таковъ бытъ всѣхъ Уральскихъ и за - Уральскихъ городовъ, гдѣ еще и донинѣ сохраняется во всей чистотѣ добрая Русская старина и добрые Русскіе нравы; гдѣ власпительница мода перемѣняетъ одинъ шолько покрой плашья, а не души, не сердца.

Въ числѣ лучшихъ, блиспапельныхъ вечернихъ собраній того года, послѣ Рождества, были пѣ, которья давалъ содержапель золотыхъ промысловъ * * *.

На одномъ изъ нихъ, взоры всѣхъ обращены были на спапнаго, молодаго человекъ изъ военныхъ. Онъ былъ приѣзжій. Шпаб - офицерскіе эполеты и синій мундиръ съ эксель-банпомъ имѣли магическое значеніе для пѣхъ, чья совѣспь спрадала насморкомъ; а опкрытое, благородное лице его, ловкосп въ пріемахъ, показывали въ немъ человекъ свѣпскаго, образованнаго. Въ нѣсколько минушъ онъ успѣлъ со всѣ-

ми познакомились, успѣлъ всѣхъ заинтересовать собою, успѣлъ получить нѣсколько приглашеній на вечерній чай въ семейномъ кругу. Для него, казалось, все это было дѣломъ обыкновеннымъ.

» Какъ онъ милъ! « говорили между собою замужнія.

— » Какъ онъ милъ! « думали про себя дѣвушки, любясь, украдкой, на его черныя усы, орлиный носъ и выразительные масляные глаза, гдѣ, казалось, помѣщена была цѣлая бапарея сердечныхъ выпрѣловъ.

Начались танцы. Польскій, кадрили, мазурки, подъ громъ музыки смѣнялись, какъ волшебная фанпазмагорія. Знакомецъ нашъ былъ душею ихъ. Онъ могъ удосповѣриться въ томъ по предпочтенію, которое оказывали ему дамы, выбирая его на танцы. Но между многими, и очень прелестными, эспепическое чувство его, а можетъ быть что и другое, оплчило только *одну*: онъ пригласилъ ее на копильонъ.

Кпо жъ эта *одна*? Легкая, ээирная, молнійная, какъ сама радость!.. Имя ее не заключало въ себѣ ничего романпического: подруги называли ее просто *Татълной*, даже *Танилкою*; но поэтъ могъ бы сказать, что это воздушное существо — Пери, спорхнувшая на землю, чпобъ очаровать, плѣнить и улешъшь. Онъ могъ бы смѣло сказать:

Она плѣнительно — жива,
 Она плѣнительно — игрива.
 Какъ свѣтлой радуги канва
 Надъ чистымъ зеркаломъ залива!

Она была вмѣстѣ Живопись, Поэзія и Музыка! Въ шестнадцать лѣтъ, роза красопою, единственная наследница богатаго отца! Эпого было доспапочно для самаго избалованнаго жениха въ нашъ вѣкъ, вѣкъ разсчета и, — простите мнѣ, господа корысполубивые искапели невѣстѣ — вѣкъ моднаго эгоизма! . . .

Баль приближался къ концу. Музыка безконечнаго кошмьлона умирающими звуками выражала что-то смущенное, неопредѣленное. Какъ бы скучая танцами и почти лѣнливо исполняя свою очередь, каждый изъ кавалеровъ, описавъ завѣщный кругъ вальса, спѣшилъ опдохнуть подлѣ своей дамы, въ живомъ, разсмычапомъ разговорѣ и лепучей мнѣ комплиментовъ. Уединясь въ углубленіе окна, подлѣ общій шумокъ, приѣзжій пламенною рѣкою чувствъ и выражений изливался передъ своею избранною. . .

Дѣвушка въ шестнадцать лѣтъ есть нѣчто чудное, фантастическое. Это ангель и демонъ, мука и улажденіе! Если вы еще ни чѣмъ не заняты, если цѣль жизни вашей не опредѣлена, вы тогда смоприните на эту дѣвушку сквозь призму сердца. Она горитъ въ вашемъ воображеніи пушеводною звѣздочкой, цвѣтень завѣщ-

ной радугой, украшаетъ даль вашу розами радости; вы вѣрите эпою звѣздочкѣ, влюблены въ эту радугу, льнете всею мыслию къ эпимъ розамъ!.. Такъ глядитъ на эту дѣвушку юноша полный жизни, полный силы; такъ глядитъ на нее мущина, уже опытный въ наспоющемъ. Такъ, казалось, глядѣлъ на Таню и — приѣзжій.

Тайны копиллона извѣстны, можетъ быть, однимъ только посвященнымъ въ нихъ. Для пѣхъ, кто не знакомъ съ эпими пайнами, можно промолвиться, что копиллонъ часто заключаетъ въ себѣ цѣлую жизнь женщины: она какъ мгновенный цвѣтъ развивается, цвѣтетъ и опцвѣщаетъ въ немъ. Первый предметъ, котораго заранѣе обрисовывало ея воображеніе, съ копорымъ заранѣе сжилась душа ея, пѣжная, кропкая, мягкая, какъ воскъ; эпою предметъ, представляющійся ей такъ приманчиво, такъ обольстительно, чаруетъ, увлекаетъ ее — и судьба ея рѣшена: она его!... Она его, не думая, не разсуждая о важности своей жертвы; она его — хопя бы громъ небесный гремѣлъ въ слухъ ея проклятіемъ; хопя бы взоры всего свѣта успремлены были на нее, со всею язвительностию ядовитой насмѣшки; хопя бы будущность не обѣщала ей ничего опрадного, ничего кромѣ гибели! Мнѣніе свѣта

для ней ничпожно; любимый предметъ, ея передъ нею: она его — его навѣки!

Таковы женщины; пакова была и Таня. — Мы не знаемъ, что говорилъ ей въ продолженіи кошильона, чѣмъ увлекъ ее приѣзжій; но участь ея въ пошъ же вечеръ была рѣшена.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того — скажупъ, можетъ быть, очень скоро, но пакъ часто бываепъ въ свѣпъ; сердце невольно въ выборъ; оно дѣлаепъ по, что приказываюпъ ему чувспва; чувспва говорили Танѣ за приѣзжаго: онъ пакъ милъ, пакъ благороденъ; онъ вмѣспъ съ любовью предлагалъ ей руку свою — чего-жъ болѣе? — черезъ нѣсколько дней она дала слово принадлежапъ ему одному, ему — или никому въ мірѣ! . . .

Но, избранный ею бѣденъ; онъ не посмѣепъ открьпъся опцу ея; не посмѣепъ попребовать руки ея. Отецъ ея, спарикъ гордый до эгоизма, холодный до низоспи, заняпъ однимъ полько своимъ богапспвомъ, въ немъ одномъ полько поспавляетъ свое благо. По мнѣнію его, женихъ, ничего не имѣющій, дочери его не пара. Надлежитъ пропивъ этого взять мѣры — и вопъ положено: Викпоръ * * * (имя приѣзжаго) обвѣнчается съ Танею тайно въ ближнемъ селѣ, гдѣ все для того будетъ приготовлено;

попомъ вмѣстѣ падуть къ ногамъ оскорбленнаго спарика — и, въ чемъ нельзя сомнѣваться, вымолятъ, испоргнувъ прощеніе своей невинной, но необходимой хипроспи! А между тѣмъ на всякой случай, Таня заблаговременно обезпечитъ свою будущность, взявъ у опца пихонько хопя часъ пого, что могло принадлежать ей по праву наслѣдства — бриліанты, перспни, кольца, деньги. . .

Заговоръ скрѣпленъ поцѣлуемъ, жаркимъ, пламеннымъ поцѣлуемъ, элекпрически пробѣжавшимъ по всѣмъ членамъ молодой дѣвушки, со всею пылкостью юной души, предавшейся еще новой, неизвѣстной допѣль ей спраспи! . .

§ 3.

Черезъ нѣсколько дней, въ позднія вечернія сумерки, къ калипкѣ каменнаго дому купца *** пихо подѣхала дорожная бричка. Послѣдовалъ легкій ударъ въ желѣзное кольцо. На эптопъ условленный знакъ выпшла дѣвушка, скромно одѣтая, съ узелкомъ подъ мышкою. . . Она робко озиралась и оглядывалась во всѣ споронны, какъ будто чего-то опасаясь. . . Эпа дѣвушка была Таня. Въ бричкѣ сидѣлъ мущина —

эпо былъ ея Викторъ. Взглянувъ на узелокъ въ рукахъ дѣвушки, онъ подаль ей руку, помогъ сѣсть въ бричку и обвилъ ее рукою.

» Пошелъ! «

Гусиная пыль взвилась клубомъ по слѣду.

» Все ли взяпо, милочка? «

— Все, другъ мой!

» Кольца, брилліанпы? « . .

— Все, все милой! Даже любимые папінкины золотые самородки.

При словѣ: *самородки*, радостная улыбка блеснула на лицѣ Виктора.

» Направо! « закричалъ онъ кучеру.

— Но дорога въ село * * * ведетъ на лѣво, мой милый!

» Ничего! мы должны имѣть свидѣтеля при нашемъ вѣнчаньи. Вѣдь нельзяжъ иначе: безъ свидѣтелей свадьбу нашу могутъ счесть недѣйствительною. Здѣшній полицмейстеръ другъ мнѣ: онъ не откажетъ быть нашимъ свидѣтелемъ — мы заѣдемъ къ нему. «

Дѣвушка, препенца, склонила прелестную бѣлокурую головку къ плечу своего любезнаго. Сердце въ ней сильно билось, какъ будто предчувствуя что-то ужасное.

Бричка оспановилась у дому полицмейстера.

» Чесъ имѣю представить вамъ мою суженую! « сказалъ женихъ Тани, вводя ее, пре-

пешущую, за руку въ пріемную комнату полицмейстера.

— » Милости просимъ! « сказалъ полицмейстеръ. » Я давно знаю Тапьяну Ивановну и радъ служить ей, чѣмъ только могу. Чпо прикажете угодно? «

» Сдѣлайте намъ честь принять на себя трудъ быть свидѣтелемъ нашего вѣнчальнаго обряда; а между тѣмъ *разсмотреть* ея приданое — вопль въ эпомъ узль. «

— » Съ большимъ удовольствіемъ! « отвѣчала полицмейстеръ. — » О, да какой же тяже-лой! « сказалъ онъ, принимая узль изъ рукъ Тани. » Но прежде всего, по праву свидѣя, я долженъ спросить васъ Тапьяна Ивановна, кому принадлежатъ всѣ эти вещи, которыя находятся въ вашемъ узль? «

» Папинькъ! « отвѣчала она.

— » Точно ли такъ? « —

» Совершенная правда. «

Тутъ развязали узль: въ немъ находились брилланты, кольца, серги и...извѣстный самородокъ, принадлежавшій несчастному Барону фон-Таллеру.

Женихъ и полицмейстеръ значительно взглянули другъ на друга. . .

— » Татьяна Ивановна! пожалуйте на время
въ эту комнату. «

Она вышла.

=

Через четверть часа, по зву, явился опецъ
Тани.

— » Ипакъ, Иванъ Пепровичъ! въ городѣ
нѣтъ никакихъ слѣдовъ къ опкрытію убійцы
нашего Барона? «

» Да! « отвѣчалъ Иванъ Пепровичъ: » я ни-
чего не знаю. «

— » Но пресупленіе, какъ бы оно ни было
совершено тайно, рано или поздно — поль-
ко всегда опкрывается! « сказалъ полицмей-
сперъ. » Мы опкрыли убійцу Барона: убійца
эпопъ — пы! Вопъ пвой обличипель. « — Съ
эпимъ словомъ онъ поднялъ плапокъ, копо-
рымъ покрытъ былъ похищенный самородокъ. —
» Не лицемѣрь и признайся! « —

При взглядѣ на него, Иванъ Пепровичъ из-
мѣнился въ лицѣ, ноги подъ нимъ подкосились.
— » Чпо дѣлашь? мой грѣхъ ко мнѣ и при-
шелъ! « проговорилъ онъ съ препепомъ; и
полное признаніе въ совершенномъ тайно зло-

дѣянїи измилось изъ успѣ, обличеннаго преслупника.

Чишапели могутъ представитъ себѣ положеніе несчастной дѣвушки, которая была, какъ бы указательнымъ перстомъ Провидѣнія къ опкрѣпїю, совершеннаго опцомъ ея, злодѣйства. . .

Такія сцены не описываются!

§ 4.

Года два назадъ тому, проѣзжая изъ Сибири въ Украину черезъ Екатеринбургъ, я остановился въ немъ на нѣсколько дней изъ любопытства.

Съ дозволенія Горнаго Начальника, я осматривалъ Монетный Дворъ, гранильную фабрику и множество занимательныхъ вещей, которыхъ значеніе объяснял мнѣ одинъ изъ горныхъ чиновниковъ. Смущенный громъ молотовъ, вой пламени, шумъ водъ, еще и теперь поражаютъ слухъ мой. Множество колесъ, машинъ, приводимыхъ въ движеніе золотоносою Исеью, которую искусство и дѣятельность генія подчинили пломинѣ; великолѣпныя вазы, канделябры и другія вещи, приготовляемыя для

украшенія царскихъ черпоговъ, мраморы разныхъ родовъ, драгоценные камни, принимающіе подъ рѣзцомъ и полировкой лучшій видъ и превосходныя формы; эспепическій вкусъ во всемъ, даже въ самыхъ бездѣлкахъ... все это увлекало меня воображеніемъ въ счастливыя вѣки Греціи и Рима! Геній искусствъ и художествъ, казалось мнѣ, переселился въ сумрачную Сибирь, чпо бы опполъ повергалъ къ спопамъ Царя Бѣлаго неизчерпаемыя богатства ея, въ видѣ dospойномъ цѣны ихъ. Я осматривалъ городъ, его живописныя окрестности; любовался Исаепскимъ прудомъ, въ ясномъ зеркалѣ коего смотрялся лучшій городскій зданія; гулялъ въ общеспвенномъ саду, гдѣ гремѣла опличная музыка, и, по обыкновенію путешеспвенниковъ, посѣпилъ Ново-Тихвинскій женскій монастырь—эту обипель богатую зданіями; и упварью, гдѣ заключено сполько существъ умершихъ міру, опрекшихся опъ суепъ его, испоргнутыхъ изъ него рукою судьбы, снесшихъ сюда лучшія свои упованія.

Мрачный, величеспвенный храмъ, освѣщенный одною лампадою, приспа фигуръ, одѣтыхъ въ черное, живыхъ, но безмолвныхъ, неподвижныхъ, все вливало въ душу какой-то благоговѣнный препенъ; а хоръ дѣвъ,

посвященныхъ Христу, располагалъ ее къ небесному умиленію.

Меня въ особенності поразило пѣніе одной изъ сеспръ. Голосъ ея звучный, чистый и вмѣстѣ прогательный, казался мнѣ неземнымъ. Въ немъ все сливалось въ поржеспвенную пѣснь Херувима, все выражало опрадное упованіе въ будущемъ, споль упѣшительное для человѣка въ земномъ его изгнаніи. Я взглянулъ на поющую: по была дѣва красопы неизъяснимой, лучшая роза Божеспвеннаго Верпограда, олицетворенный идеаль небесной надежды, посьпившей землю въ видѣ Рафаелевой Мадоны! На лицѣ ея, украшенномъ всеми прелеспями юности, красопы и пріятности, сіяло тихое, кропкое спокойспвіе добродѣтели. Живописно обвивавшіе ея покровы гуспо закрывали прелеспную шею и скользили по плѣнипельнымъ округлеспямъ, обрисовывая спройный, волниспый спанъ. Длинное покрывало скромно накинупо было на лилейное чело; въ рукѣ, бѣлой какъ первый дѣвспвенный снѣгъ, съ умиленіемъ прижапой къ сердцу, былъ разогнуспый молишвенникъ. Взоры ея устремлены были на божеспвенную книгу — и въ эпомъ видѣ она предспавилась мнѣ живымъ изображеніемъ невинности. Я забылся: опчужденный мыслію опъ всего земнаго, я любовался уже одною ду-

шою прекрасной, я мечпалъ о мѣрѣ, въ копто-
рѣй она должна была, сбросивъ шлѣннуну свою
оболочку, воспарить изъ земнаго спранствія...

Эпопѣ чистѣй Херувимъ, эпа дѣва божесп-
венная, была — какъ я узналъ послѣ — героиня
моей повѣспи, . .

Изъ свѣта, полнаго волненья,
Сюда, покинувъ мѣрѣ земной,
Она прищда искапѣ спасенья
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой!...

ПУСТЫННИКЪ ЗАЛОПАНСКІЙ,

ХАРЬКОВЪ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

УСТРОЙСТВО

ВОЕННЫХЪ СИЛЪ ЕГИПТА

ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ

МЕГЕМЕТА - АЛИ.

Въ Египтѣ, по свойству его житей, власть наиудобнѣе можетъ быть сосредоточена въ однѣхъ рукахъ; и Мегеметъ-Али умѣлъ искусно воспользоваться симъ расположеніемъ, дабы сдѣлаться полнымъ владыкою сей обширной и плодотворной страны. Паша самъ управляетъ всѣмъ въ Египтѣ: военными и гражданскими дѣлами, устройствомъ морскихъ силъ и движеніями торговли. Съ самаго разсвѣта онъ при-

супспвуепть уже въ гавани, опкуда ѣдепть дѣлапть смопръ флоту; попомъ опсправляепся въ арсеналь, гдѣ принимаепть поперемянно чинѡвниковъ своего шпаба, главныхъ начальниковъ по гражданскому управленію и по торговымъ дѣламъ. По полудни возвращаепся онъ на рейду, гдѣ часпо посѣщаепть корабли, гопповые къ опплыптію. Оспальную часпть дня посвящаепть труду и соверпенію обязанностей религіозныхъ, копорья наблюдаепть съ примѣрной строгоспью.

Необыкновенное счастье Мегемета-Али извѣспно всѣмъ. Онъ родился въ Кавалѣ въ Румелии; лишившись еще въ ранней молодоспи отца своего, вспунилъ онъ въ службу при губернапорѣ Каваллы въ качеспвѣ сборщика подапей. По причинѣ уваженія, приобрѣпеннаго имъ въ семъ званіи, и богапой женипъбы, возвысился онъ до доспоинспва *билбати* или начальника бапальйона въ приспа человекъ, выпспавленнаго Кавальскимъ округомъ для арміи, посланной въ 1798 году въ Египепть проппивъ Французовъ. Форпуна пребыла ему върною съ поій самой минупы, какъ онъ спупилъ на сію землю, долженспвовавшую сдѣлапться нѣкогда поприщемъ его славы и могущества.

По смерпю Али-Бея въ 1779 году, Турки и Мамелюки оспоривали другъ у друга владычество надъ Египпомъ. Вся шакпика Мегемета-Али

заклучалась въ помя, чпобы ослаблять ихъ взаимно однихъ другими; ихъ взаимная борьба и послѣдовавшее чрезъ то обезсилеиіе пѣхъ и другихъ, проложили ему вѣрный путь къ утверждению своего могущества. Будучи посланъ съ Турецкой дивизіей противъ Мамелюковъ, онъ соединился съ сими послѣдними, пошелъ на Каиръ, откуда выгналъ губернатора, у коего находился подъ начальствомъ; а потомъ въ свою очередь выгналъ Мамелюковъ и снова призвалъ губернатора, прежде имъ изгнаннаго. Вскорѣ послѣ того запѣялъ онъ впайнѣ возмущеніе, при помощи коего возвысился на степень губернатора. Въ шакихъ проискахъ пропекла шесть лѣтъ; два года спустя, онъ уже преодолѣлъ всѣ препяпспвія и Диванъ призналъ его въ качествѣ Вице-Корсмя Египетскаго. Съ сихъ поръ для желѣзной воли его существовала одна цѣль: цивилизація страны, въ удѣлъ ему доставшейся. Онъ опразилъ съ величайшей энергіей и неслыханнымъ счастиемъ всѣ удары, нанесенные его могуществу, всѣ нападены на его области; припомъ каждая побѣда служила къ утверждению его власти внутри Египта и къ распространенію областей и въ онаго. Завоевавъ Мекку и Медину, сіи колыбели Исламизма, побѣдивъ Вехабитовъ, споль долго сопротивлявшихся Турецкимъ и Персидскимъ войскамъ, онъ приобрѣлъ уваженіе

и любовь правобѣрныхъ. На югъ, въ Нубіи, распространилъ онъ свои завоеванія далѣе древнихъ Грековъ и Персовъ. Извѣстно, съ какой ужасающей энергіей сокрушилъ онъ анархическую власть Мамелюковъ и положилъ конецъ ихъ возмущеніямъ.

Съ самаго того времени, какъ вся власть сосредоточилась въ его рукахъ, старался онъ образовывать Турецкія и Албанскія войска на Европейскій образецъ; сія новая дисциплина, не взирая на отвращеніе, которое чувствовалъ къ ней народъ, велась нѣсколько времени: ее поддерживали побѣды Мегемета-Али и спротивъ воспочнаго деспотизма; но за сію спротивъ вскорѣ послѣдовало ужасное мщеніе. Въ 1815 году войска взбунтовались, избили начальниковъ своихъ, разграбили Каиръ и принудили Мегемета искать спасенія единственно въ посѣщеніи бѣгства. Однакожъ, когда буря начала утихать, онъ снова явился и дѣйствовалъ въ сихъ прудныхъ обстоятельствахъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и благоразуміемъ. Не только не изъявилъ онъ малодушнаго страха, но самъ предсталъ предъ войсками, уговаривалъ ихъ войти опять въ повиновеніе, обѣщалъ не принуждать болѣе къ Европейской дисциплинѣ, вознаграждать купцовъ, коихъ магазины были разграблены, и даровать всеобщее прощеніе виновнымъ. Онъ вѣрно сдержалъ слово свое, но оспался при

намѣреніи образовавъ регулярную армію. Не надѣясь однакожь успѣть въ помѣ съ Турками и Албанцами, спалъ набиравъ другую армію изъ природныхъ жителей Египта. Онъ замѣпилъ, что главною причиною неудачи при первыхъ попыткахъ его въ этомъ отношеніи, были жестокія мѣры, имъ употребленныя; а попому отвергъ сію безразсудную систему; спалъ пещись о помѣ, дабы внушить народу охоту къ военному званію и такимъ образомъ склонилъ оный къ содѣйствию его преобразовательнымъ планамъ. Нынѣ Египетскія войска хорошо одѣты, исправно получаютъ жалованье; у нихъ есть прекрасный военный уставъ, преяспивующій совершенію малѣйшей несправедливости; всѣ даже самыя высшіе чины доступны каждому, но получаютъ ихъ только люди храбрые и отличившіеся дарованіями. Такимъ-по образомъ дисциплинировалъ онъ свои войска и внушилъ каждому солдату благопворное соревнованіе. Теперь онъ имѣетъ пѣхоту весьма хорошо выученную, кошорая побѣдами захопилась къ войнѣ; кавалерію, отлично выправленную, имѣющую отличныхъ лошадей; въ составъ сей кавалеріи имѣется прекрасный уланскій полкъ; у него есть артиллерія, хорошо снабженная, и рота Конгровыхъ ракетъ.

Недостаточно было бы для произведенія

сихъ великихъ результатовъ одной энергической воли Мегемета-Али и военныхъ дарованій его сына, еслибы онъ не привлекъ къ себѣ многихъ людей съ дарованіями, изгнанныхъ переворошами въ 1815 году изъ Франціи и въ 1823 изъ Италіи и Испаніи. Сіи жертвы паденія Наполеона и мятежей 1820 года, исполненныя храбрости, одаренныя племеннымъ воображеніемъ, алчно жаждущія приключеній, орудія удивительно полезныя для завоевателя, желающаго образовати народъ свой, полпами являлись въ Египетъ. Паша принималъ всѣхъ благосклонно, предлагалъ каждому должность, къ какой онъ считалъ себя способнымъ; но наиболѣе предпочиталъ тѣхъ, кои предлагали ему свои услуги для обученія новой его арміи. Сіи послѣдніе находили сверхъ того покровителя и друга въ прежнемъ офицерѣ Французской службы Севѣ, извѣстномъ нынѣ подъ именемъ Солиман-Бей и возведенномъ въ достоинство Пашы. Справедливостъ пребудетъ замѣтить, что не взирая на принятіе имъ Мусульманской религіи, сей мужественный воинъ умѣлъ заслужить уваженіе и Франковъ и Арабовъ Александрійскихъ. Другіе Европейцы, поселившіеся въ Египетъ, предлагали услуги свои Пашѣ въ качествѣ лѣкарей, аптекарей, купцовъ, ремесленниковъ и мореходцевъ; спрашивается всего, что многіе изъ нихъ, взявшись за должность, коей преж-

де еовсѣмъ не занимались, исполняютъ ее весьма хорошо.

Что касается до пѣхъ, кои по испытаніи оказывались неспособными къ дѣлу, за которое брались, по ихъ немедленно отпускавали. Такимъ образомъ Паша собралъ цѣлый корпусъ офицеровъ, которые изъ негодныхъ дополъ Арабовъ образовали армію регулярную, совершенно знающую дисциплину. Но не думайте, чтобы Египетскій солдатъ опличался величественнымъ видомъ и прекрасной выправкой. Представьте себѣ толпу несчастныхъ съ желпо-смуглымъ цвѣтомъ лица, покрытыхъ лохмотьями, марширующихъ скорымъ шагомъ при звукѣ флейпы и барабана, предшественныхъ однимъ изъ ихъ соопечеспвенниковъ, съ огромной палкой въ рукѣ: и вы будете имѣть понятіе о регулярной арміи Мегемпа-Али. Часовые не споятъ съ ружьемъ въ рукахъ, но сидятъ и курятъ, для препровожденія времени, пубку. У солдатовъ въ привычкѣ держатъ ружье за курокъ, что могло бы имѣть важныя неудобства, если бы ружья были всегда заряжены; но по счастью папроны раздаюць имъ только въ то самое время, когда нужно дѣйствовать; впрочемъ оружіе содержится у нихъ въ лучшемъ порядкѣ.

Арабскіе рекруты день опо дня болѣе и болѣе приохочиваются къ военному ремеслу; часто случается, что окончивъ ученіе сшрѣльбѣ

плуptionгами, упражняются они сами собою въ ружейныхъ приемахъ.

Наборъ рекрутъ для сухопутной и морской силы производится такимъ образомъ: Шеикамъ каждой Арабской деревни предписывается выспаивать въ опредѣленный срокъ извѣстное количество жипелей и выслать ихъ въ Каиръ или Александрію, смотря по тому, въ сухопутную ли армію или на флотъ они назначены. Шеика, котораго не можетъ смолна выспаивать назначеннаго ему числа, принуждаютъ самаго идти вмѣстѣ съ родными его, въ замѣнъ недоспающихъ рекрутъ. Сихъ несчастныхъ отправляютъ связанныхъ, дабы они не убѣжали. Но по прибытіи ихъ дѣлается совершенное превращеніе: вмѣсто лохмотьевъ надѣваютъ на нихъ довольно опрятный мундиръ, и ихъ характеръ перемѣняется вмѣстѣ съ платьемъ. Эти люди, которыхъ такъ трудно было привлечь подъ знамена, коимъ, до прибытія ихъ къ мѣсту назначенія, оказываемо было столько насилій, скоро получаютъ приспосабливаніе къ новому своему ремеслу и находятъ забаву, когда ихъ въ свою очередь посылаютъ для наборовъ, дѣлать проповѣди новыхъ поварищѣй своихъ тѣже несправедливости, на которыхъ сами столько негодовали, когда сами были жертвами оныхъ.

Люди, которыхъ назначаютъ для флота, посылаются въ низъ по Нилу на судахъ. Дабы,

если кому нибудь изъ нихъ удастся уйпн, можно было узнать его въ послѣдствіи, на оборотъ руки клеймятъ ихъ изображеніемъ якоря; по приѣздѣ они поспчасъ упражняются въ маневрахъ парусами, учатся спрѣлять изъ пушекъ, и въ короткое время дѣлаются весьма искусны. Когда спускаютъ новопоспроенный корабль, по экипажъ формируютъ изъ спарыхъ мапросовъ, копорыхъ берутъ съ оспальной часпи флопа; пакимъ образомъ Паша можетъ поспчасъ по оспроеніи корабля употреблять его въ дѣло.

Когда встрѣчаются какія либо запрудненія при комплекповкѣ новаго набора, по Мегеметъ посплаетъ опрядъ войскъ въ большіе города, дабы вынудить ихъ къ доспавленію недоспавющаго числа изъ Арабовъ. Но какъ пакого рода самоуправный наборъ похищаетъ у Европейцевъ множесиво людей, нужныхъ для ихъ службы, по при первомъ воспребованіи хозяевъ ихъ освобождаютъ и дають имъ билетъ, съ копорымъ они находятся въ безопасности опъ дальнѣйшихъ приптсненій.

Кромъ регулярной арміи, Паша имѣетъ еще нерегулярное войско, соспавленное изъ Албанцевъ и Кандіоповъ, для пѣхоты, и Арабовъ-Бедуиновъ, для кавалеріи. Видъ первыхъ, вооруженныхъ япаганамн и длинными псполопами,

ужасенъ для миролюбиваго человѣка, имъ встрѣчающагося, у котораго они могутъ очень грубо потребовать опчета въ каждомъ нескромномъ взглядѣ. Нѣтъ варваровъ, коихъ видѣ былъ бы споль свирѣпъ, какъ видѣ Албанцевъ; самые Бедуины не такъ опврапипельны. Впрочемъ сіи нерегулярныя войска могутъ оказывать много услугъ въ легкихъ сшибкахъ и для прикрытія репирадъ.

Но геній Мегемета-Али наиболѣе обнаружился въ устройствѣ флота. Сей флотъ состоить нынѣ изъ шестипи линейныхъ кораблей, пяти большихъ фрегатовъ, пяти корветовъ, осьми бриговъ и одного купшера; сверхъ того при ономъ имѣется шестъ брандеровъ и прицашъ транспорпныхъ судовъ.

Вспомнивъ объ упратахъ, понесенныхъ Египетскимъ флотомъ при Наваринѣ, и о томъ, что спрана сія имѣетъ только одинъ военный портъ, именно Александрію, приходишь невольно въ изумленіе при видѣ такой значительной морской силы. Но надо знать, какъ дѣятельно занимаюся тамъ производствомъ работъ, какой спрогій надзоръ имѣется на верфяхъ!

Полпора года назадъ тому у Паши было только два оснащенные и вооруженные ли-

нейные корабли; теперь у него их шесть спущенных, а четыре еще споятся, изъ коихъ два во сто пушекъ, а другіе два въ восемьдесятъ каждый! Верьфъ споль обширна, что на ней можно спроить въ одно время четыре линейные корабли, одинъ бригъ и корвету. Лѣтомъ 1833 года спустили корабль о ста пятидесяти осми пушкахъ, который тогда же былъ отправленъ къ берегамъ Малой-Азіи. Хотя устройство сихъ кораблей не такъ прочно, какъ Англійскихъ, однакожь они годны для употребленія, къ коему назначаются. Впрочемъ вода въ большомъ портѣ такъ иловапа, что большіе корабли по необходимости спускаются прежде, чѣмъ ихъ совсѣмъ окончатъ постройкой. Почти весь лѣсъ для кораблестроенія получается изъ Малой-Азіи, рубка коихъ благопріятствуетъ Султанъ; лѣсъ сей перевозится за весьма дешевую цѣну на Турецкихъ или Египетскихъ корабляхъ. Артиллерія и снаряды доставляются вообще изъ Англии.

Быстропа, съ которою производится постройка кораблей въ Александріи, зависитъ не сполько отъ строгаго и постояннаго надзора Паши, какъ отъ множества работниковъ, имъ употребляемыхъ. Когда флотъ на рейдѣ, то половина мапросовъ исправляетъ также рабо-

пы. День, въ который спускается корабль, празднуется всѣмъ народомъ. Весь флотъ и всѣ крѣпостныя бапарей палятъ изъ пушекъ; войска, собранныя на берегу у гавани, производятъ общій залпъ изъ ружей, и Паша, который всегда присуспивуетъ при семъ поржеспвѣ, щедро одаряетъ маспера, спрившаго корабль.

Арсеналы не менѣе заслуживаютъ вниманія, какъ и военныя верьфи; памъ - по наиболѣе должно удивляться неупомимымъ попеченіямъ Мегемета-Али о просвѣщеніи Арабовъ и успѣхамъ, учиненнымъ сими послѣдними въ механическихъ искусстввахъ. Тамъ дѣйствуютъ барометромъ, циркулемъ и множеспвомъ другихъ измѣрипельныхъ инспрументповъ; здѣсь чеканятъ бронзу для украшеній корабля; въ другомъ мѣспѣ плошники, споляры, обойщики и проч. неупомимо прудятся надъ снабженіемъ корабля разными попребностями, между шѣмъ какъ толпа кузнецовъ и оружейниковъ занимающаго его вооруженіемъ; но самое доспопримѣчательное заведеніе есть то, гдѣ выюся кананпы: оно и въ Европѣ принадлежало бы къ лучшимъ.

Главными начальниками. по морской часпи супъ люди характера и дарованій весьма различныхъ; думаемъ, что чипапелямъ любопытнo будетъ вѣсколько съ ними познакомиться.

Османъ Нуреддинъ Паша, Адмиралъ и Миниспръ Морскихъ Дѣлъ, благодаря случаю, пронырспвамъ и лицемѣрїю, быспро возвысился изъ самаго низкаго званїя до мѣспа, имъ нынѣ занимаемаго, въ коемъ умѣлъ удержаться безъ друзей, безъ дарованїй, даже не имѣя ничего особеннаго въ наружности. Впрочемъ думающъ, что паденїе его будетъ также быспро, какъ и возвышенїе; ибо долго ему не лъзя скрыть опъ Мегемеша своего невѣжеспва и несправедливоспей. Онъ родился 1793 года въ Мипиленѣ опъ бѣднаго водоноса; ему посчаспвилось попасп въ число молодыхъ людей, копорыхъ Паша посылалъ для образованїя въ Европу. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Испалїи и Франціи и возвратился, зная совершенно языки обѣихъ сихъ спранъ. Паша произвелъ его въ Бей и къ концу Греческой войны послалъ въ Кандїю, для распорядженїя внуспреннимъ успройспвомъ сего оспрова. По возвращенїи Османа изъ Кандїи, ему препоручили Минисперспво Морскихъ Дѣлъ и произвели его въ Верховные Адмиралы, хопя онъ совершенный невѣжда въ эпой часпи, да нынѣ и не занимается сей службой. Въ 1832 году Мегемешъ-Али наименовалъ его Пашею и препоручилъ его начальспву флотъ, назначенный пропивъ Турковъ. Собыпїя вполнѣ доказали, что онъ не былъ достоинъ такой довѣренности. Вездѣ, кромѣ Воспока, общее мѣ-

ніе давно бы уже воздало ему должную справедливоспъ, но у Турковъ эпого не бываетъ: памъ случается, что мануфактурами и другими заведеніями начальспвуютъ люди, которые о дѣлѣ семъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Впрочемъ и генію удается иногда пробиться сквозь сей хаосъ, да по счастію гошовноспъ, съ какою всѣ почти начальники слѣдуютъ совѣпамъ свѣдущихъ подчиненныхъ, замѣняютъ недоспапокъ опытноспи главныхъ начальниковъ. А попому-по онъ присупспвія Османа Паша не поспрадала бы служба морская, еслибы онъ слѣдовалъ благоразумнымъ совѣпамъ людей свѣдущихъ и способныхъ, коихъ къ нѣму приспавилъ Мегеметъ-Али, и всего болѣе, еслибы умѣлъ воспоржеспвовапъ надъ своей гибельной спраспью къ крѣпкимъ напшкамъ. *

Мегеметъ-Али, пламенно желая выгучить солдапъ своихъ и мапросовъ по Европейски, часто просилъ офицеровъ у Франціи и Англіи; но попыпки сіи всегда почти оспавались безплодными въ слѣдспвіе зависпи его любимцевъ и ихъ пронирспвъ. Онъ весьма спараепся содержатъ въ согласіи Арабовъ съ Франками; но взаимная ненависпъ ихъ преляпспвуептъ пому. Эпо несогласіе надо приписатъ Осману Пашѣ.

* Изъ журнадовъ извѣспно, что сей Адмиралъ, оставивъ Кандію, пріѣхалъ 31 Декабря 1833 года въ Конспанпшинополь и предался Султану.

Воспитаніе, полученное имъ въ Европѣ; спавипъ его выше большей часпи природныхъ Турковъ при Мегемепъ находящихся; а попому онъ весьма опасается, чпобъ не запмили его иноспранцы. Эпо низкое чувспво пагубно для Мегемепа-Али; сомнипельно, чпобы Франкскіе офицеры, въ морской Египепской службѣ состоящіе, спали долго переносипъ всякаго рода непріятноспіи, ими получаема.

Муппусъ-Бей, Лейпенантъ Османа, ласковоспію своею вознаграждаетъ офицеровъ за скуку быпъ подъ начальспвомъ у пакаго Адмирала. Муппусъ-Бей еспъ сынь одного изъ Беевъ Мамелюкскихъ, погипбаго при избіеніи его собратій. Мегемепъ-Али въ молодоспи своей былъ облагодѣпельспванъ симъ храбрымъ воиномъ и хопя принесп его въ жерпву своей полипикѣ, но чпипъ его памяпъ; и попому — по оспалъ его сына своими милоспіями. Послѣ Европейцевъ Муппусъ-Бей еспъ лучший морякъ Египепскаго флота. Его любяпъ и иноспранцы и Арабы, и любяпъ не сполько за добро, имъ оказываемое, сколько за зло, опъ коего онъ воздерживается. Эпо человекъ миролюбивый и кропкій, копорому никпо не завидуеспъ, пакакже какъ и онъ не завидуеспъ никому. Ему уже около шеспидесипи лѣпъ; онъ съ дѣпспва служипъ на флотѣ, если можно пакъ назвапъ нѣсколько рыбачьихъ судовъ, соспавлявшихъ

долгое время весь флотъ Паши. Онъ не забылъ и шеперь спариннаго ремесла своего, ибо недавно показывалъ одному мапросу, какъ должно чинить спарыя сѣпи. Представыте себѣ человѣка чрезмѣрно жирнаго, съ огромной головой, самымъ смуглымъ цвѣпомъ лица, длинной сѣдой бородой и маленькими глазами, копорые какъ будто провернупы шиломъ; вопъ порпрепъ нашего героя.

Непоколебимая важность Вице-Адмирала превосходитъ всякое описаніе. Ничто не можетъ раздражить его, ничто привеситъ въ уныніе; если онъ занятъ, то опвѣчаетъ вамъ односложными словами и опсылаетъ васъ; онъ не любитъ, чпобъ его превожили, но не превожитъ и самъ другихъ; не смѣется и не шулитъ никогда. Будучи посланъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ съ порученіемъ въ Англію, онъ сдѣлалъ касательно сей спраны только одно наблюденіе, чпо у ней весьма много морскихъ приспаней и весьма мало пабаку, изъ чего заключилъ, чпо жишели должны бытъ чрезвычайно жирны. Въ морѣ онъ почти безпреспанно на кормѣ, съ прубкою во рпу, объдаетъ по захожденіи солнца, вечеромъ пьетъ и куриетъ, ложится спать въ плашь. Не взирая на сіи спранности, Муппусъ-Бей человѣкъ весьма хорошій и не учаспвуетъ ни сколько въ обидахъ, причиняемыхъ

Европейскимъ офицерамъ. Впрочемъ онъ болѣе безпечень, нежели храбръ. *Богъ великъ!* восклицаетъ онъ при всякомъ случаѣ, также спокойно при пальбѣ, раздающейся во время сраженія, какъ и при салютѣ. При Наваринской битвѣ и во время осады С. Жанд-Акры, велъ онъ себя очень хорошо.

Въ прешпяхъ слѣдуетъ замѣтить Капитана Махмуда, начальника брандеровъ, друга и собутыльника Османа-Паши. Когда Мегеметь-Али отправлялъ свой флотъ противъ Турокъ, то экипажъ брандеровъ былъ соспавленъ изъ шеспи Капитановъ и спа Греческихъ мапросовъ, уже опличившихся въ войнѣ за независимость Греціи. Капитанъ Махмушъ доспоинъ начальспвовапъ ими. Предспавъте себѣ наспоющаго разбойника, неукропимо храбраго, привыкшаго ко всѣмъ опасностямъ и прудамъ, превосходнаго моряка, испиннаго Дирка-Гаппперика: и вы получите порпреть этаго морскаго волка, знающаго подногопно всякой уголокъ Архипелага. Онъ опвѣчалъ головою, что сожжетъ весь Турецкій флотъ, если бы хоть не много помогли ему морскія силы Паши. Мегеметь весьма высоко цѣнитъ его заслуги и назначаетъ мапросамъ значительную награду за каждый сожженный у непріятели корабль. Не взирая на свирѣпый видъ его, онъ очень добрый малой; мапросы весьма любяпъ его и принимаюпъ

съ поржествомъ на посѣщаемыхъ имъ корабляхъ. Онъ со товарищеспвуетъ Осману-Пашѣ во всѣхъ пирушкахъ; и часпо случается, что уже будучи весьма пьяны, они все еще продолжаютъ пѣть и пить вино, ромъ, водку, порперъ, все что ни попало. Но это не можетъ долго продолжиться: уже Мегеметъ запретилъ на корабляхъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ; и если узнаетъ, что приказанія его нарушаются, по заспавитъ по неволѣ слѣдовать имъ.

Самый первый чинъ въ Египетскомъ флотѣ есть *Капитанъ-Пама*, п. е. Главноначальствующій; у него только одинъ *Лейтенантъ*, состоящій въ качествѣ Вице-Адмирала; ниже сего чина слѣдуетъ *Кимаканъ*, соотвѣтствующій Командору; потомъ слѣдуютъ *Бимбаша*, Капитаны кораблей; потомъ *Сагарколассы*, Капитаны впораго ранга, и *Солколассы*, Капитаны прѣпяго ранга, коимъ препоручается начальство надъ корветами. Классы *Узбашей* (Лейтенантовъ) и *Эффендіевъ* (Начальниковъ Экипажа) весьма многочисленны. Степени опличаются одна отъ другой только украшеніемъ болѣе или менѣе богатымъ, состоящимъ изъ якоря, прикрѣпленнаго къ мундиру съ лѣва на груди. У Узбашей онъ серебряный, у Солколассовъ серебряный съ золотыми лапами; у Сагарколассовъ весь золотой; у Бимбашей золотой съ алмазами между лапъ; у Кимакана золотой съ

пяпью алмазами, у Адмирала весь алмазный. Чпо касается до мундира, по онъ огненнаго цвѣпа съ золопымъ галуномъ.

Всякой офицеръ выше Эфендія называется Капипаномъ; и паковыхъ много еспъ въ самой первой молодоспи, между пѣмъ какъ опыпнѣйшіе мореходцы оспіаюпся до спароспи лѣпъ въ нижнихъ чинахъ. Справедливоспъ пребуепъ однакожъ замѣпипъ, чпо часто повышепія дѣлаюпся по экзамену. Сверхъ того Турки имѣюптъ еще особенный способъ дѣлапъ офицеровъ. Какой-нибудь Бей или Капипанъ покупаетъ молодаго невольника, обращаетъ его въ Мусульманскую вѣру, опредѣляетъ при себѣ въ качествѣ прислужника и никому не дозволяетъ оскорбляпъ его; на корабль учипъ его чипапъ, писапъ, не много геометріи и спуспя нѣскольпо времени, вы уже находите Капипаномъ того, кого прежде вспрѣчали у Бея слугою.

Турки знаютъ и въ гражданскомъ порядкѣ полько военную іерархію. Если Мегеметъ хочепъ изъявипъ свое уваженіе къ чловѣку съ дарованіями, по хопя бы онъ и не занимался никогда военнымъ дѣломъ, производипъ его въ офицеры; такъ главный начальникъ кораблестроительной части и первый медикъ Мегемета, оба произведены въ Бей, хопя они никогда не служили въ военной службѣ.

II.

СЛУЧАЙ,

КОТОРЫЙ МОЖЕТЪ ПОВТОРИТЬСЯ.

II.

На широкомъ просторѣ, въ привольѣ деревенскомъ, въ дали отъ многолюднаго общесства, сдвинушаго взаимными нуждами и выгодами и беспрепятственно распоргаемаго органическими страстями, давно бы поглотившими самихъ себя безъ удержа разумной силы закона, почти въ пущынь, заготовлена была жизнь чистая, свѣтлая, сильная, лучшее Божіе созданіе, въ которомъ суждено было безсмертной душѣ сознанъ себя и въ пляжкомъ земномъ спрадани и въ высококомъ наслажденіи божеспвенной мысли. Жизнь эту прямо съ груди матери приняла природа полудикая, угрюмая, проткая. То были необозримыя поля, покрытыя яркими, пестрыми коврами, но расплававшіяся по долинамъ, по роскошно перегибавшіяся по склонамъ косогоровъ и отлогостямъ. На нихъ младенческой взоръ могъ

изучаешь игру свѣта во всѣхъ его очаровательныхъ переливахъ. Оврагъ, съ оборваннымъ крутымъ краемъ, рисовалъ по нѣжную волнистую, по рѣзкую, изломанную черпу, разделяющую яркую горную выпуклость отъ темной промонны, изъ коей выплывали желтобурые глинистыя морщины, и мохнатый сѣрый пенъ съ однимъ оставшимся изломаннымъ субомъ. То были поля, на коихъ зелень являлась во всѣхъ своихъ блѣдныхъ сѣверныхъ оппѣнкахъ; по коимъ живописно пробѣгали темныя прозрачныя пѣни облаковъ, подобно легкимъ разорваннымъ газовымъ покрывамъ, сдуваемымъ легкимъ оппорожненнымъ дыханьемъ. Вдали отъ полей синѣлъ темный лѣсъ. Его живая глубина звучала таинственными оппзывами, какимъ-то неяснымъ шумнымъ гуломъ, вырвавшимся по въ звонкихъ дробящихся перекатахъ, по шумнымъ однообразнымъ спухомъ, по живымъ, слипымъ свиспомъ ппищъ, записавшимъ въ мягкомъ шопопѣ лиспьевѣ. Сумрачная, таинственная, прохладная, она населена была для юнаго воображенія существами сверхъестественными. Для него обгорѣлый, спарый пенъ не случайно и не даромъ споялъ памъ на полянѣ: дупя не разъ видѣло, какъ въ сумерки онъ выпягивалъ свою изрыпую верхушку, какъ онъ шевелилъ своими угловатыми, голыми сучьями, какъ его темная сѣрая кора хлбыспала мшистыми своими лохмотьями и какъ онъ насмѣшливо оппкнбался

на робкое ау. Ему не лзя было сомнѣваться въ эпомъ, когда въ околдкѣ было нѣсколько человекъ, обѣйденныхъ Лѣшимъ, водившимъ ихъ по недѣлѣ по лѣсу. Вошедши въ лѣсъ, многіе видѣли своими глазами, какъ онъ изъ крошечнаго человекъ, разгуливая въ правѣ, вдругъ дѣлался ужаснымъ великаномъ, подымаясь головою наравнѣ съ самыми высокими деревьями, копорья гнулись и скрипѣли, когда онъ вихремъ мчался между ними, и коихъ корни, шевелясь, поднимали землю. При одномъ разказѣ объ эпомъ, бывало, деревенскія красавицы боязливо прижимались одна къ другой, особенно пѣ, копорымъ онъ попадался на вспрѣчу, а онъ не вспрѣчался даромъ. Сюда, на эту небольшую луговину, къ эпимъ уединеннымъ березамъ, какъ бы въ задумчивости свѣсившимъ свои вѣтви, всѣ знаютъ, сходятся лѣсныя красавицы покачаться на гибкихъ вѣтвяхъ и поиграсть на душистой, влажной правѣ, озаренной теплымъ свѣтомъ лѣшняго мѣсяца, который, переходя отъ дерева къ дереву, съ любопытствомъ заглядываетъ на рѣзвыя пляски. Не одному молодому смѣльчаку приходила охота полюбоваться на играющихъ красавицъ, на ихъ волосы длинные, густые, по спускающиеся по вѣтру, по прилегающие прозрачнымъ покровомъ къ воздушному спану; на ихъ лица, копорья не забываются, какъ увѣряютъ грѣхководники, и на молитвѣ.

Многимъ хопѣлось бы подслушать, хопѣ украдкою, помный ихъ шопопѣ, упоипельныя пѣсни; но спрахъ сильнѣе любопытства: всѣ знали, что эпаго нечесливца поспигъ бы неизбежно какой-нибудь злой недугъ, медленно мерпящій живыя силы человека, или какая-нибудь бѣдовая напраслина, шерзающая злѣе всякой немочи, если бы даже ему и удалось какимъ-нибудь чудеснымъ способомъ ускользнуть отъ чупкихъ красавицъ, копорыя безъ того непременно защекопали бы его до смерти. Иногда лѣсъ загорался отъ причинъ невѣдомыхъ, или его зажигалъ беспечный поселенинъ для посѣва на нови рѣпы: тонкое пламя по змѣилось между вѣпвями, по широко обхватывало липцевянную покрышку и шипѣло, встрѣчаясь съ жизненнымъ сокомъ распенія, копорый, испаряясь, оспавлялъ дерево на жерпву губипельной спихии. Въ какихъ чудныхъ видахъ предспавлялись тогда юному любопытному вниманію эпидѣсныя пожарища! Иногда рѣзвый мальчикъ съ двумя или тремя опважными поварищами пробирался на высокій берегъ, гдѣ у нихъ подъ ногами шумѣли и крупились волны быспрой Десны, задержанной упрямымъ усупомъ берега, о копорый она плескала холодною волною, смывая наносную землю съ корней обнаженныхъ. Эпа крушизна и подбережный омушъ были для нихъ слишкомъ знакомы по общимъ разговорамъ о недав-

нихъ еще разбояхъ, рыскавшихъ по эпому безлюдному мѣсту. Напуганному воображенію ихъ часпо слышались призывные крики, далекіе, замирающіе вопли, глухой шумъ въ волнахъ—и они бѣжали домой безъ оглядки. Часпо, въ ясное упрю, ребенокъ, оставленный самому себѣ, лазилъ по кустарникамъ, или, успавши, кидался на мягкую праву; глядѣлъ съ непоняпнымъ чувствомъ полнопы быпія на глубокую чистую синеву неба, слѣдилъ глазами одинокое, лепучее прозрачное облачко, пока оно скапывалось за лѣсъ, или слушалъ звонкую раскаписпую пѣсню жаворонка, успремивъ взоръ на темное, дрожащее пяпнышко, рисовавшееся на голубомъ полѣ, пока оно наконецъ понуло въ безпредѣльной пустопѣ, и слухъ и взоръ перяли его въ далекомъ воздушномъ проспранспвѣ. Такими способами образовалась его природа. Взоръ его привыкъ къ проспранспву; слухъ приучился понимать всѣ возможные оппѣнки поновъ опъ низкихъ, густыхъ неопредѣленныхъ звуковъ шума весеняго разлива водъ и опдаленныхъ раскаповъ грома, до визгливаго свиспа пиголицы, опъ яркаго преска, крушимаго въ дребезги молнійнымъ ударомъ крѣпкаго дерева; до шорѣха нищенской сумы, шершейся объ лохмопья деревенскаго бродяги. Ему не были еще знакомы тогда звуки общежипельные, извлекаемые или ученымъ ударомъ изъ кованаго мепалла, или за-

гнаннымъ въ пѣснину воздухомъ, копорому дана мѣрная скважина для прохода. Живши послѣ между людьми, онъ подчинилъ свой слухъ условной лѣспницѣ звуковъ, но не знаю, какъ бы они показались ему тогда, какъ онъ, не понимая еще себя, слушалъ вольное пѣніе соловья зарѣкою, проспекую пѣсню своей мапери, выражавшей ея горячее маперинское чувство къ нему; или въ то время, когда, расплненный свѣтъ въ шумныхъ ручьяхъ несется на долины, воздухъ начинаетъ пеплѣть и какъ бы дѣлаться звучнѣе, опъ земли подымается паръ и онъ, бывало, самъ съ молодыми крестьянками зовепъ благословенную весну въ громкихъ, звучныхъ призывахъ, въ копорыхъ время испребило уже смыслъ, но чувство сохранило еще значеніе.

Всѣ подобныя впечатлѣнія дѣйствва оставили въ душѣ Александра слѣды неизгладимые. Безъ надзора почти, съ младенчества предоспавленный самом усебѣ, онъ рано понялъ свою волю, не имѣвъ ни причинъ, ни случаевъ выработывать ее въ гибкую покорность произволу поспороннему; это ему чрезвычайно повредило въ послѣдствіи, когда обстоятельства вдвинувъ его въ жипейскія отношенія, болѣзненно для характера отразились на стобахъ его необпертой природы. Умъ его, рано занятый огромными еспеспивенными предметами, въ копорыхъ всѣ явленія происходятъ проспеко, по немногимъ

неизмѣннымъ законамъ, легко замѣтнымъ, оспался навсегда созерцательнымъ, гоповымъ удобно принимаешь всѣ глубокія изъясненія, но ни мало не привыкшимъ къ эпоѣ дробной, мелочной смѣшливости, подозрительной осмоприпельности, къ эпимъ понкимъ, сложнымъ соображеніямъ, ко-
 торыхъ пребуоупъ сношенія жипейскія. Онъ оспался совершеннымъ въ эпомъ опношеніи младенцемъ, и, заспавлявъ не разъ удивляпсъ объему своихъ мыслей, оканчиваль возбужденіемъ оскорбительнаго о себѣ сожалѣнія: ибо ограниченному, обыкновенному уму кажется совмѣспнымъ глубокая проспота; пребуемая для мыслей общихъ, съ лукавою свѣпскою мудроспю, приобръспаемою всегда болѣе или менѣе въ ущербъ доспоинспва характера. Проживши первые годы между людьми проспыми, и часпо въ совершенномъ одиначеспвѣ, онъ и въ послѣдспвіи не жадно покаль общеспва людей, безъ предубѣжде-
 нія вопрѣчался съ ними и распавался безъ сожалѣнія. Онъ легко могъ видѣпъ, чего ему не доспавало, чпобы сдѣлать себя замѣпнымъ въ общеспвѣ. Чувствую свою неловкостп, онъ не разъ рѣчался иди въ слѣдъ за другими, принаровипсъ, во чпобы до ни спало, къ принятымъ понаніямъ: но начавши себя передѣлывать, находилъ въ себѣ непобѣдимую заспѣпчивостп: ему казалось, чпю всѣ на него обращають насмѣщливое вниманіе; эпо про-

буждало въ немъ угомоненную природную его гордоспъ, и шо, что за нѣсколько времени онъ почипалъ нужнымъ, пеперь находилъ суепнымъ, мелочнымъ, вздорнымъ. » Къ чему все это! « говорилъ онъ иногда въ глубокомъ уныніи. » Посмопри: возвышенныя чувспва, копорыя Лиринъ такъ увлекапельно высказываепъ въ своихъ спихахъ, дѣлаюпъ ли его лучше другихъ; менѣ ли онъ опъ шого подличаепъ, и не такъ ли образцово пресмыкаепся, какъ и пишептъ?.. Этопъ негодяй, копорый ничему не вѣрипъ, и въ женщинѣ видишь только физико-ариометическую задачу, послушай, какъ онъ поепъ: *мой другъ, хранитель, ангелъ мой!*.. Ну, скажи, если смыслъ, когда взрослые люди собираюпся на цѣлмый день, чтобы попать ногами, или перебирапъ всю жизнь пятьдесятъ двѣ карпы? «—Въ подобныхъ припадкахъ уязвленнаго самолюбія (ибо надобно сознапъся, что это говорило самолюбіе), онъ иногда проспиралъ свои выходки далѣе, нежели сколько позволяло благоразуміе, и глубже, нежели сколько могло казатъся справедливымъ. Въ эти минушы онъ безошадно нападалъ на всякую исключительность, присвоюемую одними на счетъ другихъ. При взглядѣ на великолѣпный домъ, огорченная мысль его переносилась къ полуразрушеннымъ хижинамъ, пѣснымъ и гнилымъ, погребеннымъ въ глубокихъ снѣжныхъ

сугробахъ, въ припоть нищеты и болѣзней. Въ обворожительномъ пѣніи знаменитой пѣвицы ему чудились пѣ заунывные пѣсни, которыми облегчаешь поповой прудъ свой усталый земледѣлецъ, когда онъ на изможденной клячѣ кое-какъ раскапываетъ землю, чтобы изъ ней доспать... голось для прима-донны. За роскошнымъ обѣдомъ въ такомъ расположеніи онъ не могъ ѣсть спокойно, особенно когда какой-нибудь упонченный вкусъ начиналъ обнаруживать обдуманнѣе гаспрономическія пребыванія: во глубинѣ души его поднимались тогда мятежныя впечатлѣнія дѣспова; онъ видѣлъ нѣкогда и хлѣбъ съ мякиной, и хлѣбъ съ соломой, и вспоминалъ, что даже кто-то находилъ и хлѣбъ проспниковой довольно сыпнымъ и вкуснымъ для проспаго желудка. Эти воспоминанія, съ другими подобными, въ душѣ опкровенной и чувствительной не могли родить ни оспрыхъ шутокъ, ни забавныхъ разсказовъ, которыми иногда расплачиваются за обѣды. Александръ скоро прослылъ у людей легкомысленныхъ — чудакомъ, у формалистовъ — человекомъ спраннымъ, у свѣпскихъ — невоспитаннымъ, у людей полковыхъ — человекомъ съ новыми идеями, почти поже, что и злодѣемъ.

(будетъ продолженіе.)

III.

ЖРИЦЫ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

(окончаніе.)

Въ чемъ же состояли обязанности жриць? Имѣли ли онѣ какія-либо опличія? Имѣли ли дѣйствительную власть? Или не служили ли только украшеніемъ святилищъ, живымъ убранствомъ храмовъ, въ добавокъ къ колоннамъ и статуямъ?

Въ этомъ случаѣ, дабы доказать истину, мы должны опровергнуть много предубѣжденій всякаго рода. Во первыхъ общее предубѣжденіе о языческомъ жречествѣ, которое такъ естествен-но намъ, воспитаннымъ въ чистотѣ Христіанской религіи. Сверхъ того Греческіе авторы, по не-

проспительной небрежности, слишкомъ мало говорятъ о религіозной части жречесва женскаго, хотя входятъ въ большія подробности о церемоніяхъ и празднествахъ, въ коихъ оно принимало участіе. Однакожь весьма ошибуся тѣ, кои, не поспигая истиннаго назначенія Греческихъ жриць, примутъ ихъ за ничтожное сборище красавиць, сзываемыхъ для украшенія безцѣльнаго поржесивеннаго шествія или для простаго служенія въ храмахъ. Никогда женское жречесво Греціи не унижалось до такой ничтожной роли.

И дѣйствительно, жрицы Додонскаго, Дельфійскаго, Элевзинскаго и Аѳинскаго храмовъ, исполняли обязанности болѣе возвышенныя; не только онѣ наставляли женщинъ въ религіи, нравственности и правилахъ домашняго хозяйства, но даже принимали участіе въ управленіи дѣлами духовными, содѣйствовали при совершеніи таинствъ, возвѣщали оповѣсты оракуловъ. Наконецъ вліяніе ихъ на науки и искусства было такъже велико, какъ и на нравственную судьбу нации.

Мы ни мало не хотимъ увеличивать важность ихъ въ глазахъ нашихъ современниковъ; но спорого будемъ держаться того, что говоритъ испорія.

Были ли Греческія жрицы наставницами?

Историческія извѣстія, доказывающія это, не многочисленны, но ихъ достаточно, дабы рѣшивъ всякое недоумѣніе. Жрицы Эфесскія должны были выдерживать нѣкотораго рода искусство, при коемъ роль ихъ ограничивалась только тѣмъ, что онѣ *учились*; попомъ приобывали употреблять практически свѣденія, ими приобрѣтенныя; на послѣдокъ сами *давали наставленія* въ помъ, что знали *. Нѣтъ сомнѣнія, что сіи учрежденія существовали; и не можетъ быть, чтобы они были устанавлены только для Эфесскихъ жриць. Въ другихъ храмахъ наставленія ихъ простирались еще далѣе; онѣ содѣйствовали и къ посвященію, а сіе последнее важнѣе было всякаго наставленія: оно составляло нѣкотораго рода постоянное опкровеніе. Жрицы Элевзинскія обязаны даже были приговаривать новопосвящаемыхъ, внушая имъ приличныя чувствованія, руководствоваться ими. Главнѣйшая изъ нихъ, гіерофантида, находилась съ ними неоплучно при всѣхъ испытаніяхъ. Быть можетъ, она уступала верховному жрецу суепное преимущество *первенства*; но неоспоримо, что она присутствовала вмѣстѣ съ нимъ при всѣхъ обрядахъ посвященія. Подобно ему, она облакалась во всѣ уш-

* Павзаній, кв. VIII. Страбонъ также подтверждаетъ, слова Павзанія.

вари верховнаго первосвященства. Сверхъ того не въ честь ли богини опправлялось сіе торжество? Первыя благодѣянія, даруемыя законами, не супь ли бракъ и семейство? Если ипакъ, шо кому же болѣе прилична здѣсь первая роль, какъ не женщинамъ?

Не супь ли женщины въ эпомъ опношеніи и во многихъ другихъ лучшія наспавницы нравспвенности? Наспавленіе въ нравспвенности и религіи ограничивалось въ Греціи немногими правилами и нѣкопорыми примѣрами. Но миобы Цереры и Прозерпины исполнены были сихъ примѣровъ. Приведемъ только одну черпу: чпо можетъ лучше выражать силу взаимной нѣжности матери и дочери, какъ условіе, учиненное между Плутономъ и Церерой, въ силу коего Прозерпина долженствовала проводить полгода съ матерью и полгода съ супругомъ? Смѣдспвенно кому было удобнѣе Элевзинскихъ жриць изъяснять важность сихъ прекрасныхъ примѣровъ семейственной нѣжности и преданности!

Но нравспвенное вліяніе Греческой жрицы не ограничивалось одними наспавленіями. Для націи, споль символической, жрица, мать семейства, будучи воспитана въ жречествѣ для подаванія примѣра всѣхъ добродѣтелей матери и супруги, была *живымъ символомъ всѣхъ добродѣтелей*. Дѣва, гіеродула, посвятившая себя божеству, служила эмблемою чистоты

и непорочности, которыми заслуживаютъ какъ много уваженія, если источникомъ ихъ есть чувство нравственное, ибо тогда онѣ выражаютъ порожество духа надъ матеріей, существа небеснаго надъ земнымъ. Въ наше время добродѣтели сіи не удивляютъ никого: онѣ при благопворномъ вліяніи Христіанской религіи сдѣлались обыкновенны; но для Грековъ добродѣтели сіи имѣли блеска, что жрицы, представлявшія типъ оныхъ, увлекались въ храмы единственно своимъ энтузіазмомъ, и что въ сихъ храмахъ, украшенныхъ произведеніями всѣхъ изящныхъ искусствъ, съ усердіемъ ихъ не сопрягалось ни малѣйшей идеи о принужденіи. И какъ изчислишь вліяніе, которое должно было имѣть на народъ, поелику чувствительный ко всему великому и прекрасному, нравственное порожество надъ собою, совершаемое съ такимъ плѣнительнымъ одушевленіемъ, съ такимъ полнымъ владычествомъ разсудка? Великіе мужи Греціи часто представляють намъ образцы жизни исполненной энергии, добродѣтели и героизма; жизни постоянно одинаковой отъ начала до конца, которую болѣе можно уподобить побѣдѣ, нежели сраженію. Сіи мужи не почерпали ли въ храмѣ, равно какъ въ семейственномъ кругу, примѣровъ и уроковъ сего величія, поелику имъ причислующаго, величія, въ коемъ

нѣтъ ничего изученнаго, изъ коего они образуются, но которое не образуется ими?

Трудъ и для мужчины и для женщины полезнѣе уроковъ морали. Греческія жрицы давали мало словесныхъ наставленій, но много примѣровъ. Элевзинскія жрицы учили мужчинъ гордиться прудами земледѣльца: Паренонскія научали женщинъ прославлять себя подражаніемъ мудрой Минервы и дѣлаться Минервами своихъ семействъ. Если ловкая Афинянка, какого бы по ни было званія, молодая или старая, бѣдная или богатая, всегда опличалась, въ управленіи своимъ гнѣцею, опть извѣженной Юнны и вялой Римлянки; если ея супругъ, сыновья, домашніе, носили съ такою гордостью пикань, составленную предъ ея глазами: по надѣюсь, со мной согласятся, что сіи богатства, счастье и слава больше были обязаны своимъ существованіемъ жрицѣ, чѣмъ самой Минервѣ.

Не увеличиваемъ вліянія, которое Греческія жрицы могли имѣть на дѣла общественныя; но ихъ вліяніе на разныя учрежденія заслуживаетъ все наше вниманіе. Хотя онѣ не были чужды полипикки, поелику однѣ получали опть Дельфійскаго и Додонскаго боговъ пѣ оракулы, коими иногда рѣшалось, объявлять ли войну, заключають ли миръ; но участіе ихъ въ подобныхъ дѣлахъ никогда не было пѣмъ,

чѣмъ казалось: вдохновенные отвѣпы ихъ часпо давались подѣ вліаніемъ власпи; доказапельствомъ тому служилъ царспвованіе Филиппа; сверхъ того жрецы всегда переполковывали сіи отвѣпы; а во времена разврата и пиранспва трудно даже опредѣлить, велика ли была свобода, коею пользовались пифониссы въ выраженіи своихъ мыслей.

Но въ другихъ отношеніяхъ роль женскаго жречества была гораздо чище. Когда дѣло шло о томъ, чпобы дасть уразумѣть народу благопворность первоначальныхъ Греческихъ учреждений, законовъ и цивилизациі вообще, по препоручали сіе жрицамъ. Въ послѣдній день празднествъ Элевзинскихъ, Аѣнияне выносили поржеспвенно въ священное мѣсто книги своихъ законовъ, означая чрезъ то, чпо вся честь за сіи узаконенія, соспавляющія счастье и славу опечества, принадлежитъ божеспву.

Жрицы Элевзинскія предсѣдапельствовали на сихъ празднествахъ, совершавшихся отличнѣйшими въ Греціи особами; и каждая мать семейспва учаспвовала болѣе или менѣе въ славной роли, игранный распорядительницами еермофорій. Греція желала, чпобы понимали значеніе сей церемоніи; а дабы ее не принимали просто за храмовый обрядъ, дабы она соспавляла вмѣспъ поржеспво общеспвенное и нравспвенное,

было устанавлено, чпобы женщины, коимъ поручалось нести законы, избирались изъ различныхъ трибовъ Аѳинскихъ, изъ числа женщинъ *замужнихъ и рожденныхъ отъ законнаго брака*; предписывалось имъ проводить дни предшесвующе пражнику въ уединеніи, предаваясь набожности, избѣгать всѣхъ изъявленій семейспвенной нѣжности.

Приглашая такимъ образомъ матерей семействъ, чпобы онѣ содѣйствовали выгодамъ полиптики и религіи, возводивъ ихъ въ dospoinство жриць закона, ввѣряя имъ священнослуженіе общественное, не значило лц побуждать ихъ, чпобы онѣ спраспно спарались внушать сынамъ Греціи почпеніе къ древнему ученію и любовь къ народнымъ поспановленіямъ? Нѣтъ сомнѣнія, чпо сія роль была довольно важна, дабы удовлешворить честполюбію Греческихъ женщинъ и предохранить ихъ отъ искушенія похищать полипическую власпъ, клеветы, копорую возводилъ на нихъ Ариспофанъ въ одной изъ своихъ оспроумныхъ буффонадъ, подъ названіемъ: *Женщины-Ораторы*.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, чпо женщины совершали полное жречество. Первые законодапели націи приняли въ свои религіозныя поспановленія все, чпо нашли лучшаго въ религіяхъ другихъ народовъ: они собрали все опдѣльно разсѣянныя привилегіи женскаго жрече-

спва у другихъ націй и обогатили ими свою опчизну. Съ одной спороны въ еокрайническомъ Египтѣ ревностно спарались воспрепятспвовапъ нравспвенному вліянію женщинъ; едва давали имъ мѣспо *служанокъ* въ храмахъ: Греческіе законодапели не сполько не подражали Египетскимъ, но еще назначили для нихъ лучшіе храмы и всѣ почеспи жречеспва. Съ другой спороны въ храмахъ Магога и Команы было множеспво хоровъ, соспавленныхъ изъ нѣсколькихъ пысячъ дѣвъ; Греческіе законодапели, справедливо не довѣряя дѣйспвію, которое долженспвовали производипъ сіи легіоны молодыхъ женщинъ, поющихъ и панцюющихъ, на Грековъ, споль склонныхъ къ энпузіазму, уменьшили въ своемъ жречеспвѣ число сихъ гіеродуль. Говоряпъ даже, чпо Элевзинскія мапроны научали гіеродуль болѣе важнымъ движеніямъ свяпыхъ дѣвъ Сіона, чѣмъ рѣзвымъ пляскамъ дѣвъ Каппадокійскихъ.

Съ порядкомъ, споль мудро организованымъ, Греческія жрицы соединяли всѣ мелкія выгоды и пособія, споль много содѣйспвующія покоренію умовъ. Дѣйспвипельно, съ важнымъ жаракперомъ ихъ служенія, съ вліяніемъ, которое еспеспвенно имѣли вдохновенія пророчицы, опкровенія гіерофаншиды, благословенія и проклятія жрицы *, съ спрогоспью добродѣпе-

* Изъ примѣра Феано, которая опказалась прокляспь Ал-

лей и двѣспвенной чистопой всей жизни, соединялось еще благородство рожденія, очарованіе красопы, коспюма, пышноспи обрядовъ, блеска игръ, празднеспвъ и поржеспвенныхъ шеспвій.

Великая жрица Цереры всегда избиралась изъ первѣйшей Аѳинской фамиліи Филлеидовъ; время-численіе публичныхъ актовъ велось опъ того года, въ которѣй была избрана сія гіерофаншида *. Гереры избирались Архонпомъ - Царемъ; великою жрицею Діонисіакъ была именно жена Царя-Архонта **. Тесмафоріазусы избирались изъ знаменитѣйшихъ Аѳинянокъ; но предпочипалась слава, приобрѣпленная красопю.

Нѣптъ сомнѣнія, что не всѣ Греческія жрицы равнялись знапностью породы и красопю; но плѣнительный и вмѣспъ величеспвенный, коспюмъ, изобрѣпленный сею націей, имѣвшей споль понкій вкусъ, для жрецовъ и жриць, служилъ нѣкопорого рода дополненіемъ къ породѣ и красопѣ. Сей коспюмъ, коего различныя измѣненія спарापельно описаны многими авпорами, копорого великолѣпіе и важность изобра-

квіада, говоря, что она жрица для того, чтобы благословлять, видно, что и проклятіе соспавляло шакже принадлежность жриць.

* Чандлеръ, *Inscript.* XX, р. 78.

** Мнѣніе доспойное вѣроятія.

жають безчислѣнные оставшіеся памятники, состоятъ большею частію изъ бѣлой пуники, пурпурнаго плащя, повязки, гирлянды изъ лавровъ, мирповаго или изъ маковыхъ цвѣтовъ вѣнка. Великая жрица Цереры опличалась золотымъ ключемъ, висѣвшимъ на плечѣ. Проспяя гіеродулы, канефоры и ликнофоры, обремененныя корзинами съ цвѣтами и плодами, миспическимъ вѣяломъ, или красивыми урнами, опличаюцца всегда на памятникахъ прелесною одежды и благородствомъ позъ, кои такъ еспешивенны въ искусствѣ Греческомъ, ибо арписпы подражали напурѣ, находившейся у нихъ предъ глазами.

Можно подумать, что нація сія была со-творена единственно для празднествъ, игръ и торжественныхъ церемоній: столь спрастно была она къ нимъ привержена, такимъ вкусомъ опличались онѣ у ней. Можно подумать, что она усѣяла спрану свою такимъ множествомъ храмовъ, капищъ, статуъ и религіозныхъ памятниковъ всякаго рода, только за тѣмъ, дабы размножитъ въ пользу своихъ жрицъ случаи приниматъ поклоненія людей и пересылатъ ихъ на крыльяхъ своихъ молитвъ къ божеству. Ученый Меурсій собралъ изъ древнихъ писателей извѣстія о Греческихъ праздникахъ и начелъ ихъ цѣлый *легіонъ*; но многіе

имъ еще пропущены *. Трудно бы было опредѣлить, которые изъ нихъ были прекраснѣе, величественнѣе: Панаѳенейскіе ли, Діонисіакскіе, или Элевзинскіе; едва рѣшаемся сказать, что въ Элевзинскихъ церемоніяхъ ѳесмофорій была величественнѣе шествія съ факелами; едва осмѣливаемся объявить, мы, суровыя чада девятнадцатаго вѣка, что самымъ очаровательнымъ пляскамъ юныхъ гіеродуль, ихъ бивваемъ, наилучше усвоеннымъ **, предпочли бы мы попростое, чистое пѣніе, коимъ онѣ сопровождали религіозныя церемоніи. Утвердительно можемъ однакожь сказать, что сіи празднества, сіи примѣры и уроки, подаваемыя жрицами Греческими, имѣли весьма великое вліяніе на искусство, нравы, общественное состояніе и цивилизацію. Мы очень понимаемъ, что сіи прекрасныя произведенія Греческаго рѣзца, эпі чистыя, исполненныя прелестныя формы, все сіе высокое вдохновеніе, коимъ опличается Греческое искусство, было просто отраженіемъ дѣйствительности, поражающей взоры артиста. Но этого мало: вліяніе женскаго жречества было гораздо сильнѣе; оно особенно отразилось не только въ народныхъ нравахъ, учрежденіяхъ общественныхъ, но и въ томъ, что называется ге-

* См. Меурсія *Graecia Feriata*.

** См. Меурсія, р. 135.

ніемъ націи, по еспь, во всемъ образовавшемъ ея судьбу и объясняющемъ ону.

Въ *Путешествіяхъ Младшаго Анахарсиса* находипся слѣдующій порпретъ: » Аѳинянки, удаленныя государспвенными поспановленіями опть общеспвенныхъ дѣлъ, склонныя по вліянію климапа къ нѣгѣ и сладоспраспію, *частю* ограничиваюпть все свое чесполубіе только шѣмъ, чпобъ ихъ любили; не занимаюпся ни чѣмъ, кромѣ своего убранспва; имѣюпть одну добродѣпель, спрахъ безчеспія. Онѣ ищачпельно скрываютъ свои связи и только весьма немногія изъ *нихъ прославились* своими любовными приключеніями.« Мы не ѳспориваемъ у Анахарсиса особенной наблюдательности; но, если по милоспи его секретаря, въ книгѣ его мало находипся мѣсптъ, обнаруживающихъ Скиѳа, по по крайней мѣрѣ это мѣспо принадлежиптъ къ числу таковыхъ. Путешеспвенникъ наблюдалъ женщинѣ въ піэсахъ Ариспофана, но памѣ заключаюпся только нравы дурнаго общеспва Аѳинѣ. При помѣже онѣ, по несчаспію, мѳщаль Грецію въ то время, когда уже въ ней начинался упадокъ нравспвенности, и женское жречеспво весьма много упрापило уваженія. Но нравы Грековъ погда только были хороши, когда сіе жречеспво сохраняло еще все свое вліяніе.

Эпо доказывається однимъ достопримѣчательнымъ происшествіемъ : прежде полнаго учрежденія женскаго жречества, Элада погрязла въ невѣжествѣ, была спраною безславною; она упала вмѣстѣ съ упадкомъ сего жречества.

Очевидно, что сіе жречество долженствовало паспѣ вмѣстѣ съ вѣрованіями, подавшими поводъ къ его учрежденію; но какъ могло оно сопротивляться успѣхамъ философіи и скептицизма? Наиболѣе достопримѣчательно, что сіе жречество было сокрушено именно тѣми людьми, для коихъ нужнѣ всего было сохраненіе онаго, копорые, прибирая чрезъ сокрушеніе его въ свои руки всю жреческую власпѣ, лишали самихъ себя нужной подпоры.

Дѣйствительно жрецы смотрѣли съ негодованіемъ и зависпѣю на могущество женскаго повпификаша; они искусно разочли его паденіе, не поспигая, что могущество и женскаго и мужскаго жречества тѣсно связаны между собою, и что ихъ паденіе въ послѣдствіи долженствуетъ быпѣ общимъ. Эпо всегдашняя борьба власпей, имѣющая вѣчнымъ испочникомъ ихъ взаимное ослѣпленіе. Монархія не рѣдко уничпожаетъ аристокрапію для того, чтобы спастъ лицомъ къ лицу съ демокрашіей, копорая, поглотивъ оспашки и шой и другой, падаетъ нако-

нець: изнеможенная опть своихъ излишеспвѣ въ челюспи деспопизма. При сихъ боръбахъ, смопрѣ по обспояпельспвамъ, упопреляюпся различныя оружія; но одно изъ сихъ послѣднихъ всегда упопрелительно: эпю не насиліе, заспа-вляющее вопіятъ и малыхъ и большихъ, не на-силіе, на копорое всякой указываетъ пальцомъ; но хипроспъ, скрывающаяся подъ масками вся-каго рода, полипика, имѣющая для сильныхъ особенную прелеспъ, но всегда дорого доспа-ющаяся слабымъ.

Высочайшую спепенъ жречеспва женскаго со-спавлямо доспоинспво Дельфійской ппѳониссы, принимавшей изреченія оракула. Сіи изреченія долго управляли Греціей. Въ эпюмъ учрежденіи въ удѣль женщинамъ доспалась роль весьма важная; очевидно, чпо въ полипикку древней Греціи входило намѣреніе оппнатъ у жрецовъ споль опасное оружіе, ввѣривъ его полу сла-бѣйшему и менѣе честполюбивому. Однакожь жрецы нашли весьма простпой способъ похи-спптъ у женщинъ выгоды сего положенія, не обнаруживая своихъ намѣреній. Они всегда вы-бирали въ жрицы молодыхъ дѣвицъ, наименѣе умныхъ и лишенныхъ воспитанія *. Той же полипиккъ слѣдовали и въ Додонѣ. Храмъ сей

* Плушархъ, объ Оракулахъ.

основали жрицы и долго занимали въ ономъ первое мѣсто, но въ послѣдствіи содѣлались слѣпыми орудіями жрецовъ. Додонскихъ жрицъ обманули, увѣряя, что лишаютъ ихъ власпи для ихъ же выгоды. Имъ сказали, будто Віопійцы умерщвили одну изъ нихъ. Слѣдуя за жрицами изъ храма въ храмъ, вы слѣдуете за поспешными, несправедливыми похищеніями у нихъ власпи жрецами. Въ исторіи Элевзинской мы находимъ, что нѣкоторыхъ гіерофанпидъ наказывали за присвоеніе себѣ обязанностей Церериной жрицы. Таковыя же случаи должны стповали бытъ и въ другихъ мѣстахъ; ибо свойспвенны челоуку. Похищеніе во времена Ариспофана, кажется, было совершено вполне. Сей послѣдній любитъ непрерывно раздражать зависть женщинъ и всюду описываетъ ихъ исполненными негодованія на общій деспотизмъ мужчинъ. Кто желаетъ удостовѣриться въ семъ, тому спойтъ только прочесть, въ четвертомъ дѣйствіи *Церериныхъ Празднествъ*, изображеніе мужчинъ, дѣлаемое женщинами.

Сами женщины также содѣйствовали упадку ихъ собственнаго могущества; онѣ уступили жрецамъ храмы, философамъ владычество надъ умами. Онѣ пренебрегли прекраснымъ Эфесскимъ учрежденіемъ, въ слѣдствіе коего должны были занимать наспавленіемъ юношества; на-

дѣлали множество и другихъ ошибокъ. Въ нѣкопрыхъ празднествахъ, гдѣ жречество ихъ играло главную роль, онѣ не умѣли удержаться на черпѣ, опдѣляющей энпузіазмъ опъ сумазбродства, религиозное испуление опъ пошлаго буйства вакханокъ. Въ храмѣ Венеры не умѣли опличить прелести опъ соблазна. Когда опечество ихъ обогатилось торговлею, наполнилось предметами Азіяпской роскоши, то и онѣ предались всеобщей изнѣженности. Геродумы и геперы содѣйствовали упадку жейскаго жречества своимъ легкомысліемъ, еще болѣе чѣмъ жрецы своей полипикой и философы мудрованіемъ. Мы не спанемъ описывать всѣ заблужденія сихъ дѣвъ.

Между пѣмъ Элевзинскія гieroфанпиды и гереры Аонскія, узнавъ о безпорядкахъ жриць Пафосскихъ и Коринѣскихъ, воспылали негодованіемъ. Съ того времени Греческія мапери семействъ поняли, что ихъ гиней сдѣлался для дочерей ихъ убѣжищемъ болѣе приличнымъ, нежели храмъ.

Изъ исторіи Греческой явствуетъ, что женщины были попеременно пророчицами, основательницами храмовъ, амазонками, героинями, жрицами. Но въ эпоху упадка Греція онѣ сдѣлались *просто хозяйками*. Наконецъ жрецы, философы, рипоры, софиспы воцарились вполне, и не спало болѣе высокаго назначенія для

Греческихъ женщинъ; утратила Греція своѣ празднества моральныя; погибли нравы націи. Чпо я говорю? Исчезла и самая нація: она слилась, по взятіи Коринѳа, съ міродержавнымъ народомъ Рима, слилась, какъ сливаются во время большаго пожара низкіе металлы съ благородными.

Не рѣшаемся сказать утвердительно, чпо погубило Грецію: уничтоженіе ли женскаго жречества, или упадокъ онаго вообще, владычество ли философіи или успѣхи всеобщаго разврата, эпикуреизмъ или скептицизмъ; ибо знаемъ и еще другія причины содѣйствовавшія ея гибели. Но замѣтимъ, чпо паденіе полиѳики, философіи, религіи и нравовъ, современно паденію женскаго жречества.

Заключеніе сіе естъ изложеніе важнаго факта.

Такова участь всѣхъ народовъ, въ недрахъ коихъ женщины не исправляютъ, подъ какимъ бы по ни было вѣдомъ, нравственнаго жречества, принадлежащаго имъ по высшему назначенію. Безъ сего жречества нѣтъ ни нравовъ, ни семейственнаго духа, а безъ сего послѣдняго нѣтъ и духа народнаго; безъ народнаго же духа нѣтъ и націи.

Нѣтъ сомнѣнія, чпо и безъ сихъ условій нѣкоторые опідѣльныя лица усиливаются еще сохранить оспатокъ жизни, сражаясь съ оспатками идей; но когда сіи оспатки не связуются чувствомъ моральнымъ, не поддерживаются ни

взаимной преданностью другъ къ другу гражданъ, ни энтузіазмомъ къ общему дѣлу, по роль націи оканчивается. Могутъ еще являться знапоки въ *формализмъ* разныхъ учреждений, могутъ нѣкоторыя лица, коимъ сіи учреждения поручены, съ искусствомъ приводить въ исполненіе свои порученія; но когда всей націей овладѣваетъ эгоизмъ, тогда на алпаряхъ общесва возсѣдаетъ *безбожіе*; по еспь, ничпожество воцаряется на развалинахъ.

Нѣтъ общесвеннаго апейзма, гдѣ еспь нравы; а нравы всегда бывають, когда еспь духъ семейсва. Тамъ и нравы и духъ семейсва, гдѣ мать совершаетъ предъ дочерью и сыномъ обязанности нравсвеннаго жречесва; ввѣреннаго ей Провидѣніемъ, гдѣ она усердно внушаетъ имъ спраспную любовь къ общему благу, законамъ, учреждениямъ и славѣ рпечесва.

Заводите, какъ можно болѣе такихъ учреждений, копорья бы исполняли гражданъ энтузіазмомъ и возраждали завись въ чужеземцахъ, и будите увѣрены, что національные нравы снова воспримутъ весь блескъ свой вмѣстѣ съ нравами семейсвенными.

МАТТЕРЪ.

IV.

БѢЛЫЙ ВОЛОСЪ.

РАСКАЗЪ.

Лѣтъ за пятьдесятъ предъ симъ, плыль я изъ Гавра въ Руань, въ большой съ парусомъ и веслами баркъ, посредствомъ коей производилось тогда сообщеніе между упомянутыми городами.

Во время путешествія нашего не случилось ничего доспопримѣчательнаго. Погода была благопріятная: мы быспро неслись при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ; но вдругъ, нѣсколько повыше Кодбека, въ такомъ мѣспѣ рѣки, гдѣ не было замѣпно ни круговоропа, ни опмѣли, барка раза при опдалась назадъ, какъ будто встрѣпя непреодолимое препятствіе. Принялись за весла, перемѣнили направленіе руля; но не взирая на помощь весель и попутнаго вѣпра, барку снова опнесло назадъ; между тѣмъ неподвижный рулевой, сохраняя спокойное хладпокрое, переспалъ правивъ судномъ и приказалъ гребцамъ прекратити греблю, говоря равнодушно: » Погодите!

Это бездѣлица! *Бѣлый волосъ!* — Послѣ сего оп-
вѣпа всѣ или почти всѣ, успокоились; каждый
смирно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, за исключені-
емъ одного Пикардскаго мѣщанина, съ копо-
рымъ я познакомился въ Гаврѣ, и любопыт-
ство коего сильно было разшевелено немноги-
ми словами рулеваго. Не желая обнаружить,
что онъ одинъ не знаетъ того, что, по види-
мому, всѣмъ такъ извѣстно, робко подошелъ
онъ къ пассажиру, котораго, стоя въ удаленіи
отъ другихъ, посвистывалъ и глядѣлъ разсѣян-
но на струнный слѣдъ барки, уже продолжав-
шей путь свой.

— «Милоспивый государь!» сказалъ Пикардіецъ:
»не можете ли вы объяснить мнѣ, въ чемъ со-
стояло препяпство, принудившее насъ за нѣ-
сколько минутъ предъ симъ остановиться?»

— Развѣ рулевой не сказалъ вамъ? Этому при-
чиной бѣлый волосъ.

— «Да что такое это бѣлый волосъ?»

Тогда пассажиръ обернулся къ нему, взглянулъ
на него съ удивленіемъ и, подумавъ немного,
сказалъ: » Не знаю! « Послѣ чего продолжалъ
свиспать.

Два человѣка, сидѣвшіе на кипахъ поваровъ,
въ защитѣ отъ вѣтра и лучей солнечныхъ,
играли въ карты; ихъ лица, оплывавшіяся

чистосердечностію и просподушіемъ, внушили довѣренность Пикардійцу. Онъ долго смопрѣлъ на игру ихъ, показывалъ видъ, что принимаетъ въ ней участіе, и наконецъ предложилъ имъ тѣмъ же вопросъ.

— »ВѢЛЫЙ волосъ!« вскричалъ одинъ изъ нихъ. Тѣфу пропась! Нельзя ни разу проѣхать по этой рѣкѣ, чтобъ тебя не озадачили эпимъ вопросомъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ я ѣзжу по торговымъ дѣламъ каждый мѣсяцъ два раза изъ Кильбѣфа въ Ля-Буль, изъ Ля-Буля въ Кильбѣфъ, слѣдственно, если не ошибаюсь; въ десять лѣтъ это путешествіе совершено мною чепыреспа восемьдесятъ разъ; но всегда въ эпимъ самомъ мѣстѣ встрѣчалъ я такое же, какъ теперь, препятствіе, и рулевой вѣчно повпоряетъ: *»не безпокойтесь: это бѣлый волосъ!«* Признаюсь однако вамъ, что мнѣ никогда не приходило въ голову требовать объясненія сихъ словъ; да вѣроятно шутъ и любопытнаго мало. «

— »Эта старая сказка здѣшнихъ жипелей,« прибавилъ товарищъ его; »какое нибудь повѣрье о чемъ либо сверхъестественномъ; мы ничего объ эпимъ не знаемъ.« Они продолжали играть.

Пикардіецъ, ободрясь, смѣло подошелъ съ тѣмъ же вопросомъ къ толпѣ пассажировъ, которые стояли возлѣ гребцовъ. Къ нему обратился

человѣкъ сухой, смуглой, съ круглымъ, выпуклымъ лбомъ и большой лысиной.

— » При помощи этимологiи «—сказаль онъ—
«весьма легко объяснишь, что такое бѣлый волосъ. Слово *волосъ*, въ эпомъ случаѣ, есть слово испорченное, и не значить рѣшительно ничего, не смотря на все то, что объ немъ рассказываютъ; по счастью, этимологiею можно исправить недостатки преданiя. *Волосъ*, *cheveu*, есть тоже что *gebennes* Цельпическое слово, изъ коего Французы сдѣлали *sévennes*, а Нижне-Брепонцы *séveins*, что значить *холмъ*, *возвышенность*. Но между *séveins* и *cheveu* разницы очень мало, слѣдственно *cheveu blanc*, или лучше *sévein blanc* есть не что иное, какъ мѣловой холмъ или опмѣль, препятствующая иногда судамъ идти. «

— » Вы сами не знаете, что говорите «, возразилъ дюжій мясникъ, опнявъ опъ рта трубку и выпуспивъ огромное облако дыма: » въ эпомъ мѣстѣ на днѣ рѣки нѣтъ ни мѣловыхъ опмѣлей, ни Нижне-Брепонцевъ. Если бы здѣсь существовали мѣловыя опмѣли, такъ вода была бы бѣлаго цвѣта, а вы видите, что она имѣетъ цвѣтъ обыкновенный. «

— » Эпо можно объяснишь иначе! « опивчалъ ученый многоязычникъ. » Слово *бѣлый*, *blanc*, ничего не значить; нѣтъ сомнѣнiя, что эпо ис-

порченное *black*, означающее на древне-германскихъ нарѣчіяхъ *черный*; и такъ бѣлый волосъ есть не что иное, какъ *черный холмъ*. «

— »Ну васъ къ чорпу, съ вашей этимологіей!« закричалъ человекъ съ пружкой. » Я слыпалъ опть людей вѣрныхъ, копорые видѣли собственными глазами, вопть такими же, какъ у меня, что бѣлый волосъ заграждаетъ рѣку опть одного берега до другаго. Это, сударь, не что иное, какъ бѣлый волосъ! «

Ученый улыбнулся. »Можно найпи другое объясненіе,« прибавилъ онъ: »*живосъ* означаетъ песчаную опмѣль. « . .

— »Въ этомъ мѣспѣ нѣпть и никогда не бывало песчаной опмѣли,« сказалъ одинъ изъ гребцовъ, привспавъ со скамьи.

— » Мы имѣемъ «— продолжалъ неисчерпаемый этимологиспъ— »еще слово *gave*, копорое на Романскомъ языкѣ означаетъ опрасль *виноградной лозы*«. . .

Всѣ захохотали; гребецъ снова взялся за весло, мясникъ за пружку; ученый замолчалъ; но и послѣ сего доспопримѣчательнаго пренія, для моего Пикардійца вопросъ о бѣломъ волосѣ оспался загадкою. Я кивнулъ ему головою; онъ подошелъ ко мнѣ.

— » Для чего вы не спросите у меня? «

— Вы не изъ здѣшней провинціи.

— » Что вамъ до эшаго за дѣло! «

— Какъ! не ужели вы знаете это преданіе, не сохранившееся даже въ памяти живелей здѣшней страны?

— »О! рыбаки Діэпскіе и дровосѣки Бронпонаго лѣса, могутъ вамъ много объ этомъ разсказать, только съ большими искаженіями. Нынѣ одинъ я знаю наспоющую испорію бѣлаго волоса. Да върипе ли вы въ магію? «

— Разумѣется нѣтъ.

— »Тѣмъ хуже. Кажется оплучительныя буллы, рѣшенія соборовъ, опредѣленія парламентскія должны бы вразумить васъ, что нѣкогда существовали люди, которые при помощи генія и науки, приобрѣли себѣ могущество сверхъестественное; чудеса, производившіяся ими, были ихъ современниками приписываемы пособію ада. Правда, это искусство часно обнаруживалось мспичельными, злопворными поступками; ибо сіи люди были раздражены несправедливостью, которую къ нимъ оказывали, гоненіями, проповь нихъ воздвигавшимися. Это священное пламя, долженствовавшее ярко озарить міръ и содѣлать человѣческое могущество почти равнымъ могуществу Бога, угасло подь двойнымъ хладнымъ дуновеніемъ насмѣшки и фанатизма. Презрѣнные фигляры, пыпавшіеся идти по слѣдамъ сихъ мужей, совершенно уничтожили всякое къ нимъ

довѣріе; пѣмъ не менѣе однакожъ сіи великіе мужи сущеспвовали.»

— Не ужели вы вѣрипе колдунамъ?

— »Вѣрю силъ науки—не волшебспва; всемогущеспву генія — но не дьявола! Сколько вещей казались прежде свержеспспвенными, которыя нынѣ весьма еспспспвенно объясняюпся физикой или химіей, гальванизмомъ или магнепизмомъ, хопя сіи науки едва полько возродились и находяпся еще въ колыбели? Почему начало всѣхъ ложныхъ религій сопровождалось чудесами? Попому, что убѣжищемъ наукъ были погда полько храмы, а единспспвенными учеными жрецы; которые однакожъ не опвергали въ послѣдспвіи сущеспспвованія чудесп, раждаемыхъ магіей, полько приписывали ихъ силъ демонской.»

— Соглашаюсь вѣришь всему, что вамъ угодно, полько расскажите мнѣ испорію бѣлаго волоса! воскликнулъ собесѣдникъ мой.

Однакожъ я почицалъ необходимымъ сдѣлать ему еще нѣсколько поученій и удостовѣрипся физіологическими наблюденіями, что въ душу его начиналъ вливатьсѣ елей вѣры: вѣра необходимое условіе, иначе орапоръ не произведетъ никакого впечатлѣнія на слушапелей; послѣ чего мы расположились, сколько можно удобнѣе, на шюкахъ, по близоспи насъ находившихся, и я началъ расказъ мой.

— » Гюй д'Альбротъ былъ седьмой сынъ и сынъ незаконнорожденный благороднаго Графа Удаля, жившаго въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, владѣвшаго богатѣйшими помѣстьями въ Нормандіи, Лилльбоннѣ и Монпвилье. Происхожденіе Гюя д'Альброта достопримѣчательно тѣмъ, что онъ съ маперней спорны вель родъ свой отъ Герцога Ричарда-Безспрашнаго, начиная съ коего проспиралась цѣлая цѣпь незаконнорожденныхъ, въ печеніи чепырехъ соплъ лѣпъ одинъ за другимъ слѣдовавшихъ, копорая заключалась д'Альбротомъ.

» Гюй былъ презираемъ братьями своими и съ дѣтства несчастіе приучило его къ размышленію. Онъ удалялся, сколько могъ, изъ замка своего отца, гдѣ удѣломъ его было только одно уничтоженіе; бродилъ по холмамъ Гонфревиля и Сен-Вигора, устремлялъ воспорженные взоры на долины, у ногъ его распилавшіяся, на волны Сены, сливавшіяся съ морскими волнами. Тамъ онъ былъ свободенъ; тамъ гордое чело его просіявало радостью, и не иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшей горести, только при наспуленіи ночи, возвращался онъ подъ кровъ опеческой.

» Возвращаясь находилъ онъ шестперыхъ братьевъ своихъ въ большой залъ, обитой проснникомъ и соломой, спокойно сидѣвшихъ предъ каминомъ.

на богатой скамьѣ со спинкой; посреди ихъ за-
сѣдалъ благородный Графъ Удадь; у ногъ
смирно лежали псы. Графъ, для поученія домо-
чадцевъ своихъ, важно бесѣдовалъ о поединкахъ,
охотѣ, турнирахъ и соколахъ.

» Думая, что по причинѣ вниманія, возбуж-
даемаго сими благородными бесѣдами, и дыма,
омрачавшаго большую залу, приходъ его не бу-
детъ никѣмъ замѣченъ, Гюй робко и тихо про-
бирался къ обычному своему мѣсту, на скамью
пажей и конюховъ; но соколы, испуганные или
пробужденные внезапно его приходомъ, махали
крыльями и звенѣли колокольчиками, собаки при-
вѣспивовали его рычаніемъ, а опецъ встрѣ-
чалъ родипельскими упреками, за то что онъ
пренебрегалъ бытъ при споль благородныхъ
разговорахъ; брапя же успремляли на него
взоры, въ коихъ было написано: » ему ли лю-
битъ шакія высокіе предметы! «

» И дѣйствительно, Гюй д'Альбропъ, вопреки
обычаямъ знапныхъ людей, не умѣлъ ни дѣй-
спивоватъ копьемъ, ни ловко попадатъ кинжа-
ломъ въ мѣсто, не защищенное лапами, ни раз-
биватъ на всемъ скаку ударомъ булавы спарый
заржавѣвшій шлемъ, повѣщенный на сполбѣ сре-
ди почепнаго луга; не умѣлъ обѣзжатъ ло-
шадей, учипъ собакъ, направлятъ свиспкомъ
полетъ сокола. Чпоже онъ умѣлъ, бѣдняга? Онъ

умѣлъ чипапъ; но и эпо въ глазахъ брапьевъ его служило только новымъ доказапельспвомъ его поспыднаго происхожденія.

» Тѣмъ, что онъ умѣлъ чипапъ, Гюй былъ обязанъ капеллану замка, человекъ, которъй по окончаніи курса богословіи, соблазнясь мірскими науками, скрывалъ подъ клобукомъ и видомъ смиренія и набожности умъ споль просвѣщенный, что былъ на пупи заслуживъ почепное мѣсто на инквизиціонномъ коспрѣ.

» Опслуживъ упромъ корошкую и скороспѣшную обѣдню для Графа Удаля, Евсевій или Берспрамъ, имени ей-ей! не припомню, посвящаль своему пипомцу попеченія свои со всѣмъ усердіемъ, къ коему способенъ человекъ, которъй въ ученикѣ, имъ избранномъ, видилъ будущаго единомышленника.

» Дабы пробудить воображеніе молодаго человека, Евсевій заспавлялъ его съ начала чипапъ пворенія Брабанпскаго Францисканца Вильгельма Руисброска, прозваннаго послѣ Рубруквисомъ, и не менѣ чудесныя пупешествія Англійскаго кавалера Мандевиля, производившаго опъ племени Нормандскаго. Такое чпеніе чрезвычайно нравилось Гюю. Однажды, прочпя главу, гдѣ Мандевиль говоритъ о Сицилійскихъ змѣяхъ, которъя будпо бы пожираюпъ незаконнорожденныхъ

дѣшей *, Гюй испугался, чпобъ и съ нимъ по-гоже не случилось. — » Правда ли эпо, отецъ мой? « спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — »Быть можетъ и правда,« отвѣчалъ наставникъ, копорый съ радостію увидѣлъ возможность достигнуть цѣли своей; » но есть способы заклипать сихъ вредныхъ пварей. Эпо одно изъ наименѣ прудныхъ дѣйствій пайнспвеннаго искусства, коимъ обладаютъ нѣкоторыя любимцы науки, награждаемые въ наши дни полько клеветою; ибо люди хопя и угнепаяютъ ихъ, но пользуются ихъ открьпціями. Не магикъ ли былъ Рожеръ Баконъ, изобрѣпшій въ минувшемъ вѣкѣ зажигапельныя зеркала и научившій какъ соспавлять порохъ, употребляемый нынѣ въ бипвахъ и долженспвующій измѣнить нѣкогда всю полипическую судьбу міра? Сынъ мой, могущество Бога безпредѣльно; но человекъ созданъ по Его образу и подобію, а попому и человѣческое могущество также весьма велико. «

Первое основаніе положено; воспитанникъ дѣлалъ новые вопросы и учипель объяснялъ ему, какимъ образомъ, при помощи мепалловъ, въ опредѣленной соразмѣрности смѣшанныхъ, соковъ распипельныхъ, взгляда и воли, даже нѣкопорыхъ пѣлодвиженій, совершающихся въ

* Путешествія Мандевилля, глава о Сициліи.

атмосферѣ, кою мы окружены, и безъ копорой жипть не лзя, могли люди приобрѣпати могущество, на копорое клеветало полько невѣжество и заблужденіе; но коимъ Богъ оскорбляться не можесть, ибо даръ сей достается въ удѣлъ единствененно избраннымъ Его.

» Гюй снова принялся за книги; онъ опять изумился, читая мѣсто, гдѣ Рубруквисъ говоритъ, что за Кипаемъ есть справа, благопріятствуемая небомъ, кою жипели живуть весьма долго и умирають, не узнавъ ни спасенія, ни болъзней, сопряженныхъ съ нею *. Эта мысль о долговременной жизни и вѣчной юности исполнила воображеніе Гюя д'Альброта ощущеніемъ удовольствія, еще неопредѣлительнаго, но сладостнаго, подобнаго надеждѣ. — » Опецъ мой! « сказалъ онъ: » возможно ли это? « — » Не знаю, отвѣчалъ священникъ; но не могу, по причинѣ невѣжества моего, опровергать истинны сего описанія. Быть можесть, что всѣ жипели сей спраны знаютъ магическія тайны. Не говоря о Кипаѣ, неужели ты не слыхалъ о нѣкопорыхъ привилегированныхъ людяхъ, коимъ, кажется, было извѣстно искусство продолжати существованіе ихъ далѣе обыкновенныхъ предѣловъ жизни? Евреи, Арабы, Греки вѣрили въ возможность сего чуда. Хотя

* Путешествія Рубруквиса.

и причислено къ баснямъ возвращеніе юности Язону дочерью его Медеею, но можетъ быть это было истинное происшествіе. Ты знаешь повѣствованіе о Жидѣ, который вспрѣпился Спасителю на пути къ лобному мѣсту. Этого Жидѣ, какъ говорятъ, бродить еще и пещеръ по свѣту? Преданія Раввиновъ свидѣльствуютъ, что и Моисею была извѣсна пайна долговѣчності, но онъ не хотѣлъ пользовацца ею. Моисей былъ одаренъ высокою мудростію, которая явствуетъ именно отсюда. Вотъ все, что мнѣ объ этомъ извѣстно! «

» Молодой человекъ слушалъ съ восторгомъ. Чудесные рассказы Мандевила и Рубруквиса и наставленія Евсевія исполнили сердце его пламенною страстью къ наукамъ и непреодолимымъ желаніемъ путешествовать; хотя путешествовать не могъ. онъ безъ воли отца, но учиться могъ. Въ этотъ же вечеръ, когда въ замкъ всѣ улеглись, онъ заперся въ комнакѣ, служившей жилищемъ капеллана, и взялъ первый урокъ.

» И такъ вотъ уже Гюй д'Альбротъ на пути къ древу познанія добра и зла, съ надеждою сорвать плодъ науки, спомъ часно спановящейся ядовитымъ въ рукахъ нашихъ. Теперь нужно васъ познакомить съ нимъ съ другихъ споронъ, не менѣе необходимыхъ для яснаго ура-

зумѣнія повѣспованія моего; послѣ чего объ-
щаю вамъ ускорить расказъ, ибо вижу не-
перпѣніе, коимъ вы горите узнать наконецъ,
что такое бѣлый волосъ.»

— Ваша правда, отвѣчалъ Пикардіецъ.

» Гюй Д'Альбротъ имѣлъ прекрасную наруж-
ность и гордился эпой красотою, симъ опти-
чипельнымъ даромъ, коимъ природа наградила
всѣхъ его незаконнорожденныхъ предковъ. По
крайней мѣрѣ въ эпомъ отношеніи брагья не
презирали его, но еще завидовали ему, ибо они
были живыми изображеніями Графа Удаля,
имѣвшаго испинно рыцарское лице, годное поль-
ко для того, чтобы пряпачъ его подъ забра-
ломъ, лице, коего не могли испорчить удары
сабли и палаша. Гюй думалъ, что дорожитъ
красотою своею единспвенно изъ мспипельно-
спи и не упускалъ ни одного случая выказатъ
ее съ выгодной спороны, къ великой досадѣ
шесперыхъ брагьевъ своихъ, копорые не мог-
ли въ эпомъ случаѣ соперничеспвовать съ
нимъ. Хопя онъ носилъ полспыя рубашки,
такія же, какія носили пажы и слуги, между
пѣмъ какъ на брагьяхъ его были всегда спон-
кія; хопя опоясывался широкимъ ремнемъ,
на копоромъ висѣла проспая бархатная су-
мка, а брагья щеголяли въ поясахъ съ
серебреными бляхами, съ золопыми печашам

и цѣпями; хопя шапка его была ниже, нежели у его брашьевъ, носки башмаковъ не шакъ длинны и загнуты: но все шакъ хорошо сидѣло на немъ, все шакъ къ нему шло, что дѣвушки, къ замку принадлежавшя, и сосѣдственныя дамы, увидя его, не могли удерживаться отъ невольнаго восклицанія. Не могу ручаться, бытъ можетъ и эти восклицанія, споль леспныя для слуха мѣлодаго челоуька, не менѣ наукъ и пупешеспвій занимали душу его, когда онъ мечпаль на висопахъ Сен-Вигорскихъ.

» Доказательствомъ, сему можетъ, кажется, служить слѣдующее: чѣмъ болѣе онъ приобрѣпаль свѣденій въ шпайнспвенныхъ наукахъ, шѣмъ болѣе мысли его привязывались къ цѣли, усмопрѣнной имъ при чпеніи Рубруквиса, именно продолженію жизни и сохраненію молодоспи и красосы.

» Уже чепыре года Евсевій разпчалъ для него сокровища своихъ обширныхъ познаній; но Евсевій не зналъ шпайнспва, коего пламенно добивался Альбротъ. Ни хироманшя, ни некроманшя, ни зеркала, ни магическія кольца, ни симпатическіе мепалмы, ни палисманы, ничпо не могло доспавить юному адеппу желаемаго имъ знанія. Наскучивъ его просьбами, Евсевій чиспосердечно сознался ему, что не можетъ руководспвопавъ его до желаемой цѣли. » Мнѣ

извѣстно « — говорилъ онъ ему — » что только Арабскіе философы съ успѣхомъ занимались изысканіями сего рода; ибо, прибавилъ онъ, Арабы всегда глубже другихъ народовъ проникали въ самыя важныя части тайныхъ наукъ.» При семъ же скромностію изчислилъ ему знаменитыя имена Аль-Манзора, Месса-Алага, Загола, Аль-Богазена, Али-Родоама и многихъ другихъ.

» Съ тѣхъ поръ Гюй и спалъ и видѣлъ вѣхатъ на воспокъ; скоро судьба доставила ему къ тому способъ, и довольно спраннымъ образомъ.

» Около сего времени случился походъ прошивъ Турокъ, копорые, подъ начальствомъ Султана своего Баязета, ворвались въ Венгрію. На помощь Венграмъ отправилось множество Французскихъ рыцарей, коими предводительствовалъ Герцогъ Неверскій, старшій сынъ Герцога Бургундскаго. Графъ Удадь не упустилъ этого случая поприучить сыновей своихъ къ войнѣ. Онъ объявилъ у себя въ обласпяхъ, чтобы собирались къ нему всѣ, желающіе приобрести славу. Попомъ собралъ по сему случаю съ вассаловъ своихъ, во славу Спасителя, подашь, и наполнивъ сундуки монетами съ изображеніемъ агнца, собралъ кавалерію и пѣхоту, всякаго рода военныя машины, древнія Нормандскія капанульцы, пушки и морпиры новыхъ

Французовъ; попомъ въ одно прекрасное утро, опслушавъ обѣдню и закусивъ, опиравился изъ своихъ Удальскихъ и Лилльбонскихъ помѣстій, и опсправился навсегда.

»Да! именно навсегда; ибо хопя онъ и шестъ сыновей его были закованы въ лапы изъ лучшей Миланской спали, но Турки безжалостно избили ихъ всѣхъ въ Никопольскихъ равнинахъ въ Булгаріи. Богъ съ ними! Оспавимъ ихъ въ покоѣ и возвратимся къ единспвенному существу, оспавшемуся въ живыхъ опъ сего благо-роднаго дома.

» Хопя Гюй Д'Альбропъ и находился при Никополисѣ въ свипъ опца своего, но не принималъ участія въ сраженіи, ибо Графъ Удаль давно уже думалъ, чпо младшій сынъ его, предавшійся ученію, годился полько въ монахи или въ дьячки; онъ взялъ его единспвенно для того, чпобъ онъ былъ свидѣтелемъ храброспи его и другихъ сыновей и могъ со временемъ обогатить Нормандскія хроники повѣспвованіями о его дѣяніяхъ, описанными на прекрасномъ пергаментѣ, украшенномъ карпинками и порпрепами.

»Въ слѣдспвіе сей благой опеческой воли, Гюй былъ поблизоспи опъ сражающихся, но не на боевомъ конѣ, подобно брапьямъ своимъ, а на кобылѣ (въ погдашнее время и послѣдній конюхъ не сѣлъ бы на кобылу); онъ не былъ за-

щищенъ ни шлемомъ, ни панцыремъ; ибо, по Нормандскому обычаю, только рыцари имѣли право носить ихъ. Когда же Турки разбили Христіанъ, то ученикъ Евсевія, среди общей рѣзни, сохранилъ себѣ жизнь, вѣроятно, своимъ магическимъ знаніемъ, или бытъ можетъ невѣрнаго пронула его молодость и красота.»

— »Все это очень хорошо! воскликнулъ себе-сѣдникъ мой; » но государь мой, не лѣзя ли вамъ сокращать ваши предварительныя описанія? Я еще не слыхалъ ни слова о бѣломъ волосѣ. И пакъ никакъ не можетъ объяснить эпизода; я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ удовольствовался объясненіемъ этимологическа.»

— »Вопъ уже высоты Монпиньи; я очень опасуюсь, что путешествіе наше кончится прежде вашей испорціи.»

»Будьте спокойны!« отвѣчалъ я; »сидѣть намъ хорошо, вода тихо лелѣетъ, воздухъ свѣжъ и прохладенъ, на небѣ хопя и еспь облачко, но оно не предвѣщаетъ непогоды. Я буду ускорять или замедлять рассказъ свой, смотря по силѣ дѣйствія волнъ и вѣтра, и надѣюсь прежде рулеваго достигнуть цѣли. Слушайте, начинаю.»

»Гюй д'Альбротъ ѣздилъ всюду по Азіи съ побѣдителемъ своимъ и въ теченіе сорока лѣтъ объ немъ не было слышно ничего.»

— » Въ печеніе сорока дѣтъ! «

— Да, ни болѣе ни менѣе; и шакъ зажмуришьсь на той эпохѣ, о которой я говорилъ вамъ, и откройше ихъ снова уже по исеченіи сорока дѣтъ.

(до слѣдующей книжки.)

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва. Марта 9 дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

О ПОЛЗЪ ИЗУЧЕНІЯ РОССІЙСКОЙ ИСТОРИИ ВЪ СВЯЗИ СО ВСЕОБЩЕЮ *.

Бредни и сумазбродства Исландскихъ сказокъ должны когда-нибудь прекрапиться. . .

Шлецеръ. Исторъ, введ. I. 6.

Историкъ не Лыпописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣспъ, но долженъ всему указать свое мѣспо.

Карамзинъ I. XXV.

Вопъ слова двухъ великихъ мужей, незабвенныхъ въ Русской Исторіи! Они положены мною въ основа-

* Разсужденіе изъ класса Россійской Исторіи, преподаваемой Профессоромъ Каченовскимъ, удостоенное награды золот. ТЕЛЕСК. XX.

ніе предлагаемаго сочиненія, о доспоннспвѣ коего да судипть благосклонноспть моихъ наспавниковъ. Я писалъ болѣе опы усердія, нежели опы знанія. Испочники мои видны; оспаеся сказаць нѣсколькo словъ о расположеніи.

Я начинаю общими законами развипія народной жизни, предспавивъ примѣръ оныхъ въ Европейской Испоріи, и излагаю опношеніе опечеспвенной жизни къ Западной и Воспочной Греческой.

По крапкомъ обзорніи хода Испорической нашей Липерапуры, я вывожу необходимость сравнипельнаго изученія; за симъ показываю, въ чемъ оно должно соспоять и, начерпивъ какъ-бы пеорію сравнипельнаго воззрѣнія, излагаю приложеніе оной къ нашимъ событіямъ: опносипельно религіи, гражданспвенности въ обширномъ смыслѣ и — знапельнаго просвѣщенія; послѣ сего предспавляю главнѣйшіе тезисы, слѣдующіе въ слѣдспвіе такою изученія.

И такъ моя диссерпація будетъ соспоать: изъ приспута или предложенія; изложенія или первой посылки; приложенія или впорой посылки; наконецъ заключенія или выводовъ. Силлогизмъ я предпочель другимъ формамъ, менѣе соопвѣтспвующимъ догмапическимъ сочиненіямъ.

Я почпу за особенное счастье, если сіи спроки будутъ удоспоены благосклонной снисходипельности.

пую медалью опы Императорскаго Московскаго Универсптепа. Другое, на пуже пему, заслужившее пуже награду, было напечапано въ *Ученыхъ Запискахъ М. У. Изд.*

Есть всеобщій законъ развитія жизни: онъ неизмѣненъ ни для времени, ни для мѣста. Вездѣ и во всѣхъ вѣкахъ онъ принимаетъ жизнь народную.

Вико. Новая Наука.

Преимственная переменна, безпрестанное видоизмѣненіе есть жизнь. Мерквенности и застою, въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ и бытъ не можетъ въ природѣ, какъ органической, такъ и духовной. Жизнь народа, высочайшій организмъ, какой только можно себя представить, есть живое развитіе умственныхъ и физическихъ силъ націи, условленныхъ въ своемъ пруспѣяніи и замедленіи обстоятельствомъ. Но какъ бы ни сильно было споспѣшествованіе или противодѣйствіе, жизнь всегда должна совершить обыкновенные періоды, всегда рано или поздно должна преимущественно получить попу или другой характеръ: кочующій, звѣроловный, земледѣльческій, торговый, гражданственный и государственный политическій; наконецъ умственный — всемірный; или феодалистическій, политическій и монархическій. Сей законъ, составляющій предметъ новейшей науки Философій-Исторіи, отражается во всѣхъ извѣстныхъ народахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни велико различіе въ ходѣ событій Іудейскихъ и Греческихъ, какъ ни велико, говорю, различіе между сими народами; но наблюдательный взоръ

*

испорика находить и здѣсь сходство въ развитіи, и здѣсь открываешь одинаковость: какъ же разительнѣе открывается это въ Истории другихъ народовъ! Такъ Римляне, единственный народъ, совершившій вполне свое историческое бытіе, отъ паспущескихъ набѣговъ перешелъ къ жизни осѣдой, потомъ къ общественной-городской и наконецъ къ полипической. Точно тоже видно и во всѣхъ прочихъ націяхъ; и если средняя Азія или Африка составляютъ исключеніе, то Исторія откажется, не удостоить ихъ своего святилища, едва удѣляя имъ мѣсто и въ Этнографіи: здѣсь человекъ еще не достигъ своей ступени, онъ еще въ рабской зависимости отъ природы, онъ еще не позналъ своего достоинства, своей силы, и носитъ презрѣнное названіе кочующихъ ордъ, о которыхъ и Исторія и Спаписника безмолвствуютъ, для которыхъ не наступило еще время ихъ дѣйствования и собственно *человѣческой* жизни. Въ глубокомъ благоговѣніи признаемъ въ сей послѣдовательности перстъ Божій, дающій начало и законы развитію народной жизни, воззывающій на очередь имъ самимъ избранныхъ, указующій пути и цѣли, къ коимъ должны стремиться народы, дабы проявить въ себѣ какую-либо идею, какую-либо сторону божественной истины! Будемъ вѣрить непосредственному вліянію святой воли Предвѣчна-

го въ дѣлахъ человѣческихъ: Исторія не менѣе самой природы, повѣдаеть существо Божіе, въ ней можетъ быть преимущественно открывається величіе Создателя и по справедливости можно называть ее *Судьбы Божія*, коихъ явленіе положено въ небесномъ совѣтѣ Всемогущаго Творца.

Но не ужели усилія генія, усилія Петровъ и Карловъ Великихъ бездѣйствены противъ послѣдовательности степеней жизни, противъ законовъ развитія? Не ужели вѣка Лудовиковъ и Августовъ несправедливо носятъ названія своихъ любимцевъ? Не ужели не лзя силою воли и разума передвинуть народъ, переспустивъ хотя одну ступень? Карлъ Великій, изъ варварскаго Королевства Франковъ, образовалъ спройную Имперію; Петръ Великій передвинулъ Россію изъ Азіи въ Европу. Сама Исторія свидѣтельствуетъ подлинность сихъ событій; сама Исторія даруетъ имъ титула Великихъ, мудрыхъ Государей! Спранно было бы оспаривать историческую истину, что геній можетъ ускорить ходъ образованности народа; но сіе спѣшествованіе не есть переспустленіе и припомъ не рѣдко усиленный ходъ бываетъ безъ замедленія въ послѣдствіи. Неестественность никогда не перлима въ Истории; сіи же самыя Карлъ и Петръ могутъ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ.

Оставимъ Франкскаго Императора, коего преемникъ слишкомъ доказаль, что организація его Имперіи была несвоевременна, что періоду Монархіи должна еще предшествовать Феодалная Система: возьмемъ наше Опечесиво, нашего Петра, коимъ гордимся съ досподолжною справедливостію.

Принявъ опъ Алексѣя Михайловича возрожденную Россію, споль же несходспвующую съ государспвомъ какого-либо Шаха или Бей, какъ и съ просвѣщенной Франціею, Петръ полько что опгадалъ попребноспи царспва своего. Несправедливо почитаюпъ его преобразования переведеніемъ Россіи въ Европу: маперіалы были изгоповлены; надобно было искусной рукъ геніальнаго зодчаго даровашъ имъ изящную форму. При томъ Петръ не передвигалъ Россіи: онъ присовокупилъ къ ней полько Европейскія sprawy (Балпику); и погда еспественно условія приморскаго Государспва, подъ правленіемъ любиспеля морской силы, ревниспеля славы своей націи, должны были измѣнипъся. Законы гражданскіе и церковные доспапочно созрѣли и при Алексѣѣ; военная сила, а слѣдовательно и полипическое значеніе вполне принадлежипъ Петру: но это не соспавляетъ того, что заключаеппся въ смыслѣ словъ: передвинулъ Россію. Онъ могъ какъ геній подвинупъ, ускорипъ національное совершенспваніе; но

и здѣсь, по закону упругости, естественность предъявляла свои права; до Екатерины II, Россія развивалась медленнѣе естественнаго, не съ пою энергіею и быспропою, каковыя сообщилъ ей геній Петра.

Кромѣ сихъ примѣровъ, я бы могъ привести Алфреда Великаго, Суллу, Папу Бонифація III, если бы не было лучшаго, очевиднѣйшаго и болѣе общаго.

Я разумью здѣсь всю Европейскую Испорію вообще.

Трудно предспаившь себѣ хаосъ пяпаго и послѣдующихъ столѣтій, въ какомъ находились всѣ Европейскіе народы. Съверъ и Средина Европы заняты были Германцами; Воспокъ Словенами; на Западѣ племена Лапинскія. Какая Испорія допустишь паковое раздѣленіе? Кпо знаетъ наши Финскіе народы, Скивовъ, Франковъ *? Гдѣ искапъ досповѣрныхъ свидѣпельспвъ? Еще

* Самое спранное явленіе въ современныхъ сочиненіяхъ, еспъ разрушеніе приняпыхъ мнѣній, между пѣмъ какъ рѣшишь ихъ не возможно. Скивы, Сарматы—Словене, Франки—не-Германцы, Вандалы, Венеты — Словене, Булгары — Словене... Кажется, эпо переименованіе опноспса особенно къ нашимъ праопцамъ. Согласенъ, чпо лучше и предспаившь по неизвѣспнымъ, чего не знаютъ. О! какъ сократились бы тогда многошомныя Испоріи! кпо бы позволмл послѣ того называть и Гунновъ — Словенами и Среднихъ Грековъ — Словенами! Однако сін же системапники дѣлають сін нововведенія.

менѣ знаемъ о первобытномъ жителѣствѣ сихъ народовъ, еще менѣ о ихъ происхожденіи. Но можетъ быть время покажетъ важность сихъ изысканій; теперъ же Испорія не искажается и симъ недоспаікомъ.

Великое переселеніе народовъ, обновившее человѣчество, основало, не на обломкахъ Рима, но на свѣжей почвѣ, едва вѣдомой Римлянамъ, новыя государства. Всѣ Царства и Имперіи, произшедшія на развалинахъ древней Римской Монархіи, были зыбки или непродолжительны. Югъ Европы опыгралъ свою роль; настало время Европы Средне-Западной; и жизнь новая, Германская, развилась и разкинулась совершенно пропивуположно съ жизнію Лапинскою.

Удивительно образованіе Европы въ средніе вѣка. Единство Рима было замѣщено многообразіемъ: вмѣсто одного явилось нѣсколько; въ древности разнообразіе было въ правленіяхъ: въ средніе вѣка правленія сходны; тамъ единство господства, здѣсь оно распалось на многіе отдѣльные члены. Но какъ ни разъединены были части Европы, въ сіе время жизнь ихъ (Европейская) одинакова, совершенно современна въ главнѣйшихъ пунктахъ. Возмемъ Европу въ IX столѣтіи, когда народныя волненія нѣсколько умолкли *: Христіанство еще нигдѣ не пустило

* Говорю *нѣсколько*: ибо новыя Испоріи (напр. Тіерри)

глубоко корней своихъ; начало феодализма. Еще столѣтіе—развитіе феодализма и вліяніе Іерархіи, упадокъ свѣтской власти — Монарховъ. Въ концѣ XI столѣтія—кресповые походы, рыцарство, романпизмъ и города, явленіе претпьяго соспоянія. Сія событія обнимаютъ всѣ народы, Германію во всей дробности, Францію, Испанію и Англію. По какому-по инспинкпу всѣ соглашаются: сперва унизитъ свѣтскихъ владѣтелей, братъ крестъ, спрашатся буллъ, оппускатъ рабовъ; потомъ снова опъ духовнаго обратятся къ свѣтскому. Съ конца XIII и начала XIV стол. гражданство начинаетъ играть главную роль въ государствѣ. Вездѣ народъ, какъ бы послѣ выздоровленія, начинаетъ приходитъ въ значительность, защищаетъ свою національность, опыскиваетъ права, выбираетъ, хопя изъ высшаго класса, своихъ любимцевъ предводителами; образуетъ, такъ называемые, Генеральные Штаты, во Франціи при Филиппѣ Красивомъ; въ Англии при Эдуардѣ I. Швейцарцы освобождаются опъ Алберта; въ Германіи Ганза и вообще города дѣлаются чрезвычайно сильными; въ Аррагоніи и Кастиліи новыя постановленія; въ Италіи цвѣтъ торговыхъ республикъ:

принимаютъ и Пипиновъ походъ за впорженіе Франковъ, за продолженіе переселеній.

и все эпо почпи въ одно время, все эпо въ началѣ XIV столѣтія *. Попомъ поспоянныя войны и утверженіе единства въ государствахъ: Людовикъ XI, Фердинандъ, Генрихъ VII, Максимилианъ и пр. **. Вскорѣ за симъ поже вездѣ, даже въ Италіи и Испаніи, является духъ Реформациі ***; но здѣсь мы и окончимъ сравненіе сходства, ибо послѣ Реформациі съ успановленіемъ полипической системы **** сообщеніе народовъ сдѣлалось непрерывно и часпо. Но до XV столѣтія вся Европейская Испорія можетъ бышь раздѣлена на слѣдующіе періоды.

I. Смѣшанный до X столѣтія,

II. Религіозный до XIV ———,

III. Гражданскій до XVI ———,

IV. Монархическій.

Сіе сходство не есть слѣдствіе сообщенія; но еспеспвенный ходъ развитія народной жи-

* Смолр. Испорію Соспояній Геммеля, Испорію Нидерландъ Ванъ-Кампена.

** Разумѣется прудно, чшобъ эпо было даже въ одно десятильпіе. Были обстоятельство—особенно гражданскія войны, религіозныя ереси—иногда еспеспвенныя, копорыя замедляли или ускоряли ходъ событій.

*** Замѣчательно, что Іерархія, опносительно религіозныхъ сектъ, наименѣ должна была бояшьса Германіи; онѣ были чрезвычайно многочисленны въ Южной Франціи (Капары, Албиги) и Англии, равно какъ и въ Сѣверной Италіи.

**** Говорю—полипической системы, а не полипического равновѣсія, копорое чуждо нашему предмету.

зни: пакимъ образомъ Европа, съ самага начала своего, идепъ ровнымъ, послѣдовапельнымъ ходомъ; пакимъ образомъ всѣ Испоріи Европейскихъ народовъ связаны между собою * пѣснѣйшими узами: и Французской Испорикъ не заговорипъ о Генеральныхъ Шпапахъ въ XII вѣкѣ; и Нѣмецкій писапель не заговорипъ о единствѣ законовъ и Государственнаго Правленія прежде Фридриха II (1248) **; и Англичанинъ не опнесепъ начала городовъ къ X столѣтію.

Одинаково ли шла съ прочею Европою Россія? Или приниматъ ее за Азіяпскую Державу, или ходъ ея былъ особенный во всемъ и въ общемъ и въ часпномъ? *** Какая межа опдѣляла Россію опъ прочей Европы? Когда переступлена сія межа? Почему не ранѣе? Какъ развилась жизнь

* Въ вычисленныхъ мною пунктахъ: демократіи или аристократіи, іерархіи, значеніи среднихъ вѣковъ. Это и не удивипельно; событія, каковы переселеніе народовъ, крепсовые походы, сблизили и связали ихъ Испорію.

** И по не для Германіи, а для Нѣмецкой Италіи. Впрочемъ объ этомъ я буду говорипъ ниже. NB. Говорю здѣсь преимущественно о политическихъ событіяхъ, какъ важнѣйшихъ: Испорія образованія, даже домашняя жизнь, имѣепъ не меньшее сходство.

*** Удивипельное противорѣчіе! Россія введена въ Европу, гворяпъ Петромъ и между пѣмъ градоположеніе опноспяпъ къ X столѣтію, началу образованности при Владимірѣ Великомъ. Монголы замедлили ходъ нашей гражданственности; и Монголы, усиля Московское Княжесство, были полезны.

ея? Вопъ вопросы, для разрѣшенія коихъ едва ли найдемъ доспапочныя показанія въ нашихъ Ливіяхъ и Неспорахъ! Да позволено мнѣ будетъ здѣсь обозрѣшь вкратцѣ ходъ обработыванія опечеспвленной Испоріи до нашего времени включительно.

Безусловная вѣра въ лѣтописи и невѣднѣе хужестранныхъ писателей продолжалось часптію до Байера и Шлёцера. Синописы, Степенныя Книги, сборники Герберштейна и Гизеля, казались удомепворительными до XVIII столѣтія: не до начала, какъ многіе думаютъ, но до середины, ибо Эмины (выключая Тапищева), Хилковы и прочіе не дальновидѣе Гизеля. Нѣсколько, и по не удачно, и по одно баснословіе, заимствовало опъ Поляковъ Малороссійскіе ученые. Крипики не существовало; иноспранцы не знали и не могли знать нашихъ испочниковъ *. Испорія въ испинномъ смьслѣ, въ первые освѣщенная свѣпомъ ученаго крипика, начинается Байеромъ. Но онъ а) не зналъ по Русски и не исправилъ, не нашелъ ни одной ошибки Лѣтописца; б) первый обрапилъ вниманіе полько на Визанпійцевъ и с) занимался Русскою испоріею какъ побочнымъ для себя дѣломъ; д) важнѣйшая его услуга не въ сочиненіяхъ, но въ дан-

** Говорятъ, Лейбницъ зналъ о нашемъ Неспорѣ (я скажу, что Польскіе Лѣтописцы знали объ немъ и ранѣе;) да его-по не знали.

номъ направленіи; е) Байеръ, для криптики собственно лѣпописей, ничего не сдѣлалъ; f) первый началъ продолжающійся до нынѣ споръ о произхожденіи Руси и g) Байеръ, въ Русской Исторіи, занимаетъ первѣйшее предъ всѣми мѣсто, ибо всѣ прочіе (даже Шлёцеръ) его продолжаютъ *.

Опъ Байера до Шлёцера ** не было ни одного замѣчательнаго ученаго по криптическому воззрѣнію на наши источники, кромѣ Миллера: а) онъ переводилъ наши лѣпописи, хотя невѣрно; б) первый подалъ голосъ къ ихъ изданію ***; с) ввелъ нашу Исторію въ иностранныя сочиненія и d) едва ли не предпочиталъ наши лѣпописи чужеземнымъ; е) его *Sammlung Russischer Geschichte* важно; но болѣе въ оппозитіи эпистографическомъ.

Шлёцеръ, о которомъ не лзя не упомянуть ни въ какомъ историческомъ сочиненіи, а) пер-

* Для краткости сообщаю въ видѣ пезисовъ; осмѣливаюсь почивать ихъ не парадоксами.

** Почти 50 лѣтъ. Въ это время многіе появлялись; но историки, бытописцы!.. Я говорю объ изслѣдователяхъ, извѣстныхъ по своимъ воззрѣніямъ. Не умолчу о Тапищевѣ. Болпинъ, истинный гений, великій проникающій криптикъ, достойный болѣе славнаго проповника, нежели Кн. Щербатовъ. Но Болпинъ, по недоспапкѣ свѣдѣній, былъ спѣшенъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

*** Кажется первый онъ былъ въ неблагопріятное время, первый (послѣ Оларія?) исторіографъ.

вѣй покался въ своей излишней довѣренности * къ лѣтописямъ, в) первый возымѣлъ идею и частію исполнилъ сводъ лѣтописей, с) криптиковалъ лѣтописцевъ, d) сравнивалъ факты нашей Исторіи съ фактами иностранной **, е) ввелъ въ криптику излишній скептицизмъ, f) взволновалъ историческіе умы, Тунманна, Эверса, можешъ бытъ Карамзина и др., g) открылъ многіе пуземные и чужеземные источники и h) Шлёцеръ былъ полное выраженіе и прекрасное собраніе всѣхъ до него бывшихъ писателей и изслѣдованій здраваго, хопя не рѣдко односпоровняго, криптического ума ***.

Эверсъ воздержный анпагонистъ Байеровой системы, а) первый обратилъ вниманіе на Воссточныхъ писателей ****, в) написалъ возможно-кращую Исторію Россіи, с) разложилъ на самыя дробныя частіи все, что ни относится къ произхожденію Руси.

* Въ Опытѣ Русскихъ Лѣтописей и потомъ въ своемъ Неспорѣ.

** Говоря почтѣе, должно отдать эпу честь Спруве: онъ первый сравнилъ Русскую Правду съ Скандинавскими законами. Но онъ, Кругъ и др., удивительно вѣряшъ лѣтописямъ, даже объ Олегѣ.

*** Шлецеръ—Байеръ въ большомъ объемѣ. Онъ преслѣдовалъ процу перваго. Творцемъ Шлецеръ являешся въ Средней Исторіи. Нынѣ люди и со свѣдѣніями говоряшъ, что Шлецеръ ничего не сдѣлалъ, но очень много собралъ.

**** Объ эптомъ мы будемъ ждашъ (весьма долго уже и дождались) дальнѣйшихъ изслѣдованій опъ Г. Френа.

Карамзинъ почти не принадлежитъ къ сему изчисленію, ибо онъ относится къ Исторіи Историческаго Искусства. Онъ есть богатѣйшій сборникъ всѣхъ до него сдѣланныхъ изслѣдованій, предположеній, открытій, расположенный рукою опличнаго зодчаго, есть блестящее явленіе въ искусствѣ историческомъ. Но это зиждипель, а не производитель; ибо въ двѣнадцати томахъ его нѣтъ ни одного оригинальнаго взгляда на общія событія. Карамзинъ былъ болѣе поэтъ-историкъ *, но не Фукидидъ. Онъ былъ слава опечественной Исторіи.

Такимъ образомъ Русская Исторія шла пѣмя пупями, копорые начашы Байеромъ. Шлецеръ и Карамзинъ — заключаюпъ сей періодъ критическаго изслѣдованія. Всеобщій недоспапокъ всѣхъ сихъ явленій есть помъ, что они мало сдѣлали, ибо ограничивались началомъ Исторіи. Карамзинъ и Эверсъ прошли все поле опечественныхъ событій; но Карамзинъ во впоромъ и слѣдующихъ томахъ (до VII) упомипеленъ, смѣшанъ, заупанъ. Причина сего заключается въ помъ, что сія часпъ нашей Исторіи менѣ

* Удивительное сходство по слогу, и даже по чувствамъ! Мнѣ кажется, что Карамзинъ, (выключивъ тома при изъ нашей Средней Исторіи), ближе всѣхъ Европейскихъ историковъ (Миллера, Юма, Гвачардини) къ Ливію, а не къ Геродоту.

развиѣта, и если мы изключимъ споронія замѣчанія Шлѣцера и Эверса о нашей удѣльной системѣ, по положительно можно сказать, что она намъ совершенно неизвѣсна. Почти сполько же мы знаемъ о нашей монетной и іерархической системѣ, не смопря на пруды, доспойные всякаго уваженія, Круга, Евгенія и др.

Съ явленіемъ Испоріи Государства Россійскаго Карамзина многіе думали, что наша Испорія обрѣла своего конечнаго сочинителя. Увѣренность продолжалась, и справедливо, долгое время, пока новая почка зрѣнія не показала недоспапка не сполько пворенія Испоріографа, но и всѣхъ до него бывшихъ криптиковъ и испориковъ. Эпа почка зрѣнія есть сравнительное изученіе нашей Испоріи съ Европейскою.

Сей взглядъ принадлежитъ нашему времени, принимая за выраженіе онаго публичныя лекціи *. Изъ современниковъ Шлѣцера и Карамзи-

* Да извиняпъ моей поспѣшности: здѣсь есть небольшой анахронизмъ. Вопъ объясненіе. Новѣйшая испорическая школа во Франціи, начавшаяся пріумвирашпвомъ (Кузень, Гизо и Вильмень), разумножаясь въ наспоющее время до безчисленности, имѣла неблагопріятное вліяніе на нашу Испорическую Липературу. По примѣру ихъ и у насъ прежде нежели разобрали и объяснили испочники событий (что сдѣлали во Франціи Маблн, Вольперъ, Монпескъе, Лебо, Тіери и др.), начали опыскивать общіе законы, подводипъ частныя явленія и пупапъ философію,

на Профессоръ Эверсъ, съ именемъ котораго соединяется система вывода Руси * опъ Чернаго моря, принялся за Русскую Правду и положилъ сей памятникъ въ основный камень для своей системы; Г. Нейманнъ подкрѣпилъ новыми доводами его мнѣніе; Г. Погодинъ снова приложилъ опроверженія. Какъ вдругъ, можетъ быть, съ совѣта Сарпоріуса и Бекка, принялись за изслѣдованіе всего нашего градоположенія совершенно съ проптивуположной почки, обзрѣли *сравнительно* ходъ нашихъ событій съ ходомъ Запада и основали новую систему, по которой: а) совершенно не должно, или уже съ чрезвычайною оспорожностію, вѣрять нашимъ

тогда какъ не кончился еще періодъ кризиса. Это стремленіе оказывается теперь всеобщимъ застроемъ. Спрашивается, что объяснено, довершено, измѣнено послѣ Шлецера и Карамзина? Результатъ сего явленія есть *Исторія Русскаго Народа*. Другое направленіе лучше вышесказаннаго: опроверженіе стараго не безъ основанія и созиданіе новаго на одномъ основаніи; это есть поле гипотезъ, предположеній, догадокъ. Сіе направленіе выразилъ Г. Венелинъ, передавъ съ собственными прибавленіями догадки Клапрота.

* Пунктъ самый опасный и наиболее обращавшій на себя вниманіе изслѣдователей. Байеръ, Миллеръ, Щербатовъ, Шлецеръ, Тунманнъ, Шлецеръ сынъ, Эверсъ, Карамзинъ, Нейманнъ, всѣ почти трактовали о семъ предметѣ и многіе не подавались ни впередъ, ни назадъ, какъ будто съ объясненіемъ сего факта все должно объясниться!

лѣтописямъ; в) онѣ писаны гораздо позже, нежели обыкновенно принимають; с) Западъ имѣлъ большее вліяніе на нашу Исторію, нежели Востокъ; а попому d) должно прибѣгнуть къ колонизаціи Германскихъ Словенъ на Волховѣ; e) отвергнувъ подлинность Русской Правды и f) періодъ нашей Исторіи до Монголовъ (до начала XIII стол.) назвавъ темнымъ, искаженнымъ примѣсю баснословія.

Да не осудятъ меня за эпитетъ новыѣ, которыѣ я прилагаю къ сей системѣ. Правда, и Шлецеръ и Эверсъ и Карамзинъ дѣлали сводъ сходственныхъ событій, но они принаровляли; послѣдняя же система сравниваетъ и выводитъ: такое-то явленіе у насъ было прежде такъ — почему? допускаетъ ли историческая крипика, здравый смыслъ и обстоятельство? *

Не принимая на себя вполне развивать систему моего почтеннаго Профессора, которая, можетъ быть, со временемъ будетъ извѣстнѣе, я долженъ присупитъ къ краткому приложенію изложенныхъ началъ послѣдняго возрѣнія ** къ главнѣйшимъ событіямъ нашей Исторіи.

* Къ счастью сей системы, не приходится сдѣлать вопроса: почему позже? ибо, какъ мы увидимъ въ нашихъ лѣтописяхъ, во всемъ опереживаются западные народы.

** Я называю это возрѣніе *послѣднимъ*; ибо, кромѣ ГГ. Ар-

Но къ копорой споронѣ склоняется преимущественно наша Испорія: къ Воспоку или Западу, къ Азіи или Европѣ? Какого семейства Словене: Семиты или Яфепиды, пришельцы ли въ Европу авангардомъ Гунновъ или изспари родичи Скивовъ, копорые древнѣе даже Египтянь *? Куда направляется послѣдующій ходъ нашихъ событій? Приковали ли ихъ цѣпи Монгольскія къ ориентализму или свободная жизнь Новгородцевъ всегда принадлежала Европѣ? Вошѣ вопросы, копорые сокращаются въ одинъ: гдѣ Россія? Въ Кіевѣ или Новгородѣ, на Югѣ или на Сѣверѣ? ** Объясненіе сихъ вопросовъ покажетъ намъ, что пѣже законы необходимости, пѣже степени жизни должны бытъ и въ на-

цыбышева, Погодина и Спирова, никто доселѣ не являлся вновь на семь поприщъ; но Г. Арцыбшевѣ исполнелъ прозкъ Шлецера.

* Смопри Вико, Новая Наука, глава I.

** Въ сердцѣ сего колоса, въ благословенной Москвѣ, здѣсь начало, въ прямомъ смыслѣ, Государства, хотя Испорія Россіи начинается и ранѣе. Можетъ бытъ позднѣйшіе Испорики напишутъ пѣму комменсарій о словѣ *Россія*, въ XVI, XVII, XVIII, и XIX спользіяхъ; какъ о словѣ *Римъ* при Царяхъ Сулль и Цезаряхъ. Удивительно, какъ жипель прибрежныхъ земель Ледовитаго моря и знойнаго Закавказскаго края, Полякъ и Алеупъ, носятъ одно гражданское названіе Россіанина! Мы будемъ говорить о Руси, копорая въ собственномъ смыслѣ есть Великая и Малая Россія, т. е. средняя часть Европейской Россіи.

шей Исторіи, и что жизнь Русская, какъ младшая по времени, должна непременно имѣть всѣ явленія позднѣе, нежели Западъ, опередившій оную нѣсколькими вѣками.

(окончаніе слѣдуетъ).

II.

СЛУЧАЙ,

КОТОРЫЙ МОЖЕТЪ ПОВТОРИТЬСЯ.

III.

— Умъ, при всей своей изобрѣпательности, не нашелъ еще вѣрныхъ поновъ и красокъ для точнаго выраженія чувствъ сердца. Онъ не то, что мысль. Есть ли средства передать другому вполне то смущенное, поминельное чувство унынія, которое безъ всякой понятной причины иногда внезапно овладѣваетъ нашею душою? Тонкое, неосязательное, чистое, какъ духъ его произведшій, оно спановится грубымъ, плѣснымъ, прупомъ, износимое изъ своего свяпилища. Сдѣлаю ли я его понятнымъ для другихъ, когда я самъ, жертва обрѣченная эпохо чувствъ, въ другое время въ упомянутой душѣ моей не могу живо для себя возродить его? И во мнѣ ли причина... —

Это прочелъ я однажды, придя къ Александру нѣсколько дней спустя послѣ его приѣзда въ Москву. Онъ сидѣлъ въ раздумьи передъ листомъ бумаги.

» Жаль, что я своимъ приходомъ помѣшалъ тебѣ: ты началъ было прекрасно. Но знаешь ли, что это свое неопредѣленное, неясное чувство, свое томительное уныніе, ни куда не годится? Начнешь думать, передумывать, задумываться и сдѣлаешься наконецъ несноснымъ брюзгою, если не будешь чего нибудь еще хуже. Переспань. Повѣрь мнѣ, что въ нашъ вѣкъ самый плохой расчетъ надѣяшься возбудить чье нибудь участіе вздохами. Пора ихъ прошла. Теперь кто хочетъ успѣха, тотъ не прикинепся мечтателемъ: руки и сердца добываются въ наше время съ бою, завоевываются. Совѣтую и тебѣ, если ты въ самомъ дѣлѣ не можешь переломить себя, принявъ мѣры современныя...

— Ты все подозрѣваешь, что я влюбился...—

» Не подозрѣваю, а вижу, хоть ты и обманываешь самаго себя. «

— Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ, если ты называешь любовью это слѣпое, безопытное влеченіе къ чему-нибудь, потому только, что это что-то имѣетъ розовыя щеки, блестящій взглядъ, очаровательный голосъ и гибкій, прелестный станъ. Я не могу вполне предаваться упоенію созерцанія этого небеснаго созданія. У меня свой демонъ. Я всегда за этими очаровательными формами вижу и пусклый взоръ омраченный временемъ и недугомъ, и впалыя, высушенные горемъ, щеки, и морщины, глубоко

вдавленные скорбію. Я, какъ Кассандра, вижу всю ту дорогу, копорою прелестный образъ шелъ до своего измѣненія. Боже мой! легкомысліе, слабости, прихоти, причуды, своенравіе, пребыванія... вопъ природа женщины. Оглянись, сколько несчастныхъ, увлеченныхъ силою чарованія на эту дорогу, клянупъ шеперь первую минупу, когда они спунили на нее съ богопворимымъ своимъ предметомъ. Не ужели пы думаешь, что я такъже слабъ? — Но назови любовью неударжимую, неопдѣляемую попребность души найпы поварища для пупи жизненнаго, друга, копорому я могъ бы безпечно, довѣрчиво преклонишь успалую мою голову въ ппаякую годину бѣды, копорый слпнымъ учаспемъ въ судьбѣ моей дѣлалъ бы и радость усладипельнѣе и горе сноснѣе, копорому бы я дорогъ былъ безоппносипельно, попому только, что это я... Это другое дѣло: я влюбленъ, влюбленъ спраспно съ самаго попого времени, какъ ощупилъ біеніе сердца въ груди, и пока — влюбленъ, кажепся, въ свой идеаль. . .

» Все это поэзія, другъ мой! У кого еспъ идеаль, поппъ вѣрно скоро найдешъ его и въ лицахъ. «

— Да, признаюсь и въ этопъ. Я хопѣлъ бы опорвапъ опъ холодной, безсмысленной эпой полпы одно милое созданіе, какъ бы оппбкою

пуда заброшенное; загородить опъ него моею жизнію пуспые, ничпожныя призраки свѣпской жизни. Да, я хотѣлъ бы переселить въ ея душу то, что заспавляетъ меня чувспво-вать, какъ я теперь чувспвую; видѣть, какъ я вижу; понимать, какъ я понимаю. Хотѣлъ бы увлечь ея изъ эпой безумной шолкопни; крѣпко, крѣпко прижать ея къ груди моей и умчать изъ эпой юдоли. . .

— »Эгоизмъ: все пы, вездѣ пы. Да захопѣло ли бы швое милое созданіе вылепѣть изъ эпой юдоли, гдѣ для него, можетъ быть, не шакъ грустно, какъ для шебя? «

— Въ помѣ-шо и дѣло. Съ швоимъ хладно-кровіемъ, пы не можешъ поспигнуть, какъ для меня скорбно видѣть прелесное произведение природы, роскошно убранное для праздника жизни, красивою куклою, игрушкою; копорую неблагоговѣнно перекидываютъ въ нечиспыя руки; и какъ на нее увлекаютъ празднѣй, пресыщеннѣй взоръ; какъ болѣзненно замѣчаютъ, что сердце, одаренное силою принимаетъ всѣ благородныя впечатлѣнія, прежде нежели могло сознашь себя, чахнеть опъ поддѣльныхъ, заказныхъ, расчипанныхъ ощущеній. Что пы хочешъ сдѣлать шущь съ своимъ непришворнымъ чувспвомъ? Его не знаютъ или, еще хуже, надъ нимъ смѣются. Это не принято; это не водится: этими двумя грозными изреченіями испребляютъ всякое не-

принужденное движеніе души, спирающъ всякую оригинальность съ поступка, какъ бы онъ ни былъ благороденъ. Васъ не оспорятъ, даже съ вами согласятся; но васъ начнутъ чуждаться, бѣгать, какъ чловѣка заразительнаго. Вы претворжно разрушаете заколдованную лѣнь, копорая такъ усыпительно упокоиваетъ пошлую посредственность. Все, чего вы можете только добиться съ вашими горячими нападками, если вамъ наконецъ удастся удержатъ вниманіе, вамъ скажутъ: » Это, конечно, хорошо, прекрасно, но это мечпы. Свѣтъ и люди устроены иначе. Вы его не передѣлаете; да и сомнительно еще, былъ ли бы онъ лучше, если бы былъ по вашему?«—Этотъ ребячій лепетъ меня убиваетъ. Онъ лишаетъ меня всякой надежды. И, совсѣмъ пѣтъ, признавая много причинъ, по которымъ охуждую этотъ образъ мыслей, не нахожу во глубинѣ души достаточной силы опказаться опъ ошибки, удалиться опъ *ошибки*, закрытой этимъ очаровательнымъ созданіемъ. Мнѣ все кажется, что перерожденіе возможно: этой только надежды еще не потеряю. Для этого я готовъ. . .

— »Быть сумасбродомъ. Слушай, Александръ, переродить сердце модной женщины, есть само по себѣ уже предположеніе вздорное. Какъ твой умъ допустилъ нелѣпую мысль: переработать всю систему, сложную дальновиднымъ, веще-

спивеннымъ расчепомъ, услаждаемую всѣми при-
манками суепносипи, пщеславія, самолюбія, си-
спему, копорая пакъ надежно обезпечиваетъ
врожденную нашу лѣнь, предупредипельно укла-
дываетъ ее на мягкое изголовье и укачиваетъ на
смерть ласкапедьспвами. Не ужели ты надѣнешь-
ся своими Байроновскими замашками расколыхапъ
эпопъ блаженный, очарованный омупъ? Пересиль
свою горячку: ребячеспво. Поспайся лучше быль
поспояннымъ въ собспивенномъ своемъ переро-
жденіи. Иди въ слѣдъ за другими: ты еще мо-
жешь опередипъ многихъ. Какъ свяпьюю сохра-
ни пвой образъ мысли, но во всемъ другомъ за
чѣмъ выбиваешься изъ колени свѣпской? «..

— Въ самомъ дѣлѣ? И ты пакъже вѣришь,
что можно сохранипъ дѣвспвенно чистопу по-
мысловъ, шапаясь по грязнымъ закоулкамъ ва-
шей благоразумной жизни. Не передъ пвоими ли
глазами пали многіе, снисходипельно уступав-
шіе эпимъ правиламъ? Сегодня пожертпвовање
образомъ мыслей, завтра уступка характе-
ра—и попъ, копорый пакъ язвипельно осу-
ждалъ при началѣ дороги другихъ, оканчиваетъ
самъ пѣмъ же, что ему прежде въ нихъ казалось
омерзипельно. Безкорыспныя намѣренія онъ на-
зовепъ вздорными мечпами, свяпопапспвенно
наругаетъ надъ чиспными, благородными чув-
спвами, нагло осмѣепъ ихъ и не поспыдипся до-
гмапически превозгласипъ свои продажныя, раз-

вращенныя мнѣнія за высокіе уроки опыта. Нѣтъ, со мною эпаго не будешь...

— » А если нѣтъ, по пы долженъ будешь вынести ужасную борьбу претребованій пвоей пайной склонности съ упорствомъ характера, опвращающагося общихъ, приняпыхъ мѣръ. И пупъ что-нибудь одно: или характеръ преодолѣетъ слабость, или, что вѣроятнѣй, эпа слабость разрушитъ тебя. «

Послѣ эпаго разговора, уѣхавъ изъ Москвы недѣли на три, я не видалъ Александра. Зная, какъ упорно укореняюща въ немъ всѣ привязанности, и какъ онъ упрямъ въ своемъ образѣ мыслей, я сильно за него беспокоился. Въ простомъ объясненіи дѣла открывалось, что онъ находился въ самомъ ложномъ отношеніи къ людямъ, которое неизбежно влекло для него вредныя послѣдствія. Онъ пипалъ въ душѣ глубокую привязанность, не обнаруживая ее и по природной застычивости и изъ опасенія показаться неловкимъ и смѣшнымъ. По самолюбію, справедливому впрочемъ, онъ признавалъ въ себѣ право на вниманіе, но по той же самой причинѣ ошибочно презиралъ тѣ небольшія общежительныя средства, которыми вниманіе привлекается и поддерживается. Важ-

нѣйшее же, что онъ очень хорошо понималъ пакъ, какъ и другіе: онъ не имѣлъ пѣхъ случайныхъ принадлежностей, которыя въ мнѣніи Анны Михайловны дѣлали протспипельное исключеніе изъ принятыхъ ею правилъ. Съ другой стороны люди, имѣвшіе вліяніе на судьбу его, смотпрѣли на вещи поже иначе. Не опказывая въ справедливомъ вниманіи его уму, они не могли цѣнить его, попому что не видѣли, куда и на чтобы онъ могъ бытъ упопробленъ ими въ дѣлахъ общежитія, въ пакихъ дѣлахъ, которыя пребуютъ болѣе обдуманнаго, систематическаго благоразумія, скользкой уклончивости, покорной мягкости въ характерѣ, нежели упорнаго, парадоксическаго ума, какъ бы онъ ни былъ силенъ и оригиналенъ, или своенравной спойкости въ мнѣніяхъ, какъ бы онъ ни казался справедливыми и благородными. Они понимали очень хорошо, что всякое общество, какое бы оно ни было, еспь органическое пѣло, и попому все поступающее въ него, съ нимъ разносущное, должно, говоря языкомъ физиологовъ, или *пресуществитъся* въ оное или выдпи вонъ. Александръ, вспунивъ въ кругъ людей, привыкшихъ подчиняпъ себя безусловно и безопречно мелочнымъ свѣпскимъ приличіямъ и мнѣніямъ, не могъ бытъ по природѣ своего характера и образу мыслей въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ своими знакомыми, и попому пылкія, краснорѣчи-

вья его выходки не выдерживали соперничества съ нескладными, неуклюжими сужденіями какого-нибудь проспенькаго франпа, на котораго имѣли *серьозные* виды. Александръ это видѣлъ, оскорбляемое самолюбіе его спрадало ужасно. По возвращеніи я нашелъ его въ самомъ жалкомъ состояніи.

IV.

Испыпалили вы болѣзненное чувство, внезапно поспигающее душу, когда она, наспроенная къ сладостнымъ ощущеніямъ гармоніи, неожиданно поражается звуками дикими, безмысленными? когда, среди одушевленной игры, извлекающей упругія, волнующіяся и какъ бы прозрачныя и благовонныя волны звуковъ, вдругъ кто нибудь наложитъ на спруны тяжелую, широкую руку, мерпящую неспройнымъ крикомъ живую гармонію? Напрасно содрогнувшееся ухо хотѣло бы еще уловить нѣ звуки, которые спаслись опть насильственнаго, выдавленнаго воля: эти звучные, правильные прорывы дѣлаютъ только ощущительнѣй общее разспройство.

Чувство этого же рода боли, но только въ степени гораздо высшей, овладѣваетъ вами и тогда, когда вы неожиданно найдете разрушенный, сокрушенный, пораженный живошнымъ безмысліемъ умъ челоуѣка, когда передъ вами

одна полько форма живой мысли, испребленной въ недрахъ своего святилища, алтарь безъ божества.

Что такое умъ? Задача нерѣшенная, вспрѣченная первородною мыслью человѣка и ожидающая ее на могильномъ ея камнѣ. Что это за сила, которая сокращаетъ въ себѣ жизнь цѣлыхъ поколѣній, необъятное пространство времени, и гибнетъ при слабомъ расстройствѣ какого-нибудь незамѣтнаго нерва, отъ разрыва какой-нибудь пѣнчайшей плевры, или внезапнаго охлажденія какого-нибудь незамѣтнаго еще волокна? Не вглядывайтесь внимательнѣе въ эту божественную мощь, заключенную въ распроеденномъ органѣ, въ которомъ, по вѣчнымъ законамъ своей природы, она продолжаетъ еще свою дѣятельность. Не вдавайтесь при этомъ въ соображенія. Спокойствіе жизни не лзя разрушать и создавать по произволу. Но если душа ваша знаетъ нравственные спраданія не по имени полько или не чужимъ язвамъ, что почти одно и то же, если она не содрагается уже болѣе при внезапномъ болѣзненномъ впечатлѣніи, какъ обрывокъ нерва подъ раскаленнымъ желѣзомъ; остановитесь, пусть есть изъ чего остановиться. Урокъ мимо: учиться болѣе можно у дураковъ природныхъ; нѣтъ, въ этой развалинѣ человѣка заключено высокое, безмолвное убѣжденіе, въ прахъ низлагающее нашу гордыню.

Бѣдный Александръ мой помѣшался. Впечатлѣнія въ немъ такъ искажались, что онъ соединялъ совершенно другія понятія съ предметами, прежде ему знакомыми.

» Здравствуй Александръ. « . .

— Bon jour. . .

Я на него долго глядѣлъ: мнѣ было грустно до слезъ. Несчастнѣйшій спарался ловко со мною раскланяясь, принявъ на себя веселѣй, беззаботнѣйшій свѣтскій тонъ, оглядывался, заботливо поправлялъ галстукъ и волосы.

— Не правда ли, что вы нашли во мнѣ небольшую перемену? — Надѣюсь. — Какъ вы поживаете? — Гдѣ проводите вечера? — Вы по прежнему благоразумны. — Спрячьте вашу мудрость. — Вы у меня посидите. — Я жду танцмейстера — я немного въ этомъ искусствѣ пооптсаль. — Чего вамъ надобно? — Танцы, танцы — это превосходная вещь: люди ни чего не выдумывали лучше. Тупъ каждый на своемъ мѣстѣ. — Кажется, я танцую не дурно. — Киньте вашу угрюмость — примитесь танцовать — весь свѣтъ танцуетъ. — За чѣмъ прудъ — заройся живой въ книги — слуга покорный — вздоръ. — Въ одинъ балный вечеръ, на паркетѣ, гораздо болѣе наговорятъ умнаго, чѣмъ въ цѣлый вѣкъ всѣ ваши Академіи. — Французская кадрили — воптъ вамъ паровая машина. — Эполтъ спарый, рябой, оборванный

спарикъ — а! онъ дѣлаеиъ паровыя машины — онъ мапемапикъ, вы говорите, — жалкое созданіе, ариеметическая ошибка! Всякой модный челоуѣкъ, повѣрьте, Невпонъ передъ нимъ, лишь бы умѣлъ ловко счипать панцы. Ловкость? А я вамъ докажу, что ловкость въ панцахъ пребуеиъ больше ума, нежели вся ваша ученость. — Счастлирое впечатлѣніе. — Предубѣжденіе — убѣжденіе. — Умъ успушипъ оболъщениу. — Спарикъ мужъ не опкажеиъ молодой женѣ. — Знаете ли, что великіе люди всѣ были опличные панцоры. — Вы не чипаете Плутарха? — Чпо вы чипаете? А! журналъ? — Типографская пляска. — Вы поепе? Прелесипное искусство. Какъ жаль, чпо мало внимательныхъ слушателей.—Уши--не души.— А знаете ли вы, чпо у женщинъ организація слуха иначе успроена, нежели у насъ? Тѣмъ хуже для васъ и для Кювье, чпо вы многихъ новыхъ вещей не знаете. Да, у нихъ ухо прямо соединяеиъ съ банмакомъ: у насъ съ мозгомъ: это небольшая розница.—Гдѣ вступиися вашъ здравый смыслъ, шамъ нѣпъ ни музыки, ни поэзіи. — Вы счипаете такпы, онъ бьюпъ кадансъ.—Теоретическая глупость: успѣлъ, значипъ умѣлъ. — Я самъ пою и знаю манеру: все дѣлаеиъ манера.—Берегитесь монопонии.—Какъ часто секунда идепъ за приму.—У иныхъ грудь крѣпка, а голосъ слабъ. Для пѣвца надобно и

по и другое. Въ ученыхъ спорахъ надобенъ полько голосъ. Ergo пребуесть выпуклыхъ глазъ и широкаго горла. — Вы теперь ни съ кѣмъ не спорите? Вы правы: еспь много, съ копорыми не лзя не спорить, но согласипесь, что много и другихъ, съ копорыми не лзя спорить. *Ergare humanum est*—кажется такъ.— Видите ли какъ во мнѣ глубоко засѣла Лапынь. Теперь, еслибъ предложили мнѣ учипсья Лаптинскому языку, я предпочель бы полочь воду.—Народъ покойникъ—а языкъ живепть—цѣлое болѣе своихъ часпей: какъ поймешь—такъ и перескажешь. — Повѣспвованіе великое дѣло — но эпо не исторія — исторія добросовѣстная ложь, какъ всѣ городскія исторіи. — Вы говорите нѣтъ? — Да, такъ, эпо сказано не много рѣзко: ложь подбой, правда на изнанку—и посмотрите, какъ иные умѣюць ловко и искусно ее выворачивать. — Вы спрѣяете въ цѣль? Здоровое занятіе для свѣпскаго челоувѣка.—Мы живемъ въ вѣкѣ, въ копоромъ надобно обезопасить свое самолюбіе — опть чего многіе смѣлы — опть того, что самолюбивы. — Вы знаете гдѣ органъ смѣлости?—Разверните Шпурцгейма — возлѣ ушей: еспь прямая пропорція между длиною ушей и челоувѣскимъ духомъ во всѣхъ его свойспахъ. — Иные не даюць никогда промаха.—Я не понимаю, какъ могуць дѣвицы опдавать свою руку шѣмъ, у

копорыхъ рука не вѣрна: онѣ уже много полагаются на собственное свое благоразуміе.—Я самъ на пятнадцать шагахъ попадаю въ шуза—но извините—мнѣ надобно приготоовиться...

— » Александръ, ты ли это? «

Несчастный перевернулся, улыбнулся гордо и запѣлъ:

Не шей ты мнѣ, мапушка,
Красный сарафанъ;
Не входи, родимая,
По пусту въ изъянь.
Трайла, прайла, прайла-ла.

=

Черезъ при недѣли послѣ эпюго, въ дальнемъ углу Лазарева кладбища, къ Марьиной рошцѣ, за церковью, пропощпана была свѣжая пропинка къ недавно взрухлянному мерзлomu бугру.

В. Андроссовъ.

III.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ,

ИНФАНТЬ ИСПАНСКИЙ.

Донъ Карлосъ, непосредственный наслѣдникъ Испанскаго прона послѣ Фердинанда VП, хошя, ненавидимъ партіею Королевы, пользуется любовью и уваженіемъ приверженцевъ, провозгласившихъ его Королемъ подъ именемъ Карла V. Онъ средняго роста; лице его всегда сохраняетъ спокойное равнодушіе; движенія и поступы исполнены достоинства; онъ важенъ и молчаливъ, врагъ бесполезной многорѣчивости, а потому характеромъ своимъ весьма сходствуетъ съ Каспианцами и Испанцами вообще. Враги, коихъ онъ имѣетъ весьма большое число, безпощадно осыпаютъ его ругательствами, вовсе неосновательными; ибо они совсемъ его не знаютъ. Молчаливость его приписываютъ гордости, равнодушіе лицемерію, благо-

честіе называютъ фанатизмомъ; хопя такого рода клевета въ другой спранѣ могла бы имѣть нѣкопорый успѣхъ, но въ Испаніи она будетъ мало удачна, ибо Испанецъ любитъ и ненавидитъ единственно по внутреннему полному убѣжденію; свойственное ему чувство справедливости удержитъ его отъ предубѣжденій пропивъ кого-либо или въ чью-либо пользу, когда сіи предубѣжденія не основываются на достаточныхъ причинахъ. Нѣкопорые сравниваютъ характеръ Принца съ мрачнымъ характеромъ Филиппа II; но всякое сужденіе о немъ, основанное на семъ сходствѣ, будетъ также совершенно превратно. Если сходство сіе и существуетъ, то не должно забывать, что Донъ Карлосъ отличался всѣми семейственными добродѣтелями: онъ примѣрный мужъ и отецъ; наиболѣе любитъ бытъ въ семейственномъ кругу; любимъ всѣми приближенными своими и набожность его не должна никого беспокоить: онъ предается ей въ тишинѣ уединенія, единственно по влеченію собственныхъ чувствованій. Онъ оказывалъ постоянное равнодушіе ко всѣмъ политическимъ дѣламъ, до того времени, какъ Фердинанду VII вздумалось лишить его съ попомствомъ правъ на престолъ, законно ему слѣдующій; онъ пропесновалъ пропивъ сего нарушенія правъ своихъ со всѣмъ глубокопочтаниемъ, коимъ былъ обязанъ своему государю,

но и съ твердостью, произпекающей изъ полнаго убѣжденія въ справедливости своего дѣла. Онъ удался, не нарушивъ ни мало государственнаго спокойствія, не сдѣлавъ даже ни малѣйшей попытки привлечь кого-либо на свою сторону. Но когда Фердинанда не спало, тогда Донъ Карлосъ выступилъ, пребуя прона, несправедливо у него похищеннаго. Можно заранѣе ручаться, что для достиженія своей цѣли не захочетъ онъ прибѣгнуть къ посредничеству иностранныхъ державъ и не попребуетъ опъ нихъ помощи.

Когда Испанская Королевская фамилія, охраняемая Французскими войсками, выѣхала изъ Кадикса, по очень можно было извинить радость, ощущаемую Фердинандомъ и Инфантами: она была весьма естественна при освобожденіи изъ започенія, которое могло имѣть слѣдствія самыя пагубныя; а потому всѣ Принцы громко изъявляли сію радость предъ Французами. Только Донъ Карлосъ воздержался опъ неприличныхъ, унипительныхъ изъявленій сей впрочемъ естественной радости; Испанцы замѣпили это, были къ нему признапельны и внупренно заплапили ему дань уваженія. Онъ былъ освобожденъ, но казалось сожалѣль, что былъ обязанъ сей свободой чужеземцамъ: ему пріятнѣе было бы получить ее опъ Испанцевъ. Чело его было покрыто глубокой гореспью; не проспираль онъ руки сво-

ей къ избави пелямъ; вся наружность его изъ-
являла прискорбіе.

Въ супружествѣ Донъ - Карлосъ съ Маріей Франциской д'Ассизи, Инфанпиной Португальской, Принцессой, одаренной необыкновеннымъ духомъ. Она родная сеспра Дона-Педро и Дона-Мигуеля.

Blätter aus der Gegenwart.

IV.

БѢЛЫЙ ВОЛОСЪ.

(окончаніе).

— »Однажды вечеромъ, около 1435 или 1436 года *, въ одной изъ Руанскихъ госпиталей, лежащей на большой площади, гдѣ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ была сожжена Жанна д'Аркъ, Англійскіе солдаты сидѣли вокругъ стола, уставленнаго кружками съ сидромъ, копорый попивали за здоровье Герцога Бедфорпскаго и Тальбота, на позоръ Герцогу Бургундскому, поссорившемуся не задолго предъ тѣмъ съ своими спарыми союзниками.

» Молодой начальникъ сихъ воиновъ, упомясь оиъ продолжительной пирушки, развалился

* Тогда Англичане владѣли Нормандіей и большею частію Франціи; Карль VII и Генрихъ VI, оба были коронованы Французскими Королями, одинъ въ Реймсѣ, другой въ Парижѣ, и обонми равно были довольны народъ; а война между тѣмъ продолжалась на счетъ того же народа.

въ углу залы на покойныхъ кожаныхъ креслахъ и дремалъ, предаваясь любовнымъ мечтамъ при звукѣ рюмокъ и спакановъ. Эпопъ молодой человекъ назывался Мони и былъ родомъ Бургундецъ. Прельсаясь одной дамой, принадлежавшей ко двору Герцога Бедфорпскаго, онъ нарушилъ вѣрность, кою былъ обязанъ законному властелину своему, Герцогу Бургундскому, когда сей послѣдній присоединился къ Карлу VII; и хопя послѣ сего любовнаго приключенія было у Мони много другихъ, однакожь онъ оспался вассаломъ Англичанъ, которые вѣрили ему ропу спрѣлковъ.

» Едва раздался послѣдній поспъ, какъ юный Капитанъ пробудился внезапно, вскочилъ съ полуоткрытыми глазами; какъ будто имя прежняго повелителя побуждало еще его къ бодрствованію и покорности. Успыдая сего невольнаго движенія, онъ спарался придать ему другой видъ, и бросивъ въ толпу золотую монету, воскликнулъ: » Браво! Позоръ Бургундцу! Слава Англичанину! « Попомъ, смягчивъ голосъ, продолжалъ: » Полно вамъ дуть портеръ и сидръ; выпейте-ка винца въ честь Норманскихъ красавицъ; да не забывайте вашей должности; вѣрно ужъ велѣно пушить огни: спупайте, и когда вспрѣпитесь съ жипелями, уговаривайте ихъ вѣжливо во имя Св. Дѣвы идти домой; если же они будутъ медлить, по безъ всякой грубости про-

палкивайте ихъ алебардами, не смотря на по, чьи бы они ни были. Пейте, да не зѣвайте! « Солдапы отвѣчали радостнымъ крикомъ, при коемъ онъ заснулъ, ибо шумъ всегда наводилъ на него дремоту. «

— Да чпожъ изъ эпого будетъ? вскричалъ мой слушатель; вы рассказываете мнѣ совсѣмъ другую исторію! Говорятъ, что мы какъ разъ будемъ въ Ля-Буль, а о бѣломъ волосѣ я не слыхалъ еще ничего. Оставьте вы эпого Мони...

— » Мони,« отвѣчалъ я, »играетъ важнѣйшую роль въ эпомъ шаинспивѣ, такъ сильно возбуждающемъ любопытство ваше. И такъ слушайте со вниманіемъ и не прерывайте меня болѣе, если хопите, чпобъ я кончилъ. «

Онъ замолчалъ, я спалъ продолжая:

— » Солдапы вполне исполнили первую половину Капитанскаго приказа; но когда вздумали исполнять впорую, обходить городъ, содержа въ немъ порядокъ, бить, если будетъ нужно или если имъ захочется, мѣщанъ, по почувствовали, что ноги ихъ опказываются отъ эпой службы. Въ такомъ-то крипическомъ положеніи находились они, какъ вдругъ на большой площади, освѣщенной сіяніемъ луны, увидѣли человѣка въ справномъ одѣяніи, вѣроятно иностранца, который непо-

движно, въ глубочайшей задумчивости, споялъ на помъ самомъ мѣспѣ, гдѣ дѣва Орлеанская, среди ужаснѣйшихъ мученій, предала Богу чистую свою душу.

» Эпо было очень ксапапи спрѣлкамъ, копорымъ весьма хопѣлось, не ходя далеко, взяпъ кого — нибудь подъ спражу. — » Кпо эпо молился на мѣспѣ, гдѣ сожжена колдунья? Какой нибудь спарый Арманьякъ, Буржской роялиспѣ, прокляпый колдунъ; какой нибудь прокаженный жидъ! На немъ и плапье не Христіанское. Гей, ребяпа!»

» Кучей шапаясь и полкая другъ друга, бросились они къ незнакомцу и попчасъ привели его къ Капипану, копорый между пѣмъ уже проснулся; ибо и минушной пишины, воцарившейся въ опсуспствіе солдапъ, было достапочно, дабы пробудипъ его.

» На ареспанпѣ былъ надѣпъ длинный, опушенный мѣхомъ кафпанъ и богапый поясъ. По его благородному прекрасному лицу, свѣжему, одушевленному цвѣпу, живому, пронцапельному взору, можно бѣ было заключипъ, чпо онъ еще молодъ, еслибы длинные бѣлые волосы не свидѣпельспвовали, чпо ему уже лѣпъ подъ шеспѣсяпъ. «

Здѣсь, при словахъ *бѣлые волосы*, у моего Пикардца едва не вырвалось радоспное воскли-

чаніе; однакожь онъ удержался и не прервалъ меня.

» Располагаясь допрашивать его, Сиръ Мони съ любопытствомъ разсматривалъ его странное убранство. На шапкѣ его была накинута серебряная лента, прикрѣпленная сафирами, но безъ перьевъ; красные сапоги безъ шпоръ; плащъ подбитъ бѣличьимъ мѣхомъ, но безъ всякаго герба; поясъ шелковый, но на немъ ни оружія, ни чепокъ. — » Это какой нибудь невѣрный Сарацинъ,« сказалъ онъ про себя; »но я заставлю его цѣловать крестъ, клясться смертью Магомета—и сказать по правдѣ, кто онъ!« Тогда взоры его встрѣтились со взорами незнакомца; невольный шепетъ объялъ его, холодъ пробѣжалъ по всему тѣлу и слова замерли на устахъ. Казалось, и незнакомцу видъ его былъ пыгоспенъ; они не могли еще дать себѣ опчета въ чувствованіяхъ своихъ, но уже ощущали пайное другъ отъ друга опвращеніе.

» — Клянусь прахомъ отца моего! сказалъ Мони: видъ этого челоука привелъ меня въ ужасъ, подобный тому, копорый, какъ говорятъ, внушается Бургундскими волшебницами, когда онъ глядятъ на васъ своими алмазными глазами. «

» Допросъ опложенъ до другаго дня и незнакомца заперли въ низкую комнату съ желѣз-

ными рѣшетками и крѣпко заперли. » Коли хочешь выдти, такъ пусть по разтрясешь мѣшну-шо! « говорили между собой два спрѣлка, охранявшіе дверь. Во все продолженіе ночи, они громко пѣли старую военную пѣсню:

Плѣнникъ, плѣнникъ удалой,
 Буйная головушка,
 Есть ли денежки съ побой,
 Такъ выдешь на волюшку!
 Денегъ нѣтъ, въ пюррьмъ сиди,
 Да жеспокой смерпи жди,
 Не будешь на волюшкѣ.
 Плѣнникъ, плѣнникъ удалой
 Есть ли денежки съ побой?

Однакожь, когда на другое упро Г. Мони велѣлъ опворипъ пюррьму, ареспанпа въ ней не оказалось.

» Кажется не нужно сказывать вамъ, кто былъ эпощъ ареспанпъ? Вы вѣрно сами угадали? (Собесѣдникъ мой сдѣлалъ головою утвердительный знакъ). Но вамъ конечно мудрено кажется увидѣть съ сѣдою головою человека, который единственно для того занимался съ шакимъ усердіемъ магіей, чтобы предохранить себя отъ поруганій спароспи? (Впоричный утвердительный знакъ головою). Увы! и онъ также состарѣлся! Но спароссть его совсѣмъ не сходспивовала съ спаросстью другихъ людей.

» Послѣ Никопольскаго бѣдспвія, Гюй д'Аль-

бропъ, пробывъ нѣсколько времени въ неволѣ, нашель наконецъ способъ выкупиться, и на свободѣ пупешеспвовалъ по воспoku для изысканія хранилищъ мудроспи. Наука пѣмъ болѣе привлекала его, что непрерывно указывала ему цѣль его пламенныхъ желаній. Онъ нашель въ одномъ, совершенно опдѣленномъ округѣ Теменя цѣлое Арабское семейспво, коего члены, глубоко посвященные въ тайнспва магїи, знали секретъ, споль для него желанный. У нихъ пра-дѣдъ и правнукъ казались братьями; но они дорого очень просили за опкрыпїе своей спайны. Гюй рѣшилса самъ добратъса до оной, и многочисленныя опыты обѣщали ему успѣхъ. »Еще одинъ день«—говориль онъ—»одинъ день, и я не буду болѣе спартъса! Еще одинъ день!« восклицаль онъ на завпра: »хотя первые опыты не привели меня къ цѣли, но указали путь; не ужели я поперяю бодрость, когда мнѣ оспаепса сполько идпи впередъ? « Онъ шель опъ опыта къ опыту, а между пѣмъ пропекла молодость, умчались и лѣта, называемыя зрѣлыми. Тогда уже онъ переспаль гонятъса за спайною сохранятъ молодость, а спаль искапъ средспва помолодѣтъсп вновъ.

» Между пѣмъ, подобно рудокопу, копорый выкапывая мѣдную руду, находилъ золотую, Альбропъ нашель лучше того, что искаль: нашель испинное знанїе, гораздо предпочпипельнѣйшее

безполезной красоты и долговѣчности, копорую повѣрыте мнѣ, въ послѣдствіи онъ спалъ бы оплакивать. Но къ чему послужило ему это высокое знаніе, спавившее его выше всѣхъ современниковъ, это могущество безграничное, но опасное, доспавляемое магіей ея избраннымъ? Сдѣлалъ ли онъ изъ него доспойное упопробленіе? Слушайте и судите. «

— А ужъ мы проѣхали мимо Ля-Буля, - сказалъ мой слушапель, и поворачиваемъ къ Румарскому лѣсу.

Я продолжалъ, припворясь будпо не слышу его словъ:

— » На возвращномъ пупи въ Нормандію Гюй д'Альбропъ посѣпилъ проѣздомъ Руанъ, гдѣ и подвергнулся, какъ было рассказано, крапкому заключенію опъ Сира Андрея де Мони. Гюй желалъ опяпъ увидѣпъ мѣспа, бывшія свидѣпелями его красоты и молодости. Ему казалось, что и молодость и красота вновь возвращаются къ нему шамъ, гдѣ нѣкогда разцвѣли.

» Помѣспья опца его доспавились Королю Французскому, копорый могъ по произволу располагать ими. Большая часть сихъ помѣспій принадлежала погда одной благородной дамѣ, вдовѣ знапнаго и сильнаго рыцаря. Сыну Графа Удаля почпи и не приходило въ голову жаловаться на сей акпъ, лишавшій его наслѣдія: онъ приѣхалъ съ Воспока весьма богатымъ.

Теперь желанія его состояли только въ томъ, чпобы еще разъ погулять по бархатнымъ лугамъ Сены, помечпашъ на высотахъ Сен-Вигора и Гонфревиля.

» Однажды, гуляя тамъ, онъ увидѣлъ полпу молодыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ пратурное платье. Онъ не сомнѣвался, чпобы дама, идущая впереди подъ покрываломъ, не была госпожа замка, окруженная своей свитой. Онъ спряпался за заборъ и далъ имъ пройпи. Это было невольное движеніе спыдливости и робости, вѣроятно еще изъ привычекъ, приобрѣпныхъ имъ на Воспокѣ. Но дамы съли именно на эпомъ мѣспѣ для отдыха и начали разговаривать. Онъ имѣлъ довольно времени налюбоваться на прекрасную наружность госпожи, надивипсья ея тонкому, основательному уму. Но увы! это послужило только къ его несчастію. Ни шестъдесять лѣтъ, ни откритія учиненныя имъ въ физическихъ наукахъ, не защитили его отъ необузданной, безразсудной спраспи. Онъ влюбился какъ двадцатилѣтній юноша, соединяющій съ пламеннымъ сердцемъ воспорженное воображеніе. Это была первая любовь его: это былъ воспоргъ, упоеніе.

» Кажется, я сказывалъ вамъ, чпо спарость его не сходспвовала ни въ чемъ со спаростью другихъ людей. И дѣйствительно, отъ того ли, чпо опыты, сохранивъ юность имѣли нѣ-

который успѣхъ, или по тому что протая, прудолубивая жизнь предохранила его отъ низкихъ спраспей, но черты его лица не такъ огрубѣли, морщины не такъ были замѣтны, какъ бы того должно было ожидать отъ его лѣтъ. Сердце еще дѣвственное билось въ спарчѣской груди и подъ сѣдыми волосами бушевало воображеніе юношеское.

» По обычаю, почти общему тогда во Франціи, вдова, имѣющая помѣстья, дарованныя Королемъ, должна была по истеченіи срока пратура выдти опять за мужъ; въ противномъ же случаѣ помѣстья опять отбирались въ казну. Д'Альбропу пришло въ голову, что женившись на прекрасной вдовѣ можетъ онъ получить опять въ свое владѣніе помѣстья отца своего. Желая нравиться, онъ переспалъ носиль восточный кафтанъ, заказалъ платье славнѣйшимъ портнымъ того времени. Емушили тонкаго сукна платье, обширое бархатомъ, съ различными рукавами, подбитыми, опушенными мѣхомъ, висячими и проч. Нижнее платье украшено было бантами изъ ленъ, шляпа съ перьями, съ куньей опушкой. Онъ нарядился, надушился, спалъ опять, и съ большимъ спараніемъ, опыскивалъ средства помолодѣть снова, и послѣ многихъ справокъ въ магическихъ и кабалистическихъ книгахъ, не нашелъ ничего лучшаго, какъ прикрыть волосы свои

бѣлокурой пудрой, которая была весьма употребительна въ минувшемъ вѣкѣ; да и въ наше время нѣкопорые молодые придворные хопѣли оныя въ употребленіе. Парики не существовали еще тогда; они изобрѣнены въ слѣдующее попомъ царствованіе.

»Разрядясь такимъ образомъ, явился онъ къ госпожѣ замка, коей съ перваго раза понравился, какъ пріятный собесѣдникъ, по причинѣ своего поучительнаго и разнообразнаго разговора. Въ эпому нѣпъ ничего удивительнаго: онъ такъ много видѣлъ, такъ много зналъ! Попомъ она спала любоваться его прекрасными чертами, благородствомъ и выразительностью лица, которое, казалось ей, попергѣло нѣкопорое измѣненіе единственно опъ жаровъ Азіяпскихъ и трудностей, сопряженныхъ съ путешествіями по странамъ отдаленнымъ, не представляющимъ никакихъ удобствъ на пути. Она совсѣмъ не думала, чтобы онъ былъ въ первой молодости, но никакъ бы не угадала настоящихъ лѣтъ его: такъ много любви сіяло въ его взорахъ! Да если, думала она, и былъ онъ много двѣнадцатью годами старѣе ее, то изъ чего путь опказы-
вающа опъ любви челоука богатаго, любезнаго и обладающаго множествомъ разнообразнѣйшихъ, рѣдкихъ познаній? челоука, который употреблялъ свои сокровища и свѣденія единственно на то, чтобы утѣшать всѣхъ, къ

нему приближенныхъ и облегчать ихъ участь? Ибо Гюй д'Альбротъ былъ добръ и любилъ благопворительность. Сверхъ того компаньонка прѣкрасной вдовы замѣтила, что у него руки очень малы и бѣлы. Не могу сказать утвердительно, дѣйствовала ли плусть сколько-нибудь магія; только вдовушка весьма была расположена; въ угоду съ челоуѣка съ бѣлокурой пудрой, спрятавъ за замокъ свое праурное платье, какъ вдругъ случилась великая бѣда.

» Румуасскимъ и Козскимъ Нормандцамъ начало спановишься въ пягоспъ Англійское иго, опъ коего они было опвыкли. Англичане принуждены были усилить гарнизоны Кильбѣфа и Кодбека и расположить нѣсколько корпусовъ эшелонами по обоимъ берегамъ Сены. Сиръ Моннъ явился со спрѣжками своими занявъ назначенный ему постъ въ мѣспечкѣ Сен - Вигорѣ. Наслышавшись о красотѣ госпожи Удадьскаго замка и вспомнивъ, что покойный мужъ ея былъ ему знакомъ, онъ счелъ, что приличіе повелѣвало ему посѣпить ея.

» Являсь въ замокъ, онъ нашелъ счастливую чепу на единѣ, въ большомъ кабинетѣ, украшенномъ гошписовскими обоями и картинами, писанными на эмали, изображавшими завоеваніе Англии Герцогомъ Вильгельмомъ, подобными по рисунку извѣстнымъ обоямъ Байо. Какъ Англичанинъ по сердечнымъ чувствованіямъ, онъ

приписалъ сначала дѣйствию, произведенному на него сими карпинами нѣкопорого рода ознобъ, почувствованный имъ при видѣ такой црера-ской дамы. Не могъ онъ обвиняеть въ этомъ температуру, ибо въ комнатахъ ни гдѣ не дуло и она была хорошо наплена. Но когда взглянуть внимательнѣе на собесѣдника госпожи, то, не взирая на щегольской нарядъ его и бѣлокурую пудру, узналъ въ немъ старика — Сарацина, своего бѣлаго арестанта, и вспомнилъ о первомъ впечатлѣнн, произведенномъ на него взоромъ сего чловѣка.

» Можно судить, какъ онъ удивился, найдя его здѣсь. Однакожъ онъ скоро нашелся и не далъ замѣпить изумленія своего. Между пѣть, по приказанію прекрасной вдовы, пажы принесли свѣчъ Манскаго воску, конфектъ, Кодбскихъ пряниковъ, сладкихъ винъ, наливокъ и ликеру. Число собесѣдниковъ увеличилось компаньонкой госпожи и капелланомъ замка, не Евсеіемъ, разумѣется, который давно уже покорился въ могилѣ. Говорили о религіи и войнѣ, о Генрихѣ VI Король Англійскомъ, въ коемъ госпожа замка принимала много учаспія, по причинѣ малолѣтства его, о Французскомъ Король Карль VII, котораго компаньонка видѣла на берегахъ Луары и не любила потому что у него ноги были коропки. Послѣ сихъ, прекрасныхъ разсужденій, разговоръ склонился къ любовнымъ приключеніямъ.

» Гюй д'Альбротъ также потчасъ вспомнилъ Капитана Руанскихъ стрѣлковъ; такая встрѣча жестоко поразила его, но онъ надѣялся, что не будетъ узнавъ Капитаномъ; однакожь смѣшадся, говорилъ мало и не иначе какъ въ пол-голоса, наклонясь къ прекрасной вдовѣ, которая на его нѣжныя рѣчи отвѣчала нѣжными взглядами; ибо не скрывала уже своего къ нему предпочтенія.

»Если бы дама и не такъ была прекрасна, и тогда по всей вѣроятности Сиръ Монн немедленно влюбился бы въ нее, ибо въ этомъ состояла вѣчная его болѣзнь. Найдя же въ ней столько прелестей, онъ не могъ сносить и мысли о такомъ соперникѣ. Гибъ овладѣлъ имъ: онъ возвѣспилъ, что намѣренъ рассказать спрванное приключеніе съ молодой красавицей, влюбленной въ спарика. Госпожа замка весьма громко засмѣялась, а компаньонка объявила, что это не возможно. — »Увѣряю васъ, милоспивыя государыни! « продолжалъ молодой Капитанъ: »она была влюблена почно въ спарика, но въ спарика, коего голова совершенно покрыта волосами бѣлыми, какъ снѣгъ, и понкими, какъ шелкъ. «

»Его просили начать рассказъ; онъ приговорился исполнить просьбу, искалъ въ головѣ какой-нибудь повѣсти, приличной къ наспо-

щимъ обстоятельствомъ, но вдругъ встрѣпилъ взоръ Гюй д'Альбропа и смѣшался; однакожь, оправившись, началъ расказъ, въ коемъ была описана встрѣча спрѣлковъ съ спарикомъ Сарациномъ на площади Руана. Но при семъ опять замаялся и пришелъ въ замѣшательство, ибо встрѣпилъ снова поплъ же невыразимо-ужасный взоръ; почему, опворопяся опъ незнакомаго, поспѣшилъ довести расказъ до одной молодой и прекрасной владѣтельницы замка съ бѣлыми ручками, лебединой шей, и до преобразованія челоуѣка въ кафтанъ. Между тѣмъ, въ продолженіе разговора, онъ и блѣднѣлъ и краснѣлъ, чувствовалъ, что силы его изнемогаютъ, ибо не могъ преодолѣть невольнаго движенія глазъ своихъ, непрерывно обращавшихся къ спарому щеголю и встрѣчавшихъ всегда его неподвижный, пронцапельный, убійственный взоръ. Тѣмъ не менѣе, упорствуя въ злобномъ своемъ намѣреніи, онъ продолжалъ; но когда спалъ насмѣхаться надъ сѣдыми волосами спарика, по смѣхъ его, усиливаясь и продолжаясь невольно, сдѣлался наконецъ ужаснымъ, судорожнымъ, такъ что Капитанъ совершенно лишился возможности говорить и впалъ въ нѣкопораго рода безпамятство.

— » Какъ онъ блѣденъ! сказалъ капелданъ. Да сохранилъ его Святыи Хриспофоръ опъ внезапной смертн!

» — Смѣяпсья ему совсѣмъ не приспало, сказала компаньонка. Онъ ужасно безобразень, когда выказываетъ зубы.

» Госпожа не говорила ни слова, старалась спать, привесши его въ память; и когда онъ пришелъ въ себя, шо велѣла отвезти на квартиру.

» На другой день она послала къ нему пажа осведомиться о его здоровьи, а на претпй Мони самъ явился благодарить ее за шо, но не прежде вошелъ въ комнаты, какъ удостоверься, что у ней нѣтъ никого. Онъ не упустилъ сего случая, дабы прямо и подробно объяснитьсь съ ней на счетъ спараго Сарацина. Она очень смѣялась или припворялась, что ей смѣшно, но не вѣрила, что бы волосы у д'Альбропа были дѣйствительно сѣдые. Однакожь по опъздѣ молодаго Каппипана, вдова сдѣлалась задумчива и печальна. Уже наканунѣ она размышляла объ эпомъ; ибо поняла нѣсколько намѣреніе его изъ темной полурасказанной повѣспн. Она рѣшилась какъ можно скорѣе узнать истину, не обнаруживъ однакожь своего намѣренія. Что значить вся ваша магія предъ женской хитроспью?

» Гюй д'Альбропъ, разряженный, надушенный, причесанный, явился въ обычный часъ въ замокъ; увидѣвъ госпожу на балконѣ, онъ снялъ шляпу и учпиво поклонился ей; въ эшо самое время одна изъ горничныхъ, будшо нечаянно, по

неоспорожноспи, вылила ему на голову съ пропивоположнаго балкона большую коспрюлю пеплой воды. Предспавыте себѣ ужасное положеніе бѣднаго спарца съ юнымъ сердцемъ и пламеннымъ воображеніемъ! Вода смыла всю пудру — и сѣдые волосы его явились во всемъ блескѣ.

» Госпожа вскрикнула и убѣжала съ балкона. Гюй д'Альбротъ птяжело вздохнулъ и удалился изъ замка; но удаляясь поклялся отмстить, не прекрасной вдовѣ, ибо все еще любилъ ее, а дерзновенному спрѣлку, который одинъ былъ причиною его несчаспія и вѣрояпно намѣревался воспользоваться имъ. Онъ презрѣлъ сѣдые волосы спарца—и спарець воскликнулъ: » горе ему!« и дѣйспвипельно съ нимъ случилось горе!!!

— Да вы, кажется, спите? сказалъ я Пикардійцу, который уже нѣсколько времени не предлагалъ мнѣ вопросовъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! « отвѣчалъ онъ. » Напротивъ, я принимаю большое участіе въ вашемъ магикѣ, и рассказъ о коспрюлѣ съ пеплой водою жестоко поразилъ мою чувспвипельность. Продолжайте, я слушаю, но слышу также слова рулеваго, который извѣщаетъ, что намъ оспаепся ѣхать только чепыре мили. «

Я продолжалъ.

— » Сиръ Мони вскорѣ замѣнилъ Гюя д'Альброта у владѣпельницы замка Удальского, хопя

компаньонка ея и замѣтила, что у него одинъ глазъ больше другаго. Однакожь иногда прекрасная вдова вспоминала съ сожалѣніемъ о прежнемъ своемъ вздыхапелѣ, ибо Капитанъ совсѣмъ не могъ равняться съ нимъ въ пріятности разговора и нѣжности сердца. Но когда она начинала заводити объ немъ разговоръ, то Капитанъ опускалъ сполько насмѣшекъ на счетъ его спароспи и сѣдинъ, что бѣдная вдова со спыдомъ умолкала.

» Сначала Мони хопѣлъ завести съ прекрасной вдовой сполько временную любовную связь, но подумавъ на свободѣ, расчелъ, что женишба на ней могла сдѣлать его богатымъ и знапнымъ господиномъ, погда какъ пеперь у него всего на все сполько лошадь, лапы и сабля. А попому Сиръ Мони воспылалъ неперпѣніемъ какъ можно скорѣе получить ея руку и помѣспья.

» Однажды вечеромъ онъ изъяслялъ споль живую нѣжность, пакое неперпѣніе, что госпожа, хспя въ сердцѣ ей прискорбно было спакъ скоро переменитъ друга, однакожь увидѣла себя въ необходимости рѣшитися; ибо и законы и любовь равно пого пребовали. Она просила у Капитана прехъ дней для размышленія, назначила ему свиданіе въ своей молевой залѣ подъ исходъ преспяго дня и, улыбкой очень нѣжной, дала почувспвовашь, что отвѣспъ върояпно не будетъ пропивенъ его желанію.

» На другое утро Сиръ Андрей Мони весело споялъ предъ Венеціанскимъ зеркаломъ и улыбался, любясь на свою красивую наружность, радуясь молодости (ему было только приданные лѣтъ); съ гордостью разсмапривалъ свои густые черные волосы; какъ вдругъ въ изумленіи опспунилъ шага два назадъ, вновь подошелъ къ зеркалу и спомрѣлъ съ ужасомъ. Увы! онъ не ошибся: между черныхъ волосъ рѣзко отличался одинъ бѣлый, и гдѣже, спереди на самомъ видномъ мѣспѣ.

— А! вскричалъ слушапель мой привспавъ; ибо съ нѣсколькихъ минутъ онъ слушалъ меня въ полугоризонтальномъ положеніи, почти лежа навзничъ.

» Первый бѣлый волосъ всегда возбуждаетъ въ насъ горестное чувство, ибо предвѣщаетъ скорое нашествіе его поварищей. Это кварпирмейсперь, очищающій кварпиры для цѣлой арміи. Мони вспомнилъ, сколько шупилъ надъ съдыми волосами, и нимало не намѣревался явипѣся на глаза своей любезной съ такимъ украшеніемъ. Спарапельно опобралъ онъ черные волосы, схватилъ крѣпко бѣлый и сильно дернулъ его; но къ величайшему ужасу замѣпилъ, что этопѣ волосъ только опспягивается, не обрываясь. Онъ дернулъ еще крѣпче, однакожъ волосъ оппачъ не оборвался, а сппановился

все длиннѣе и длиннѣе. Несчастнѣйшій едва не лишился чувствъ.

»Опамятовавшись, рѣшился онъ избавишься отъ сего волоса другимъ средствомъ. Взялъ ножницы; но тщетно употреблялъ все усилія: ножницы зазубрились, а волосъ оспался цѣль и опять еще болѣе выпянулся. Тогда онъ уразумѣлъ, что находится подъ влїяніемъ волшебства и безъ труда угадалъ волшебника.

»Дабы уничтожить очарованіе, прибѣгнувъ онъ къ Іоанну Бурбону, Аббату Сен-Вандрильскому, славному въ то время заклинателю демоновъ. Аббатъ объявилъ, что это дѣло весьма важное, велѣлъ ему сначала погрузиться въ чудотворныя Камбювильскія воды. Покорствуя сему предписанію, онъ погрузился въ означенныя воды весь съ головою, но вода, увлекаемая печеніемъ своимъ волосъ, не только не сократила его длину, а еще увеличила нѣсколько оную. После чего Аббатъ причастилъ его, окропилъ святою водою, схватилъ волосъ какъ можно ближе къ корню, произнесъ заклинаніе и дернулъ; но волосъ выпягивался, не обрываясь. Аббатъ ужаснулся; каждый изъ монаховъ, для удостовѣренія, дергалъ въ свою очередь, все бесполезно; и Мони возвратился домой въ опчаяніи, а волосъ его сдѣлался въ шрое длиннѣе. Такъ прошелъ первый день.

»Мони получилъ лихорадку и слегъ въ посспе-

лю; заснулъ, но во время прѣвожнаго, мучительнаго сна, кажды́мъ движеніемъ увеличивалъ длину сего орудія своего спыда и опчаянія. По пробужденіи оказалось, что волосъ обвился вокругъ его лба, членовъ и всего пѣла. Въ бѣшенствѣ вскочилъ онъ съ постели, обвилъ волосъ вокругъ руки, пыпался оборвать его, выпянуль, выдернуль весь, если можно; но гибкій, неиспощимый волосъ, увеличивался безпрерывно, изгибался въ многочисленныхъ изворотахъ по полу, *тонкій какъ шелкъ, бѣлый какъ снѣгъ.*

» Увидѣвъ у ногъ своихъ такой огромный сверчокъ, онъ испугался, чтобъ его не заспали. Разсмысливъ же въ послѣдствіи, вспомнилъ, что по общему мнѣнію только поппъ можетъ уничтожить очарованіе, кпо произвелъ оно; почему и рѣшилъ явиться къ д'Альброту, пронуль его просьбами; ибо слыхалъ о немъ какъ о чувствительномъ и сострадательномъ человекѣ; если же онъ будетъ не согласенъ, то вынудитъ силою перекреститься и попомъ воззиптъ ему въ грудь кинжалъ, удовлетворивъ такимъ образомъ по крайней мѣрѣ своему мщенію. Но щепотно объѣздилъ онъ всю окрестность, спрашивая повсюду о спарикѣ. Узналъ только, что сей послѣдній уѣхалъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ, не извѣстно куда. Такъ прошелъ впорой день.

» Наспунилъ наконецъ и претпій роковой день, по испеченіи коего Сиръ Андрей Монн долженъ

БЫЛЪ СДѢЛАТЬСЯ ОБЛАДАТЕЛЕМЪ ПРЯКРАСНѢЙШИХЪ ПОМѢСТІЙ ВЪ НОРМАНДІИ И ОДНОЙ ИЗЪ ПРЕЛЕПНѢЙШИХЪ ЖЕНЩИНЪ ВЪ КОРОЛЕВСТВѢ. Но какъ явился предъ нею съ симъ знакомъ опроверженія, котораго могъ ему навлечь со споры вдовы только насмѣшки? Однакожъ онъ надѣялся еще испробовать его: попробовалъ сжечь, положилъ на жаровню въ раскаленные уголья, которые самъ раздувалъ; проклятый волосъ оспался также гибокъ, также мягокъ, и сдѣлался еще бѣлѣе прежняго. Онъ погрузилъ его въ уксусъ; но и сія жидкость, при помощи коей, по словамъ нашихъ расквашиковъ большихъ исторій, Аннибалъ смягчилъ Альпійскія скалы, не имѣла никакого вліянія на волосъ. Онъ прибѣгнулъ къ пособію одного физика, но и сей послѣдній тщетно употреблялъ самыя разрушительныя средства и пробовалъ перепилить бѣлый волосъ: пила только припрупилась; хотѣлъ разбить его на наковальнѣ обухомъ, но обухъ разбился, а волосъ оспался цѣль. Все оказалося бесполезно.

» Наконецъ часъ, назначенный молодой вдовой, приблизился. »Можетъ быть,« думалъ Капитанъ, »если Богу будетъ угодно, очарованіе сіе со временемъ разрушится само собою.« И онъ приготовился ѣхать; но былъ такъ блѣденъ, пощъ, такъ много въ эти три дня упражнилъ красоты своей, что въ свою очередь нашелся при-

нужденнымъ прибѣгнувъ къ румянамъ, дабы обмануть взоры своего божества заимствованнымъ видомъ юности и здравія. Попомъ свернулъ въ кучку волосъ, тщательнo спряпалъ его подъ прическу и подъ покъ, копорый весьма плопно приарѣпилъ къ головѣ. Послѣ чего ояпъ поглядѣлся въ зеркало и надежда вновь ожила въ сердцѣ его. Время не пергѣло; онъ сѣлъ на лошадь, отправился.

»Едва проѣхалъ онъ мимо Сен-Вигора, какъ покъ ослабъ, въпромъ снесло его съ головы Капитана и свернупый волосъ, развѣваясь на свободу, зацѣпился за терновый кустъ, по близости дороги находившійся. Несчастный жоптѣль быспрымъ движеніемъ остановилъ лошадь; но лошадь, испугавшись, продолжала скакать съ необыкновенною скоростію. Побуждаемая крикомъ, ударами, порывистыми движеніями всадника, не внимая голосу его, она неслась съ быспропою молніи по лѣсамъ и горамъ, перепрыгивала однимъ махомъ чрезъ рвы, заборы, овраги; дымъ валилъ изъ ноздрей ея сполбомъ, пѣна била клубомъ изъ рта; при каждомъ препяцствіи она усиливала бѣгъ свой; казалось, какое-то невидимое, сверхъестественное существо разжигало ея пламень, кололо, било, погоняло ее. А между тѣмъ Мони съ ужасомъ чувствовалъ, что бѣлый волосъ его безпрерывно разпягивался. Предъ нимъ исчезали поля, деревья,

дороги; камни сверкали, издавая искры под ударами копытъ; по пространству, имъ проскаканному, исчислялъ онъ длину своего волоса; голова у него шла кругомъ; ему казалось, что въ ней шумѣло верпясь какое-то колесо, съ котораго развивался эппоть безкочный, неиспощимый волосъ. Онъ видѣлъ съ ужасомъ, взѣжая на пригорокъ, какъ эппоть проклятый волосъ пивнулся въ пространство, восходилъ изъ глубины долины до него, сіяя при лунномъ свѣтѣ, на подобіе серебряной нити. Съѣхавъ съ горы, видѣлъ также, какъ онъ пивнулся по вершинѣ ея и спускался въ низъ слѣдуя за нимъ по нити. Предавшись наконецъ на волю коня, котораго, по его мнѣнію, скакалъ уже нѣсколько часовъ, онъ надѣялся, что при скаченіи къ морскому берегу и найдетъ въ волнахъ конецъ своей жизни и несчастья; но вдругъ лошадь, имѣвшая привычку ѣздить въ замокъ, остановилась у самыхъ воротъ его, пала и издохла отъ изнеможенія.

»Опомнившись, бѣдный любовникъ съ горестію смотрѣлъ на замокъ; въ немъ все дышало радостью и веселіемъ: въ первомъ дворѣ видѣлъ онъ пажей и лакеевъ, которые расхаживали въ шляпахъ, убранныхъ цвѣтами; дѣлая пригласенія къ ужину; до него доходили слова: » онъ не ѣдетъ! « Свѣозъ цвѣтныя спекла красивой маленькой залы видѣлъ онъ сіяніе горячей лам-

пы. Тамъ его ожидаютъ, намѣреваясь, безъ сомнѣнiя, возвѣспити ему о счастiи его. Онъ такъ близко и не можетъ войти! О! какъ ужасно мщенiе Гюя д'Альброта!

» Измученный, опчаянный, болѣе мертвый, чѣмъ живой, проклиная свой жребiй и виновнаго Сарацина, Андрей Мони возвратился назадъ по долинамъ и горамъ, собиралъ свой разросшiйся бѣлый волосъ, опдиралъ его опъ заборовъ и деревьевъ, и собравъ весь, глядѣлъ нѣжело вздыхая. Потомъ бродилъ нѣсколь-ко дней, удаляясь болѣе и болѣе опъ жилища своей любовницы, пилался только лѣсными плодами и ягодами; наконецъ упоился въ Сень между Кодбекомъ и Дюклеромъ.

» Прибывавшей въ то время водой опнесло его къ противоположному берегу; бѣлый волосъ такъ крѣпко запушался съ обѣихъ сторонъ рѣки въ прибрежныхъ камняхъ, что служилъ нѣсколь-ко времени препятствiемъ для судоходства, ибо какъ бы спремипельно ни шло судно, никогда не можетъ оборвать его. Наконецъ онъ распянулся сполько, что опспавилъ довольно мѣста для прохода судамъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда движенiемъ волнъ выноситъ его на поверхность; что и случилось съ нами нынѣ. И такъ: вопъ препятствiе, замедлившее нынѣ упротъ наше плаванiе. Теперь вамъ извѣстна истинная причина сего феномена.»

Собесѣдникъ мой тяжело вздохнулъ, какъ человекъ, избавившійся отъ гнетущаго бремени. »Я думаю,« сказалъ онъ, »что это не что иное, какъ народное преданіе вѣдѣній провинціи. И время ужъ было окончить; поємоприте, вонъ шли соборной Руанской церкви.«

— » Это болѣе, чѣмъ преданіе,« отвѣчалъ я: »это истинная испорія! Я еще не кончилъ ее и надѣюсь, что вамъ, не скучно покажется узнать кой-что о нашемъ спаромѣ знакомцѣ Гюй д'Альбротѣ. Будьте спокойны, я сдержу слово свое и кончу рассказъ прежде прибытія нашего въ Руань.«

Пикардіецъ, съ видомъ неперпѣнія и маленькой досады, сѣлъ опять на шюкъ и я спалъ продолжаясь:

»Спыдаясь прекрасной вдовы, Гюй д'Альбротъ сдѣлалъ послѣдній опытъ возврапитъ молодость свою; но опытъ сей весьма худо ему удался. Кожа его не только не приобрѣла гибкости и упругости, но такъ опмякла и расшинулась, что водянистыя частицы крови его отъ малѣйшаго жару испарялись и улетали. Дабы продолжитъ жизнь свою, онъ принужденъ былъ жить, на подобіе шѣхъ мелкихъ земноводныхъ, копорья населяютъ болоца и копорья также отъ жару должны бѣ были изсохнутъ и умереть. Тогда удался онъ навсегда въ совершенное уединеніе; и вопъ почему Сиръ Андрей

Мони не могъ найши его. Однакожь волшебникъ жилъ недалеко опть древняго замка Удамьскаго.

»Во время пребыванія вашего въ Гавръ, гуляли ли вы когда - нибудь по дорогъ къ Гравильскому аббатству и не мѣнѣе знаменитому городку Гарфлеру? Были ли въ замкѣ и паркѣ Оршеръ? Видѣли ли тамъ чудесный ручей, который, выпекая изъ большей груды камней и глины, превращаетъ въ окаменѣлости мохъ и цвѣпы, по берегамъ его находящіяся? Вамъ вѣрно показывали это чудо памощнаго края, которому деревенскіе жители въ проспопѣ своей даютъ весьма забавное, живописное названіе?

»Эпопть ручей выпекалъ нѣкогда изъ обширнаго гропа, коему высокіе сполакпипы, въ видѣ колоннъ, служили подпорою и украшеніемъ. Внутри покрывъ онъ былъ мохомъ, висѣвшимъ на подобіе гирляндъ въ прещинахъ камней и на пополкѣ. Воды ручья производили въ немъ пріятную прохладу и сырость.

»Туда - по удалился Гюй д'Альбротъ, дабы бытъ не вдалькѣ опть Гонфревиля, споль драгоцѣннаго его сердцу, и замка Удамьскаго, гдѣ находилось сокровище, опть коего онъ видѣлъ себя принужденнымъ опказаться навсегда. Въ эпопть уединенія онъ перзался только двумя чувствованіями: любовью и жаждой мщенія. Имѣло ли волшебство его полное дѣйствіе надъ Андреемъ Мони? Наградила ли прекрасная вдова его со-

перника за любовь любовью? Вскорѣ все будетъ ему извѣстно.

»Однажды вечеромъ, повинуваясь, безъ сомнѣнiя, предчувствiю, гулялъ онъ по берегу рѣки. Вдругъ увидѣлъ плывущiй въ морѣ шрупъ, припiянулъ его къ берегу и, разсмотрѣвъ, узналъ черпъ ненавистнаго спирѣлка. БѢЛЫЙ волосъ еще не порвался. И такъ волшебство его не оспалось безъ дѣйствiя! Но ему хотѣлось узнать еще одну тайну, былъ ли Мони прежде своей смерти счастливъ его? У кого спросить объ этомъ? У самаго покойника!.. Онъ взялъ его въ гробъ и памъ оживилъ при помощи одного изъ таинствъ своего искусства (въроятно гальванизма, возведеннаго на высочайшую степень совершенства). Сиръ Мони, все еще блѣдный, съ закрытыми глазами привспалъ и началъ говорить. Онъ рассказалъ подробно великое свое *несчастiе*, бесполезныя усилiя имѣдѣланныя, внезапное бѣшенство коня, мученiе, которое онъ Мони чувствовалъ при видѣ огня въ моленной залѣ, куда взойти уже не смѣлъ; рассказалъ все и снова умеръ, умеръ навсегда! Гюй д'Альбротъ взялъ несчастнаго на руки и снова бросилъ въ рѣку, волны коей увлекли его въ океанъ; а бѢЛЫЙ волосъ болѣе и болѣе продолжалъ выпягиваться до шѣхъ поръ, пока шрупъ, носимый волнами, заспрылъ наконецъ на вѣки въ полярныхъ льдахъ.

» На другой день и гробъ Оршерскій и спалакшиповыя колонны, все обрушилось: тамъ могила Гюя д'Альбропа.

» Воды испочника съ прудомъ могли пробрапъ-ся сквозь эпи развалины, дабы выпечь опяпъ на свѣпъ Божій. Ихъ окаменяющее свойспвѣо приписываютъ теперь Гюю д'Альбропу. Повѣспъ моя кончена. «

— Скажите лучше ваща сказка! воскликнулъ ничѣмъ неудовлетворяемый собесѣдникъ мой. Все эпто не чпо иное, какъ аллегорія, содержащая въ себѣ слѣдующій урокъ: чпо гоня-ясь за тщетными познаніями, люди перяютъ драгоценнѣйшее въ свѣпѣ: юность и здравый смыслъ. Сверхъ того Мони научаетъ насъ, чпо когда мы начинаемъ сѣдѣпъ, по бесполезны всѣ наши усилія пропивъ перваго бѣлаго воло-са; напрасно вырываемъ мы его, другой слѣду-емъ за нимъ, попомъ претій, и такъ далѣе непрерывно.

— » Не ищите въ семъ повѣспвованіи без-разсудныхъ нравоченій! « воскликнулъ я громо-вымъ голосомъ, принявъ на себя величеспвен-ную повелительную осанку. » Всѣ обспояпель-спва эптой испоріи совершенно справедливы, и доказаны неоспоримо, для меня, по крайней мѣрѣ, ибо я былъ свидѣтелемъ оныхъ! «

Тутъ соупникъ мой выпучилъ на меня съ изумленіемъ глаза, хопѣлъ привспать, и снова

упалъ на шюкъ. Долго смопрѣлъ онъ на меня съ ужасомъ, какъ окаменѣлый, хопѣлъ что-то сказать, вѣроятно прѣбывать впоричнаго объясненія; но всѣ на баркѣ пришли въ движеніе; каждый бѣжалъ къ своей поклажѣ; носильщики и комиссіонеры полною успремились на барку; народъ, непрерывно бѣгавшій взадъ и впередъ, разлучилъ меня съ Пикардійцемъ. Мы прибыли въ Руанскую гавань.

Юнаѳанъ Духовидѣцъ.

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва. Марта 16 дня, 1854 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

О ПОЛЗЪ ИЗУЧЕНІЯ РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ ВЪ СВЯЗИ СО ВСЕОБЩЕЮ.

(окончаніе.)

Жизнь явилась сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Новгородѣ; покрайней мѣрѣ Исторія не опровергнетъ раннѣйшаго явленія оной на Югѣ. Но здѣсь находилась она подъ вліяніемъ Византіи и слѣдовательно Воспока; здѣсь жизнь была не самостоятельна, и въ XIII столѣтіи Кіевъ теряетъ свою значительность. Съ Польскимъ господствомъ онъ перешелъ къ сиснемъ Запада и сдѣлался не Русскимъ. Напротивъ на Сѣверѣ, въ Новгородѣ, болѣе и болѣе возвышалась

жизнь юная, развившаяся въ гражданскую, наконецъ полипическую, и пупь-по должна была (въ XV сп.) успупись мѣспо самоспояпельности и господспва Москвъ. Такъ Югъ и Сѣверъ совокупились въ Княжеспва и при Иоаннѣ III предспавляюпся въ Московскомъ Удѣлѣ спройною государспвенною жизнию, копорая въ испинномъ смѣслѣ должна называпсья *Русскою*. Но копорый элементъ преобладаептъ въ Московской жизни, Кіевскій или Новгородскій? Копорая система имѣла преимущеспвенное вліяніе на оную, Сѣверная или Южная? Кіевъ еспть религіозный памятникъ нашей Испоріи: памъ въ первые просіялъ лучъ Хриспїанспва, ознаменовалось могущеспво Божіе дивными чудесами; къ нему привязаны священныя сказанія объ Апостолѣ Андреѣ, о всемъ Дворѣ Владимира съ поэпическими богатырями, языческою призною и первыми мучениками. И пакъ въ Кіевѣ элементъ религіозный, и вліяніе сильное, преимущеспвенное оказываептъ Воспокъ и именно Византія *.

Съ явленіемъ Монголовъ и непрочныя связи съ Западомъ и спарья съ Конспанпинополемъ

* Впрочемъ еспть слѣды древнѣйшаго сообщенія съ Западомъ. Кромъ Ольги, Изяслава, я нахожу, что въ XII сп. (въ 1165 г.) въ Веспфальскомъ городѣ Магдѣбахъ была основана складчина для порговли съ Россією и именно съ Кіевомъ. См. Гюльмана, Испорія Финансовъ, 191.

прекрапились: Кіевъ и жизнь Южная изсякли. Въ концѣ XVII ст. она опять получила права свои.

На Сѣверѣ же, напротивъ: здѣсь преобладають элементъ гражданскій; здѣсь являются законы гражданскіе и устройство совершенно отличныя отъ Византійскихъ; здѣсь вліяніе Запада.

И такъ не должно смотрѣть на древнюю нашу Исторію какъ на Кипайскую, совершенно отдѣльную отъ Всеобщей; необходимо должно смотрѣть на оную какъ на часть, хотя въпороспѣнную, какъ на членъ всеобщей жизни; хотя нѣкопорыя обстоятельство (языкъ, вѣра, физическія положенія, народный характеръ) * замедлили ходъ оной, а нѣкопорымъ образомъ даже, по видимому, и совершенно отдѣлили ее отъ Европейской.

Византія представитъ намъ устройство нашей Иерархіи; Западъ объяснитъ намъ явленія

* О семъ предметѣ было говорено М. П. Погодинымъ кратко (О назначеніи Университетовъ) и Г. Гаспелымъ (О причинахъ, замедлявшихъ ходъ гражданственности въ Россіи до Петра Великаго). Послѣдній не упоминаетъ о языкѣ, о Лаптинѣ (къ копорой или по конспрукціи, или по сродству, или по алфавиту всѣ языки западные близки), о вѣрѣ. Онъ приводитъ неучастіе во всеобщихъ событіяхъ Европы; а почему гражданственность Азіатская не утвердилась? При томъ неучастіе есть уже слѣдствіе причинъ.

гражданской жизни. Съ сей точки зрѣнія смотрю я на нашу Исторію и осмѣливаюсь предложить слѣдующіе тезисы:

I. Разъединенная до XV сп. Южная и Сѣверная жизнь Россіи, находилась въ религиозномъ отношеніи подъ вліяніемъ Греческой Имперіи; въ гражданской — Запада.

II. Предсавипелемъ жизни Южной, духовной, можно почипать Кіевъ; Сѣверной, гражданской — Новгородъ; соединеніемъ той и другой — Москву. Посему:

III. Безъ Всеобщей Исторіи наша непонятна, какъ вѣтвь, опрѣзанная отъ дерева *

IV. Жизнь духовная или религиозная составляетъ особую предметъ Исторіи; опредѣленно отъ оной разсмапривается гражданская, и такъ:

V. Преимущественно Исторія Запада объясняетъ ходъ нашихъ событій; слѣдовательно:

VI. Польза изученія опечеспвенной Исторіи въ связи со Всеобщей неоспорима и неопровержима **.

* Не вѣрю, что Россія должна войти въ синхронизмъ Европейской Исторіи (какъ угодно гг. защитникамъ Словенскаго происхожденія Скивовъ и Гунновъ); нѣтъ, она должна быть подчинена тѣмъ же законамъ, коимъ слѣдовала прочая Европейская Исторія: она должна идти обокъ съ сею послѣднею. Прошу обратить вниманіе на изложенныя мною мысли въ началѣ.

** Сія система оправдывается, можетъ быть, болѣе нежели всѣ слова мои, новѣйшую систему.

Послѣ сего я долженъ сдѣлать краткое обзорнѣе главнѣйшихъ произшествій съ изложенной мною почки зрѣнія.

Само собою разумѣется, что основаніе Новгорода должно обратиться на себя преимущественное вниманіе; ибо здѣсь развился гражданскій элементъ, здѣсь былъ пунктъ соприкосновенія нашей жизни съ Западною. Вотъ что говоритъ Лѣтопись Лаврентьевская: »Словѣни же съдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша градъ и нарѣкоша и Новгородъ.« Эпи Словене прибыли съ Дуная къ Волхову, попому что »Волхомъ бо нашедшимъ на Словѣне на Дунайскія, съдшемъ въ нихъ и насилующимъ имъ.« Я не спану разбираю, кто такіе сіи Волхи? Шлецеръ, отецъ и сынъ, Эверсъ и др. что можно было сдѣлать, сдѣлали. Положеніе, что Словене на Волховѣ были Словене Дунайскіе, было признано. Нашъ наставникъ первый сдѣлалъ предположеніе колонизаціи Германскихъ Словенъ. Можетъ быть со временемъ онъ самъ разкроетъ сіе предположеніе; но теперь когда, можетъ быть, открыта Америка, всѣмъ кажется странно, что мнѣніе о переселеніи Словенъ на Волховъ было принято и никѣмъ не осомбрѣно критически. Теперь странно почти слышать вопросъ: какъ могли они перейти *?

* Я не буду говорить о Варягахъ, о Норманнахъ. Кто такіе

Признаки этнографическіе, историческіе, религиозныя, заставляють признавать Померанскихъ Словенъ одного происхожденія съ Новгородцами. Чѣмъ говоритъ наша Исторія о соотнесеніи Словенъ Сѣверной Германіи?

Мы знаемъ, что въ половинѣ XI ст. Готшалкъ основалъ Словено-Вендское Государство, вводилъ Христіанство, учреждалъ Епископства *. Но происшедшій бунтъ (вѣроятно за введеніе) лишилъ его жизни. На Христіанство

Варяги? Изъ Варгюна (острова Волховъ—Оловъ Велерій 1; изъ Саксоніи (Вагерланда—Пепрей): это были Свирини (Русскому трудно произносить двѣ согласныя, а потому изъ Свараги вышло: Варяги—Ире); они были Финны (Болфини); ихъ названіе значить: сѣверные (Ломоносовъ); мореплаватели (Миллеръ); союзники (Шлецеръ); они Пруссы (Коцебу); они *Argonautas quasi Vargonautas s. navigantes in Vargiam* (Рудбекъ) 2.

* Здѣсь уже были Епископства: вѣроятно со временъ Карла Великаго Ольденбургское; Готшалкъ учредилъ еще два: Ратцебургское и Магдебургское.

1. Точно также и Миллеръ. Едва ли не главною причиною сего страннаго предположенія *Joannus Magnus*; но онъ, вѣроятно съ умыслу, въ изданіи Плинія, вмѣсто *Nerigion*, поставилъ *Vergion*. Вопль догадки, толкованія и своды начались и пр. См. Байера *Opusc.* 355. Эверсъ *Нач. Госуд.*
2. Этимологи были весьма счастливы, кромѣ Рудбековъ отца и сына; иные доказывали, что Новохудонсоръ есть Небугодный Царь; *Slavus* есть синонимъ *Vergorus* (*Aep. Sylvius*); *Gliabar* есть нашъ Глѣбъ; Словене—Халден. И кпоже? да не подумають, что одинъ Тредьяковскій, нѣтъ! Михаелисъ, Форсперъ... Кпо опвергнешъ пруды и заслуги Шлецера?

воздвигнулось гоненіе: Епископовъ приносили въ жертву Радегаспу въ Репрѣ. Въ продолженіи 84 лѣтъ Ольденбургское Епископство не имѣло паспыря. При всѣхъ усиліяхъ и рвеніи Епископовъ, Вицелина и Оппона Бамбергскаго (Поморскаго Апостола), Христіанство воспрѣпало самыя прудныя препоны *.

Мы знаемъ, что 1147 г. предпринятъ былъ по воззванію Папы крестовый походъ ** Сѣверо-Германскимъ Княземъ противъ Словенъ въ Голспиніи, которые со временъ Лопарія, не смотря на внутренніе раздоры, пропивустояли всѣмъ нападеніямъ ***. Король Словенскій Никлопъ просилъ о помощи Графа Голспинскаго, Адольфа. Получивъ опказъ, онъ напалъ на него, осадилъ Любекъ и разграбилъ Вагрю ****. Тогда крестовый походъ раздѣлился на два опдѣла; въ первомъ были: Епископы Магдебург-

* Намъ мало извѣстно о началѣ Христіанства въ Россіи. Впрочемъ нельзя предполагать, большаго сопротивленія; ибо чина своя спвенна сердцу челоическому: но на Западѣ епо испину дѣлали средспвомъ для порабоженія. Въ семь опношеніи не избѣгнеть упрека Карль Великій. Что было въ XI и XII епод., даже въ XIII, я говорю ниже.

** Такъ назывались всѣ походы пропивъ нехристіанъ; паковъ нами упомянутый, пропивъ Турковъ и пр.

*** *Helmoldi Chron. Slayorum* 155 — 61. — *Lerbekke — Episcop. Mindinsium Chronicon*, 499 — *Sax. Grammaticus. Historia Danica*, Клошціево изданіе (Лейпцигъ 1761.) XX. 398.

**** Гельмольда, памъ же.

скій, Гальбершадскій, Мюнсперскій, Мерзебургскій, Брандербургскій, Гольберскій; Маркграфы: Конрадъ Мессейнскій и Албрехтъ Браденбургской; Пфальц-Графы: Фридрихъ Саксонскій и Германъ Рейнскій; многіе Графы и 60 тысячъ крестоносцевъ; во вѣпоромъ опдѣль: Епископы Бременскій и Верденскій, Герцогъ Генрихъ Саксонскій и Конрадъ Церлингскій, Препенденцы Датскаго прона Канушъ и Свено и брапъ Польскаго Короля. Никлопъ опспунилъ. Крестоносцы завоевали Малховъ, мѣсто славнаго храма Словенъ. Болоша и упорное сопропивленіе крѣпостей Деммина и Дубина, наконецъ виды Албрехта и Генриха, не позволили симъ походамъ доспичъ предложенной цѣли.

Подобныя ополченія, подъ предводительствомъ особенно Саксонскихъ Епископовъ и владѣтелей пропивъ Шпепина, не имѣли рѣшительнаго успѣха, хопя были чрезвычайно опуспощительны *.

Но испинные бичи Сѣверно-Германскихъ Словенъ были Генрихъ Левъ (1139—1180) и Албрехтъ Медвѣдъ (1123—1170), послѣ Герцогъ Брандербургскій. Они изъ своекорыспныхъ видовъ уничтожили крестовый походъ и, какъ

Vincenti Pragensis Chronicon (она продолжается до 1167 г. заключаая событія съ 1140). Dobneri Monumenta. Подъ годомъ 1147, слѣдовательно въ самое начало Крестоваго похода.

показывающъ ихъ названія, пролили рѣки чело-
вѣческой крови въ спранахъ Словенскихъ *:

Мы знаемъ, что въ Словенскихъ земляхъ
были чрезвычайныя приписненія рабовъ (въ
XII и XIII сп.), почему многіе изъ нихъ пере-
шли къ Пруссамъ и Руссамъ ** Вообще Сло-
венскія племена жили въ вѣчной враждѣ ***
съ Нѣмцами; сверхъ того и внутреннія ссоры
изъ наслѣдства престола и зависпи **** обу-
вали сіи спраны и заспавляли родичей оспа-
вляющъ свое опечесиво *****.

* О Генрихъ Левъ смоп. Испорію Гогенштауфеновъ Рау-
мера: и Бешпигерово сочиненіе: *Heinrich der Löwe*, изъ
котораго заимствованы приводимыя мною слова. Сверхъ
того *Helmoldi*. I. 78—82, 84—85, *Lerbeckk* 504, и *Saxo Gram.*
XIV, 211. Сюда же опноспся и слѣдующее извѣщеніе. *Qui-*
dam ex Teutonicis accepta pecunia vendiderunt Dacos (Danos—
о Дакахъ ли говоримъ Лѣтописецъ?) coeploque proelio se
sustrahentes multa millia Dacorum Slavorum (Дакійскій
Словенинъ или Датскій, Голспинскій?) occiderunt gladiis.
Albericus: Chronicon Leibnitz, accessor. historic. II, I. при
1150 годѣ, спр. 319.

** Раумеръ *Geschichte von Hohenstauf.* III, V спр. 17.

*** О семь Саксонскія лѣтописи подъ годомъ 1110; Гель-
мольдъ 133; *Lerbeckk* 498; *Saxo Grammatic.* XIII, 559.

**** Смопри о семь въ Гебгарди Испорію Данін I. 467. Испор.
Вендскихъ Словенъ 1150 и упомянутое уже сочиненіе
Бешпигера: Генрихъ Левъ, 71.

***** Сверхъ сихъ свидѣтельствъ, я предспавляю и нѣкоторыя
выписки изъ Гельмольда, оспановившія преимущеспвенное
на себѣ вниманіе при самомъ скучномъ чпеніи хроногра-
фа среднихъ вѣковъ, кн. I. гл. 2, 9, 11, 16.

Какъ-бы по ни было, но переселеніе Словенъ Германскихъ возможно и правдоподобно; ибо послѣдующія событія (основаніе Новгорода, путь изъ Ганзы на Волховъ, городское или муниципальное правленіе) совершенно сему не прѣпротиворѣчаютъ, даже подтверждаютъ.

Эверсъ удивляется, что Словене поспѣшь по переселеніи съ Дуная, начали строить города, тогда какъ въ первыхъ жилищахъ не имѣли никакихъ, хотя Конспанпинъ и упоминаетъ о Словенскихъ городахъ на Югѣ. Не думалъ ли народъ обезопасить себя въ новомъ опечесивѣ пѣснѣйшимъ соединеніемъ *?

Вопь, какъ одна несообразность ведетъ къ другой: переселеніе Словенъ съ Дуная на Ильмень—къ градоположенію!

Могли ли быть города на Сѣверѣ Россіи въ IX даже въ X столѣтіи? Что скажетъ Всеобщая Исторія? Когда являющіяся города въ прочей Европѣ?

Во первыхъ мы должны исключить явленіе городовъ въ Южной Европѣ (особенно въ Италіи); ибо здѣсь еще не исчезла Римская образованность, ибо здѣсь мощная рука Карла Великаго, основывая новыя Епископства, полагала начало образованія. Посмотримъ на Германію.

* Эверсъ Ursprung. 71.

Здѣсь города произошли: 1) изъ *castra stativa* Римлянъ по главнымъ рѣкамъ и границамъ; 2) многіе Епископы и Сановники (*Gaugraff*, Герцоги и пр.) основывались въ избранныхъ мѣстахъ, заводили школы и со временемъ здѣсь является городская жизнь: эпо отъносится даже къ IX столѣтію; 3) основаніе Епископствъ въ странахъ не христіанскихъ, гдѣ со временемъ образовались города, таковы: Триръ, Кобленцъ, Вормсъ, Спейеръ, Спразбургъ, Регенсбургъ и др.; общины, зависѣвшія непосредственно отъ Короля, соединялись между собою и принадлежали къ леннымъ, таковы: Ахенъ, Нимвегенъ, Колмаръ, Цюрикъ, Боннъ, Франкфуртъ и др.; 5) торговля складки и крѣпости (*Zitg*); таковыя произошли въ Вендскихъ странахъ: Лепра, разрушенная въ 965, Шпепинъ, Бѣлградъ, Спаргардъ въ Вагріи и знаменитая Винета, разоренный Магнусомъ Датскимъ въ 1043 *. Какъ крѣпости, усвоенныя отъ набѣговъ Венгровъ, Норманновъ и Поляковъ, можно считать основанныя Генрихомъ I. города Кведлинбургъ, Нордгаузенъ, Дудершпадтъ, Госларъ и города Прусскіе на границахъ Польши; 6) въ XII и XIII стол. начинается новая эпоха для Нѣмецкихъ городовъ, съ началомъ крѣпостныхъ

* Сей городъ сдѣлался почти баснословнымъ. Починаю излишнимъ припомнить здѣсь Миллера.

походовъ. Эпа эпоха особенно важна для Сѣверо-Славянскихъ земель *.

Очевидно, что Новгородъ не можетъ принадлежать ни къ одному изъ вычисленныхъ случаевъ; ибо основанъ въ V столѣтіи, когда объ городахъ никто еще не думалъ.

Теперь слѣдуетъ вопросъ, отъ чего поспроенный городъ названъ былъ Новымъ?²

Въ проптивуположность, отвѣчаетъ. Мил-

* Не одни только вычисленные мною случаи; я говорю лишь о главныхъ, но множество было частныхъ: или при перевозѣ, или по красотѣ мѣстоположенія, по естественнымъ и политическимъ переворотамъ, какъ въ Голландіи, какъ самый Любекъ. О городахъ во Франціи смотри *Ordonnances des Rois*, превосходный сборникъ, единственныи въ своемъ родѣ источникъ для Французской Исторіи, томъ II, предисл. Сверхъ того и Голманъ (*L'Europe au Moyen Age*, томъ I. стр. 355) говоритъ объ нихъ; но къ намъ они не относятся. Я говорю о XIII столѣтіи; ибо тогда произошли: Ростокъ и Гадсбушъ въ 1218; Шверинъ въ 1220, Гиспровъ 1222, Спральзундъ 1232, Малховъ 1235, Пренцловъ 1235, Висмаръ 1266, Грейсвальдъ и Сполпе 1285, Рюгенвальдъ 1312. Около сего же времени Зальцведенъ, Берлинъ, Франкфуртъ на Одерѣ и др. Помомъ: Торнъ 1231, Кульмъ 1232, Мариенвердеръ 1235, Эльбингъ 1237, Кенигсбергъ 1255. Всѣ имѣли образцами Кельнъ, Магдебургъ и Любекъ. Смотри Раушника Гражданство и Градоположеніе Нѣмцевъ въ средніе вѣка, Дрезденъ 1829; К. Т. Гемейнера о происхожденіи города Регенсбурга и всѣхъ древнихъ вольныхъ городовъ, Регенсбургъ, 1817 in 8; также въ сочиненіи Раумера: Свѣтскія Древности, п. V.

леръ * Словенску, нынѣ Старому Городищу. Просто; говоритъ Эверсъ; ибо у древнихъ восемь городовъ назывались Neapolis, безъ всякой подобной причины **.

Опровергать предположеніе Миллера, нѣтъ надобности: онъ заимствовалъ извѣстіе изъ лѣтописи Тапищева-Іоакима ***.

Но я спрошу защитниковъ Эверсова рѣшенія: у древнихъ Neapolis назывались попому, что были другіе города; не ужели поже должно предположить и у Словенъ? Если бы сіе названіе дано было во время разившейся образованности, изыскапель сослался бы на волю наименовавшаго; но по чему Словенамъ вздумалось назваць его Новымъ, погда какъ самъ Эверсъ говоритъ, что Словене (примемъ предположительно), живя на Дунаѣ, не имѣли ни какихъ городовъ ****?

Правда, встрѣчаюся и въ Германіи Ней-

* Samml. Russisch. Gesch. О Новгородѣ и вообще о происхожденіи Руси, 5 петр. 1761. стр. 282—383.

** Эверсъ Ursprung и пр. 61 прим.

*** Любопытно бы показавъ причины подлога Іоакимовой Лѣтописи: неужели по одинаковымъ съ Эверсовыми извѣстіями изъ Воспочныхъ писателей, копюрья Ибнъ-Фоцланъ Френа выведъ на чиспу воду?

**** Эверсъ, памѣже. Не понимаю; какъ можно говоритъ о городахъ, въ V и VI столѣтіяхъ!

шпадъ, Нейгардъ, даже Нейспаргардъ *; но должно думать (ибо я не могъ изслѣдовать), что сіи названія давались не безъ причины.

Оспавляю на произволь рѣшишь: а) откуда перешли Словене? Съ береговъ ли Дуная, пѣ-снимые Волохами **, пройдя непроходимыми и неизвѣспными пупями, съ Юга на Сѣверъ на Ильмень; или Новгородскіе Словене должны бытъ приняты за Германскихъ переселенцовъ, пропивъ чего не спорить и удобность морскаго пупи? в). Къ какой эпохѣ относится основаніе сего города, къ VI, VII, и до IX столѣтія, когда не было городовъ въ Германіи, или позднѣе, когда мы можемъ допустить возможность Германской колонизаціи? с). Почему Новгородъ названъ симъ именемъ: въ пропивуположность ли какому либо Словенску, или по произволу основателей, или наконецъ въ пропивуположность какому-либо Спаргарду или Нейгарду въ Голспиніи, Вагрии, Лузаци, гдѣ ихъ было немало?

Рѣшеніе сихъ вопросовъ, споль важныхъ въ

Неправильно пишутъ Нѣмецкіе писатели Neugarđ ne garđ, а grad — слово чисто Словенское.

** О припѣсненіи Волоховъ было писано очень много. Шлецеръ сынъ (до Эверса) былъ удостоенъ и награды за разсужденіе по сему предмету. Но мы все паки видимъ вопросы: Кто такіе эти Волохи? Римляне, Венгры, Вологи или просто бродяги *власивіе* кочующую жизнь?

опечественной Исторіи; еще не опредѣлить начала Государства; ибо Новгородъ соспавлялъ только одинъ элементъ Русской жизни. Какимъ же образомъ проводятъ намъ, дѣписатели непрерывную нить происшествій отъ челнока Рюрикова до Адрианопольскаго пракапа? куда причислятъ Игорей и Ярополковъ? какъ соблюсти цѣлостъ и единство? — Шлецеръ, при всей своей проницательности, не могъ не опнести начала Государства къ 862 году; Эверсъ къ крещенію Св. Владиміра; Карамзинъ слѣдовалъ Шлецеру. Но имѣли ли право сіи испорики называть погдашнее соспояніе Государствомъ? Условяся въ значеніи сего слова, разсмотримъ первобытные факты нашей Исторіи. Что такое Государство?

Благоуспроенное общество людей, занимающихъ опредѣленное пространство земли; общество съ положительными правилами отношеній власти и подвластныхъ, одного сословія къ другимъ; общество, коего соединенныя силы направлены къ одной общей цѣли—народному благососпоянію; общество образованное, гражданственнее, просвѣщенное.

Образованность народная вводится не годами: разительнѣйшимъ примѣромъ сему служитъ наша Россія. Доколь чужеземныя идеи съ безусловнымъ подражаніемъ будутъ вводимы въ какую либо страну, она еще не будетъ имѣть *своего*

образованія національнаго. Туземная общественная жизнь; произведя различныя отношенія къ другімъ внутри и извнѣ, породилъ невѣдомыя до полъ понятія о народномъ правѣ, о необходимости власти и спасительности повиновенія. И такъ, образованность народа есть развитіе идей; соотвѣтственно времени, мѣсту, а слѣдовательно всѣмъ условіямъ обшпоятельства; образованность есть аналогическое преуспѣяніе души и слова, умственное и гражданское совершенство народа; образованность есть вступленіе на чреду всемірно-историческаго значенія и предъявленіе правъ на памятованіе Исторіи. Но образованность возможна только въ двухъ началахъ: *политическомъ*, какъ естественное слѣдствіе обшества, и *нравственно-умственною* или *религіозно-ученою*, какъ естественное пребываніе благоустроеннаго Государства. Одна вѣшь отъ другой можетъ быть отдѣлена, какъ мы видѣли въ Македонянахъ, въ Евреяхъ, представителяхъ политическаго и духовнаго значенія; но одно необходимо предполагается другое; политическое не можетъ быть безъ умственного, какъ и сіе безъ перваго, хотя то или другое не рѣдко преобладаетъ. И такъ образованность представляется намъ съ двухъ сторонъ: политической и умственной. Посмотримъ же въ сихъ двухъ отношеніяхъ на Россію до XII столѣтія.

Я начинаю съ политическаго и попомъ уже говорю объ умспвенномъ. Сии два опношенія содержатся между собою, какъ опытъ и идея, какъ анализисъ и синпезисъ.

Гражданская образованность естъ слѣдствіе долговременной общеспвенной жизни и внѣшняго сношенія; первое явленіе оной естъ:

СОЕДИНЕНІЕ ЛЮДЕЙ въ общества—въ города. Я довольно проспранно говорилъ о семъ предметѣ, когда была рѣчь о Новгородѣ. Чпо же касается до происхожденія другихъ городовъ, я сдѣлаю одно замѣчаніе: большая часть изъ нихъ, кромѣ Червенскихъ, * является а) по рѣкамъ, ** б) на Сѣверѣ, с) въ XIII и послѣдующихъ спольпійяхъ. Это подптверждаетъ сказанное мною, чпо гражданскій элементъ Русской жизни въ XII, XIII вѣкахъ и далѣе находился подъ вліяніемъ западной системы; ибо дѣйспвіе Юга *** или Воспочной Греческой Имперіи не

* Которые впрочемъ не опносятся къ системѣ Россіи.

** Въ семъ случаѣ не у мѣста ли будетъ аксіома Вико: »Люди сперва селятся на возвышенности, попомъ на равнинахъ, наконецъ при рѣкахъ — когда уже они обживушся и образованность начнетъ развиваться.« Кн. I. гл. II.

*** Воспочная Имперія никогда не имѣла муниципаловъ. Съ самага царствованія Константина Великаго (Свяпаго), начинается уже родъ Азілпскаго правленія; припомъ вся Воспочная Имперія состояла изъ провинцій; а кому не извѣспно, чпо *jus provinciarum* не одно съ *jus municipium*?

вроспиралось на споль опдаленное проспранспво. Впорое явленіе гражданское образованноспн еспь:

УСТАНОВЛЕНІЕ ВЛАСТЕЙ. Не говорю уже о Новгородѣ и Псковѣ, кои, какъ будпо, основаны по какому-нибудь Магдебурскому, или Кельнскому праву, всѣ города (Черниговъ, Суздаль, Рязань) являющіяся въ видѣ муниципаловъ, чего не лзя выводипь изъ вліянія Греческой Имперіи.

ОТНОШЕНІЕ ВЛАСТЕЙ (КНЯЗЕЙ) КЪ ПОДВЛАСТНЫМЪ. Здѣсь предспояпть два вопроса: были ли Князья избираемы, какъ говоряпть новѣйшіе * Французскіе Испорики, о первыхъ Короляхъ Меровингахъ; или имѣли право наслѣдспва, и какое? **

РАЗДѢЛЕНІЕ ВЛАСТЕЙ, п. е. на исполнптельную законодасптельную, гражданскую и уголовную, свѣпскую и духовную и проч.

И наконецъ узаконеніе или письменные законы: здѣсь должна обрапипь на себя особенное вниманіе наша Русская Правда.

* Тьеръ, Шапобріанъ, Пегю, Доль и др. У насъ объ этомъ гоповаяся говорипь; но до сихъ поръ Князей нашихъ признавали за наслѣдспвенныхъ, хотя поспупки Новгородцевъ—и полько Новгородцевъ—заспавляюпть думать, что существовало избраніе. Спранно будепть, если изслѣдоваспель начнепть выборъ Князей съ сыновей Владиміра.

** Объ этомъ писалъ Эверсъ; нѣкоторыя его резульпаны не безспорны. Вообще въ опношеніи прееспства, другой порядокъ вещей начинаепся съ эпохи Мономаха. Спройноспь, какъ и во всемъ, начинаепся съ Іоанна III.

Вмѣстѣ съ симъ дѣлается возможною и монета или условленные знаки, предсавившеди цѣнности: 1) металлическіе, 2) ассигнаціонные, бумажные или правильнѣе *не-монета*, ибо въ Кароагенѣ, на примѣръ, былъ родъ ассигнацій поже изъ металла.

Теперь взглянемъ на прочую Европу: сходно ли гражданское ея шествіе съ нашимъ, почему мы или Западъ опередили; согласны ли съ симъ правила Исторической Криптики и самый разумъ?

Западная Европа имѣла великое преимущество предъ Воспочною; во первыхъ Римская Имперія, въ первые вѣки волновавшая Германскіе народы, жила въ воспоминаніяхъ и еще плѣла въ оспашкахъ. Римскій языкъ проспирался до Дуная и Рейна, въ Англии и даже въ Венгрии (Панноніи и Дакіи). Здѣсь были учреждены постоянные кордоны, основаны колоніи; сверхъ того Германія и Франція управлялись Римскими Проконсулами, и впоргнувшимися Франкамъ оспалось только, какъ не рѣдко видно въ Испоріи, принявъ образованность опъ побѣжденныхъ.

Раннее явленіе Христіанства (хотя Аріанской секты) и частое сполкновеніе народовъ необходимо должны были ранѣе возрастити и образованность; наконецъ въ IV сентябрьнѣ влі-

яніе Церкви сдѣлалось чувствительнo: слѣдствія сего явленія неисчислимо важны. Феодализмъ, копорый ввелъ, своими запутанносціями, пребываніе положицельныхъ условій, Папская власть, начиная съ ІХ столѣтія, и наконецъ кресповые походы: всѣ сіи преимущества можно назваць внѣшними; внупренія были: вѣра, языкъ и писменность. * При всѣхъ сихъ преимуществахъ, что предспавляетъ намъ Испорія Западной Европы? Изложимъ въ соопвѣствіи съ прежними нашими выводами:

Общества являюся, безъ организациі, до V столѣтія. Толпы племенъ соединяюся при общеспвенной опасности, побѣждаюць, или побѣждаюся въ свою очередь. Чипайте Цезаря и особенно Тацита, коего Германія еспь идеальное изображеніе негражданскаго народа.

Власть почти вездѣ въ рукахъ Аристократіи, и хопя Испорики именуюць Царей—Аріовиспа,

* Единство *въри* было не шаково, какъ на Востоке. Вліяніе религиозныхъ сектъ, гнѣздившихся особенно во Франціи и Ипаліи; церковный языкъ, на копоромъ богатѣйшіе памятники; Латинскій языкъ много воспрепятспвовалъ сообщенію Востока съ Западомъ. *Языки*: ихъ можно подвеспи къ двумъ категоріямъ: Германскому и Латинскому искаженному. Аріовиспъ весьма хорошо говорилъ по Гальски. *Письменность* и племена всѣ почти одинаковыя; Польша предспавляетъ во всемъ какую-то средину, особенно въ знапельномъ (scientifique) отношеніи.

Германа, Меровея — но они никакъ не болѣе военныхъ начальниковъ.

Отношеніе властей къ подвластнымъ. Точнаго и неизбѣимаго не лзя искапъ ранѣ X сполѣпія *.

Раздѣленіе властей. До XV сполѣпія, мы не знаемъ кому приписать закодапельную власпъ: Императору, Папѣ или каждому ленному владѣшело **. Узаконеній или письменныхъ законовъ до XII спол. не было ***. Монепная сиспе-

* Въ концѣ. Здѣсь эпоха полнаго развитія феодальной сиспемы. Карлъ Великій соспавляетъ исключеніе, пѣмъ болѣе, что преемники его изгладили и самыя слѣды его начинаній.

** Даже Лудовикъ Свяпый, въ своихъ установленіяхъ говоритъ: *Le roi ne peut faire de proclamation, c'est-à dire promulguer aucune loi dans le territoire d'un baron sans son consentement: le baron ne le peut pas non plus à l'égard des ses vassaux.*

*** Между пѣмъ, какое различіе предспавляютъ наши лѣпописи въ соспояніи Россіи того времени! Кромѣ началъ гражданспвенности, у насъ являетсѣ и опредѣленное отношеніе городовъ къ Князьямъ и различеніе классовъ Государспва, и что всего важнѣе, письменные законы XI сполѣпія!.. Я говорю о Русской Правдѣ, копорая съ нѣкопорого времени получила инпересъ загадки спрудной и спранной. Русская или Ярославова Правда соспонтъ изъ письменныхъ привиллегій, данныхъ Новгороду, за его услуги, В. К. Ярославомъ I. Слѣдовательно, что такое Русская Правда? Еспшли она *Freibrief*, споль обыкновенное въ Германіи? Мы знаемъ, что таковыя *вольности* давались въ XII и XIII (болѣе) спол. Мы знаемъ, что около 1088 года въ Испаліянскихъ Южныхъ городахъ являетсѣ (въ Испаліи!) нѣ-

ма до XV стол. находилась въ грубомъ состояніи *. Какимъ образомъ объяснимъ наши гражданскія событія, не прибѣгая къ сравненію оныхъ съ Западно-Европейскими? Чпо значимъ наша феодальная система, о которой доселѣ

чпо въ родѣ *stratigotes*, или *города* завѣдывающіе административною частію; мы знаемъ, чпо Рожеръ въ первые, какъ кажется, далъ въ 1129 году *права* городу Мессинѣ; чпо Трани въ Южной Италіи только при Фридрихѣ II, въ 1215 году, получила право *судиться своими законами*; знаемъ это объ Италіи, которая ни съ одною сравною Европы не можетъ идти въ сравненіе. Но въ Германіи почти всѣ главные города Ганзаагическаго союза: Любекъ, Гамбургъ, Магдебургъ, Бременъ и др. относятся по эпохѣ своего процвѣпанія къ половинѣ XII стол. (1150) и. е. ко временамъ Генриха Льва; пакъ Любекъ, по разрушеніи Бардевика, получилъ различныя права; Гамбургъ почти позже; Магдебургъ, обязанный своимъ украшеніемъ сходству съ Лондономъ, процвѣпалъ въ XII стол. и пр. Положимъ ли, чпо Ярославова Правда есть проповень какого-нибудь *Recht*, или Кельнскаго или Любскаго? Какимъ же образомъ опнесемъ ее къ XI столѣтію?

* Не входя въ подробнѣйшія изслѣдованія о монетѣ, особенно о кожаныхъ деньгахъ, я приведу здѣсь два историческіе факта. Въ 1241 году, при осадѣ Фаенцы, Императоръ Фридрихъ II имѣлъ большой недостатокъ въ деньгахъ, почему и приказалъ ввести *кожанья деньги*, сходныя по наружности съ августолами (въ 108 грановъ, 90 числаго золота: на нынѣшнія деньги Прусскихъ 4 шалера) съ тѣмъ, чпобы въ послѣдствіи выкупить оныя. Деньги были приняты. Точно позже сдѣлалъ Дожь Доминико Михеле для уплаты жалованья мапросамъ въ Сирин. Любопытно объ этомъ извѣстіе Марко-Поло о Кипайскихъ бумажныхъ деньгахъ. См. Раумера, ч. III. 542.

никто еще не сказалъ ни слова опредѣленнаго? *

Образованность умственная представляетъ не менѣе затрудненій. Одно явленіе Неспора — во второй половинѣ XI стол., одно явленіе нашей эпической поэмы—Пѣсни о Полку Игоревѣ, ввели въ нашу Исторію столько пропивоѣрчій и несообразностей!

Лѣтопись Неспора есть важнѣйшій памятникъ не только для изслѣдованій нашей древности, но и для либературы вообще, если только ея достоверность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но соствоаніе, къ которому принадлежалъ сочинитель; но систематическая и подробная классификація этнографическихъ изслѣдованій; но признаніе позднѣйшихъ вставокъ и видимыхъ повпореній, при всемъ оправданіи, которое выводятъ отъ невѣжества переписчи-

* Будемъ ожидать опытіи почтеннаго Археографа П. М. Спирова. Можетъ быть темный нашъ періодъ удѣловъ, не развѣченный даже перомъ Карамзина, проявится, особенно касательно внутренней законоположной и административной части. Доселѣ, зная весьма мало изъ писемъ Путешествующей Экспедиціи, мы не можемъ достаточно объяснить отдѣльности одного княжества отъ другого. Удѣльная система есть противень феодальной; и та, и другая — дѣло необходимости: первая слѣдствіе завоеваній, вторая напротивъ, можетъ быть, дѣйствительно слѣдствіе призванія. Удѣльная система — есть аллодіальная въ общирнѣйшемъ смыслѣ.

ковъ, сильно возспаюптъ пропивъ ея, по крайней мѣрѣ, почности. * Она досповѣрна:

а) Поколику согласуется въ своихъ извѣстіяхъ съ чужеспранными, Польскими и Византійскими, испочниками;

б) Поколику соопвѣпспивуетъ порядку вещей, *необходимо* должному въ погдашнемъ соспоянїи Россїи, и

с) Только въ пѣхъ извѣстіяхъ, копорыя возможны были для свѣдѣнїа сочинипеля; ограничимъ ихъ одними современными и своеземными.

Пѣснь о Полку Игоревѣ есть доспоянїе всей Европы, если полько она не позднѣйшаго произхожденїа; ибо Западно-Европейская Литпература не предспавляетъ ни одного памяпника въ сію эпоху **.

* Можетъ бытъ даже слишкомъ далеко простираются сомнѣнїа нѣвѣйшаго воззрѣнїа. Шлецеръ былъ благосклоннѣе, хопя не пропустилъ безъ опмѣпки и безусловнаго вѣрованїа нѣкоторыхъ изслѣдователей. При изданїи Курбскаго нѣсколько спранцъ посвящено характеристикѣ нашихъ лѣпописей; но онѣ писаны издапелемъ, а не изслѣдователемъ.

** Бушпервекъ (Эстепика, ч. II) признаетъ ее за балладу; у насъ называютъ сіе спранное произведенїе эпопеею. Всѣхъ оригинальнѣе взглядъ на сей памяпникъ принадлежитъ Г. Вельпману. Я не осмѣливаюсь упоминатъ о Экзархѣ Болгарскомъ, НВ. Можетъ бытъ (и кажется), одинъ полько Г. Профессоръ Погодинъ упомянулъ о возраженїи пропивъ мнѣнїа Г. Калайдовича, напечатанномъ въ Вѣспникѣ Европы.

Такими путями шествовала Литература нашей опечествленной Испоріи съ Байера; положившаго основаніе Криптики въ Россіи до нашего времени; она по слишкомъ довѣрляла шуземнымъ извѣстіямъ, по бродила въ хаосъ Польскихъ лѣтописцевъ, по наконецъ восплакала пропивъ первыхъ, опвергая совершенно ихъ досповѣрность.

Испорическая Криптика, основанная на языкоизученіи, еще не можетъ дѣлать своихъ приложенийъ къ нашимъ событіямъ: оспается довольствоваться системапическимъ способомъ и прослѣдитъ всю нашу жизнь съ пламенникомъ Испоріи Запада. Въ наше время, когда пруды Нибура и Мишеле, преemspвухъ знаменипому Вико, показали средспва для разспопрѣнія Испоріи, когда сочиненія Робертсоновъ, Юмовъ и Гиббоновъ послужили къ лучшимъ, положительнымъ выводамъ, уже не возможно допускать безусловно Ливіанскаго одушевленія, еще менѣе проспосердечнаго довѣрія Миллера и гипопезъ, хопя геніальныхъ, Эверса и Тунманна. Посреди всѣхъ изслѣдовапелей нашей Испоріи, одинъ Шлецеръ оспался вѣренъ своему плану: въ его пвореніяхъ нѣтъ ни одной мытели, ни одной спроки, сказанной для оригинальности, или основанной на проспомъ смислѣ сказанія. Онъ собралъ все, что могъ, и если заслуживаетъ упрекъ, то за одно, что не подался

въ нашу среднюю Испорію, гдѣ царствуетъ совершенная темнота.

Карамзинъ, съ именемъ котораго я соединяю все прекрасное, проложилъ новую стезю для будущаго Испорика. Карамзинъ, котораго не справедливо называютъ послѣднимъ лѣтописцемъ, заключаетъ собою аналитическій періодъ разработки нашихъ событій: теперь онъ становится недоспабоченъ, ибо, по осмотру, по оцѣнкѣ всѣхъ извѣстныхъ источниковъ, оспаеся много неудобоприняемаго, пустаго или ложнаго.

Я полагаю, что теперь необходимо прибѣгнуть къ *проблематическому* способу, или индукціонному, дабы восполнить пустоту нашихъ извѣстій. Этого индукціонный способъ названъ мною въ предлагаемомъ сочиненіи — *сравнительнымъ*. Здѣсь поле предположеній и догадокъ, не рѣдко спранныхъ, но всегда полезныхъ. Раскрывъ, что въ жизни Русской элементъ Западный играетъ не меньшую роль Восточнаго, кто опвергнетъ важность сравнительнаго изученія? Приписавъ же нашей жизни непонятную самобытность, невиданную самоопоятельность, мы впадемъ въ величайшее заблужденіе; мы не дадимъ опчета, по чему позднѣйшія явленія наши моложе Западныхъ, тогда какъ, по лѣтописямъ, въ первыхъ спо-

лѣпшѣхъ мы далеко опередили всѣхъ народовъ въ образованности?

Ни одной Исторіи, изъ всѣхъ Европейскихъ, не было опредѣлено споль благопріятнаго способа обработыванія, какъ нашей. Историческая Критика, возведенная въ достоинство науки, представляеть всю пребуемую опть нея помощь и пособіе; сама Исторія обработана до возможнаго совершенства и можетъ служить образцемъ и повѣркою для нашей. Чпо бы сказали Западныя Исторіики, если бъ знали, какъ рано являешся образованность на Сѣверѣ, въ спра-нѣ, копорую ихъ лѣпописцы едва подозрѣвали? Чпо сказали бы они, чипая краснорѣчивыя спраницы Карамзина, о самыхъ мало-значущихъ дѣлахъ Руриковъ и Свяпославовъ, погда какъ у нихъ даже объ Оппонахъ знаютъ мало? Чпо сказали бы они, не найдя въ нашей Исторіи никакого баснословія, ни баснословнаго періода, погда какъ у нихъ, безъ исключенія, первые вѣки признаюпся баснословными? Чпо наконецъ скажутъ и пѣ изъ Русскихъ изслѣдователей, копорые признаютъ выгоды Запада для образованности гражданской и умственной и вмѣспѣ допускаютъ липерально смѣсль нашихъ извѣстій?

Какъ бы по ни было, при всей важности пуземныхъ испочниковъ, сравнительное изуче-

ніе Исторіи Русской съ Европейскою вообще, важно въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

I. Оно покажетъ характеръ Воспочнаго элемента всеобщей жизни маперика; ибо Россія должна выразить сей характеръ, какъ представительница онаго. Безъ Россіи, нѣтъ Исторіи Европы; безъ Европы, Исторія Россіи представляеть неясное, спрванное развитіе жизни.

II. Оно докажетъ, что Исторія Сѣвера, заселеннаго гораздо позднѣе Юга, начинается не съ тѣхъ раннихъ временъ, о копорыхъ узналъ Лѣтописецъ изъ чуждыхъ источниковъ, но позднѣе, именно съ проникновенія Христіанства для упвержденія и распросраненія копорого попребно вѣкъ и болѣе.

III. Оно покажетъ, что жизнь Россійская, соспоя изъ двухъ началъ Южнаго или Кіевскаго и Сѣвернаго или Новгородскаго, вполне проявилась въ Средиземномъ или Московскомъ, находясь подъ вліяніемъ въ отношеніи гражданскомъ (Сѣверномъ) Запада, а въ отношеніи религіозномъ (Южномъ) Воспока.

IV. Оно покажетъ, что явленіе гражданственности въ Новгородѣ, по происхожденію своему, принадлежитъ Германскимъ Словенамъ, копорымъ было удобнѣе переселиться моремъ на Волховъ, нежели Словенамъ Дунайскимъ, чрезъ невѣдомыя мѣста и въ спрану неизвѣстную.

V. Оно представитъ всѣ невыгоды обсто-
ятельствъ нашей страны и по неучастію во
всѣхъ событіяхъ и по языку и по пред-
разсудкамъ, непреложнымъ слѣдствіямъ причинъ
предшествовавшихъ.

VI. Докажетъ, что раннія явленія нашей
гражданской образованности, городовъ, законо-
положеній и монеты—странны и сомнительны.

VII. Что только съ Монголовъ, когда изум-
ленная Европа обратила на Скию свое вни-
маніе, Россія дѣлается явственнѣе; до того же
времени Испорикъ Европейскій продлитъ » пе-
ріодъ темный и баснословный. «

VIII. Оно скажетъ, что Россія, при нашествіи
Манголовъ, была въ варварскомъ состояніи;
ибо нѣтъ примѣра въ Испоріи, чтобы дикій
народъ не принялъ образованности отъ побѣж-
денныхъ (въ Персіи, Франціи, Китаѣ), и слѣдо-
вательно Монголы не нашли для себя удобствъ
жизни въ Россіи, когда управляли ею заочно:
самое сіе управленіе показываетъ разъединеніе
жизни и недоспапокъ въ взаимномъ знаком-
ствѣ, коимъ начинается гражданственность.

IX. Оно покажетъ, что умственное и зна-
тельное образованіе, какъ результатъ граж-
данскаго, не могло быть не позднѣе XIII сто-
лѣтія, и если бы не нашествіе Монголовъ, во
всякомъ случаѣ бесполезное, то гражданская

жизнь сдѣлала бы большіе и надежнѣйшіе успѣхи.

X. Оно покажетъ, что до XV столѣтія, заисключеніемъ весьма рѣдкихъ и частныхъ сношеній съ Германскими народами, Россія была опдѣлена совершенно и не участвовала ни въ одномъ всеобщемъ событіи. Наконецъ

XI. Что феодальная и удѣльная системы, какъ двѣ части одного цѣлаго, различаются между собою тѣмъ, что первая есть органически образованное правленіе, слѣдствіе нужды и завоеванія, вторая — естественное правленіе, слѣдствіе не завоеванія, но можетъ быть призванія и проч.

Вопрь что имѣлъ и могъ я сказать о пользѣ изученія *Россійской Исторіи въ связи со Всеобщемою!*

Ст. В. III.

1833 г.

Іюнь.

II.

МЕДВѢЖІЙ ОКОРОКЪ.

(АЛЕКС. ДЮМА)

Около чепырехъ часовъ вечера приѣхаль я въ Марпиньи и оспановилса на поспояломъ дворѣ.

» Э, э! « сказалъ я хозяину, поспавивъ въ уголь возмъ камина пупевой свой посохъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, на копорый вдѣлъ свою соломенную шляпу: » не мало же пупи опсюда до Бекса! «

— Только шеспъ миль, сударь.

» Изъ копорыхъ выдепъ почпи двѣнадцапъ Французскихъ. А далеко ли до Шамуни? «

— Девяпъ миль.

» Спасибо. Прошу завпра къ шеспи часамъ ушра доспавипъ мнѣ проводника. «

— Вы пупешеспвѣете пѣцкомъ?

» Всегда. «

И я замѣпилъ, что хозяинъ хопя возымѣлъ хорошее мѣнѣе о ногахъ моихъ, но не слыш-

комъ высоко подумалъ о значительности моей особы.

— Вы, сударь, вѣроятно арписпъ?

» Почти такъ. «

— Имѣете ли вы обыкновеніе обѣдать?

» Имѣю, свято сохраняю его и обѣдаю ежедневно. «

Въ Швейцаріи обѣды по пракпирамъ весьма дороги; за нихъ съ человѣка плачится по четыре франка: это неизмѣнная цѣна, нѣкопорого рода такса, не допускающая ни малѣйшей уступки. Часто, изобрѣтая способы сдѣлать какія-либо сбереженія во время путешествія, спарался я уменьшить свои издержки въ этомъ отношеніи и наконецъ удалось мнѣ найдти среднее пропорціональное между спойческой непоколебимостью пракпирщиковъ и воплями кармана моего; именно я рѣшился не вспахать изъза спола, пока не съѣмъ сравнительно на шесть франковъ; такимъ образомъ относительно количества потребленнаго матеріяла, обѣдъ обходился мнѣ двумя франками дешевле, чѣмъ другимъ. Хозяинъ только поглядывалъ, какъ я убираю, послушивалъ, какъ кричу: *мальчикъ, еще!* и бормоталъ сквозь зубы: «Англичанинъ—каналья, а славно говоритъ по Французски! «

Вы вѣроятно уже замѣтили, что хозяинъ Марпиньскаго пракпира не слишкомъ былъ свѣдущъ въ наукѣ своего соопечественника Да-

фапера, поелику осмѣлился сдѣлать мнѣ непроспительный грубый вопросъ: имѣете ли вы обыкновеніе обѣдать?

Услышавъ мой рѣшипельно-ушвердипельный отвѣтъ, хозяинъ продолжалъ: » Какъ вы счастливо попали: у насъ есть славная медвѣжапина. «

— О, о! воскликнулъ я, не слишкомъ обрадованный такимъ жаркимъ. Не ужли можно есть медвѣжапину?

Хозяинъ улыбнулся и сдѣлалъ движеніе головою съ верху въ низъ, которое означало: » Отвѣдай-ка, такъ не разспанешься. «

— Ну хорошо, сказалъ я. А когда у васъ обѣдъ?

» Въ половинѣ шестаго. «

Смотрю на часы, было только десятъ минутъ пятаго. Между тѣмъ, подумалъ я, осматривая пока старый замокъ.

» Не прикажете ли кому нибудь проводить васъ и рассказать, когда онъ выстроень? « сказалъ хозяинъ, отвѣщая на угаданную имъ мысль мою.

— Благодарю, я найду дорогу и одинъ; а построень вашъ замокъ, если не ошибаюсь, въ исходѣ двѣнадцатаго столѣтія Петромъ Са-войскимъ Великимъ.

» Да вы, сударь, знаете нашу исторію не хуже насъ. «

Я поблагодарилъ его за явное намѣреніе польспить мнѣ.

»Конечно,« продолжалъ онъ: »опечесство наше было нѣкогда знаменипо; оно называлось Лапинскимъ именемъ, вело большія войны, служило мѣспопробываніемъ одному изъ Римскихъ Императоровъ.«

— Да, опвѣчалъ я, высыпая вдругъ весь мѣшокъ знаній моихъ: Марпиньи въ древности назывался у Цельповъ *Октодурумъ*; нынѣшніе жипели его супъ попомки Верагріанцевъ, о коихъ геворятъ Цезарь, Плиній, Спрабонъ и Типъ-Ливій; они называютъ ихъ даже полу-Германцами. За пяпъдесяпъ лѣпъ до Рождества Хриспова, Сергій Гальба, Цезаревъ военачальникъ, былъ здѣсь осажденъ Седунцами; въ семь городъ Императоръ Максиміанъ хотѣлъ принудить армию свою принести жерпву идоламъ, что причинило мученическую смерть свяпаго Мавриція и знаменипаго Фивскаго легіона; наконецъ, когда Пепронію, Префекпу Препорія, было препоручено раздѣлитьъ Галлію на семнадцапъ провинцій, по онъ опдѣлилъ Вале опъ Испали и городъ вашъ сдѣлалъ сполицею Пеннинскихъ Альповъ. Не такъ ли, хозяинъ?

Хозяинъ мой оцѣпенѣлъ опъ удивленія. Я видѣлъ, что произвелъ желаемое мною дѣйспвіе, и направилъ спопы свои къ двери; хозяинъ выпянулся предо мной, а я гордо прошелъ мимо

его, напѣвая со всей возможной для меня невѣрностью:

Viens, gentille dame,
Viens, je t'attends!..

Не успѣлъ я сойпн и десятии ступеней, какъ услышалъ голосъ хозяина, копорый задыхаясь кричалъ слугѣ:

— Приготовь для барина 3 номеръ!

Въ эпоху комнапѣ оспанавливалась и ночевала Марія Луиза, проезжая въ 1829 году чрезъ Марпиньи. И такъ педанпизмъ мой принесъ желанные плоды. Онъ доставилъ мнѣ лучшую постель въ пракширѣ, а постели именно и приводили меня въ опчаянiе съ самаго оптѣзда моего изъ Женевы.

Надо знашь, что въ Швейцарiи постели состояпѣ изъ мапраса и подушки, на копорья настилаюпѣ кусокъ холспа, весьма дерзко называя его проспыней; но эпа проспыня такъ коропка и узка, что ее не лзя загнуть нигдѣ подѣ пюфякъ; а попому голова и ноги могупѣ пользоваться ею только попеременно, а опнюдѣ не совокупно. Сверхъ того изъ пюфяка вездѣ торчипѣ конской волосѣ, что производипѣ надѣ кожей пупешественника дѣйспвiе, подобное пому, какое бы онъ ощущалъ лежа на большой головной щепкѣ.

И такъ исполненный сладоспной надежды

на пріятное успокоеніе ночью, употребилъ я около полуноча-часа для обзора всего, что древняя столица Пенинскихъ Альповъ представляетъ достопримѣчательнаго.

Когда я возвратился, путешественники сидѣли ужъ за столомъ. Я бросилъ на нихъ быспрый, безпокойный взоръ; всѣ мѣста были заняты, всѣ спуля пакъ плотно соприкасались, что рѣшительно не было возможности продраться къ сполу!..

Холодъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ членамъ; оберпываюсь, ищу глазами хозяина. Онъ споялъ позади меня. Лице его опличалось какимъ-то мефиспофельскимъ выраженіемъ. Онъ улыбался.

— А мнѣ, воскликнулъ я, а мнѣ несчастному!..

» Воупъ! « сказалъ онъ, указывая пальцомъ на маленькой отдѣльно споявшій сполкъ: » воупъ ваше мѣсто: человѣку, какъ вы, не прилично сидѣть вмѣстѣ съ эпимъ народомъ. «

О достопочтенный Окподурець! и я оскорбилъ его подозрѣніемъ!..

И какъ все было хорошо для меня приговорено!

На сполѣ спояло чепыре блюда, посреди коихъ медвѣжатина. Хозяинъ замѣпилъ, что эпимъ блюдомъ поглощено было все мое вниманіе. Онъ нагнулся ко мнѣ съ таинспвеннымъ ви-

домъ и шепнулъ на ухо: » Другимъ эпого и понюхашь не удаспся. «

— Почему жь?

» Да эпо, сударь, медвѣжій филей... Самый лучший филей! « ..

Мнѣ пріятнѣе было бы, еслибы онъ обманулъ меня, увѣривъ, что эпо филей говяжій.

Я смопрѣлъ машинально на эпо выхваляемое кушанье; вспомнилъ, что видалъ въ дѣпспивѣ эпихъ бѣдныхъ пварей; запачканныхъ грязью, ревущихъ, пляшущихъ съ тяжелой въ ноздряхъ цѣпью, фздящихъ верхомъ на палкѣ подобно Виргиліеву ребенку; мнѣ слышался глухой звукъ барабана; по копорому билъ вожащай медвѣдя, пронзительный свистъ флейпы, на копорой онъ игралъ: все эпо мало внуцало мнѣ охоты къ хвалимому филею. Я взялъ жаркое къ себѣ на парелку и чувспвовалъ по свободному погруженію въ него вилки, что по крайней мѣрѣ оно обладаетъ прѣмь качествомъ, копорое дѣлало барановъ дѣвицы Скюдери споль несчастными. Однакожь я все еще не рѣшался, ворочая жаркое на парелкѣ; но хозяинъ, копорый глядѣлъ, совсѣмъ не понимая моей нерѣшительности, кончилъ оную слѣдующими словами: *Отвьдайте и скажите, какъ вамъ кажется!*

Я опрѣзалъ кусокъ съ орѣхъ, напипалъ его сколько можно болѣе масломъ и, проспорно рас-

крывъ ропъ, положилъ въ оный болѣе изъспыда, чѣмъ въ надеждѣ преодолѣнь опвращеніе мое. Хозяинъ, споя позади, слѣдовалъ за всѣми движеніями моими съ благосклоннымъ непергѣніемъ челоуѣка, копорый находилъ свое счастье въ удивленіи, ощущаемомъ другими. Признаюсь, съ моей спороны эпо удивленіе было весьма велико. Но я не смѣлъ еще вдругъ обнаружилъ мнѣнія моего, боялся, не ошибаюсь ли, опрѣзалъ молча другой кусокъ вдвое болѣе перваго, опправилъ его въ цупь съ пѣми же предоспорожноспями и, проглотивъ, воскликнулъ:

» Какъ! не ужели эпо медвѣжапина? «

— Медвѣжапина.

» Въ самомъ дѣлѣ? «

— Клянусь чеспью!

» О! да эпо прекрасно! «

Въ эпо время почпеннаго хозяина моего позвали къ большому сполу, куда онъ и опправился, удостовѣрся, что я не премину сдѣлать чеспь любимому его блюду, съ копорымъ оспавилъ меня наединѣ. Когда хозяинъ пришелъ, при чепверпи его уже сдѣлались невидимы. Разговоръ снова начался слѣдующимъ образомъ:

— Эпопъ звѣрокъ, съ копорымъ вы имѣете дѣло, былъ на порядкахъ.

Я сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Вѣсилъ болѣе прехъ сопь двадцати фунповъ.

» Славно! «

Между пѣмъ продолжаю проворно ѣспь.

— Его не безъ пруда добыли, увѣряю васъ.

» Очень вѣрю! « . . .

Въ эту минупу я положилъ послѣдній кусокъ.

— Эпопъ звѣрокъ скушалъ до половины охопника, копорый убилъ его.

Кусокъ вывалился у меня изо рта, какъ будпо кпо его опшуда выполкнулъ.

» Чорпъ возьми! « сказала я обернувшись къ нему: » можно ли пакъ шупшпъ съ человекомъ, копорый объдаепъ! « .

— Я не шучу, сударь: эпо суцая правда.

У меня желудокъ перевернулся.

— Его убилъ, «—продолжалъ хозяинъ—»бѣдный, креспьянинъ изъ деревни Фули, по имени Гильдомъ Мона. Медвѣдъ, опъ копораго оспаепся полько кусочекъ, чпо лежипъ у васъ на шарелкѣ, ходилъ каждую ночь краспъ его груши: эпи пва-ри жрупъ все. Однакожь онъ предпочипалъ одно дерево съ наливными грушами. Кпо бы могъ подумашъ, чпо пакое живопное имѣепъ человекской вкуса и будепъ выбирапъ именно лучшія груши изо всего сада? По несчастію и креспьянинъ деревни Фули предпочипалъ эпи груши всѣмъ другимъ плодамъ. Сначала думалъ онъ, чпо эпо дѣлаюпъ шалуны = мальчишки; взялъ

ружьѣ, зарядилъ крупной поваренной солью и припался въ саду. Около одиннадцати часовъ раздался ревъ. »А!« сказалъ креспьянинъ: »шупъ гдѣ-шю медвѣдь!« — Чрезъ десятъ минутъ ревъ въпорично раздаися, да пакъ громко, пакъ близко, чпо Гильому нѣкогда было бѣжасть домой: онъ бросился ничкомъ на земь, надѣясь полько на то одно, чпо медвѣдь идесть съ визипомъ къ его грушамъ, а не къ нему самому. И дѣйствительно, медвѣдь вскорѣ, появился въ саду, прямо пошелъ къ помянутому грушевому дереву, миновалъ Гильома въ десяти шагахъ, взлѣзъ проворно на дерево, коего сучья прещали подъ тяжестью его шѣла, и спалъ убирасть груши съ пакимъ усердіемъ, изъ коего очень видно было, чпо послѣ двухъ подобныхъ посѣщеній, прещяго дѣласть бѣденъ ужъ не за чѣмъ. Навѣвшись до сыпа, медвѣдь слѣзъ медленно, какъ будто сожалѣя, чпо не все съѣлъ, и спокойно опшравляясь въ горы, прещелъ ошяпъ мимо нашего охотника, копорому въ эшомъ случаѣ заряженное солью ружье, конечно, не много могло принести пользы. Все это продолжалось съ часъ, копорый челоуѣку показался гораздо долѣе, чѣмъ медвѣдю.

Однакожь эшопъ челоуѣкъ былъ не прусь; онъ подумалъ глядя на удаляющагося медвѣдя: »Хорошо, спупай; но я пакъ не разспанусь съ побой: мы увидимся.« На другой день одинъ сосѣдъ Гильома пришелъ навѣспипъ

его; онъ перепиливалъ желѣзныя вилы и дѣлалъ изъ зубьевъ ихъ чепвероугольные брусочки. » Чпо ты дѣлаешь? спросилъ сосѣдъ. — Забавляюсь, опвѣчалъ Гильомъ.

Сосѣдъ взялъ желѣзные куски, поворачивалъ ихъ въ рукѣ какъ значокъ и, подумавъ съ минушку, сказалъ: » Послушай, Гильомъ, будь опкровенень, сознайся, чпо эти кусочки назначены для кожи болѣе крѣпкой, чѣмъ кожа дикой козы!

— Можеть бытъ, опвѣчалъ Гильомъ.

» Ты знаешь, чпо я добрый малой, « продолжалъ Франсуа — пакъ звали сосѣда. — » Ну, давай же, вдвоемъ уходимъ медвѣдя: двое вѣдъ легче справимся. «

— Конечно, сказалъ Гильомъ; и продолжалъ пилишь прерпій кусочекъ.

» Ну! « сказалъ Франсуа: » кожу я опдамъ одному шебъ; раздѣлимъ полько награду * и деньги вырученныя за мясо. «

— Лучше я все возьму одинъ, опвѣчалъ Гильомъ.

» Но ты не можешь запрешить мнѣ искашь слѣдъ медвѣдя въ горахъ, и подсперечь его на дорогъ. «

— Твоя воля!

Между тѣмъ окончивъ пилишь, Гильомъ спалъ опмѣривающъ посвиспывая зарядъ по-

* Правительство даетъ въ награду 80 франковъ за каждаяго убитаго медвѣдя.

роху, вдвое прошивъ обыкновеннаго, который кладется въ ружье.

— Спало ты не хочешь бить пулей? ска- залъ Франсуа.

» Нѣтъ; при желѣзныя шпуки повѣрнѣй свин- цовой пули. «

— Вѣдь кожа эшимъ порпипся.

» Да! За по меньше опасности. «

— А когда намѣренъ ты идти на охоту?

» Скажу завтра. «

— Въ послѣднѣй разъ говорю: хочешь или нѣтъ со мною?

» Нѣтъ. «

— Предупреждаю тебѣ, чпо пойду самъ ис- кажь слѣда.

» Добрый пупъ. «

— Эй, пойдѣмъ оба!

» Нѣтъ. Пусть, кому Богъ пошлетъ. «

— Прощай, Гильомъ.

» Счастливо, сосѣдъ. «

Уходя, сосѣдъ видѣлъ, какъ Гильомъ всыпалъ свой двойной зарядъ въ ружье, какъ вложилъ въ него при желѣзные куска и пославилъ его наконецъ въ уголь. Вечеромъ, проходя мимо дома Гильома, который сидѣлъ у воротъ на скамьѣ и спокойно курилъ шпубку, сосѣдъ сно- ва подошелъ къ нему.

— Слушай, я не злопамятенъ. Я нашель слѣдъ, а попому не имѣю ужъ надобности въ

шебѣ; однакожъ снова предлагаю: убьемъ вдвоемъ.

» Кому Богъ пошлетъ! « сказалъ Гильомъ.

Эпо рассказывалъ мнѣ самъ сосѣдъ, продолжалъ хозяинъ. Онъ говорилъ мнѣ: » Понимаете ли вы, капипанъ—я капипанъ милици, государь мой!—понимаете ли вы упрямство эпога бѣдняжки Гильома? Мнѣ кажется я еще вижу и теперь, какъ онъ сидитъ сложа руки на скамьѣ возлѣ дома своего и куритъ трубку; гляжу на него, какъ на васъ, капипанъ. И когда подумаю!..

— Далѣе, закричалъ я, принимая живѣйшее участіе въ эпомъ рассказѣ, которъй разшевелилъ охотническую спрасъ мою.

Далѣе, продолжалъ хозяинъ, сосѣду не извѣстно, что Гильомъ дѣлалъ въ продолженіе вечера.

» Въ половинѣ одиннадцатаго онъ взялъ ружье, свернулъ подъ мышку проспой сѣровапаго холста мѣшокъ и опправился. Жена его видѣла все эпо, но не смѣла спросить, куда онъ идетъ; ибо Гильомъ не шаконъ былъ, чпобы спалъ давапъ опчепъ своей женѣ.

Франсуа, съ своей стороны, почно опыскалъ слѣдъ медвѣдя; онъ шелъ по немъ до самага входа въ Гильомовъ садъ, но не имѣя права сперечь медвѣдя на сосѣдской землѣ, спалъ между

еловымъ лѣсомъ, что на скапѣ горы, и садомъ Гильома.

Ночь была свѣплая; сосѣдъ видѣлъ, какъ Гильомъ вышелъ изъ заднихъ воротъ, подошелъ къ сѣровапому камню, скапившемуся съ горы до середины его сада и лежавшему не болѣе какъ въ двадцати шагахъ отъ груши, спалъ возлѣ него, оглянулся, не подмѣчаетъ ли кто за нимъ, развернулъ мѣшокъ, влѣзъ въ оный, оставивъ наружи только голову и руки, прислонился къ камню, съ которымъ, можно сказать, слился по причинѣ сѣровапаго цвѣта мѣшка и своей неподвижности, такъ что сосѣдъ и зная, что онъ спитъ, не могъ различать его. Такъ прошло съ четверть часа въ ожиданіи медвѣдя. Наконецъ онъ возвѣспилъ своимъ ревомъ о немедленномъ прибытіи; минулъ черезъ пять Франсуа увидѣлъ его.

Но, или изъ хипроспи, или почуя другаго охотника, онъ не пошелъ по обыкновенной своей дорогѣ, а напропивъ сдѣлалъ большой обходъ, и вмѣсто пого, чтобъ приди, какъ накануне; съ лѣва отъ Гильома, въ эпопѣ разъ прошелъ съ права, дальше нежели какъ могло хватить ружье Франсуа, и не болѣе какъ въ десяти шагахъ подъ Гильомовымъ виспрѣломъ.

Гильомъ не шевелился; казалось будто онъ даже не видалъ медвѣдя, который и самъ словно прене-

брегалъ имъ, проходя мимо него такъ близко. Выперъ дуль съ проливной спороны, такъ чпо медвѣдь не могъ почуяпть врага своего и продолжалъ проворно иди кь дереву. Но въ то время, какъ онъ спалъ на заднія лапы, обнявъ передними дерево, и опкрылъ пакимъ образомъ грудь, у камня сверкнулъ огонекъ, и вся долина огласилась вдругъ звукомъ ружейнаго выспрѣла и ревомъ смертельно раненаго звѣря.

Во всей деревнѣ не было, конечно, человѣка, копорый бы не слыхалъ Гильомова выспрѣла и медвѣжьего рева.

Медвѣдь ояпть пробѣжалъ не замѣпивъ Гильома, копорый спряпалъ голову и руки въ мѣшокъ, такъ чпо снова не лзя было его опличпть опть камня.

Сосѣдь смопрѣлъ облокопясь на лѣвую руку, крѣпко держа въ правой карабинъ; онъ блѣднѣлъ и едва переводилъ дыханіе. Хопя онъ весьма храбрый охопникъ, а сознавался мнѣ опкровенно, чпо въ эту минупу ему веселѣе было лежапть въ поспелѣ, чѣмъ спорожипть медвѣдя.

Но каково спало ему, когда онъ увидѣлъ, чпо раненый медвѣдь, обѣжавъ вокругъ, спарался найдпи прежній слѣдъ, по копорому набѣжалъ бы прямо на него. Онъ перекреспился: наши охопники богомольны; поручилъ душу свою Бо-

гу и приготовилъ карабинъ. Медвѣдь былъ уже опъ него только въ пятидесяти шагахъ, ревъль опъ боли, капался по зemi, кусаль раненое мѣсто, попомъ продолжалъ снова бѣжать.

Онъ приближался болѣе и болѣе; уже былъ только въ тридцати шагахъ; еще двѣ минуты и напкнулся бы на карабинъ сосѣда... Но вдругъ оспановился, впрянулъ въ себя съ шумомъ воздухъ, гонимый въпромъ опъ деревни, ужасно взревѣлъ — и воропился въ садъ.

Берегись, Гильомъ, берегись!« закричалъ Франсуа, бросившись за медвѣдемъ и забывъ все изъ опасенія за пріяпеля своего; ибо видѣлъ, что Гильомъ погибъ, если не успѣлъ снова зарядить ружья: медвѣдь почуялъ его.

Не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ услышалъ крикъ уже человѣческій, но исполненный смерпной муки и опчаянія; въ эптомъ крикѣ соединены были всѣ усилія груди, всѣ мольбы къ Богу, всѣ просьбы къ людямъ: — Ко мнѣ!!!

Попомъ ничего болѣе, даже ни одного спона.

Франсуа не бѣжалъ, а лешѣлъ; покапосп мѣстоположенія еодѣйспвовала скорости его бѣга. Чемъ болѣе приближался онъ, тѣмъ явспвеннѣе различаль, какъ чудовище копышилось въ темнотѣ, попшало и шерзало тѣло Гильомово.

Франсуа находился уже въ четырёхъ шагахъ опъ нихъ, а медвѣдь еще не замѣчалъ его, въ

такомъ былъ онъ оспервенѣннѣи. Сосѣдъ не смѣлъ спрѣляпъ, опасаясь убишь Гильома, если онъ еще не умеръ, ибо руки у него дрожали: онъ не надѣялся вѣрно попаспъ, а попому под- нялъ камень и бросилъ его въ медвѣдя.

Звѣрь въ ярости оборопился къ новому врагу; они были пакъ близко другъ къ другу, чпо онъ попчасъ спалъ на заднѣ лапы, дабы задушипъ сосѣда. Но карабинъ уперся ему въ грудь, Франсуа машинально спу- спилъ курокъ, ружье выспрѣлило.

Медвѣдь упалъ навзничъ: пуля пробила ему грудь и спинную кость.

Франсуа оспавилъ издыхавшее, едва влачив- шееся живоппое, и побѣжалъ къ Гильому. Это былъ ужъ не человекъ, даже не шрупъ. Это были кости, да изперзанное мясо; голову мед- вѣдь почпи всю съѣлъ.

Увидѣвъ, по движеніямъ огней въ домахъ, чпо многіе жипели пробудились, онъ спалъ кликать ихъ. Нѣсколько креспьянъ, слышавшихъ вы- спрѣлы и крики, прибѣжали съ оружіемъ. Вско- рѣ вся деревня собралась въ Гильомовомъ саду.

Жена его пакже пришла съ другими. Это было ужасное зрѣлище; всѣ присутствовавшие рыдали, какъ дѣпи.

Для ней опкрыли сборъ по всей долинѣ Ронской и собрали 700 франковъ. Франсуа уступилъ въ пользу ея награду правипельства, шкуру медвѣ-

дя и мясо. Короче, всякой поспѣшилъ оказать ей пособіе. Даже всѣ пракпирцики согласились открыть подписку, и если вамъ угодно подписаться, государь мой! . .

» Разумѣется, давай скорѣе. «

Едва записалъ я свое имя и приложилъ деньги, мною жерпвуемая, какъ въ комнату вошелъ плотный, бѣлокурый малой, средняго роста: это былъ проводникъ, долженствовавшій сопутствовать мнѣ на другой день въ Шамуни; онъ пришелъ узнать, въ какомъ часу и какъ я отправлюсь. Опытъ мой былъ коропокъ и ясенъ.

— » Въ пять часовъ утра, пѣшкомъ! « . .

REVUE DES DEUX MONDES.

III.

ГАУЧОСЫ.

ЮЖНО - АМЕРИКАНСКАЯ БЫЛЬ.

За два года предъ симъ познакомился я съ однимъ молодымъ Англичаниномъ, по имени Реджинальдомъ, которъй наследовавъ по смерти отца своего въ Южной Америкѣ значительное имѣніе, объѣзжалъ и осматривалъ разныя части своихъ владѣній. Съ этимъ намѣреніемъ провель онъ нѣсколько недѣль въ Гаваннѣ, гдѣ жилъ тогда мой отецъ, бывшій въ коммерческихъ сношеніяхъ съ его отцемъ. Реджинальдъ страстно любилъ море; часто ѣзжали мы съ нимъ для прогулки на сосѣдственныя острова и въ это время тѣсно подружились. Мнѣ нравились его благородный характеръ, энтузіазмъ и презрѣніе къ опасностямъ, корыхъ онъ даже искалъ. Онъ могъ бы по причинѣ сихъ качествъ приобрести нѣкоторое сходство съ Дон-Кихотомъ, еслибы не былъ одаренъ отъ природы пріятной наружностью и необыкновенной силой.

Изъ многихъ примѣровъ его неуспрашимости разскажу только одинъ. Наша шкуна плыла проплавъ въпра на высопѣ мыса Тибюрона; мы съ Реджинальдомъ разговаривали сидя въ каютѣ; вдругъ вошелъ мапросъ, снялъ шляпу и увѣдомилъ, что одинъ изъ поваричей его, взлѣзавшій на мачпу для поспавки паруса, замѣпилъ разбойничье судно, которое шло прямо на насъ. Реджинальдъ весело засвиспалъ и побѣжалъ на палубу.

Мы еще легко могли бы уйпн, еслибы захопѣли, и спаспнсь въ Испаньолу; но это было не по нраву Реджиналду. »Друзья!« сказалъ онъ мапросамъ: »надѣюсь, вы не испугаетесь нѣсколькихъ полунагихъ Негровъ; что касается до меня, то мнѣ хотѣлось бы приголубипь ихъ нашимъ *Донг-Гомасомъ*.« Такъ назывался фалконетъ, которымъ была вооружена наша шкуна.

Экипажъ шкуны соспоялъ изъ чепырехъ Англичанъ, Шопландца, Голландца и чепырехъ Негровъ. Англичане при раза вскрикнули въ знакъ одобренія; Шопландецъ, хопя не менѣе храбрый, позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе. »Благоразумнѣе бѣ было«, сказалъ онъ, »воропипься, но я не прочь.« Голландецъ переложилъ за другую щекку свой табакъ и, не говоря ни слова, вздернулъ нижнее плашье; только Негры дрожали, какъ будто чувспвуя уже у горла

разбойничьи ножи; но когда имъ дали порцію грока и пригрозили бросить въ воду, то они ободрились и поспѣшь всѣ спали по мѣстамъ. По приказанію Реджинальда фалконетъ закрыли брезенпухомъ, запустивъ въ него хорошій карпечный зарядъ. Когда разбойники подѣхали такъ, что ихъ можно было видѣть, то Реджинальдъ, взявъ рупоръ, кричалъ имъ, чтобы они удалились; но разбойники, не зная, что мы можемъ такъ хорошо угостить ихъ, отвѣтствовали громкимъ смѣхомъ, копорый, по причинѣ вѣтра, дувшаго съ ихъ спороны, такъ явственно былъ нами слышимъ, какъ будто они находились съ нами борясь о борить. Минуту спустя сдѣлали они первый по насъ залпъ; пули ихъ большею частію попадали въ море, только одна сбила балясину изъ дек-пранца и вѣзлась въ мачту. » Эта пуля пущена изъ Испанскаго карабина, « сказалъ шпурманъ: » ее пустилъ потъ старой Негръ, что шамъ хохочетъ. « — Постой, отвѣчалъ Реджинальдъ, мы опблагодаримъ ихъ. — » Не угодно ли вамъ ссудить меня вашимъ ружьемъ? « возразилъ шпурманъ: » я также могу поквипаться съ ними. « Реджинальдъ подаль ружье шпурману, какъ вдругъ новая пуля перешибла сему послѣднему руку, и въ поже время опъ берега поцльми прямо на насъ еще два или при судна, копорья до того времени держались въ засадѣ, подѣ

прикрыпіемъ свѣсившихся кокосовыхъ и другихъ древесныхъ лиспьевъ.

Тогда Реджинальдъ обнаружилъ свой характеръ. » Возьмись за руль, « сказалъ онъ мнѣ. И когда я замѣнилъ раненаго штурмана, то онъ, прицѣлясь въ спараго, еще смѣявшагося своему подвигу Негра, опмспилъ вполнѣ и за шкуну и за штурмана.

» Ну! ребяпа! « закричалъ Реджинальдъ: » работайте! « Когда разбойники приблизились на полнисполепнаго выспрѣла, то другъ мой открылъ фалконешъ, сдѣлалъ знакъ плопнику, которъй однимъ махомъ попора приподнялъ люкъ и обнажилъ *мгднныя челюсти Лонг-Томаса*. Разбойники пришли въ смяпеніе; мнѣ кажется, будто и теперь еще вижу спрахъ, изобразившійся на ихъ безобразныхъ свирѣпыхъ лицахъ, слышу ругапельспва, ими произносимыя, шумъ весель и канаповъ, приведенныхъ ими въ движеніе съ намѣреніемъ уйпи опъ насъ. Между тѣмъ Реджинальдъ, сохраняя удивительное равнодушіе, обдувалъ золу съ фипиля, спалъ на одно колѣно и выпалилъ: раздался ужасный прескъ и крикъ, барка поверпѣлась съ минупу и наконецъ попонула. Благопріятный вѣперъ скоро удалилъ насъ опъ печальнаго зрѣлица, представляемаго сими дымящимися развалинами, сими изувѣченными несчастливцами, еще плававшими и просившими помощи. На дру-

гой день мы вошли въ Сан-Яго, гдѣ оставили для излѣченія раненаго шпурмана.

Вскорѣ послѣ сего приключенія, Реджинальдъ, нагруживъ одинъ Испанскій корабль, отправлявшійся въ Буэносъ-Айресъ, красными сукнами, уздами, шпорами и проч., рѣшился внезапно самъ опсправиться пуда же, «дабы», говорилъ онъ, «погарцевать на Пампасахъ, посмопрѣть, какъ скачутъ на коняхъ памошніе Индійцы. «Онъ упросилъ опца моего, чпобъ сей послѣдній позволилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и послѣ крапкаго, весьма пріяпнаго плаванія, мы вошли однажды упромъ въ Ріо-де-ла-Плапу и спали на якорь; предъ нами возносились куполь соборной церкви и кровли Буэносъ-Айресскихъ домовъ, коими усянъ бездревесный берегъ широкой Ла-Плапы.

Въ числѣ особъ, къ коимъ Реджинальдъ имѣлъ рекомендапельныя письма, былъ одинъ старый богатый Испанскій купецъ, опличавшійся, какъ и всѣ соопечеспвенники его, своимъ радушнымъ госпенрїимствомъ, и упратившій, при частыхъ, по случаю торговли, сношеніяхъ съ иностранцами большую часть спѣси и гордо-спси, свойспенной Испанцамъ.

Съ первыхъ посѣщеній купецъ любилъ моего друга; не проходило ни одного дня, чпобъ мы не провели у него нѣсколькихъ часовъ. Но не свѣжеспъ балкона его, не зала мелѣе

мая первыми зефирами Ла-Плапы, не роскошные объёды, не дорогія вина привлекали Реджинальда въ домъ Дона-Хозе-Маріи-Экиверы; нѣтъ, у Испанскаго купца была единственная дочь, по имени Луиза; и могъ ли споль пламенной молодой человѣкъ, каковъ былъ другъ мой, пропившись ея плѣнительной невинности, ея свѣжимъ юнымъ прелеспяемъ!

Съ перваго свиданія замѣнилъ я, что несравненная красота Луизы его очаровала; припомъ не могло спаться, чпобы такая совершенная дѣвица произвела минувшее, преходящее впечатлѣніе. Она была, какъ говорятъ поэты, *въ шестнадцатой веснѣ*, а въ эпиплѣпа спанъ и черпы молодой Испанки, живущей въ Южной Америкѣ, разверпываюпся гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ холодной Европѣ. Природа одарила уже Донну Луизу черными; исполненными помности и нѣги очами, въ коихъ, казалось, плился усыпленный пламень любви, очаровательными формами и сладоспраспной граціозностью взрослой дѣвицы, между пѣмъ, какъ, по причинѣ юности плѣтъ и уединенной жизни, она не упратила еще спой проспобы и очаровательности, кои, по крайней мѣрѣ у Испанокъ, соспавляютъ только принадлежность дѣшства. Естественность и изящная легкость ея движеній (снова говорю поэпически) казалось были нѣмымъ выражені-

емъ души; и это удивленіе, которое спираюсь здѣсь выразишь, нимало не ослаблялось продолжительнымъ знакомствомъ съ Донной Луизой, не потому, чпобы она была ученѣе и имѣла болѣе талантовъ, чѣмъ другія соотечественницы ея, довольствующіяся обыкновенно умньемъ чипать и писать. Развѣ прекрасная Испанка имѣетъ надобность въ томъ, чпо мы называемъ талантами? Языкѣ глазъ ея не еспь ли языкѣ всеобщій? Не одарена ли она способностью говоришь вамъ множество пріятностей, не открывая даже рта, единственно игрою вѣера и пальцевъ? А музыка? скажете вы. Какая музыка выразишь тѣ магическіе очаровательные звуки, съ коими Донна Луиза произносила самыя обыкновенныя слова? Вспомните, чпо объ ней говорю такъ я, не бывши влюбленъ въ нее: а потому судите, какими чувствами должна была волноваться спраспанная душа Реджинальда, когда, завидѣвъ его, она шла къ нему на встрѣчу!

Въ слѣдствіе безполковыхъ таможенныхъ узаконеній въ Южно-Американскихъ колоніяхъ, товары Реджинальда, хопя привезенные на Буэносъ-Айресскомъ кораблѣ и адресованные на имя самаго Дона Хозе, были конфискованы, какъ принадлежащіе иностранцу, а насъ обвинили въ контрабандѣ. При всемъ усердномъ покровительствѣ Дона Хозе, съ трудомъ избави-

лись мы того, чтобы насъ не предали суду какъ контрабандисповъ, что и было сначала причиною частыхъ свиданій моего друга съ Испанскимъ купцомъ. Но, кажется, Реджинальдъ хлопоталъ о двухъ дѣлахъ вдругъ; ибо, по испеченіи мѣсяца, вбѣжалъ однажды ко мнѣ въ себя опть радости и возвѣспилъ, что не только опхлопоталъ у Буэносъ-Айресскаго правительспва свои повары, но получилъ еще опть Дона Хозе обѣщаніе выдать за него, не далье какъ чрезъ мѣсяць, Донну Луизу.

»И пакъ проспн наша поѣздка къ Гаучо-самъ!« сказалъ я.

—Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Реджинальдъ: прежде чѣмъ предамся въ объятіяхъ Луизы сладоспной неволѣ, хочу въ послѣдній разъ насладиться, въ качествѣ опважнаго спранника, моею свободою; хочу посмопрѣть, какъ носятся Индійцы на коняхъ по своимъ равнинамъ; хочу еще разъ пишатся одной говядиной, пишь только воду, спашъ на сѣдлѣ, взойти на вершины Кордильерскія, переправляться чрезъ горные попоки, взглянуть съ высотъ Андскихъ на волны Тихаго Океана! Я выхлопоталъ даже себѣ позволеніе для этого, и если хочешь ѣхать со мной, то чрезъ нѣсколько дней мы опсправимся.

Я согласился съ удовольспвіемъ. Мы упражнялись какъ можно чаще въ верховой ѣздѣ, дабы привыкнуть не сходить по цѣлымъ днямъ

съ лошади и скакать по спу пѣпидесяпи миль
чрезъ Пампасы.

Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ сего разго-
вора, Реджинальдъ прогуливался въ Альмеидѣ
съ старымъ купцомъ и его дочерью; на встрѣ-
чу попался имъ Гаучось изъ долины. Эпопъ
человѣкъ былъ пьянъ, и проходя мимо, сильно
попкнудъ Донну Луизу. Реджинальдъ, думая,
что онъ сдѣлалъ эпо съ намѣреніемъ оскор-
бить ее, такъ ударилъ его кулакомъ; что
сшибъ съ ногъ. Гаучось проворно вскочилъ,
выхватилъ изъ сапога длинный ножъ и напалъ
на Реджинальда, вскрикнувъ: »А! вы захопѣли
опвѣдать моего ножа, сеньоръ!« Другъ мой не
ожидалъ сего нападенія, но по счастью Донъ
Хозе сохранилъ присутствіе духа и проспью
своею опразилъ руку убійцы. Гаучось кинулъ
ужасный взглядъ на спарика и, казалось, хотѣлъ
было наказать его за сіе, вонзивъ ему ножъ въ
сердце; но вдругъ оспановился и сказалъ голо-
сомъ дикимъ, задыхаясь, какъ человѣкъ, копо-
рый борется съ собственною яростью: »Донъ
Хозе, вы сынъ опца вашего; вопъ, уже въ дру-
гой разъ щажу я вашу жизнь; но ударъ, мною
вамъ пригопвляемый, будетъ пѣмъ ужаснѣе,
что поразитъ васъ тайно, неожиданно. Помните
Леонардо, пусть не забудетъ его и эпопъ мо-
локосось! Прощайте, господа!« При сихъ словахъ
онъ снялъ шляпу, соблюдая во всей почности

Испанскую учпивоспъ, удалился спокойно, завернувшись въ кусокъ краснаго сукна и съ видомъ небреженія прошелъ мимо толпы, раздавшейся дабы пропустить его, между пѣмъ какъ Реджинальдъ спарался привеспи въ памяпъ лишившюся чувспвъ Донну Луизу.

Мнѣ тогда только рассказали о семъ произшествіи, когда Донъ Хозе, дочь его и Реджинальдъ возвратились домой, гдѣ я ожидалъ ихъ. Меня удивилъ поступокъ Гаучоса и Донъ Хозе объяснилъ намъ по сему случаю слѣдующія относительно ихъ подробности:

» Разсѣянные по обширнымъ Пампасамъ Гаучосы, коихъ ремесло состоятъ въ томъ, чпобы ловить дикихъ лошадей и объѣзжать ихъ, убивать скотъ въ равнинахъ и продавать кожу и жиръ, суть большею частію потомки лучшихъ Испанскихъ семей: ихъ предки вынуждены были обратиться къ такому роду жизни по причинѣ бѣдности, развратнаго поведенія, несчастія въ игрѣ, или были изгнаны изъ общества за пресупленія и по политическимъ причинамъ. А попому гордоспъ ихъ и щекотливоспъ, относительно оскорбленія чести, объясняется мнѣніемъ, которое они имѣютъ о благородствѣ своего происхожденія; а изгнаннической жизни и привычкамъ дикой ихъ независимости, можно приписать ту смѣсь звѣрства,

неумолимой, жестокой мстительности и въжливaго гoспепрiимствa, коею oпличaется эпопъ cпpанный клacсъ людей.

» Впрочемъ, какaя бы ни была пому причина, но вeсьма чacтo случается вcпpъшпть Пампacкaго Гаучocа вмѣcтѣ до чрезвычайнocти гордаго и учпиваго, жестокаго и гoспепрiимнаго, cмoтpя по oбcтoятельcтвамъ. Чacтo Гаучocъ жаждетъ крови, но никoгда не пускается на вѣpоломcтво; онъ можетъ вaсъ зарѣзать за долмеръ, но скорѣй даcтъ убить себя, чѣмъ допустить похитить у вaсъ хoпя копѣйку, когда вы спите подъ его кровлей. Хoпя онъ занимается ремесломъ, почищаемымъ въ oбpaзованнымъ oбщecтвѣ самымъ низкимъ, но cохраняетъ, гдѣ нужно, все дocпoинcтво, всю гopдocть Испанскаго Гранда; хoпя безъ всякаго заpѣнiя coвѣcти, oбѣзжая cъ своимъ лассo равнину, спаципъ вaсъ cъ лошади и oпoрoжнипъ ваши карманы, но взоидите въ его хижину и скажите полькo: *buenos dias sennor*, онъ будетъ oпвѣчaпъ вамъ: *soy todo suyo* (я весь вашъ); и гoспепрiимcтво его cдѣлается буквaльнымъ переводомъ эпой пpocпoй вѣжливой фpазы.

— » Ciя oбщaя oпличительная черта Гаучocовъ,« сказалъ Реджинальдъ, »вѣpoяпно допускаетъ исключенiя; она oбъясняетъ для меня пу

смѣсь бѣшенства и учтивости, копорую оказалъ въ опношеніи къ вамъ человекъ, напавшій нынѣ на насъ; но, извините моему любопытству, любезный сеньоръ, мнѣ кажется, въ поступкахъ его и пайнспвенныхъ словахъ, сказанныхъ вамъ, заключалось нѣчто болѣе.»

» Дѣйствительно! « отвѣспивовалъ Донъ Хозе: » я не рѣшался сказать вамъ всего, ибо пакое объясненіе неминуемо должно повлечь за собой опкрытие фамильныхъ пайнъ; однакожъ«, продолжалъ онъ, » я долженъ сознаюсь предъ вами, что черты сего человека показались мнѣ знакомыми съ самага моего дѣспства, только послѣ я видѣлъ его уже мерпвымъ. А попому, пораженный симъ сходспвомъ, мечпалъ, что вижу предъ собою привидѣніе, и оцѣпенѣлъ, когда онъ произнесъ предо мной имя роднаго моего брапа, съ коимъ имѣеть разипельное сходспво.»

— » Вашего брапа! « воскликнули мы съ Реджинальдомъ.

» Эпо можно коропко разсказать, « продолжалъ Донъ Хозе съ видомъ человека, копорый рѣшаепся на пягоспное объясненіе. » Опець мой прежде женипъбы любилъ молодую сеньору, съ коей прижилъ сына, по имени Леонардо де Пеласга. По несчастію, эпопъ ребенокъ былъ воспитанъ вмѣспъ со мною, въ домѣ опца моего, лѣпъ до пайпнадцати или шестпнадца-

пи; въ эту эпоху обнаружился его свирѣпый и буйный характеръ. Однажды мать моя сдѣлала ему выговоръ, который онъ весьма худо принялъ; она же съ своей стороны была такъ неблагоразумна, что въ сердцахъ разбила его и назвала *незаконнорожденнымъ*. Я былъ припомъ и видѣлъ блѣдность Леонарда, который молча, казалось, переносилъ свое посрамленіе; но вдругъ онъ вспалъ, подошелъ ко мнѣ, и вынувъ изъ-за пояса ножъ, коимъ былъ вооруженъ, сказалъ: »Сеньора, вопъ онъ незаконнорожденный! Будьте увѣрены, что только уважая кровь опца моего, я не хочу вонзить ножа въ грудь этого ребенка.«

» При семъ видѣ мать моя лишилась чувствъ. » Помогите своей мапері, « сказалъ мнѣ Леонардо, вышелъ изъ дому и не возвратился болѣе; но прежде, нежели удалился, разломалъ шкапулку опца моего и взялъ сто доллеровъ, въ полученіи коихъ оставилъ расписку. Года съ два не слыхали мы о немъ ничего; но однажды молодой чело-вѣкъ свирѣпаго вида взѣхалъ верхомъ къ намъ на дворъ и, кинувъ въ контору мѣшокъ съ доллерами, сказалъ: » Это опъ Леонардо.«

Спустя много времени послѣ того, когда опецъ мой уже умеръ, отправился я осмопрѣть одну землю, мнѣ доставшуюся и лежавшую по близости горъ. Я ѣхалъ въ публичномъ эки-

пажъ, на насъ напали разбойники. Эпи негодяи принудили всѣхъ пассажировъ выдти и лечь ничкомъ на земь, а сами между пѣмъ обыскивали наши чемоданы. Одинъ изъ нихъ, начальспвовавшій ими, разсмапривая бумаги мои, воскликнулъ вдругъ: *Экивера!* Услъшавъ имя мое, я поднялъ голову и узналъ брапа. Въ сіе время надо мною провиспало нѣскольکو пуль и разбойникъ упалъ: эпо былъ опрядъ войскъ, поспѣшившихъ къ намъ на помощь. Произошла небольшая переспрѣлка, въ слѣдствіе которой разбойники разбѣжались, но захвапили съ собою пѣло начальника своего. Безъ сомнѣнія они погребли его въ горахъ. Однакожъ, если бы я не видалъ его убитымъ въ то время, а этому ужъ пятнадцать лѣтъ, то могъ бы подумать, что именно онъ встрѣпился со мною нынѣ въ Альмеидѣ. Впрочемъ сеньоръ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Редживальду, послѣдуйте совѣпу моему, откажипесь опъ вашей поѣздки въ Пампасы. Гаучось никогда не забываетъ и не прощаетъ удара, ему нанесеннаго; только, въ городѣ можете вы бытъ безопасны, а въ полѣ эпопъ человекъ всюду послѣдуетъ за вами шагъ за шагомъ и до пѣхъ поръ не выпустиптъ васъ изъ виду, пока не удастся ему заплапиптъ вамъ дорого за ваше неблагоразу-міе. «

Но шакого энпузіаспа, какъ мой другъ,

спрудно было опврапити съ страхомъ опъ, принятаго имъ однажды намѣренія. Онъ думалъ, что Гаучось дѣлалъ такія угрозы единспвенно попому, что былъ пьянъ, и упорспвовалъ въ намѣренія поспипи Пампасы. Однакожь одно обспояпельспво, случившееся наканунѣ опъ-ѣзда нашего, доказало, что совѣтъ Дона Хозе былъ весьма благоразумень.

Вечеръ провели мы у него въ домѣ; Донна Луиза хопя не училась музыкѣ, но весьма пріятно пѣла; она очень распрогала насъ въ эпнопъ вечеръ печальнымъ романсомъ, копорый, какъ говорятъ, сочиненъ Фернандомъ Пизарромъ во время двадцаписемилѣпняго заключенія его въ пемницѣ. Наконецъ должно было оперепъ слезы и проспипься. Едва вышли мы за воропа, какъ вдругъ на Реджинальда накинули лассо * и онъ упалъ на земь. По счастью присупспвіе духа не оспавило его: выхвাপивъ изъ кармана складной ножъ, онъ раскрылъ его и перерѣзалъ ремни. Тогда два человекъ, спаравшіеся упащипи моего друга, опрокинулись на спѣну въ слѣдспвіе внезапнаго прекращенія сопропивленія, происходившаго

* *Лассо* (арканъ) Южныхъ Американцевъ состоятъ изъ сплепennyхъ ремней, намазаныхъ жиромъ, имѣющихъ на концѣ запяжнюю пеплю. Ничто не можетъ сравнипъся съ ловкостью, съ какой они накидываютъ эпно лассо на добычу, коей хопятъ овладѣпъ.

опъ тяжести пѣла. Но прежде чѣмъ Реджинальдъ успѣлъ вспасть, люди сіи скрылись.

Не лзя было не подозрѣвать въ этомъ Гаучоса. Однакожь Реджинальдъ не разсказалъ случившагося съ нимъ, опасаясь, что его спанупъ опговаривапъ опъ предприняпаго имъ пупешествія; но на слѣдующее утро, опсправляясь въ пупъ, написалъ записочку будущему песпню своему, совѣпуя ему, безъ всякаго объясненія причинъ, быпъ опспорожнымъ, если выдепъ послѣ захожденія солнца со двора.

(продолженіе слѣдуетъ).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва. Марта 23 дня, 1834 года,

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

— — — — —
I.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПИСЬМО

ГУСТАВА ПЛЯНША

къ

ВИКТОРУ ГЮГО.

Съ нѣкопорого времени, другъ мой, крипика и поэзія раздѣлились у насъ во многихъ пунктахъ. Сначала можно было еще ожидать, что эпопѣя раздоръ кончипся полюбовно. Но размышленіе и шворчество, идучи каждое своею дорогою, все болѣе и болѣе опдаляются другъ отъ друга. Если и по и другое будетъ упорствованъ въ эпопѣ взаимномъ пропывоборсн-

въ, по скоро должна произойти между ними вражда непримиримая. Къ счастью, по крайней мѣрѣ мы того надѣмся, зло еще можетъ быть поправлено. Это преніе, возведенное къ самымъ высшимъ и самымъ истиннымъ условіямъ, къ опкровенности и безприсрастію, можетъ пролиться общій свѣтъ и на публику и на поэзію и на крипику.

Еслибъ нѣкоторымъ молодымъ энтузіасмамъ не пришло въ голову странной фанпазіи воздвигнуть себѣ для поклоненія липературные кумиры, неприкосновенные, изъятые отъ всякой отвѣтственности, споящіе, по ихъ увѣренію, выше всѣхъ споровъ и замѣчаній, презирающіе прошедшимъ, которое у нихъ подъ ногами, возвышающіеся надъ наспоющимъ, которое не умѣетъ еще понимать ихъ, исполненные пренебреженія къ будущему, которое и не доспанеітся имъ: то мы, конечно, не жаловались бы на упрямство и запальчивость, представляющія нынѣ такую непріятную, такую жалкую пропивоположность съ безпечностью и мечпательностью поэта.

Въ самомъ ли дѣлѣ есть липературные кумиры? Должна ли публика добровольно преклонять колѣна предъ полу-богами новаго Олимпа? Не ужели дѣло крипики соспоитъ только въ томъ, чтобы замѣчать явленіе новаго божества и воздвигать ему алтари? Прежде до-

пущенія сей теоріи поэпическаго кумиротруженія, да позволено мнѣ будетъ подвергнуть ее изслѣдованію. Если доводы мои негодны, пусть ихъ опровергнутъ; если несовершенны, пусть дополняютъ; въ случаѣ же правоты моей, не желаю, чпо бы ложный спыдъ увѣковѣчивалъ суешныя, неосновательныя вражды. Чего спыдись, если мы обманывались? Нѣтъ никакой чести и добродѣтели упорствовать въ ослѣпленіи.

Крипика, я знаю, разногласна въ своихъ замѣчаніяхъ; и я былъ бы дурной адвокатъ дѣла, мною защищаемаго, еслибъ искажилъ дѣйствительную физіономію фактовъ. То, чпо я осуждаю, другіе хвалятъ; чпо я провижу, другіе не замѣчаютъ. Знаю все это и охотно, безъ смущенія и досады, приму всѣ возраженія, кои будутъ возбуждены моими мыслями. Чпобы опровергнуть ихъ, доспапочно, по моему мнѣнію, изложипъ, какъ я понимаю направленіе и обязанности крипики.

Есть при способа судипъ о современныхъ произведеніяхъ, пакъ я думаю: можно оцѣнивать ихъ во имя прошедшаго, поставляя сіе послѣднее въ параллель съ ними; во имя наспо-ящаго, разбирая ихъ безусловно, безъ всякихъ ограниченій и изъятій; наконецъ во имя будущаго, проникая цѣль, ими предполагаемую.

Сія при методы глубоко различны другъ

отъ друга. Первая и пренпя соспоантъ во враждѣ со многими повѣрьями современной поэзіи. Одна впорая доселѣ созидала и обоготворяла липературныхъ кумировъ. Посмопримъ же пеперь, всѣ ли при онѣ съ равнымъ успѣхомъ выдержатъ анализъ и изслѣдованіе.

Метода первая, которую, за недостаткомъ возможности яснѣе выразиться, назову *историческою*, беретъ въ прошедшемъ какую-нибудь эпоху, обильную образцовыми поэтическими произведеніями, замѣчательную быспропою и живоспью, порядкомъ и спройноспью своихъ созданій. Она выбираетъ по произволу, сообразно энергіи или слабоспи своего характера, Шекспира или Попе, Мольера или Буало; и однажды упвердившись въ своемъ выборѣ, объявляетъ безпорочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ взяпый ею образецъ, изъ котораго дѣлаетъ полу-бога. На алпарѣ, созданномъ ея же руками, она жжетъ предъ нимъ оиміамъ непрерывный; и всѣхъ, кои не раздѣляютъ ея благоговѣнія, провозглашаетъ нечеспивцами.

Какіяжъ ближайшія и еспеспвенныя послѣдствія сей методы? Чего должно ожидать отъ сихъ вѣчныхъ сравненій? Можно ли основывапъ законныя надежды на эпомъ набожномъ воспоминаніи минувшаго? Не заключаетъ ли напропивъ въ себѣ эпо благоговѣнное поклоненіе

предкамъ съмени безжалостной несправедливости къ современникамъ? Не должно ли опасаться, что привычка жить съ мерзвцами, внушивъ намъ пренебреженіе и спесь въ отношеніи къ пѣмъ, съ коими полкаемся мы бокъ о бокъ въ эпохъ жизни? Старинная Латинская пословица: *major e longinquo reverentia* (издали больше уваженія), не равно ли пригодна для испорченнаго литературной, какъ и для испорченнаго политическаго? Не въ характерѣ ли челоуѣка увеличивать фигуры, по мѣрѣ ихъ опдаленія? Кто изъ насъ можетъ проповѣствоваться превращенію дѣйствію сей старинной перспективы? Кто, уступая невольному чувству гордости, даже иногда безъ собственнаго вѣдома, не утѣшаетъ себя въ превосходствѣ знаменитыхъ современниковъ пѣмъ, что проповѣдуетъ имъ грозное величье славныхъ мерзвцовъ?

Это печальная, но очевидная истина, коюрой не лзя не признавать и коюрую всегда должно памятовать: что люди большею частію неохотники дивиться вещамъ, находящимся у нихъ предъ глазами. Какъ будто они бояться уронить себя предъ собою, признавая величье и превосходство пѣхъ, кои дышутъ съ ними однимъ воздухомъ, живутъ въ одномъ городѣ. Они мспяютъ наспоющему, копорого не могутъ поколебать и разрушить, опыскивая въ минувшихъ вѣкахъ предметы гораздо величественнѣй-

шіе и высшіе. Это поспыдная болѣзнь нашей природы: но, чпобъ излѣчипься опть ней, не должно оприцаать ея существованія.

Если еспь между нами души чеспныя и благородныя, кои охопно предаюцца сугубому удивленію, у копорыхъ симпатія къ наспопящему не исключаетъ уваженія къ прошедшему, души, не считающія для себя унизипельнымъ сознаваться при всякомъ попребномъ случаѣ, чпо онѣ не доросли ни до своихъ дѣдовъ, ни до своихъ собратій, копорыя живутъ мирно и весело, спяатъ покойно, безъ всякой надежды и зависпи: по онѣ очень рѣдки и дѣлаютъ собой исключеніе изъ общаго закона.

Это еще не все. Доселѣ мы предполагали, чпо постоянное сравненіе наспопящаго съ прошедшимъ, хопя и предосудипельное для современниковъ, производится подъ условіями правильными, чпо ревностныя любипели минувшаго смопряатъ свѣплымъ и вниматепльнымъ окомъ на памяшники, ежедневно возникающіе вокругъ нихъ.

Но такъ ли бываетъ на самомъ дѣлѣ? Не думаю. Тѣ, кои признаютъ безсмерпнымъ и неподражаемымъ одинъ любимыи въкъ, кои считаютъ крайнимъ предѣломъ чеповѣческаго генія эпоху Елисаветы или Королевы Анны, Людовика XIV или Вольпера, пѣ согласяса ли из-

участь во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ созданія, къ коимъ, а priori чувствуяють предубѣжденіе? Можно ли опъ нихъ ожидать терпѣливаго и тонкаго анализа произведеній, кои заранѣе счипають мелочными? Не было ли бы съ ихъ спороны снисходительностью необычайною, даже почти невозможною, спускаясь до внимательнаго изслѣдованія предметовъ и людей, кои въ сравненіи съ прошедшимъ кажутся для нихъ ничтожными? Надѣеспь ли, что они унизятся до измѣренія пигмеевъ, поспавивъ себя въ привычку смопрѣшь полько на гиганшовъ?

Вошь почему, всего чаще, они разсуждають съ такимъ невѣжеспивеннымъ слабоуміемъ о произведеніяхъ, коихъ даже не перелиспывали? Вошь почему говорять съ такимъ пущымъ и надупымъ суесловіемъ о новыхъ проблемахъ, коихъ и не подозрѣвають? Вошь почему смѣшнвають и переспавляють пропивные члены уравненій, копорые предполагають разрѣшають? Вошь почему однимъ словомъ разсѣкають сомнѣнія, копорыхъ не понимаютъ, и нагло хлещуть вдоль и поперекъ запрудненія, кои бѣсятся подъ ихъ упрямою неловкостью!

Въ глубокомъ уваженіи къ прошедшему еспь нѣчто, зампѣвающее весьма нерѣдко испинныя понятія о современникахъ. Конечно, полное и постоянное изученіе памяшниковъ, завѣщанныхъ

намъ вѣками, не можетъ быть въ союзѣ съ невѣдѣніемъ и презрѣніемъ настоящаго. Но заключенное въ ограниченныхъ предѣлахъ, привязанное къ интересамъ фамиліи, коей и родословія не знаетъ, сіе изученіе преграждаетъ путь всѣмъ новымъ идеямъ.

Должно ли дивиться, если человекъ, привыкшій съ давняго времени къ выпреннимъ, каспидланскимъ поэмамъ Корнеля, или къ сладкозвучнымъ элегіямъ, къ понкимъ анализамъ Расина, опказываеся опъ новыхъ, пребующихъ пруда и работы изслѣдованій, дабы посвяпипься въ пайны порывовъ и надеждъ современной поэзіи? Должно ли дивиться, если онъ не хочетъ опъ спокойнаго созерцанія образцовыхъ, совершенно докончанныхъ швореній, перейпи къ разсмаптиванію произведеній, ежедневно умножающихся и борющихся другъ съ другомъ, изъ копорыхъ многія супъ еще не болѣе, какъ грубые, неполныя очерки идей, ими выражаемыхъ?

Безъ сомнѣнія нѣпъ: пакое удивленіе было бы глупостью. Всѣмъ извѣспно, какъ проспо и какъ легко замыкапъ мысль свою въ очарованномъ, непреходимомъ кругѣ! Какъ пріапно и сладко для лѣности ограничивапъ навсегда горизонтъ своихъ взоровъ, объявляпъ не сущеспвующею землю, гдѣ мы сами не были, провозглашапъ мечпапелами и сновидцами шѣхъ, кои говоряпъ объ оспровахъ неизвѣспныхъ? За чѣмъ

прерываешь свою дремоту, чтобы разобрать за-
щиты эпихъ новыхъ Колумбовъ? Не лучше ли
во спо разъ опдѣлываешь эпихъ новыхъ изобре-
тапелей, какъ опдѣлалъ Каспильскій дворъ
Генуэзскаго мореходца? Въспо того, чтобы пу-
скапся въ дальнее пупешествіе, не гораздо ли
лучше сказапъ съ любимцами Изабеллы: на
земль нѣпъ мѣспа, гдѣбъ не спупала наша но-
га!

Въ ежедневномъ обращеніи съ людьми, копо-
рые уже не сущеспвуютъ, еспъ что-то оболь-
спительно прогасельное, опвращающее нашу
мысль опъ новыхъ произведеній. Соспавивъ
для своихъ ежедневныхъ мечпаній, ежечасныхъ
думъ и разговоровъ, избранный кругъ умовъ рѣд-
кихъ и могучихъ, кои дали свѣспу понятіе о своихъ
идеяхъ, кои осущеспвили въ созданіяхъ чис-
пыхъ и вѣрныхъ свои высшіе помыслы, душа
гордая и счаспливая споль славными, споль
прочными связями, не охотно соглашается рас-
почапъ себя на новыя привязанности. Она про-
ходипъ равнодушно мимо блиспапельнѣйшихъ
созданій, возникающихъ предъ ея глазами, поч-
но какъ мужъ старой жены мимо группы
молодыхъ дѣвушекъ, сіяющихъ цѣломудріемъ и
красошою.

Но крипика, осужденная, своими инспинкта-
ми и предубѣжденіями, къ совершенному невѣ-
денію или къ весьма неполному знанію произ-

веденій, кои хочеть обсуживать, имѣеть ли законныя права на нашу довѣренность? Если она сама опрекается идиши впереди насъ, по какъ же мы будемъ слѣдовать за нею. Если она не заботится объ успраненіи перновъ, преграждающихъ ея дорогу, можемъ ли мы взять ея въ жожапые? Если она сидѣтъ на краю дороги, можно ли совѣповаться съ ней о концѣ пупешествія?

Незнаніе, которе сознаеть само себя, еспъ самая надежная почка опправленія къ знанію, еще не завоеванному. Незнаніе, которе хвастается собой и извиняеть себя, еспъ ночь ничѣмъ не разсѣваемая, ночь запмѣвающая всякой свѣтъ, ночь вѣчная.

Предъ крипикой, приспособной къ прошедшему, должно повторыть эпо безпреспанно: ученость, какъ бы она глубока ни была, ограниченная крайними межами извѣспныхъ эпохъ, ни сколько не освобождаетъ опъ обязанности изучать послѣдующія эпохи, въ равной степени какъ и предыдущія. Если липература XV вѣка не объясняетъ липературы XII, для пѣхъ, кои ее не знаютъ, по какъ же липературныя идеи времени Людовика XI или Франциска I могутъ опкрыть людямъ, зарывшимся въ прошедшее, смыслъ наспоящаго времени, на которе они никогда не обрацами взоровъ?

Пусть оспаются они невѣждами, но пусть будутъ умѣренны! Пускай на досугѣ занимаются разверпываніемъ пеленокъ, въ кои обернупы муми, ими чпимыя; пускай богопворяпть образы пѣхъ, кои жили! Но за чѣмъ же вылезать изъ эпихъ подземныхъ городовъ, населаемыхъ мерпвецами, съ пѣмъ чпобы осуждать безъ разбору все, чпо дѣлается вверху, надъ ихъ головами!

Между пѣмъ чпо дѣлаепть эпа попяпная крипика? Понимаепть ли она свои обязанности и предѣлы своей власти? Соглашаепся ли оспаваться при единспвенной роли, копорую можепть выполняпть съ dospoinспвомъ, при исполкованіи прошедшаго, посреди коего обипаепть? Ничего не бывало! Напротивъ она слѣпо упорспвуепть въ щцетномъ пропивоборспвѣ; всѣми силами пропивипся движенію, копораго не понимаепть. День и ночь копаепся въ пыли библіотекъ, чпо бы выпрашивапть у мерпвецовъ оружіе пропивъ живыхъ.

Такимъ образомъ, не имѣя никакого уваженія къ новымъ потребностямъ, къ опносипельнымъ измѣненіямъ нравовъ и спраспей, съ коими должна согласоваться поэзія, не обращая никакого вниманія на перевороты, произведенные во всей совокупности липературныхъ идей современными успѣхами наукъ историческихъ, эпа крипика хочепть оковапть мысль до неподвижности.

Очень хорошо знаю, что это глупость неизлечимая, по крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажется; ибо крипика библиотечная имѣетъ теперь безчисленныхъ предспавипелей, коихъ уменьшенія не предвидится. Многіе изъ нихъ отличаются изящеспвомъ языка: но гармонія ихъ періодовъ, оспропта насмѣшекъ, ловкость придинокъ, нимало ихъ не оправдываютъ. Они возбуждаютъ только презрѣніе и равнодушіе въ поэмахъ.

Я бы спалъ громогласно осуждать людей съ воображеніемъ, за то что они не опвѣчаютъ на дѣльныя замѣчанія; спалъ бы осуждать ихъ, когда они, ни сами, ни чрезъ друзей своихъ, не хопятъ опровергать возраженій серьезныхъ. Молчаніе въ подобномъ случаѣ еспъ плохая защита. Пропривополагаать обвиненію скромному, основывающемуся на доводахъ, одну только улыбку невниманія, значить худо понимать свое личное достоинство.

Но я не могу осуждать пріема, оказываемаго нападеніямъ крипики испорической. Я не могу съповать на людей съ фантазією, за то что они слушаютъ, не слыша, вопли полны завспливой и недоброжелательной, присвояющей себѣ право запрещать имъ идти впередъ, опъ того что сами не могутъ сдѣлать ни одного шагу.

Вспорая метода гораздо прспорѣе и обиль-

нѣе. Это живое осуществленіе слова, вырвавшегося изъ успѣя автора *Рене*, въ пылу досады на ничтожныя придирки, испытанныя имъ опыти пературы времяи Имперіи: » должно замѣнить крипику недоспапковъ крипикою красопъ!« Сія мысль, испинная въ самой себѣ и содержащая сѣмя многихъ соображеній, полезныхъ и одобрипельныхъ какъ для новыхъ пришельцевъ, такъ и для людей уже достигшихъ цѣли со славою, была взяпа буквально пѣми, кои находяпся въ поспоянномъ сочувспвіи со всѣми попыпками и успѣхами новой поэзи.

Для пакихъ крипиковъ важнѣйшее соспоиптъ въ помѣ, что бы поспавиптъ себя на поцкѣ зрѣнїя разбираемаго пворца; и въ эпомѣ они совершенно справедливы. Ихъ поспоянная забота, безпреспанное спремленіе къ пому, что бы помѣспиптъ между поэпомъ и полпою, изъяснитъ и освѣспиптъ сокровеннѣйшія часпи драмы или романа, находящагося у нихъ подъ глазами. Въ самыхъ мельчайшихъ подробноспяхъ разбираемаго ими пворенїя они спараюпся угадываптъ общее намѣреніе, темное для большинспва читапелей и доступное только немногимъ избраннымъ, пѣмъ, кои имѣюптъ поэпическое чувспво, могущее соперничать даже съ самымъ пворческимъ геніемъ въ разсужденїи оспропы взгляда и обширности объемамаго горизонпа.

Эта обязанность прекрасна, я не спорю. При началѣ новой школы, крипика симпатическая, *восклицательная*, если можно такъ выразиться, можетъ весьма сильно содѣйствовать къ преобразованію и воспитанію общественнаго духа. Обрекаясь на ежедневное исповѣданіе истинъ, ею постигнутыхъ, выражая въ послѣдовательномъ порядкѣ, съ приличною скромностію и умеренностію, языкомъ чистымъ и яснымъ, идеи, кои поэтъ вдругъ, однимъ, такъ сказать, вышлескомъ, распочаетъ предъ суебною, невнимательною толпою, она оказываетъ неоспоримую услугу какъ чипапелю, такъ и поэту.

Но, послѣ рѣшительнаго укорененія новыхъ идей, когда публикѣ, вразумленной сими поспоянными уроками, не остаеся болѣе ничего угадывать, когда поэтъ увѣренъ, что его поймутъ, начинается новое поприще для крипики. Это есть приложение претпѣй меподы, выше упомянутой. Первая мепода крипики бросалась въ прошедшее, чтобы хулить наспоющее; впо-рая держалась наспоющего и ограничивалась его объясненіемъ; претпѣя изъясняетъ наспоющее прошедшимъ, но идетъ гораздо далѣе. Она вопрошаетъ будущее, которое пригото-вляеся, провидитъ вещи, коихъ еще нѣтъ, обсуживая серьезно то, что есть. Крипика *попятная* теперь не имѣетъ никакой силы.

Крипика *восклицательная* опнынѣ бесполезна. Остаеися играпъ роль крипикѣ *прозрительной*. Но эта роль не иначе возможна, какъ по совокупномъ изслѣдованіи, по крапкомъ, но всеобъемлющемъ, обзорѣни знаменитыхъ мужей, споящихъ пеперь въ первыхъ рядахъ Французской поэзіи.

(до слѣдующей книжки)

II.

ГАУЧОСЫ.

(продолженіе).

Къ вечеру, въ день опѣзда нашего, мы были уже во ста миляхъ отъ Буэносъ-Айреса, на станціи, гдѣ находился прекрасный пракпиръ (*posada*); въ эпомъ мѣспѣ объѣзжали большую часть дикихъ лошадей, присылаемыхъ въ прибрежную часть государспва. Вокругъ *корала* * разхаживало множество Гаучосовъ; нѣскольکو молодыхъ людей собралось около прекрасной, сильной лошади, только что выпашенной изъ спада. Одинъ изъ сихъ молодыхъ людей, желавшій купить эту лошадь, предлагалъ хорошую цѣну Гаучосу, которъй рѣшился бы ее объѣздить; но она такъ была свирѣпа,

* Круглое обнесенное заборомъ мѣспо, имѣющее отъ тридцати до сорока сажень въ діаметрѣ, куда вгоняютъ живопныхъ, назначаемихъ для бойни или для выѣздки.

съ такой силой сопротивлялась пѣмъ, копорые поймали ее своими лассо, что никпо не емѣль пуспипсья на попытку. Наконецъ одинъ спарый Гаучось; съ сѣрой бородой, съ змѣинымъ взглядомъ, пропянулъ руку, взялъ обѣщанную сумму, пщательно прикрѣпилъ свое сѣдло къ хребту лошади, надѣлъ узду, взглянулъ на длинныя свои шпоры, сказалъ, чпобъ поспоронидись, вспрыгнулъ на кипящее живоппное и пуспился какъ молнїя. Въ эпо время Реджинальдъ полкнулъ меня локпемъ и сказалъ пихо: » Посмопри; эпо онъ; ужъ пуспился по нашимъ слѣдамъ! «

Тогда-по я понялъ, почему эпошь человекъ, котораго я уже замѣпилъ, съ нѣкотораго времени не опспавая слѣдовалъ за нами украдкой и посмапривалъ на насъ время опъ времени. Я не опвѣчалъ ничего Реджиналду, размышляя о мѣрахъ, какїя слѣдовало прїняпъ, когда Гаучось возврапился изъ своей опасной скачки.

Побывавъ однажды подъ Гаучосомъ, самая дикая лошадь дѣлаепся смирною и болѣе не нужно бываетъ обѣзжапъ ее. Обыкновенно Гаучось дѣлаептъ на лошади кругъ въ при или чепыре мили въ поперечникъ; обширныя равнины Южной Америки весьма способствуюптъ этому крапкому обученїю, которое можетъ изумипъ Европейскихъ берейпоровъ. Но въ эпошь разъ мы пщепно дожидались возвращенїя лошади и всад-

ника: вскорѣ они исчезли изъ глазъ самыхъ зоркихъ.

Между тѣмъ какъ мы удивлялись сему, настала ночь, которая въ сихъ спранахъ наступаетъ съ удивительной внезапностью, и всѣ зрители принуждены были войти обратно въ посаду.

Если бы мы съ Реджинальдомъ не такъ много принимали участія въ Гаучосѣ, то могли бы позабавиться различными выраженіями общаго изумленія. Никто изъ присутствовавшихъ Гаучосовъ не зналъ бѣглеца. » Эпо долженъ бытъ, « говорили они, » охотникъ изъ земли *Дятловинной*, « * и ни разу еще имъ не случилось видѣть его близъ берега. Впрочемъ поступокъ его привелъ ихъ въ негодованіе: они предложили покупщику какую угодно лошадь, въ замѣнъ угнанной. Молодые люди изъ Буэносъ-Айреса, предполагавшіе сначала, что Гаучосы были въ согласіи съ похитителемъ, удовлетворились симъ предложеніемъ и усѣлись вокругъ стола, причемъ водка не была пощажена. Во всю ночь раздавались веселые крики ихъ и мѣшали намъ спать.

* Обширныя равнины между Буэносъ - Айресомъ и Кордильерами могутъ быть раздѣлены на три полосы; первая, по близости Атлантическаго моря, покрыта дятловиной и волцетъ въ печеніе нѣкоторой части года; вторая, высокой правой; третья, простирающаяся до подошвы Кордильеръ, усѣяна мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ.

И пакъ мы вспали почпи не опдохнувъ; но взглянувъ на лице друга моего, я замѣпилъ, что свѣжеспъ его и обычный пламень взорвь помрачились чѣмъ-по гораздо посильнѣе бессонницы. Онъ самъ сознался мнѣ, что имъ овладѣло какое-по пагубное предчувствіе. Тщепно хопѣлъ я разсѣяпъ эпу поску, говоря ему о его намѣреніяхъ для будущаго: печаль его полько усилилась. Тогда я предложилъ возврапиться въ Буэносъ-Айресъ, но онъ не согласился; да и мнѣ думалось, что движеніе и ѣзда по пуспынѣ однѣ могупъ возврапипъ ему нравспвенную энергію, а попому и постѣшилъ опѣздомъ. Уже наши *пеоны* (проводники) опправились съ перемѣнными лошадьми до ближайшей станціи.

Во время пупешествія, съ нами случались полько обыкновенныя мелочныя произшеспвія: мы падали раза два или при въ *бискачеросы* *; опъ неоспорожностіи задѣвали другъ друга по го-

* *Бискачеросы* сушь подземныя норы и галлерей, выкапываемыя нѣкопораго рода байбакомъ на подобіе кроликовъ. *Булесами* называются при мѣдныя сферонда, копорыя Гаучосъ, обращая вокругъ головы, бросаепъ въ пщицъ, буйволовъ, лошадей и львовъ. Гаучосъ съ дѣспсва упражняепся дѣйствовашъ *лассомъ* и *булесами*: вопъ почему орудія сія пакъ спрашны въ его рукахъ. Этими *булесами* онъ сражаепъ пщицъ на лешу и убиваепъ свирѣпѣйшихъ быковъ.

ловъ *булесами* Гаучосовъ; и два вечера сряду должны были обойтись безъ ужина.

Вообще прозѣжали мы болѣе ста миль въ день; ѣхали непрерывно въ галопъ, перемѣняя ежедневно разъ восемь или десять лошадей. Съ наспуленіемъ ночи принимались за говядину, изжаренную на большомъ верпелѣ, укрѣпленномъ въ землѣ, или ѣли курицу, сваренную по цыгански. Попомъ выпивали по рюмкѣ вина и ложились въ хижинѣ или чаще подъ открытымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, имѣя въ головахъ, вмѣсто подушки, сѣдло.

Доспигши Кордильеръ, оставили мы лошадей, взяли муловъ и проѣхавъ Анды по опасному пупи, усѣянному попоками, пропасями и разбойниками, доспигли наконецъ города Сан-Яго въ Хили.

Во время сего пупешествія, представляющаго столько случаевъ для разсѣянія, къ Реджинальдъ не возвращались обычный энтузіазмъ и живость; только однажды, казалось, онъ спряхнулъ съ себя пягоспное бремя, коего добычею сдѣлался. Это было въ шу минушу, когда пары низменныхъ мѣспъ Хили исчезли, подобно оперному облаку, и съ вершинъ Андскихъ увидѣли мы огромныя волны Тихаго Океана, позлащенные первыми лучами восходящаго солнца. Помню, что при семъ зрѣлищѣ восхищенный Реджинальдъ изъявилъ воспоргъ свой обращеніемъ

къ Васко Нуньезу де Бальбоа, первому Европейцу, видѣвшему сей великолѣпный океанъ. Я надѣялся, что наконецъ очарованіе разрушено и другъ мой возвратится къ прежнему характеру своему; но скоро онъ снова впалъ въ уныніе и говорилъ, что какое-то внутреннее убѣжденіе увѣряетъ его въ близкомъ концѣ жизни или по крайней мѣрѣ счастія его. » Я надѣюсь « — прибавилъ онъ, — » вспрѣпипъ мужественно опасность, когда она обнаружится; но въ перешней безизвѣстности нравственная нерѣшительность моя также естественна, какъ была бы естественна нерѣшительность шаговъ, когдабъ я шелъ ощупью по краю пропасти. «

Не лзя было излѣчить этой болѣзни: воображенія, къ коей присоединялась еще смутная боязнь, внушаемая Реджинальду опасеніемъ объ участи Донны Луизы. Его равнодушіе ко всему, могущему случиться съ нимъ прежде времени, въ которое долженъ совершиться его жребій, предавала совершенно въ мою волю эту душу, нѣкогда такъ неустрашимую. Надѣясь еще, что усиленная дѣятельность можетъ извлечь его изъ унынія, а потому не желая давать ему покоя, рѣшился я поспѣшь по прибытіи на вершины Андскія, возвратиться съ той же быстротой чрезъ Пампасы назадъ.

Въ этомъ обращеніи путешествія намъ часпо

угрожали засадою враждебныхъ Индѣйцевъ; наши проводники рассказывали намъ о жестокости сихъ дикарей, которые, разъѣзжая на превосходныхъ лошадяхъ и будучи опличнѣйшими всадниками, ознаменовывали путь свой развалинами и убійствомъ. Горе путешественнику, имъ встрѣчающемуся! Они безжалостны; они не берутъ въ плѣнъ. Какъ часпо небольшая горсть эписхъ Индѣйцевъ, кои въ Испанцахъ видяпъ только хищниковъ, несправедливо завладѣвшихъ Америкой, напали съ своими осмнадцатьфушовыми копьями на хижины Гаучосовъ, умерщвляя мужчинъ, спарыхъ и безобразныхъ женщинъ, похищая молодыхъ и красивыхъ въ Пампасы! Проводники сполько наговорили намъ объ нихъ; чпо мы наконецъ привыкли къ симъ рассказамъ и спали почипапъ слова ихъ преувеличенными въ слѣдствіе боязни. Когда мы находились уже только въ прехъ спяхъ миляхъ отъ Буэносъ-Айреса, не встрѣпивъ въ продолженіе пути ни одного дикаря, то могли подумать, чпо проводники хопѣли забавляться нашимъ легковеріемъ.

Еще три дня и путешествие наше было бы кончено. Я скакалъ нѣсколько миль впереди Реджинальда и нашихъ товарищей; вдругъ неподалеку отъ меня пробѣжалъ спроусъ; увлекаемый спраспью къ охотѣ, я пустился за нимъ, и имья уже нѣкопорый навькъ владѣпъ лассомъ,

надѣялся при помощи его и быспропы коня, неминуемо поймать прекрасную ппицу. Быть можетъ нѣтъ охоты завлекательнѣе той, которой я предался въ это время: въ каждую минуту пожираешь цѣлую милю пространства, и спрору, котораго не теряешь изъ виду, подспрекаетъ болѣе и болѣе вашу ревность. Нѣсколько разъ бесполезно закидывалъ я лассо, все еще не имѣя твердости опказаться опъ своего намѣренія; вдругъ лошадь моя оступилась въ бискачеро и жестоко ушибла меня. По счастью, я не выпустилъ изъ рукъ поводьевъ, но долго лежалъ, разпростершись на спинѣ, не будучи въ состоянн вспаць; въ глазахъ у меня мерещились разные фантастическіе предметы, какъ бы наполнявшіе атмосферу. Наконецъ, когда спраданія мои облегчились, я вспалъ, взлѣзъ кой-какъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ въ ту сторону, гдѣ, по моему мнѣнію, надлежало быть дорогѣ; но такъ какъ я преслѣдовалъ спрору почти въ прямоугольныхъ уклоненіяхъ опносительно морскаго берега, то заключилъ, что мнѣ трудно будетъ найти опять моихъ товарищей. Сверхъ того, прошло уже болѣе часа, какъ я опспалъ опъ нихъ, да и лошадь едва переводила духъ: ей нуженъ былъ опдыхъ.

Я находился одинъ среди пустыни: мнѣ оставалось или искаць до самой ночи дороги, или умереть опъ жажды и голода. Для меня въ

такомъ ужасномъ уединеніи пріятно бѣ было встрѣпить даже толпу плѣхъ Индійцевъ, коихъ жестокость доставила споль избыточную пищу для рассказовъ проводникамъ нашимъ.

Часто, представляя себѣ страшную смерть, меня ожидавшую, я принимался опчаянно шпорить своего коня; но спонтъ бѣднаго живописнаго и боль, причиняемая ускореннымъ его бѣгомъ, разбилому плѣлу моему, вынуждали меня снова ѣхать шагомъ. Векоръ жажда сдѣлалась такъ нестерпима, что я рѣшился разрѣзать жилу у лошади и выпить ея крови. Мнѣ извѣстно было, что лучшее средство утишить лихорадку, меня мучившую, состояло въ томъ, чтобы выпить самому себѣ кровь, но боялся лишиться чувствъ во время операци, или испечь кровью, не будучи въ состояніи остановить печеніе оной. И такъ вынувъ ланцетъ, бывшій при мнѣ, я намѣревался слѣзть съ лошади; но, кинувъ вокругъ себя послѣдній опчаянный взоръ, увидѣлъ стадо дикихъ быковъ, и когда вѣперъ разнесъ облако пыли, ими поднятое, то обратившимъ взорамъ моимъ представился въ той же сторонѣ всадникъ. Я хопѣлъ закричать, но голосъ мой былъ такъ слабъ, что звуки его не могли достигнуть до всадника. Тогда я выпрѣлилъ изъ пистолета; при звукѣ выпрѣла всадникъ обернулся и поскакалъ ко мнѣ. Я зарядилъ вновь пистолетъ, вынулъ ножъ и при-

гопѣвилея къ зашитѣ на всякой случай, если вмѣсто того, что бы оказалъ мнѣ помощь, онъ намѣренъ напасть на меня; ибо мнѣ говаривали, что Гаучось безъ зазрѣнія совѣспи грабитъ путешественника, ему встрѣпившагося, и даже убиваетъ, если онъ откажется опдасть ему шпоры и узду. Но спрахъ мой оказался напраснымъ. Всаднику, ѣхавшему ко мнѣ, было не болѣе одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ. Онъ Подскачивъ ко мнѣ, о вскричалъ: *Dios meo! que es esto?* Боже мой! что такое? Я объяснилъ ему мое несчастіе и просилъ проводить меня до какого-либо жила. Онъ согласился; опвязалъ коровій рогъ, при немъ бывшій, въ которомъ хранилась вода, и наполнилъ меня. Никогда не забуду того наслажденія, съ какимъ я прохладилъ тогда пылавшую мою внутренность. Попомъ вынулъ онъ изъ мѣшка, висѣвшаго у сѣдла его, кусокъ копченой говядины и я подкрѣпилъ ею силы истощенныя продолжительнымъ воздержаніемъ. Наконецъ, исполнивъ всѣ обязанности госпепрїимства, ребенокъ уговаривалъ меня ободриться, дабы достигнуть его хижинны, находившейся за нѣскольکو миль къ югу. Онъ поскакалъ впередъ, махая надъ головой своимъ лассо; *пончо* * его развѣвалось какъ знамя; по временамъ онъ возвращался ко мнѣ, повпоряя: *Alegrarse, alegrarse,*

* Нѣкотораго рода коропкой плащъ изъ краснаго сукна.

senor, vatos, vatos! живѣе, живѣе, не унывайше; сударь.

Послѣ пягоспнаго путешествія прибыли мы наконецъ къ хижинѣ, гораздо опряпнѣе поспроенной и имѣвшей большую величину, чѣмъ всѣ дополѣ мною видѣнныя. Въ ней находились двѣ комнапы; сверхъ того не подалеку бѣлъ еще особый крытый анбаръ, служившій кухнею. Самый *кораль* не былъ, какъ обыкновенно, окруженъ нечиспопою, чпо должно приписать великому множеству сыпыхъ яспребовъ и соколовъ, фзкой лѣниво сидѣли на коляхъ забора и ни мало не испугались, хопя мы пакъ близко проѣзжали мимо ихъ, чпо почпи могли доспать рукою. Въ кораль содержалось нѣсколько хорошей породы коней: ржаніе ихъ служило доказательствомъ, чпо они еще очень недавно лишились полевой свободы. Все въ эпномъ жилищѣ болѣе сходспвовало съ домомъ заживочнаго землепашца, чѣмъ съ вонючей хижиной презрѣннаго Гаучоса. Если бы не было корала и копей всякаго рода, шамъ и сямъ разбросанныхъ, то я могъ бы подумать, чпо эпо жилище какого-либо чудака иносшранца, копорый бросилъ свой Лангедокскій виноградникъ или Суссекскую ферму, чпобы наслаждаться вмѣстѣ съ дикимъ конемъ, львомъ и гамой, независимой жизнью въ Пампасахъ Парагвая. Впрочемъ хопя я и былъ удивленъ сравнительной опряпностью

сего жилища, однакожь меня удивили еще болѣе поспупки хозяина, когда онъ, опдернувъ буйволову кожу, замѣнявшую дверь, вышелъ ко мнѣ на вспрѣчу. Я уже говорилъ о гостепріимствѣ Гаучосовъ и о церемонной вѣжливости, свидѣтельствующей, что большая часть изъ нихъ происходятъ отъ Испанцевъ. Гаучось такъ далеко простираетъ сіи чувствованія, что никогда не входитъ въ собственную свою хижину съ покрывною головою, хопя бы въ ней не было никого, кромѣ домашнихъ. Здѣсь напропивъ вмѣсто радушной гостепріимной поропливости, вспрѣченной мною повсюду у другихъ Гаучосовъ, я замѣнилъ, что хозяинъ вздрогнулъ увидя меня и съ угрожающимъ видомъ выхватилъ изъ сапога ножъ свой. Однакожь, когда я, поклонившись ему, рассказалъ о моемъ приключеніи, по онъ, смягчился, вложилъ ножъ опять въ сапогъ, просилъ меня войти въ его хижину и почипать ее моею собственною. Не взирая на слабость и усалость, я не могъ не замѣнить принужденности, съ коею хозяинъ произнесъ сей обыкновенный комплиментъ; при томъ же онъ, желая понкимъ образомъ дать мнѣ почувствовать свое нерасположеніе, прибавилъ: »взойдите, на одну ночь вы не можете мнѣ быть въ пягость.« Продолжая говорить, онъ смотрѣлъ на меня проницательно, и, не видя въ лицѣ моемъ никакого подозрѣнія, принялся разнуздывать и раз-

сѣдывають мою лошадь, изъясляя удовольствіе, причиненное ему посѣщеніемъ такою, какъ я, человекъ. » Извините« — сказалъ онъ — »сеньоръ, спарикъ небольшую осмоприпельность. Въ эпихъ дикихъ долинахъ больше бываетъ *сальтеадоровъ* (воровъ), чѣмъ честныхъ Христіанъ. Сверхъ того до насъ дошли вѣрныя слухи, что Индійцы находясь не подалеку отъ сихъ мѣстъ; они сожгли уже нѣсколько хижинъ въ землѣ *Дятловинной*, на воспокъ отсюда, и могутъ не нынѣ, такъ завтра, посѣпить и меня — да сохранитъ насъ отъ нихъ Богоматерь! Не лзя не быть подозрительнымъ, когда не увѣренъ въ своей жизни ни днемъ, ни ночью. И такъ извините мнѣ недоспапокъ вѣжливоспи. «

Мнѣ сполько наговорили объ Индійцахъ, что я въ сихъ словахъ видѣлъ сполько новую опговорку; сверхъ того я узналъ въ эпомѣ Гаучусѣ того самаго человекъ, котораго показывалъ мнѣ Реджинальдъ. Однакожь это было одно подозрѣніе, ибо я видѣлъ его сполько мелькомъ на первой спанціи, когда онъ уѣхалъ съ лошадыю, подъ предлогомъ объѣздить ее; но спѣмъ не менѣе я имѣлъ спвердое намѣреніе спспаваться у него какъ можно меньше времени.

Внутри хижина была опряпнѣе и лучше освѣщена, чѣмъ у большей части Гаучосовъ. Вокругъ спѣнъ въ симметрическомъ порядкѣ были развѣшаны *боласы* или *булеса*, *ласса*,

узды, шпоры; въ заднемъ углу первой комнаты висѣла люлька, сдѣланная изъ буйволо-вой кожи; въ печи прецалъ огонекъ; на по-полкѣ висѣла лампа съ буйволовымъ жиромъ вмѣсто масла. Когда я прибылъ, то уже наспа-ла ночь; члены мои оцепенѣли опть спужу; но теплома оживила меня и я рѣшился пу-спить себѣ кровь для облегченія лихорадки. По причинѣ эпой, весьма любимой Испанцами операціи, вокругъ меня собралось чепыре или пяпъ женщины и около десятка дѣпей, про-снувшихся при моемъ прибытіи. Старая Не-грипянка, служившая по видимому кухаркой въ эпомъ сельскомъ жилищѣ, держала пазъ подъ рукой и такъ неловко опправляла свою обязанность, что я выразилъ мое негодованіе и перепѣніе повышеіемъ голоса. Въ это время изъ сосѣдней комнаты раздался крикъ и старый Гаучосъ, вспавъ съ поспѣшностію и сдѣлавъ движеніе, выражавшее ярость, бросился въ помянутую комнату, гдѣ глухимъ голосомъ дѣлалъ угрозы, показывавшія сильный гнѣвъ,

Не могу выразить ужаса моего: мнѣ казалось, что я узналъ голосъ Донны Луизы. Всѣ подо-зрѣнія мои возобновились въ ужаснѣйшемъ видѣ; и я лишился чувствъ. Опомнившись, я встрѣ-пилъ взоры спараго Гаучоса, капорый, каза-лось, хопѣлъ проникнуть въ тайную причину моего обморока; само небо въ эпой опасности

вразумило меня на счесть моего поведенія и я изъ самой слабости моей извлекъ выгоду, припворюясь, что занимаюсь единственно соспоянїемъ моего здоровья. Я просилъ хозяина сдѣлать мнѣ супу изъ дичи, увѣряя, что въ моемъ положеніи не могу ѣсть говядины. Припворство мое обмануло Гаучоса; онъ приготовилъ мнѣ самъ поспель; наваливъ кучу *позгосовъ* или плащей, положилъ въ головы мое сѣдло, которое покрылъ бараньей кожей. Для меня убили цыпленка; однимъ словомъ, хозяинъ, освободясь отъ подозрѣній, сдѣлался снова гостепріименъ и вѣжливъ, а я легъ и припворился будто сплю, тогда какъ сонъ былъ весьма далекъ отъ глазъ моихъ. Все семейство собралось ужинашь; каждый, не исключая дѣшей, отпрѣзалъ для себя своимъ ножомъ кусокъ говядины съ самага вершела. Хлѣба въ эшихъ равнинахъ не знаютъ; за ужиномъ только и было, что жаркое, да вода, обыкновенно ими употребляемая въ питье; послѣ ужина совершили предъ образомъ Богоматери, споявшимъ въ противоположномъ отъ меня углу, крапкую молитву и, улегшись какъ попало на полу, наконецъ заснули. Не спали только старыи Гаучось и довольно хорошенькая Мулапка съ ребенкомъ на рукахъ; они сѣли у огня, ожидая, казалось, кого-то; и дѣйствительно, четверть часа спустя вошелъ молодой человекъ, котора-

го Мулапка назвала Теобальдомъ; вступивъ въ дверь, онъ снялъ шляпу. По окровавленнымъ булесамъ его я заключилъ, что онъ былъ на охотѣ. За нимъ слѣдовало нѣсколько собакъ, копорья подошли къ спарику и лизали его руку; Мулапка между тѣмъ поднесла своего ребенка къ молодому человѣку, дабы онъ приласкалъ его; Теобальдо поцѣловалъ и мать и ребенка, но съ очевиднымъ равнодушіемъ и разсѣянностью, говоря, что хочеть ѣспь. По знаку, коимъ его приглашали соблюдать тишину, онъ увѣдомился, что въ хижинѣ еспь чужіе. Спарый Гаучось сказалъ ему что-то на ухо; онъ подошелъ ко мнѣ, нагнулся, прислушиваясь къ дыханію моему, и снова поднявшись опощель, изъясляя движеніями гнѣвъ; наконецъ спалъ ужинапъ. Когда онъ опужиналъ, Мулапка положила дупя въ люльку, висѣвшую у меня надъ головой, и легла спапъ въ нѣсколькихъ шагахъ оппуда. Оба Гаучоса продолжали разговаривапъ въ полголоса, будпо для того, чтообы не разбудипъ никого; но мало по малу разговоръ ихъ сдѣлался пакъ живъ, что оба вышли.

Предполагая себя предметомъ ихъ разговора и видя, послѣ ихъ ухода, что всѣ женщины спяпъ, я вздумалъ было идпи въ сосѣдспвенную комнапу къ Доннѣ Луизѣ и защищапъсь вмѣспѣ съ нею при помощи моихъ писполопшовъ,

ибо зналъ, что *булесы* и *лассо* страшны только въ числомъ полъ. Но послѣ рѣшился лучше удалиться изъ хижины; слѣдовавъ шагъ за шагомъ за двумя Гаучосами, подслушавъ ихъ разговоръ и, узнавъ ихъ намѣренія, убивъ обонхъ, если они дѣйствительно хотѣли лишитъ меня жизни.

Тогда свѣпиль мѣсяцъ; но, къ моему счастью, тѣнь, кидаемая хижиной, совершенно скрывала меня отъ ихъ взоровъ. Спранно, какое удивительное вниманіе обращаетъ умъ чѣловѣскій на малѣйшія обспояпельсва, когда близкая опасность пробуждаетъ вполне всю дѣятельность нашихъ способностей. Я размыслилъ, что еслибъ я былъ на южной, а не на сѣверной сторонѣ экватора, то не только не остался бы въ темнотѣ, но былъ бы напроптивъ самъ подверженъ взорамъ тѣхъ, за коими старался наблюдать. Что касается до нихъ, то они вѣроятно не помышляли о сѣверномъ и южномъ полушаріи, а были увѣрены, что ихъ госпъ, упомянутый усалоспью и ослабленный кровопусканіемъ, спалъ безъ всякой недовѣрчивости. При томъ они такъ были заняты разговоромъ своимъ, что неминуемо должны были мало помнитъ обо мнѣ, хотя я точно былъ предметомъ ихъ спора. Они шли продолжая говорить, но я слѣдовалъ за ними довольно близко, такъ

что ли могъ слышашъ ихъ; наконецъ они подошли къ коралу и оперлись на колья забора.

»Бапюнка!« говорилъ молодой: »я никакъ не могу поняшъ вашей неоспорожности. Кто знаешъ, почто ли эптопъ челоувѣкъ не шпюнь? По крайней мѣрѣ онъ можешъ погубишъ насъ, сдѣлавъ по возвращеніи въ городъ доносъ.

—Теобальдо, опвѣчалъ опецъ, я рассказывалъ тебѣ, какъ его привели въ нашу хижину; онъ чужеспранецъ, онъ боленъ; я не поперплю, чтобы ты нарушилъ въ опношеніи къ нему послѣднюю добродѣпель Гаучосовъ—госпепримспво.

»*Dios mio!*« воскликнулъ Теобальдо: »госпепримспво, какъ и благопворительность, должны прежде всего начинашъся съ себя самага. Вамъ ли хваспашъся совѣспливостью! Скажишѣ лучше, что вы рады присупспвию эптого челоувѣка; оно подаешъ вамъ предлогъ предписывашъ мнѣ глуную скромность предъ сеньорой, которую я не пособишъ бы вамъ увезши, если бы зналъ, что ее должно будешъ уважашъ и беречь, какъ монахиню въ монастырѣ.«

—Несчастный! не ужели ты думаешъ, что мспительность моя слѣпа до такой степени? Я хочу выкупа, не злодѣянія; эта дѣвушка дочь моего брата: онъ согласится сочеташъ ее съ тобою законнымъ бракомъ, или выкупашъ за такую сумму, которая вполне исправитъ не-

справедливость отца моего въ отношеніи ко мнѣ.

» Я не вхожу въ эти холодные расчеты, «сказалъ молодой Гаучосъ: »опвѣсть опъ спараго Экиверы не приходипть; кпо можетъ ручаться, что онъ не пришлетъ его съ вооруженными исполнителями городского правосудія? Не позже, какъ нынѣшнюю ночь, я хочу получить мою добычу и получу ее.«

— И не прежде, какъ опнявъ у меня жизнь, сынъ неблагодарный, копораго не могъ я исправить ни роковымъ моимъ примѣромъ, ни наставленіями! Несчастный, ты не знаешь, опъ чего отказываешься: сокровища Экиверы неизчислимы.

»Бапюшка! для жизни Гаучоса, копорой никогда не хочу оставипть, я довольно богатъ. Пустьъ все богатство мое сослоипть изъ моей дощади, мнѣ болѣе ничего не надо. Чпо касается до сеньоры, по хочу женипться на ней, какъ вы женились на моей мапери, безъ соблюденія обрядовъ; хочу имѣть ее при себѣ почно пакъ же, какъ Мулапку, не долѣе, какъ пока она будетъ годна къ моимъ услугамъ.«

— О! воскликнулъ спарый Гаучосъ: я жестоко наказанъ: сынъ мой еще развратиѣ меня! Но если я позволю ему это пресупленіе, по скоро онъ и меня переспанетъ уважать!.. Теобальдо,

прибавилъ онъ равнодушно и рѣшительно, повинуйся, или я тебя убью!

» Старый лицомъръ! « отвѣчалъ Теобальдо: » можешь бышь ты предупредить меня и, посылая на охоту, искалъ только предлога удалить своего сына. «

— Чудовище! закричалъ спарикъ, извлекая ножъ: въ свои лѣта я ушелъ отъ отца моего, но не оскорбилъ его! Этимъ желѣзомъ повелѣваю тебѣ не входить въ хижину.

» Взойду, не смотря на васъ; вы не напрасно выучили меня самого владѣть ножомъ. «

— Защищайсяжъ, негодяй! воскликнулъ отецъ...

Звукъ сполкнувшихся ножей раздался въ тишинѣ ночи; потомъ началась борьба грудь съ грудью; она заключилась паденіемъ одного изъ рапоборцевъ и послѣднимъ вздохомъ умирающаго. Объяпный ужасомъ, покрытый холоднымъ потомъ, спѣша только удалиться поскорѣе отъ столь ужаснаго зрѣлища, я возвратился въ хижину, гдѣ бросился на постель, не имѣя силъ рѣшиться ни на что, чувствуя полное ищощеніе физическихъ и нравственныхъ силъ.

(окончаніе слѣдуетъ).

II.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ.

ФЕТЪ-АЛИ-ШАХЪ,

ЕГО ДВОРЪ, ЖЕНЫ И ДѢТИ.

(Смерть Аббаса-Мирзы, наследника Персидскаго прона, есть событие, которое можетъ имѣть сильное вліяніе на весь западъ Азіи. Одинъ Французскій путешественникъ, прожившій чепыре года при дворѣ его, собралъ весьма любопытныя замѣчанія объ исторіи нынѣшней Персіи и о нравахъ-ея жителей. Въ Journal de la Marine помѣщено имъ нѣсколько опрывковъ, изъ коихъ на сей разъ выбираемъ нижеслѣдующій, гдѣ означенный путешественникъ описываетъ Фетъ - Али - Шаха, опца Аббаса - Мирзы.)

Персидскій Государь Фетъ-Али-Шахъ, племянникъ эвнуха Аги Могаммеда-Хана, убишаго въ Грузіи своимъ невольникомъ, былъ до вступленія на пресполъ губернапоромъ Ширасской провинціи, жилъ въ самомъ Ширасѣ и назывался Баба-Ханомъ. По смерти Аги Могаммеда-Хана многіе домогались престола; но Баба-Ханъ, будучи хипрѣе и оборопливѣе, скоро опдѣлался опъ всѣхъ соперниковъ.

Дабы привеспи въ порядокъ провинціи, особенно шѣ, кои долго были шеапромъ безначалія, Фетъ-Али послалъ въ каждую одного изъ сыновей своихъ въ качествѣ Бегмербея, съ неограниченною для важныхъ случаевъ властью. Чпобъ ушвердитъ за своей династіей пресполъ, часпо покупавшійся цѣною крови, онъ назначилъ, по испеченіи нѣкотораго времени, наслѣдникомъ своимъ впораго сына, Аббаса-Мирзу, котораго уже и дядя его Могаммедъ-Ханъ назначалъ для погоже. Съ того времени Аббасъ-Мирза сталъ называться Наслѣднымъ Принцемъ, вмѣсто старшаго брата своего Могаммеда-Али Мирзы, губернапора провинціи Карманчагъ.

Если бъ я не опасался, чпо меня обвиняптъ въ ласкательствѣ, ибо я былъ осыпанъ милостями Аббаса-Мирзы, то не нашель бы доспапочно выраженій для его похвалы. Это прекраснѣйшій и храбрѣйшій Принцъ Азіи,

припойъ самый пріятный въ обращеніи. Вспыльчивый Могаммедъ-Али узналъ съ негодованіемъ, что Феть-Али-Шахъ предпочелъ ему младшаго брата. Не будучи въ состояніи превозмочь гнѣва своего, онъ немедленно отправился въ Тегеранъ. Нарушеніе опечесивенныхъ законовъ назначеніемъ Аббаса въ наслѣдники и введеніе въ войско Европейской военной сиспемы могло, какъ справедливо опасался Феть-Али-Шахъ, навлечь ему ненависть значныхъ Персіянъ; а попому онъ нашелся вынужденнымъ щадить своего старшаго сына. Но когда замѣпилъ, что неповиновеніе и дерзость его возраспали болѣе и болѣе, то приказалъ ему дать знать, чтообы онъ безпрекословно покорялся его волѣ, напомнивъ при помѣ, что онъ рожденъ опъ проспой невольницы, а Аббас-Мирза опъ одной изъ наиболѣе уважаемыхъ женщинъ племени Каджарскаго. Могаммедъ-Али-Ханъ, будучи тайно увѣренъ въ преданности къ его особѣ нѣкопорыхъ вельможъ, опвѣчалъ, что онъ наслѣдовалъ не опъ мапери, а опъ него, опца своего, благородство духа и неуспрашимость ему свойспвенную, и что если ему не опдадутъ справедливости, то онъ найдетъ способъ заспавить уважать права свои; что законы гласятъ въ его пользу и онъ сдѣлался бы недоспдойнымъ прона, еслибы нарушилъ сіи законы или позволилъ ихъ нарушить. » Если

» вы не знаете, что дѣлаете, сказалъ онъ, по-
» ложивъ руку на эфесъ сабли, и поступаете
» какъ спарая женщина, по вотъ что рѣшишь,
» кому наследовать. « Фетъ-Али хотѣлъ за-
державъ его; онъ немедленно удалился и соб-
ралъ всю свою армію. Но какъ замѣнилъ, что
она была слабѣ арміи Шаховой, при помѣ все
еще надѣялся склонить его къ чувствованіямъ
болѣе благосклоннымъ, по внезапно обратилъ
свое оружіе противъ Сулеймана Паши, губер-
напора Багдадскаго, совершенно разбилъ его и
взялъ съ него большую конприбуцію, которую
прислалъ къ опцу. Фетъ-Али-Шахъ вы-
спроилъ на сіи деньги дворець, назвавъ оный
Сулейманіей; но пѣмъ не менѣе оставилъ Аб-
баса-Мирзу наследникомъ и предписалъ, что-
бы въ его отсутствіе всѣ прочіе сыновья его
опдавали сему Принцу пѣже почести, какъ и
ему самому. Всѣ повиновались и казалось удво-
или свое почтеніе къ Аббасу-Мирзѣ; но каж-
дый впайнѣ питаесть надежду, по смерти оп-
ца, испребить своихъ братьевъ. Это будетъ
несчастное для Персіи время; она вновь под-
вергнется ужаснѣйшему безначалію; ибо каж-
дый изъ сихъ Принцевъ найдетъ въ своей про-
винціи приверженцевъ и они до пѣхъ цоръ бу-
дутъ воевать между собою, пока одному копо-
рому-нибудь удастся побѣдить всѣхъ другихъ.

Фетъ-Али-Шахъ, бывшій некогда красивѣй-

нимъ мущиною въ государствѣ, имѣеть опть роду семьдесятъ лѣтъ; онъ великъ ростомъ, но здоровье его давно разстроено. Спина его чрезвычайно сгорбилась и все шло не обыкновенно сухощаво. Съ прудомъ можетъ онъ перепаскиваться съ мѣста на мѣсто. Его нѣкогда громовый, благозвучный голосъ, сдѣлался дикъ и раздается какъ изъ могилы. Въ гаремѣ сего государя къ услугамъ его постоянно имѣется до семисотъ женщинъ, изъ коихъ болѣе прехъ солтъ считающся законными женами. Прочія большею частію супъ молодыя дѣвицы, коихъ со всѣхъ странъ государства присылають ему вельможи. Обыкновенно таковыхъ удоспоиваетъ онъ только однажды своихъ объятій; послѣ чего передаетъ своимъ чиновникамъ, кои чрезвычайно гордясь такимъ опличіемъ и обязаны давать по сему случаю блистательныя пиршества, кои самъ Шахъ удоспоиваетъ своимъ посѣщеніемъ. Его любовныя подвиги безчисленны; но съ 1813 года, по причинѣ разстроеннаго состоянія здоровья, въ слѣдствіе предписанія врача, онъ нашелся вынужденнымъ только черезъ при дня пребывать къ себѣ женщину.

Все свое время проводитъ онъ въ гаремѣ, куда могутъ входить одни сыновья его, и то когда ихъ позовутъ къ нему. Ни одна изъ женъ не смѣетъ садиться при немъ; и рѣдко

даепъ онъ сіе позволеніе даже первой супругъ своей, копорая однакожъ почипаепся царицей. Обѣдаепъ онъ всегда въ гаремъ; кушанья пригопвляюпся женщинами; также въ гаремѣ и купаепся, причемъ ему прислуживаюптъ молодья невольницы, изъ коихъ нѣкопорыя панцуяюптъ и поюптъ, а другія исправляюптъ должностъ цирюльничью.

Всѣ Шаховы жены раздѣлены по ровну на нѣсколько опдѣденій, изъ коихъ каждое соспоиптъ подѣ надзоромъ своего особеннаго эвнуха, а надъ эвнухами есптъ еще главный. Всѣ женщины наперерывѣ спараюптся угождаптъ се-му первому эвнуху, дабы онъ привелъ ихъ къ Шаху, копорый часпо полагаепся на его выборъ, если нѣптъ новоприбывшихъ.

При опѣздѣ моемъ изъ Персіи у Фешъ-Али-Шаха было чрезвычайное множеспво дѣшей, именно шестьдесятъ четыре сына и сто двадцать пять дочерей. Сверхъ того многія изъ женъ его были беременны, только числа ихъ досповѣрно я не могъ узнаптъ. Персіяне никогда не говоряптъ о женахъ своихъ, а еще менѣе о дочеряхъ; такопо рода вопросъ для нихъ всего непріяпнѣе. Они счипаюптъ нѣкопорымъ образомъ за спыдѣ имѣптъ дочерей, и сколько гордяпся, когда жена родиптъ имъ сына, споль же бываюптъ печальны при рожденіи дочери. Въ послѣднемъ случаѣ о новорожденномъ почпи и

не сказываюптъ; но если родится сынъ, по спѣшашъ сняптъ у опца шапку съ головы говоря: » да будетъ здорова голова пвоя: у тебѣ родился сынъ. « Плапье, на немъ находящееся при семъ случаѣ, принадлежиптъ пому, кто принесетъ такое радоспное извѣспіе, и должно выкупиптъ его значипельной суммой.

Всѣ сыновья Шаха, за исключеніемъ чепырепъ или пѣпп, почти однихъ лѣптъ. На большомъ смопрѣ войскъ въ Адербиджанѣ я самъ видѣлъ тридцать шесть сыновей его, ѣхавшихъ за нимъ верьхами. Такое зрѣлище было весьма великолѣпно, ибо сін Принцы сами прекрасные муцины, и всѣ болѣе или менѣе схожи съ опцомъ своимъ и другъ съ другомъ.

Сыновья Шаха живуптъ въ гаремѣ до двѣнадцати или тринадцатиплѣпняго возраста; въ эпп лѣпа каждому даюптъ провинцію или городъ, доходы съ коего идуптъ для его содержания. Ихъ женяптъ въ ранней молодоспи; даюптъ иногда и прежде жениптъбы молодыхъ невольницъ, съ коими они живуптъ, пока опець назначиптъ имъ пу, копорую Шахъ опредѣлилъ для нихъ въ законныя жены.

Шахъ выдаетъ дочерей своихъ за вельможъ своего двора, копорые однакожъ мало льспяптся эппой честью, ибо приданаго за ними не даешя, а для молодой жены должно выпспроитъ большой домъ. Супруги Шаховыхъ дочерей

почти всегда весьма несчастливы; они не могутъ имѣть ни другихъ женъ, ни молодыхъ невольницъ. Они обязаны оказывать своей супругѣ-повелительницѣ почти рабское почтеніе, и если чѣмъ-либо прогнѣвають ее, то она имѣетъ право наказывать ихъ такъ же строго, какъ и всякаго другаго Персіянина.

Фетъ-Али-Шахъ чрезвычайно бережливъ и скупъ; по видимому его первое удовольствіе состоятъ въ томъ, чпобы копить сокровища. Ни въ какой странѣ челоѣкъ не бываетъ вынужденъ дѣлать такое множество подарковъ, какъ въ Персіи; при каждомъ случаѣ должно дарить, и никакъ не изъемлется изъ сей обязанности. Самъ Шахъ въ извѣстныхъ случаяхъ бываетъ принужденъ дѣлать подарки, дабы не поступить вопреки обычаямъ; но подарки его бываютъ всегда такъ бѣдны, чпо въ Тегеранѣ они вошли въ пословицу, и когда говорятъ о чемъ-либо маломъ, презрительномъ, то сравнивають съ подаркомъ Шаха.

Выше сказано, чпо Фетъ-Али былъ нѣкогда очень хорошъ собою, и нынѣ еще видны слѣды красоты его; особенно борода, по причинѣ своей длины и густоты, служила предметомъ вдохновенія многимъ Персидскимъ поэтамъ. Она прекраснаго чернаго цвѣта, и когда Шахъ сидитъ, низпадаетъ волнами до колѣнъ; онъ весьма щцапельно хохлитъ ее и вообще

употребляетъ много времени на свой шуалетъ. Одѣяніе его исполнено необыкновенной роскоши и великолѣпія. Онъ спраспно любитъ торжественныя церемоніи и этикетъ; при дворѣ его, въ эпоху опношеніи, наблюдается величайшая строгость. Онъ гордился своими сыновьями, хотя каждому извѣстно, что всѣхъ болѣе любитъ Аббаса-Мирзу.

При томъ Фетъ-Али въ своемъ государствѣ принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ и умнѣйшихъ людей; оспроуміе его' особенно видно изъ его насмѣшекъ и сапирь. Прежде всшупленія своего на пресполь, будучи еще губернапоромъ Ширазскимъ, посвящаль онъ спихотворспву и другимъ ученымъ заняпіямъ цѣлые дни. Опъ него еспъ нѣсколько уважаемыхъ сочиненій и множесство спихотвореній въ родѣ Сади и Гафица: сихъ поэповъ, кажешся, взялъ онъ себѣ за образецъ.

(Blätter' aus der Gegenwart.)

IV.

О

ЗАПИСКАХЪ ШАТОБРИАНА.

(Жюль-Жаненя.)

Въ общемъ предисловіи къ полному изданію своихъ сочиненій, Г. Шатобрианъ изъясняется слѣдующимъ образомъ о своихъ Запискахъ: » Я
» вознамѣрился соспавити Записки моей жизни
» жизни исполненной превогъ. Я много разъ пу-
» пешествовалъ по морямъ, жилъ въ хижинахъ
» дикарей и царскихъ дворцахъ, среди шума во-
» еннаго и въ мирной тишинѣ гражданской.
» Я былъ пупникомъ на поляхъ Греціи,
» пилигримомъ въ Іерусалимъ; посѣщаль вся-
» кія развалины; пережилъ царствованіе Лю-
» довика XVI и Имперію Наполеона; раздѣ-
» лялъ изгнаніе Бурбоновъ и предрекъ ихъ
» возвращеніе. Къ судьбѣ моей, кажется,

» прикрѣплены двѣ гири, копорыя перепягивая
 » другъ друга, попеременно по возносятъ ее,
 » по низпровергающъ: меня беруптъ, опшвер-
 » гающъ, и беруптъ снова; нынѣ грабятъ, зав-
 » пра накидываютъ на плеча мои манпю,
 » дабы опнятъ ее впорично. Привыкнувъ къ
 » симъ преврапноспямъ, въ какой бы приспани
 » ни находился, я все почиаю себя мореплавапе-
 » лемъ, копорый скоро опятъ долженъ предапъ-
 » ся волнамъ, а попому на землѣ нигдѣ не вод-
 » воряюсь для поспояннаго жипельспва. Двухъ
 » часовъ было мнѣ доспапочно, чпобы опсавипъ
 » минисперспво и сдптъ ключи кварпиры мо-
 » ей пому, кпо занялъ ее послѣ меня. «

» Не знаю, хвалипся ли или сожалѣтъ
 » о помъ, чпо большая часпъ современныхъ мнѣ
 » сочиненій, носятъ на себѣ колориптъ моего слога.
 » Въ печеніе двадцапи пяпи лѣтъ имя мое не-
 » разлучно со всѣми переменами общеспвеннаго
 » порядка; оно записано въ лѣпописяхъ царспво-
 » ванія Бонапартова, на алпаряхъ возспановлен-
 » ной вновъ религій, неразлучно съ воспоминапія-
 » ми о возсозданіи законной монархіи. Одни
 » опшвергающъ лично меня, но проповѣдываютъ
 » мое ученіе; хвапающся за мою полипику, вы-
 » ворачивая ее на изнанку; другимъ я былъ бы
 » подъ спашъ, если бы согласился опказапъсь опъ
 » моихъ правилъ. Самыя важныя дѣла были у

» меня въ рукахъ; я былъ знакомъ почти со
» всѣми царспвенными особами, миниспрами и
» вообще людьми, игравшими какую-либо роль
» въ мое время. Въ началѣ поприща моего, я пред-
» спавлялся Людовику XVI, видѣлъ Вашинг-
» тона; и что же вижу къ концу моей жизни!
» Часпо Бонапарть грозилъ мнѣ своимъ гнѣвомъ
» и могуществомъ; однакожь какая-то пани-
» спвенная склонность влекла его ко мнѣ, равно
» какъ и я, съ моей стороны, чувспвовалъ не-
» вольное удивленіе ко всему, что въ немъ было
» испинно великаго. Если бы я пожелалъ, то
» могъ бы все получить въ его царспвованіе;
» но для успѣха въ помъ мнѣ не доспавало
» одной спраспи и одного порока: любочеспія
» и лицемѣрства. «

»Такого рода превратности, преслѣдовавшія ме-
» ня почти съ самая несчастнаго моего дѣпспва,
» сообщать, можетъ быть, нѣкопоруо занима-
» тельность моимъ Запискамъ. Сочиненія, мною
» изданныя, суть нѣкопорымъ образомъ докумен-
» ты, свидѣтельствующіе о справедливости по-
» го, что я говорю въ сихъ Запискахъ. Изъ моихъ
» сочиненій читатель заранее узнаеть, что я
» былъ, ибо онѣ объемлютъ всю жизнь мою. Лю-
» бители такого рода изученій сравнятъ сочинен-
» ное мною въ молодости съ пѣмъ, что я сочи-
» нилъ, когда занималъ разныя должности. Въ ша-

» нихъ сравненіяхъ дѣйствій человѣческаго ума
» всегда бываетъ много поучительнаго. «

Такъ говоритъ о своихъ Запискахъ величайшій писатель и поэтъ нашего вѣка. Сія спрочи, могуція служилъ предисловіемъ къ эпимъ Запискамъ, дають вамъ о нихъ пѣмъ высшее понятіе, чѣмъ съ большей проспопой и скромностью является въ нихъ авторъ. Дѣйствительно, ни кто изъ современниковъ не изображаетъ собою лучше Г. Шапобріана эпу эпоху, соединяющую въ себѣ и республику и имперію и монархію. Онъ величайшій человекъ по духу, по слогу, по поэзіи, по чувствованіямъ сердца; не говорю, по гению: въ эпомъ отношеніи, въ нашемъ вѣкѣ, занимаетъ онъ второе мѣсто, первое оспается неоспоримо за Бонапарпомъ. Но Бонапартъ не писалъ своихъ Записокъ. Опъ него оспалось намъ только нѣсколько словъ, сказанныхъ на его скалъ; припомъ онъ былъ слишкомъ обезпеченъ на эпомъ счетъ: его жизнь записана во всей Европѣ желѣзомъ, огнемъ, шумомъ побѣдъ; славою: его жизнь вездѣ. До сихъ поръ жизнь Г. Шапобріана вся заключается въ его твореніяхъ; только въ нихъ надо искать ее. Кто умѣетъ понимать сіи великія книги, въ коихъ дѣлается, такъ сказаль, смопрь всему человѣчеству, опъ того не ускользнетъ ни малѣйшее обстоятельство изъ жизни писателя. Онъ весь тамъ. Здѣсь вы найдете, если умѣете искать, и путешесп-

венника, и скептика, и вѣрующаго, и поэта, и философа, и христіанина, и Француза, и роляссіа, и дворянина, и гражданина, и воина, и испорика, и мужа пвердаго во дни смятеній, и вѣрноподданнаго, защищающаго своихъ владыкъ въ злополучіи, и министра, подающаго совѣпы царямъ всемоцнымъ; здѣсь увидите вы юношу, найдете и спарца; спрапси, удовольствія, мечпы, надежды, опчаяніе, сны лѣпней ночи, душа, умъ, сердце, весь чедовѣкъ, весь поэтъ заключенъ въ пвореніяхъ Г. Шатобріана, который прекрасно и весьма справедливо сказалъ: *»Мои творенія суть документы, свидѣтельствующія о справедливости того, что я говорю въ моихъ Запискахъ. Изъ моихъ сочиненій читатель заранѣе узнаетъ, что я былъ; ибо онъ объемяютъ всю жизнь мою. И мы давно уже думали собрать Записки Г. Шатобріана, разсѣяныя въ двадцати двухъ томахъ сочиненій его in 8^о; ибо знали заранѣе, что можемъ найпи много поучительнаго въ этихъ анализахъ ума чедовѣческаго—и какого ума!*

Вдругъ весь липературный міръ пришелъ въ движеніе, услышавъ новоспѣ, что Г. Шатобріанъ окончилъ Записки своей жизни! Скажемъ болѣе: великій поэтъ уже чипаептъ сіи Записки въ Аббе-о-Буа, предъ глазами Гжи Рекамье, эпой умной и доспойной женщины, чудесное воспоминаніе о

кочей сливается со всѣми нашими поэпическими воспоминаніями въ печеніе слишкомъ двадцати лѣтъ. Онъ рѣшилъ уже, что Записки сіи выдутъ въ свѣтъ не иначе, какъ по смерти его; однакожь желалъ прежде еще вызвать изъ безднъ минувшаго воспоминанія своей великой и прекрасной жизни, дабы удостовѣриться предъ свидѣтелями, всегда ли онъ былъ вѣренъ двумъ владычествующимъ чувствованіямъ своего сердца: любви къ святой религіи и искренней привязанности къ общественному благу. А потому пригласилъ на сіе блистательное пиршество ума друзей своихъ, молодыхъ и старыхъ, обнажилъ предъ ними свою душу и сердце; прочелъ имъ исповѣдь своей жизни. Г. Шапобріанъ шелъ впереди девятнадцатаго вѣка, начавшагося имъ попочасъ, какъ скоро оснадцатый заключился Жан-Жакомъ Руссо. Какая испорія, какая біографія! Въ такомъ прудѣ изнемогъ бы и Плуархъ. Какой испорикъ и для какого героя! Какой писатель и для какой испоріи! Имѣете ли вы понятіе о біографіи, коей *Духъ Христіанства* и *Мугеники* суть полько опривки и *простые документы!*

И вопъ уже двѣ недѣли, какъ Г. Шапобріанъ началъ чпеніе своихъ Записокъ. Зависпливья врапа Аббе-о-Буа смыкались за авпоромъ и его слушателями; изъ завѣшной ограды, споль

сильно попрясенной симъ чпеніемъ, не раздалось ни одного звука, ни одного голоса, не подано ни малѣйшаго знака жизни; вѣпхія спѣны сохранили глубокое безмолвіе; и о семь судѣ нашего времени, произнесенномъ съ такою высоты, такимъ чловѣкомъ, о сихъ послѣднихъ словахъ, запечаплѣнныхъ поржеспвенной печашью могилы, о семь липературномъ завѣщаніи Г. Шатобріана, ни Франція, ни Парижъ, ни Европа не знаютъ еще ничего. Г. Шатобріанъ чипаль двѣ недѣли новую книгу, въ коей самъ играепъ главную роль, и ничего изъ эпои книги не дошло до публики! Но могло ли не достигнуть до насъ эхо сего могучаго гласа? Г. Шатобріанъ не долженъ былъ ожидать такою чуда!

Нѣпъ, эпого не будепъ! Не скажутъ, чпобы спѣны Аббе-о-Буа были до такою степени нѣмы, чпо не могли выдать хопя нѣсколька изъ слышанныхъ ими словъ; не скажутъ, чпо мы, соспавляющіе полпу, не нашли средспва убѣдипъ эпихъ избранниковъ подѣлипся съ нами чувспвованіями, возбужденными въ нихъ такимъ чпеніемъ! И почему успупапъ намъ исключипельно такою свяпое право симъ счаспливцамъ? Кпю изъ нихъ болѣе насъ преданъ Г. Шатобріану? Могупъ ли они болѣе насъ удивляпся его генію? болѣе насъ

любилъ его душу? болѣе насъ дорожилъ его славой? Счастье несправедливо поспуило, до-спавивъ имъ первымъ случай насладиться сею драгоценною довѣренностью. Они у Гжи Рекамье, они вмѣстѣ съ Г. Шапобрианомъ, они слышатъ его голосъ, внимаютъ прежде всѣхъ повѣспованію сей великой и чудесной жизни, тѣсно связанной со всѣми славнѣйшими именами Европы: все пакъ; но развѣ опсиода слѣдуетъ, что мы не имѣемъ права споятъ у воропъ Аббе-о-Буа, подслушивать нѣкопорые вырывающіеся оппо-лѣ звуки; смопрѣпъ, какъ въ часъ полночи, расходяпся восхищенные слушапели, уловляпъ несвязныя изъявленія ихъ воспора, внимапъ издали, какъ они повѣряютъ свое удивленіе завывающему въпру, текущей водѣ, звѣздамъ на небѣ блестящимъ? Имѣвъ счастье схвапипъ малѣйшій опблескъ славы, о копорой разска-зывается тамъ съ пакой скромностью, съ па-кимъ геніальнымъ искусствомъ, почему мы, не связанные ни какимъ обѣщаніемъ, не осмѣлимся разсказать того, что напередъ знаемъ? Почему не подѣлимся нашей добычей со всѣми современными липпиперапорами? Г. Шапобрианъ безъ насъ чипаль свои Записки; это правда, но мы сполько ихъ знаемъ, что можемъ говорить объ нихъ. Мы слышали о сихъ Запискахъ и оппъ людей хладнокровныхъ, и оппъ поэповъ, оппъ всѣхъ присуспствовавшихъ при чпеніи;

слышали сполько, что при помощи сихъ опдѣльныхъ извѣспій, особенно же при помощи сочиненій Г. Шапобриана, надѣмся быть въ соспояннїи воспроизвеспъ нѣсколько мѣспъ изъ сего великаго неизданнаго пворенія, памяпника болѣе прочнаго, чѣмъ бронза и золото, оставляемаго авпоромъ по смерпи, дабы служипъ для него надгробнымъ словомъ, эпипафіею и гробницей.

Легко поняпъ, какое впечатлѣнїе должны были произвеспи первыя слова Записокъ Г. Шапобриана: *Завѣщательное Предисловіе* *. Непреложна послѣдняя воля авпора, чпобы Записки его были напечатаны не иначе, какъ по его смерпи. Съ нихъ имѣюпся полько двѣ копїи: одна находипся у Гжи Шапобрианъ, другая у Гжи Рекамье. Говоряптъ, чпю Англїйскїе спекулапоры купили уже эпн Записки по 25,000 франковъ за помъ. Какъ эпю прискорбно! Англичане будуптъ издаваптъ сочиненїе величайшаго нашего писателя! издаваптъ Записки, коихъ непергъливая публика не смѣептъ и желаптъ, пакъ жеспоко условїе, съ копорымъ авпоръ соглашаепся издапъ сїю послѣднюю книгу свою! И онъ самъ улыбаепся при сихъ печальныхъ мысляхъ, присуспствуетъ,

* Въ ближайпшихъ книжкахъ *Телескопа* надѣмся помѣспипъ сїе *Предисловіе*, которое Г. Шапобрианъ, по усиленной просьбѣ препроводилъ недавно къ директору журнада: *Revue des deux Mondes*, Изд.

живой, при чтеніи погo, что должно явиться, когда его не будетъ; внемлетъ словамъ, копорья для насъ будущъ изхoдитъ уже изъ его могилы! Таково было дѣйствіе перваго вечера! Впрочемъ первая книга вся посвящена умершимъ предкамъ поэта и оцу его, также давно уже не существующему. Это старинная дворянская фамилия, коей небогатые, но гордые члены никогда не являлись ко двору Людовика XIV. Одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ лицъ сей фамилии, былъ отецъ Г. Шапобриана. Онъ былъ бѣденъ, подобно своимъ предкамъ; оспался въ мѣрѣ одинъ, только съ матерью. Однажды, когда ему едва было пятнадцать лѣтъ, спалъ онъ на колѣни предъ постелью эпой старой больной матери, прося у ней благословенія: его намѣреніе было ѣхать искать счастья. Мать благословила его. Онъ отправился въ Сен-Малона корабль; былъ два раза взятъ въ плѣнъ и уходилъ два раза. Возвратясь въ послѣдній разъ въ Сен-Мало, онъ женился на благородной дѣвицѣ, отъ копорой имѣлъ многихъ дѣтей; изъ нихъ Г. Шапобрианъ и сестра его Люсилія были младшіе; ихъ воспитывали въ замкѣ Комбургъ, издревле принадлежавшемъ фамилии Шапобрианъ, выкупленномъ его отцомъ.

Вы уже знаете замокъ Комбургъ; въ *Рене* вы видѣли его опустошеннымъ, оставленнымъ на

всегда. »Я въѣхалъ въ замокъ по длинной соеновой аллеѣ, прошелъ пѣшкомъ чрезъ опуспѣвшіе дворы, оспановился поглядѣшь на закрыпья или полуразбитыя окна, на волчець распущій вокругъ спѣнь, на липья, коими были усяяны осиропѣвшія крыльца, гдѣ я пакъ часпо видалъ опца моего и его вѣрныхъ слугъ. Мраморы поросли мохомъ; между ихъ разсѣвшимися, дрожащими плипами росъ желпый левкой; незнакомый спорожь опворилъ мнѣ двери. «

» Закрывъ на минупу плапкомъ глаза, вошелъ я подъ кровъ родипельской; обошелъ всѣ комнапы: онѣ были пуспы, въ нихъ полько раздавался звукъ шаговъ моихъ; черезъ закрыпья спавни едва проникалъ слабый свѣпъ. Я посѣпилъ шу комнапу, гдѣ кончила жизнь мапъ моя, шу, куда уединялся опецъ мой, шу, гдѣ я спалъ въ колыбели, шу, наконецъ, гдѣ наслаждался съ сеспрою измѣніями дѣпской дружбы. Обои вездѣ свѣсились, по заброшеннымъ карнизамъ расселились пауки. Поспѣшно, большими шагами, удалился я изъ сихъ мѣспъ, не смѣя оглянупься. Какъ сладки, но какъ быспролетны мгновенія, проводимыя брапьями и сеспрами въ сообщеспвѣ ихъ спарыхъ родипелей! «

Если бы Г. Шатобрианъ въ своихъ Запискахъ и не описывалъ своей юности, то описаніе ея можно

бы было всегда найпи въ *Рене*: » Нравъ мой былъ пылокъ, характеръ неровенъ; по веселый и шумный, по молчаливый и грустный; я собиралъ вокругъ себя юныхъ поварищей, и вдругъ покидалъ ихъ, чпобы смотрѣть на мимолетное облачко, слушаешь шумъ дождя, падающаго на листьа. «

Авторъ слегка полько описываетъ въ *Рене*, но подробно изображаетъ въ *Запискахъ* почтеніе, смѣшанное съ ужасомъ, которое внушалъ ему отецъ его. Сей послѣдній отличался высокимъ ростомъ, имѣлъ мрачное и спроее лице, былъ величественъ во всѣхъ движеніяхъ; шаги его гремѣли, голосъ раздавался поржественно, взоръ сверкалъ. Днемъ молодой Франсуа Шапобрианъ лучше соглашался дѣлать большой обходъ, чѣмъ проходить предъ глазами отца своего; при наступленіи ночи, вся семья собиралась въ обширной залѣ пустыннаго замка, *лежащаго среди льсовъ, въ странѣ удаленной*; мать и двое младшихъ дѣтей ѣлились вокругъ камина; отецъ, завернувшись въ плащъ, разхаживалъ не говоря ни слова. По мѣрѣ того, какъ отецъ и повелитель ихъ удалялся отъ угла, гдѣ жались мать и дѣти, разговоръ спановился живѣе; чѣмъ слабѣе слышались шаги его, тѣмъ сильнѣе раздавались дѣтскіе голоса; но вдругъ спарый Графъ оборачивался, возвращаясь отъ двери къ

камину, погда и разговоръ заминался; чѣмъ ближе онъ подходилъ, пѣмъ нише раздавались голоса. Иногда онъ оспанавливался предъ каминномъ: не слышно было звука; погда спрашивалъ онъ своимъ суровымъ голосомъ: *о чель рльъ?* опвѣпомъ служило глубочайшее молчаніе; онъ снова начиналъ ходипь; и вечеръ проходилъ попеременно, въ сихъ крапкихъ разговорахъ и въ безмолвной пишинѣ.

Въ одиннадцатъ часовъ спарый Графъ удалялся на верхъ въ свою комнапу, но внизу все еще прислушивались къ его движеніямъ; онъ разжаживалъ еще долго, попрысая шагами пополокъ. Попомъ все упихало, и погда мапъ, брапъ и сепра радостно восклицали; дѣпи предавались разнымъ играмъ, или, чпо еще болѣе забавляло ихъ, рассказывали другъ другу разныя повѣсти о мерпвецахъ. Г. Шапобріанъ приводитъ въ своихъ Запискахъ одну изъ сихъ повѣстей, копорая будетъ нѣкогда выставляться образцемъ повѣствовательнаго слога.

Вопъ кой-чпо изъ этой повѣсти, вопъ блѣдный скелепъ мерпвеца Шапобріанова.

Однажды, въ полночь, посшучались у дверей кельи одного монаха; звали его жалобнымъ голосомъ. Монахъ не рѣшался выдпи, но наконецъ вспалъ и опшеръ дверь: эпо былъ спранспву-

ющій богомолецъ; онъ проситъ гостепріимства. Монахъ далъ ему постело, а самъ легъ снова на свою. Но едва заснулъ онъ, какъ богомолецъ подошелъ къ его постели и знакомъ приглашалъ слѣдовать за нимъ. Отправляющіеся вмѣстѣ, входящъ въ церковь; двери сами собою отворились передъ ними и затворились опять, когда они вошли. Священникъ, стоя предъ алтаремъ, совершалъ святыя тайны. Они подходящъ къ алтарю; богомолецъ снялъ капишонъ; предъ монахомъ открылась мертвая голова. » Ты далъ мнѣ мѣсто у себя! » сказалъ богомолецъ: » и я даю тебѣ въ свою очередь мѣсто въ моемъ гробѣ. «

Вы понимаете, сколько здѣсь было плѣнительныхъ ужасовъ: какъ сестра прижималась къ брату, братъ къ сестрѣ? Ничто не можетъ быть прорагательнѣе описанія, которое дѣлаетъ Г. Шапобріанъ о сей юной, прекрасной, остроумной сестрѣ, Люсиліи. Вмѣстѣ съ нею провелъ онъ все дѣтство свое; раздѣлялъ всѣ печали, всѣ удовольствія.

» Въ присутствіи отца моего я былъ робокъ, исполненъ принужденности; только съ сестрою было мнѣ весело, свободно. Меня тѣсно сдружило съ пей сходство нравовъ и вкусовъ; она была не много старше меня. Мы любили взбираться вмѣстѣ на высоты, бродить по лѣ-

самъ; какимъ блаженствомъ наполняетъ душу мою воспоминаніе о сихъ прогулкахъ! Мечпы дѣлспва и родины, ушрапипе ли вы когда нибудь очарованіе ваше! «

» То шли мы молча, прислушиваясь къ завываніямъ осенняго вѣпра, или печальному шуму сухихъ лиспьевъ, попираемыхъ нашими ногами; подѣпскими невинными взорами слѣдили полепъ ласпочки по лугу; по смопрѣли на радугу, сіявшую надъ осяненнымъ дождевыми каплями холмомъ; иногда чипали спихи, внушаемые намъ зрѣлищемъ природы. «

» Оба были мы нѣсколько склонны къ унылости; эпо былъ даръ Божій, или, можетъ быть, наслѣдіе нашей мапери. «

Опсюда вы уже видипе, каковъ былъ ребенокъ; по ребенку судипе объ ученикѣ. Будучи мечпапелемъ и поэпомъ, онъ учился нерадиво, когда ему вздумается: скучалъ школою, и въ школъ, какъ въ домъ родипельскомъ, сокращалъ въ объапяхъ дружбы часы, казавшіеся ему слишкомъ долгими. Молодой Франсуа Шатобріанъ воспитывался въ Реннской школъ; памъ изучалъ онъ, сколько могъ изучашъ, ариомепику Безу и, какъ пропивоядіе ей, чипалъ *Горація* и *Исповѣдь Святаго Августина*: эпо были два новые друга, найденные

имъ въ школѣ. Какъ прелестно изложены Г. Шапобрианомъ его школьныя воспоминанія: въ нихъ сохранена свѣжесть и дѣтская проспекпа первыхъ книгъ *Исповѣди Ж. Ж. Руссо*. Онъ помнитъ малѣйшія подробности первыхъ лѣтъ своихъ, оплакиваетъ умершихъ поварихъ, между прочимъ друга своего Режиля, Вандейца, окончившаго жизнь въ Киберонѣ. Эпопъ бѣдный Режиль былъ въ плѣну у Синихъ на честное слово; при наспуленіи ночи, онъ бросился вплавъ на одинъ Англійскій корабль, крейсировавшій у береговъ, дабы дать ему знать, чпобъ онъ не приближался. Предостереженные Англичане хотѣли увезти его съ собою; но Режиль, вѣрный слову своему, бросается опять вплавъ, достигая роковаго Киберона, гдѣ на другой же день былъ разспрѣлянь, восклицая: *да здравствуетъ Король!* Бѣдный Режиль! Онъ имѣлъ полное право не сдержатъ своего слова: какую прибыль получили Синіе изъ одного лишняго трупа!

Воспоминанія Г. Шапобриана о Реннской школѣ ограничиваются только эпимъ: всѣ или почти всѣ соученики его уже умерли. Изъ приключеній, имъ рассказываемыхъ, вопъ самое забавное:

Ученикамъ строго запрещалось разорятъ ипичь гнѣзда. Гуляя однажды, дѣти увидѣли на

верхушкѣ весьма высокаго дерева сорочье гнѣздо: сорока сперегла его. Какъ достигнуть къ этому запрещенному, но такъ завидному гнѣзду? Дѣти указываютъ его другъ другу и взорами и движеніями. Кто взлѣзетъ первый? Ты Луи? Ты Викпоръ? Ты Франсуа? — Я, сказалъ Франсуа, увидя, что другіе не рѣшаются; я! — Онъ поспѣшь полѣзъ; слышатъ, какъ внизу удивляюся ему; лѣзетъ далѣе. Наконецъ достигаетъ гнѣзда; бѣдная сорока улепаетъ съ горестию; маленькой Франсуа опускаетъ руку въ гнѣздо. Ппичекъ нѣтъ, но есть яйца, лежація на мягкомъ пуху еще пепленькія. Не желая слѣзъ съ пуспыми руками, онъ беретъ яйца, кладетъ ихъ за пазуху и начинаетъ спускайся; но вѣторичный пупъ представлялъ болѣе запрудненій, чѣмъ первый удобствъ: сучья гнулись, ломаюся; ноги Франсуа скользятъ; онъ изцарапалъ себѣ и лице и руки, однако достигъ наконецъ кой-какъ мѣста, гдѣ дерево, раздвоясь, представляло какъ бы вилу, на которую онъ сѣлъ верхомъ отдохнувъ.

Сидя такимъ образомъ, вдругъ слышатъ: »учитель! учитель!« И дѣйствительно учитель показался издали; всѣ бросились прочь, какъ сорока, а Франсуа Шапобріанъ остался верхомъ на деревѣ. Одинъ только ученикъ не опошелъ отъ дерева: »Спасайся, Франсуа! Слѣзай скорѣй съ дерева! Обхвати его и спустись скользкомъ!«

Быть можетъ эпопѣ вѣрный поварищъ былъ пошъ самый добрый Режилъ! Бѣдный Режилъ!

Франсуа пакъ и сдѣлалъ. Онъ обхвапилъ дерево обѣими руками и спустился по жесткой корѣ; пакимъ образомъ доспигъ земли, хопя нѣсколько исцарапавшись, но что за бѣда? Учитель не видалъ. Бѣжитъ опять къ поварищамъ; но учитель, увидѣвъ его, вперилъ взоры свои къ нему на грудь. О отчаяніе! о непредвидѣнный случай! Яица, проклятыя яица раздавились у Франсуа за пазухой; цвѣтъ жилета его измѣнился; сорока опмщена, яица вошюпъ объ опмщеніи. Учитель, грубый Брепонецъ, объявилъ Франсуа Шапобріану, что его высѣкупъ. Возвращающа въ школу; вы можете себѣ представить, какъ грустно было это шествіе.

Едва пришли, какъ учитель приказалъ позвать Шапобріана въ свою комнату для наказанія. Тогда маленькой Франсуа, съ спѣшеннымъ сердцемъ, съ слезами на глазахъ, съ сложенными руками, просить, умоляетъ, чтобъ его избавили отъ позора, а наказали какъ нибудь иначе: чтобъ посадили въ карцеръ, на хлѣбъ да на воду, заставили наизусть выучить двѣсни стиховъ изъ Горачія. Тщепныя усилія! Учитель сказалъ: Франсуа долженъ быть высѣченъ! Вопль онъ приближается къ нему съ розгами; но Франсуа, видя неуспѣшность просьбы, пош-

часъ принимаепть свои мѣры, какъ дворянинъ: онъ спалъ къ спѣнѣ, началъ обороняпьяся ногами и руками, кусалъ, билъ, кричалъ, царапалъ, убѣжалъ, спряпался подъ кровать, за мебели; молодой левъ не лучше бы защищался. Наконецъ онъ побѣдилъ своей пвердостью; эта побѣда была и лучше и непорочнѣе той, которую одержалъ Руссо въ подобномъ же случаѣ.

Такимъ образомъ провелъ онъ десяти мѣсяцовъ, по въ ученьи, по въ прогулкахъ, предаваясь попеременно задумчивости и гнѣву, учась когда вздумается на единѣ, уже мечтая и соспавляя эту искусную и звучную фразу, которая можетъ бытъ споить болѣе, чѣмъ всякая поэзія, присупствіе коей онъ уже сознавалъ въ душѣ своей, которую въ послѣдствіи обрѣлъ первый, одинъ самъ собою, къ величайшему изумленію Франціи. По испеченіи сихъ десяти мѣсяцовъ, воропился онъ въ Комбургъ; воропился вновь къ старому замку, омываемому моремъ, вновь въ объятія мащери; воропился опять пренепать предъ опцемъ, разговаривать съ сестрой, работать вмѣстѣ съ нею и внимать смѣшанному шуму лѣса и моря. Попомъ неожиданно послали его уже не въ школу, а въ полкъ; вчера былъ онъ ученикомъ, нынѣ сдѣлался солдатомъ, полнымъ солдатомъ, упражняющимся въ экзерциціяхъ.—Разъ, два!—Разъ, два!—

Съ плеча! — Опъь ноги! — не было только слова пали! — Когда онъ выучился дѣлать ружьемъ, маршировать, чиспить аммуницію, его повысили, сдѣлали капраломъ, попомъ сержанпомъ, наконецъ подпоручикомъ — вопъь какъ! Тогда ужъ ему пришлось учить другихъ. Разъ, два; на лѣво, на право; спой, смирно; впередъ, маршь; опъь ноги, на плечо! Все это происходило въ Діэптѣ, въ гарнизонѣ коего служилъ Шапобріанъ; берега моря служили ему полемъ бипвы. Такимъ образомъ, говоря словами его полковника, онъ сдѣлался скоро *совершеннымъ офицеромъ*.

Когда кончилось это новое воспитаніе молодого Шапобріана, а оно кончилось очень скоро, опецъ послалъ его въ Парижъ искать счастья. И такъ онъ впорично проспился съ замкомъ Комбургъ, маперью и сеспрою; попомъ опправился въ публичномъ экипажѣ; сопутницей ему до самага Парижа была одна дама. Но пусть, какъ говоритъ Г. Шапобріанъ, расскажем объ этомъ самыа его Записки.

» Я видѣлъ послѣ того Комбургъ только три раза: при смерпи опца моего, вся фамилія собралась въ замкъ, дабы проспиться навсегда. Черезъ два года попомъ, ѣздилъ я въ Комбургъ съ маперью моею; она хотѣла меблировать спарый замкъ; братъ мой хотѣлъ пуда приѣхать

съ женой своей; но браць мой не увидѣлъ уже Брепани и вскорѣ окончилъ жизнь на эша-фопѣ, вмѣстѣ съ молодой женой *, для ко-порой мать наша приготоовляла брачное ложе; наконецъ я посѣщамъ еще разъ Комбургъ, оп-правляясь въ Америку.»

» Послѣ шестнадцатилѣтняго опсупствія, собираясь оставитъ опечество, дабы посѣпитъ Грецію, ѣздилъ я въ Брепанъ прощаться съ уцѣлѣвшими еще членами моего семейства; но не имѣлъ духу побыватъ въ родипельскомъ жилищѣ. Тамъ я сдѣлался пѣмъ, чпо я пеперь; памъ собиралось семейство мое и оппуда разсѣялось. Изъ десятиперыхъ брашьевъ и сесперь, насъ оспа-лось только чѣпверо. Мать моя умерла опгъ горе-спи, праць опца моего разсѣянъ по вѣпру.»

» Если сочиненія мои переживутъ меня, если имя мое должно оспаться, то нѣкогда пупшесп-венникъ, руководимый сими Записками, оспано-новится, можепъ быпъ, на мѣспахъ, мною опи-санныхъ. Но пщепно будепъ онъ искапъ боль-шаго лѣса: его срубили; колыбель мечпаній мо-ихъ исчезла, какъ и самыя сіи мечпы. Только башня замка спойпъ одинокая на скалѣ, какъ буд-по оплакивая древніе дубы, защищавшіе ее опгъ

* Дѣвица Розамбо, внучка Г. Мальзерба: ее казнили вмѣстѣ съ мужемъ, въ попъ же самый день, какъ и знаменипаго дѣда ея.

бурь. И я остался одинокъ, подобно ей; семейство, украшавшее дни мои, покровительствовавшее мнѣ, также погибло. Но благодарю небо, жизнь моя не такъ прочно прикрѣплена къ землѣ, какъ башни, въ коихъ я провелъ мою молодость.»

Симъ окончивается первое и второе членіе Записокъ Г. Шатобріана.

(до слѣдующей книжки).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва. Марша 30 дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

СОВРЕМЕННАЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(продолженіе).

Пробѣжимъ, другъ мой, вмѣстѣ всю обласпъ воображенія, окинемъ однимъ взглядомъ всѣ поэпическія знаменпоспн Франціи, повпоримъ блиспапельныя и звучныя имена, копорыя въ продолженіе ппятнадцати послѣднихъ лѣтъ заняли мѣспо въ нашей испоріи: какое богапспво, какой блескъ, а особенно какое разнообразіе! Элегія, ода и сапира, кои досель, за исключеніемъ Ренье и Андрея Шенье, были у насъ только плодомъ липературныхъ досуговъ,

опголоскомъ болѣе или менѣе слабымъ двухъ древноспей, искуснымъ, но всего чаще бездушнымъ наборомъ идей, освященныхъ воспоминаніями Аѳинъ и Рима, нынѣ имѣютъ дословныхъ предспавипелей.

Первое имя, которое я хочу произнесъ, уже вижу на пвоихъ успахъ. Не разъ призывалъ пы его въ минувы липературныхъ напасей. Посреди мяпежныхъ бурь, сопровождавшихъ пупъ пвой, не разъ ввѣрлся пы водипельспиву сей лучезарной звѣзды, освѣщавшей первые шаги пвои. Между липературными счастливыми нашего времени, я знаю мало пакихъ, коихъ можнобъ было сравнить съ Ламарпиномъ. Мирнымъ величѣемъ своего генія онъ владычествуетъ надъ всѣми липературными распрями. По видимому, онъ ни сколько не заботился ни о поддѣльномъ возрожденіи лирической поэзіи въ XV вѣкѣ, ни о возобновленіи ея, болѣе важномъ и болѣе существенномъ, которое начало въ концѣ прошлаго столѣтія, у подножія эшафота, голосомъ слышномъ скоро принужденнымъ къ безмолвію. Ученый Ронзаръ, желавшій обэллинизировать всю Францію, и сладкогласная лира, коей дѣвица де Куаньи ввѣрила свое безсмертіе, не имѣли никакого вліянія на поэпическую судьбу Ламарпина. Счастливецъ пред-

избранный, онъ обязанъ одному себѣ обиліемъ и формою своихъ мыслей. Между первоклассными современными художниками, онъ опличается, знаешь ты самъ, поспоянно самопроизвольностью генія. Онъ не заимствуетъ ни у кого числа и мѣры своихъ періодовъ. Неиспощимыя подобія, изъ коихъ сопкалъ онъ ризу для своей фанпазіи, безпредѣльные горизонты, имъ открываемые, чудесныя перспективы величественныхъ ландшафтовъ, все принадлежитъ ему самому. Онъ не открылъ никому тайны своихъ дивныхъ вдохновеній. Можесть бытъ и самъ онъ не знаетъ источника испочника, гдѣ мечты его освѣжаются; не измѣняясь ни сколько. Мужъ чувствива и энтузіазма, онъ никогда не изучалъ самага себя. Никогда и не помышлялъ пребывать у себя опчета, за чѣмъ воображеніе его предпочло величественныя складки древней поги эпанчамъ и кольчугамъ временъ среднихъ. Если случалось ему рыпъся въ исторіи, то развѣ для того только, чпобъ пицать свою благочестивую грусть созерцаніемъ великихъ перевороповъ. Онъ не навѣдывался о костюмѣ и привычкахъ героевъ, коихъ читалъ жизнеописанія; но слѣдилъ внимательнымъ окомъ, совершеніе превѣчныхъ совѣщевъ промысла въ судьбахъ народовъ. Не искалъ въ хроникахъ спранныхъ анекдотовъ, ни развратныхъ сценъ, кои съ нѣ-

котораго времени служатъ особенною приманкою для поэтическихъ самолюбій.

Вещь удивительная въ нашемъ ученомъ и діалектическомъ вѣкѣ! Еслибъ всѣ книги погибли назадъ пому пятнадцать лѣтъ, Ламартинъ былъ бы не менѣ великимъ. Ученость, погребенная въ нашихъ библіотекахъ, не прибавила бы ни одной струны къ его лирѣ. Богъ, человекъ и природа: вопль вѣчная тема, которую онъ безпреспанно начинаеть, вопрошаеть и объясняеть ежечасно, разлагаеть и разнообразиеть ежеминушно; къ сей обширной и величественной прилогіи сводитъ онъ всѣ свои думы. То вопрошаеть у міра пайны вѣчныхъ совѣповъ промысла, по пыпаеться разрѣшитъ загадку пворенія упованіями своего сердца. . . Или, въ минушны выспренѣйшихъ сѣпованій, упоменный собою и міромъ, обращаеться къ самому Богу и ему предлагаеть нерѣшимую задачу: куда идетъ міръ? куда идушь люди?

По глубинѣ своихъ ощущеній, по пихому, ясному спокойствію своихъ идей, Ламартинъ принадлежитъ христіанству. По еспеспвенному и вмѣспѣ божественному порыву своего генія, по чиспосердечному и рѣшительному невѣденію, или лучше по кропкому успокоенію во глубинѣ самосозерцающаго сознанія, онъ прикасаеться къ первобытнымъ временамъ древней поэзіи.

Послѣ Ламарпина, еспь другое имя, которое искусству и поэзіи почпи еполькожь любезно, имя, прославившееся перпѣливою разборчивоспью въ изобрѣненіи, изящною, сладоспною граціею; проицапельною понкоспью, какимъ-по привле-капельнымъ и цѣломудреннымъ кокепспвомъ. Ты знаешь эпо имя, знаешь Алфреда де Виньи, коего первые опыпы современны пвоимъ. Онъ опмѣпилъ себѣ мѣспо въ испоріи современной липерапуры съ заботливоспью, ко-порой никпо похулипы не можепы. Если къ удивленію, имъ возбуждаемому, примѣшиваепся иногда груспное чувспво, если не разъ случа-лось намъ желать доспойной ееспры для его божеспвенной *Элои*, если въ нашемъ благого-вѣйномъ энтузіазмѣ къ поэпу мы журили его, что онъ слишкомъ скупъ на свои произведенія, какая бѣда въ помѣ! Развѣ числомъ жемчужинъ опредѣляется красапа ожерелья? Поэпъ еще молодъ, онъ имѣепъ предъ собою длинную перспекпиву жизни. Онъ напипался ученіемъ; не щадилъ ни бдѣній, ни прудовъ, дабы вы-работать свой языкъ и свою мысль. Ему не спрашенъ былъ упрекъ, сдѣланный нѣкогда врагу Филиппа; и весьма часпо свѣпы для бо-ролся съ блѣднымъ мерцаніемъ его ночной лампы.

Получивъ опъ неба богатпыя природныя спо-собности, онъ воздѣмалъ съ удивительнымъ раченіемъ сіе божеспвенное наслѣдіе. Рѣдко

дозволяетъ онъ себѣ увлекаться первымъ порывомъ мысли. Онъ недовѣрчивъ къ прихотямъ своихъ вдохновеній. Предпочитаетъ, и я очень благодаренъ ему за то, одобреніе и похвалу нѣсколькихъ избранныхъ друзей переходящему шуму толпы, привѣспвующей обыкновенно надупоспъ и преувеличеніе. Разъ вздумавши сдѣлать раму для какой-нибудь мысли, онъ не покидаетъ мепалла, пока не выработаетъ его своимъ рѣзцемъ, какъ ему хочепся. Для него недостапочно бытъ полько гранильщикомъ, сообщающимъ блескъ и прозрачность обрабатываемому камню: онъ проспиратъ далѣе свои пруды и завоеванія. Онъ успеваетъ работу свою разными своенравными фигурами, исполненными движенія и жизни, переплететъ ихъ другъ съ другомъ, одушевитъ ихъ жесты, будетъ соперничать въ понкоспи опдѣлки съ Флорентинскою школою. Конечно, эта обязанность пляжкая, не правда ли? Но за то и слава, покупаемая сею цѣною, пѣмъ выше и пѣмъ прочтѣе.

Ты знаешь лучше меня всѣ сокровища, заключенныя въ огненной, поэтической душѣ Сенип-Бѣва. Лучше и чаще меня, ты могъ замѣчать всю гибкость его мыслей, всю энергію его слова. Если нѣтъ у него той неограниченной самопроизвольности, какъ у Ламарпина, или того перпѣливаго кокетспва, какъ у Аль-

Фреда де Виньи, по онъ возвышается на равнѣ съ ними другими средспвами. Тебѣ не безизвѣстно, другъ мой, что Сени-Бевъ дошелъ до поэзіи путемъ знанія, которое онъ нашелъ недоспапочнымъ, путемъ жипейской дѣятельности, которую призналъ дурною. Прежде чѣмъ обрапился къ Богу, дабы испрашивать у него непреходящихъ утѣшеній, поэтъ глубоко погруженъ былъ въ мудрованія, суепы и спрапси міра. Прежде чѣмъ дерзнулъ созерцаать лицомъ къ лицу того, который невидимъ, онъ провелъ долгое время въ суровомъ изслѣдованіи школьныхъ испинъ, предавался бурнымъ, мяпежнымъ наслажденіямъ. Когда онъ началъ пѣть, онъ уже много зналъ, много жилъ. Посему-по онъ находить такое особенное удовольствіе въ соединеніи ученой формы съ наружною маловажностію подробностей. Какъ авторъ *Лаодами*, онъ любитъ воспѣвать въ мелодическихъ гимнахъ эпизоды семейной жизни. Идеи, почерпнутыя изъ чтенія, бывають только поводомъ, рѣдко причиною его мечпаній. Онъ не усиливается скрывать подъ хваспливою ученостью первобышнюю простоту своихъ надеждъ, или скромность своихъ желаній. Говорить простодушно о вещахъ, какъ ихъ чувствовалъ. Не требуетъ снисхожденія ни къ какой смѣлости. Безъ надупости и безъ ханжества обнаруживаешь по, что усмотрѣлъ во

глубинѣ своего сердца. Яркое и чистое солнце, безбрежное, прозрачное небо, ландшафты во вкусѣ Клода-Лоррена, не свойственны его кисти. Онъ предпочитаетъ симъ величественнымъ эпопеямъ Испаліанской природы красивыя и умѣренные очерки Ричмонда. Откровеннымъ радушіемъ къ проспонородному, которое такъ умѣетъ обогащать, онъ приближается къ школѣ Фламандской. Подобно Рюйсдалю и Гоббемъ, не презираетъ ничего, попадающагося ему подъ кисть его. Особенное достоинство его состоитъ въ искусствѣ возвышать вѣрностью и чистотой выраженія черты, кои, подъ другой рукой, остались бы неопредѣленными, безгласными, и могли бы даже возбуждать неудовольствие своею бесполезностью. Но, въ чемъ бы ни состояла тайна его поэпического искусства, онъ можетъ быть увѣренъ, что возвыситъ свое имя, какъ скоро захочетъ.

Что я люблю, чему никогда не усману удивляться въ Беранже, это особенное искусство помещать, въ небольшой рамѣ нѣсколькихъ строчекъ, быстрое, но полное развитіе чувства, которое, отъ того что простое, нисколько не теряетъ очарованія новости; такъ поэтъ умѣетъ молодить самыя обыкновенныя предметы чистотою формы, изобрѣшеніемъ подробностей. Рѣдко бываетъ съ нимъ, чтобы онъ основывалъ весь эффектъ своей мысли на одномъ жи-

вописномъ блѣскѣ выраженія. Въ основѣ стиха его естъ какая-то свѣтлая прозрачность, которая избличаетъ всѣ прихоти его фантазій. Никогда не прикрываетъ онъ звучнымъ словомъ идеи вялой и ничтожной. Онъ знаетъ, очень хорошо, что хочетъ сказать. Предвидитъ все, что покажетъ. Не предоставляетъ случаю ни малѣйшаго вліянія на удачу или неудачу. Всякой шагъ, который онъ дѣлаетъ, напередъ уже обезпеченъ. За то какъ прямо идетъ онъ къ цѣли! Какъ глубоко попрясаетъ! Какъ опускается на самое дно сердца и памяти, безъ всякой застенчивости и робости, опыскиваетъ чувства, кои хочетъ постигнуть!

Одно изъ опличительныхъ свойствъ Беранже, одно изъ драгоценнѣйшихъ его преимуществъ, состоитъ въ умѣнн драматизировать избранную идею въ какихъ-нибудь пятидесяти стихахъ. Не только онъ выжимаетъ изъ ней самый сладостнѣйшій сокъ, но, что нынѣ бываетъ гораздо рѣже, умѣетъ еще въ пору оспановиться, не подвергаясь испощенію.

Съ самой спрочайшей бдительностью предохранилъ онъ себя отъ заразы, въ наши времена сдѣлавшейся споль общео, отъ чрезмѣрнаго излишества, которое изглаживаетъ формы накопленіемъ красокъ.

То, чего должно было бояться за Беранже, къ счастью не исполнилось. Самые пламен-

ные чипипели его очень робѣли за долговѣчностію его славы. Онъ самъ, пы эпо знаешь, въ своемъ прощаньи съ публикою, кажется, былъ проникнутъ симъ печальнымъ предчувствіемъ; но по счастью слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ пророчествахъ. Если не всѣ его пѣсни должны сохранить прелестію молодости, то по крайней мѣрѣ между ними много пакихъ, коихъ ничпо соспарить не можеть.

Тѣ изъ его вдохновеній, въ коихъ содержатся чувства, внушенныя современными событіями, будутъ сохранять для попомства высокую историческую занимательностію. Любовныя и вакхическіе куплеты никогда не потеряютъ своей веселости и опкровенности.

Но пы знаешь, другъ мой, между поэмами Беранже многія, по ясной возвышенности идей, по рѣзкому и пвердому выраженію, по всеобщности чувствованій, въ нихъ изображаемыхъ, по живому и вѣрному сознанию человѣческой ничпожности, равняются прекраснѣйшимъ діалогамъ древней философіи. Въ Федонѣ Платона нѣтъ ничего чище, ярче и истиннѣе, какъ *Бога добрыхъ людей* Беранже.

Упрекъ, часпо обрацаемый противъ него, касательно слишкомъ пѣсной сжапости рамъ, не выдержитъ спрогаго изслѣдованія. Такъ какъ онъ не опускаеть ни одной черпы, могущей

служить къ выраженію его мысли, по, я думаю, въ этой спрогой умѣренности есть свой весьма благоразумный расчетъ, основанный на самомъ вѣрномъ понятіи о публикѣ, съ коюрой онъ имѣетъ дѣло. Сверхъ того скромность его никогда не простирается до сухости. Когда онъ оспанавливается, то не по слабости, а изъ благоразумія. Его сжатость не только не показываетъ недосыатка генія, напротивъ для твореній его, глубоко обдуманыхъ, и приведенныхъ въ неизмѣнныя пропорціи, служить просыымъ и пвердымъ вооруженіемъ.

Ты не забылъ, другъ мой, съ какимъ удивленіемъ приняты были первые стихи Барбье. Въ этомъ смѣломъ вызовѣ на бой низкихъ спраспей заключалась какая-то Тирпеевская мужеспвенность, по видимому невозможная при общей изнѣженности нравовъ и языка. Спрашивали другъ у друга съ безпокойнымъ любопытствомъ, чья эта невѣдомая рука, клеймящая попребителей общеспвеннаго благоденспвія? Освѣдомлялись съ жадностью о свѣденіяхъ, воспитаніи и дружеспвенныхъ связяхъ новаго поэта, начавшаго такъ, какъ великіе масперы оканчивающъ. Не могли понять, какъ могъ онъ такъ быспро перейти отъ чтенія Соваля и Фелибіена къ кровавой сапирѣ на наши позлащенныя гнусности. Но что нужды до спранности сего неожиданнаго явленія? Когда онъ лепалъ неутоми-

мой мыслью по старому Парижу Франциска I, онъ еще не нашелъ наспоящаго пупи своего и ожидалъ пайнспвеннаго руководипеля. Но какъ скоро ударилъ часъ его, онъ почувспво-валъ неожиданную самоувъренность. Ему спило только заговорипь: всѣ, слушая, припоминали спихи, которые онъ долженъ былъ сказапъ.

Никогда, пмы самъ знаешь, никогда поэпическйй спмболпзмъ не былъ такъ смѣло приведенъ въ дѣспспвптельность. Никогда языкъ не свергалъ такъ опкрыпъ своего спесиваго кокепспва. Казалось, пайна Ювенала была вновь опкрыпа. Овладевъ однажды образомъ, гармонически сочепаннымъ съ мыслю, онъ ведепъ его до конца, развертываепъ и свертываепъ, всмаприваепся въ его прозрачныя, развѣвающяся складки, выказываепъ всю роскошь одежды имъ избранной. Одного образа ему доспапочно; ибо онъ угадываепъ всѣ пособя его, умѣепъ припаровипъ ихъ всѣ къ поспребностямъ чувспва, надъ нимъ владычеспвующаго.

Есть ли въ древнпхъ саппрахъ, въ поруганяхъ наноспмыхъ Риму въ послѣдня времена его, чп-либо опппчающеся такой нагопой разпшельной и вѣрной, какъ *Идолъ Барбье*? Были ли Римскя женщины наказываемы сппроже, чѣмъ Француженки, предавшя свою юность и красоту на поругане побѣдоносному чужеземцу?

Зависть не оставила безъ наказанія порже-спва новаго поэта: она сказала, что пайна *Ямбовъ* его заключаеся въ двухъ весьма проспыхъ средспвахъ: въ преувеличеніи для нанесенія сильнѣйшаго удара и поспоянномъ замѣненіи фигуральнаго смысла прямымъ. Ты знаешь, другъ мой, наспоящую цѣну эпихъ мнимыхъ опкрытій, эпихъ правилъ, выдаваемыхъ за рецеспы для соспавленія генія. Съ пѣхъ поръ, какъ объявлена сія пайна, ни кто еще не упопробилъ ея въ дѣло.

Припомъ *Піанто* не опвѣчало ли побѣдоноснымъ образомъ пѣмъ, кои воспавали пропивъ однообразной красопы *Ямбовъ*? Не доспапочно ли эпой Ипаліанской пепралогіи къ осужденію на молчаніе хулищелей, кои, не смѣя опрнцаць ея силы, находили въ ней одно полько напряженіе мускуловъ? Вся эпа чудесная элегія дышетъ *Виргиліевской* прелеспью. Барбье со всею проспопою *Пуссеня* показалъ намъ Римскую деревню. Разговоръ *Сальвапора* съ *Мазаниелло* не сходспвуетъ ли съ опривкомъ *Сицилійскаго* поэта, извлеченнымъ прудолобивой ученоспью *Анжело-Маіо* изъ пыльных палимпсесповъ? Великій образъ *Орканы* въ *Кампо-Санто*, чиспосердечное лице *Біанки*, воспоминаніе о коей париптъ еще надъ башнями уничиженной *Венеціи*, первое, изображенное, кажется, перомъ *Алигieri*, второе какъ будшо бы почерпнутое изъ любовной хроники *Шекспира*, не свидѣтельспвуютъ ли о мощномъ возрожде-

нія поэта, о неожиданномъ его преобразованіи?

Противъ *Піанто* было важное возраженіе; говорили: эпо не Ипалія. Пиза, Римъ, Неаполь и Венеція не паковы, какими оно ихъ описываетъ. Быть можетъ! Но есть ли красоты въ эпомъ твореніи? Есть. Такъ и хорошо. Испытайте теперь по той же методѣ четвертую пѣснь *Чайльдъ - Гайрольда*, превосходнѣйшаго произведенія Байрона въ важномъ родѣ поэзіи, и скажите, вѣрнѣ ли описана Ипалія у Байрона? Скажутъ ли по совѣсти? Сравнительно, авторъ *Дары* еще далѣе отъ истины, чѣмъ авторъ *Піанто*. Если пишина Пизы, Римскіе маскарады, буйная веселость Неаполя и безумныя распутства Венеціи не вѣрно отражаются во Французской элегіи, то кто дерзнетъ сказать, чтобы порожественная унылость Англійскаго *Піанто* не изглаживала, и припомъ часно, оригинальной суровости пейзажа и индивидуальности Ипаліанскихъ городовъ?

Наконецъ я дохожу, другъ мой, и до пвоего имени, не менѣ славящагося въ эпомъ славномъ семействѣ. Съ жадностію хватаюсь за случай опровергнуть однажды навсегда обвиненіе, которое хопя и ложно, но пѣмъ не менѣ оскорбительно. Никто не удивляется такъ чиспо-сердечно блистательному, богатому колориту, спавящему себя споль высоко между современ-

ными поэтами, никто не сознается въ эпюмъ охотнѣе меня.

Ты нашелъ, какъ будто какимъ-то волшебствомъ, всю гибкость, всю простоту, опъ коей языкъ нашъ, казалось, уже лѣтъ двѣсти опвыкъ. Ты возвратилъ Французскому періоду упраченную полноцу и величіе. Ты изваялъ нашъ языкъ; какъ искусный рѣщикъ, вырѣзалъ изъ него очаровательныя фигуры; ты выпечпалъ въ нашемъ словѣ чудныя рисунки, восхищающіе насъ въ Мавританскихъ башняхъ, въ дворцахъ Венеціи, въ древнихъ соборахъ Христіанскихъ. Никто лучше тебя не умѣетъ соединять изобиліе и роскошь образовъ съ самой одушевленной и простой живописью. Для каждой изъ мыслей своихъ имѣешь ты черпты и опптънки, коими позавидовали бы наслѣдники Тиціана и Павла Веронеза. Когда тебѣ угодно показатъ намъ ландшафтъ или вооруженіе война, то кисти не остаеся уже ничего дѣлать для довершенія труда; ей слѣдуетъ только набросить на холстъ массы свѣта и тѣни, копорыя ты избралъ какъ лучшія.

Посмотри, какъ живописцы, наперерывъ другъ предъ другомъ сознаются въ брапспвенномъ союзѣ, связующемъ ихъ съ твоимъ гениемъ! Посмотри, какъ весело, дружно идуть они по слѣдамъ твоимъ, какъ ищутъ внимательна на своихъ палипрахъ костюмовъ и городовъ,

побою предпочипаемыхъ, какъ связывають поспоянной симпатіей сцены и физіономіи, указываемыя имъ своимъ перспомъ. Кажется, будущее по гласу своему возобновляюпся въ наружныя формы фантазіи. Безславнымъ прежде развалинамъ воздають усердное поклоненіе. Два вѣка біографіи рода человѣческаго, кои не вѣжество дерзнуло называть вѣками варварскими, заняли опять принадлежащее имъ въ Европейской исторіи мѣсто. Мраморъ, по смерти Іоанна Гужона сдѣлавшійся покорнымъ рабомъ древняго искусства, пребуешь опъ пергѣливаго рѣзца кинжаловъ, панцырей, шлемовъ и щиповъ нашихъ предковъ. Ты утвердилъ за искусствомъ истину, завѣщанную попомспву Гердеромъ и Іоанномъ Мюллеромъ, но коей краснорѣчіе ихъ не могло доставить народности. Изъяснивъ новѣйшія времена вѣками средними, ты рѣшилъ также объяснить и древность воспокомъ. Ты доказалъ, что для идей человѣческихъ не можетъ существовать генеалогіи, если выкинуть изъ родословной два важныя поколѣнія, первое и претпье. Ты озарилъ яркимъ свѣтомъ все, что въ раздѣлѣ вѣковъ историческихъ есть существеннаго, глубоко истиннаго.

Быть можетъ, ты предпочитаешь всѣмъ лирическимъ твореніямъ своимъ собраніе, исключительно посвященное Воспоку. Быть мо-

жесть, для себя казались ослѣпительныя всѣхъ краски, похищенные побой у Іудей, Турціи, Персіи, Испаніи; и еслибы дѣло шло единственно о блистательной пкани пвоихъ созданій, я былъ бы съ побой согласенъ. Это безъ всякаго сомнѣнія одна изъ чудеснѣйшихъ поэмъ по гибкой разнообразности рима, по неизчерпаемому изобилію проповъ и метафоръ. Тамъ достигъ пы крайнихъ предѣловъ, до коихъ можетъ про-спираться наружное искусство; однако я предпочитаю *Осенніе Листы* пвоимъ *Восточнымъ Элегіямъ*, и вопъ почему.

Говоря намъ о Воспокѣ, пы могъ избранъ одно изъ двухъ: или выразишь оный въ ощущеніяхъ, производимыхъ имъ на Европейца, или самъ преобразишь мысленно, забывъ свое опечесство, сдѣлаешь природнымъ жилищемъ спраны, въ которую пы удался. По весьма законной прихоти, коей не намѣреваюсь ни мало оспаривать, пы избралъ претпій путь. Фанпазія пвоя посыпила Воспокъ и описываетъ его, воропясь изъ пупешествія; она услужливо раскрываетъ предъ нами пысячу красокъ, на коихъ успокоивался взоръ ея. Но подивясь великолѣпному зрѣлищу, каждый изъ насъ спросилъ у себя, кпо эпопъ искусный, чудесный арписпъ. Ты занялъ у Гафица и Джами ихъ благовонный языкъ, похищилъ изъ поэмъ, висящихъ подъ сводами Мекки, живые порывы

Арабскаго воображенія; но между пѣмъ, двѣ стпраницы *Меджнуна* и *Леилы* производятъ на насъ впечатлѣнїе болѣе сильное, чѣмъ лучшая изъ пвоихъ воспочныхъ элегій. Почему же? Потому что здѣсь не являешься ты ни сыномъ Воспока, ни Европейцемъ; тутъ не видно симпатїи сердца, привыкшаго къ сценамъ, предъ глазами его происходящимъ, не видно раздумчиваго любопытства ума, который въ одно время и судитъ и поучается.

Однакожь по симъ посылкамъ, которыя считаю совершенно справедливыми, я не только не могу осуждать пворенія, приводящаго въ недоумѣнїе крипику и владычествующаго надъ нею, но даже охотно сознаюсь, что нуженъ былъ удивительно мощный талантъ, дабы приковать лѣнливое вниманїе Французскихъ читательей, выславивъ въ этой поэмѣ всѣ стихїи, кромѣ стихїи человеческой. Нужно было множество разнообразныхъ пособій, тайнъ непредвидѣнныхъ, дабы скрыть въ чепырехъ птысячахъ стихахъ отсутствїе сердца и размышленїя. Въспо поэзіи ты употребилъ живопись и музыку, или лучше скажешь, изъ живописи и музыки сдѣлалъ новую поэзію безъ слезъ и мечпаній, но сладкую, небрежную, исполненную гармоническаго рїема и глубокихъ перспективъ: въ упоенїи чувствъ читатель забывалъ размышлять.

Въ *Осеннихъ Листахъ* не замѣненъ арписптъ,

но видѣнь челоуѣкъ. Какбы для отдыха, послѣ прихопливыхъ спранспвоуаній, низходишь пы въ самага себя. Во глубинѣ души изучаешь пертъливо скорби своей юности, свѣшлыя радости зрѣмыхъ лѣтъ, родипельское безпокойство, честполубіе угасшее и вновь воспламеняющееся. Воптъ почему я предпочитаю эпо собраніе всѣмъ предидущимъ.

Правда, иногда я досадую на скупую умѣренность, съ коей пы изливаешь чувствования своего сердца. Тамъ, гдѣ я желалъ бы слышашъ вопль души, нахожу все еще умъ, влюбленный въ свои фанпазіа, болѣе заняпый славой, чѣмъ истиной. Но что значашъ упреки мои при великихъ красосахъ, при чертахъ неизгладимыхъ, напечатлѣнныхъ побоемъ на послѣднемъ пвоемъ храмѣ? Эпо наиболее челоуѣческой, самый истинный и великій изъ всѣхъ храмовъ.

И такъ, другъ мой, воптъ мы обошли полный кругъ лирической поэзіа, перечли всѣ славныя имена: скажи жъ, кого пы назовешъ царемъ эпой поэзіа?

(продолженіе слѣдуетъ).

II.

ГЛУЧОСЫ.

(окончаніе.)

Прошло съ четверть часа... Когда я спалъ приходилъ въ память, то снова намѣревался было пройти въ комнату, гдѣ находилась Донна Луиза, но услышалъ шаги челоуѣка, приближающагося къ хижинѣ. Прежде чѣмъ нападать, подумалъ я, на идущаго, посмотримъ, кто изъ двухъ враговъ моихъ уцѣлѣлъ; ибо если это опецъ, то благоразумнѣе, дождавшись упра, опправилься въ городъ и возвратилъ съ вооруженной помощью, вмѣсто того, чтобы предавать жребій Донны Луизы борьбѣ, по крайней мѣрѣ сомнительной. Я увидѣлъ руку, опдернувшую воловью кожу, копорая служила вмѣсто двери. Можно бѣ было при помощи простаго слуха

счеспь бїенїя моего сердца. Оспавшїйся въ живыхъ взошелъ пвердымъ, спокойнымъ шагомъ: по былъ опецъ. Онъ снялъ лампу, осмопрѣлъ внимапельно всѣхъ спящихъ одного послѣ другаго; но когда провелъ огонь предъ глазами бѣдной Мулапки, о коей я говорилъ, по рука у него запрепепала... На эпой рукѣ видна была кровь.

Всѣ спали въ хижинѣ, кромѣ меня. Успавшїя собаки взглянули едва приподнявъ голову, когда взошелъ спарый Гаучосъ. Онъ не болѣе сдѣлали и при моемъ обрапномъ пришеспвїи; но одна большая спарая собака, коей изорваннїя уши и искусанное рыло свидѣпельспвовали о часпныхъ дракахъ ея съ дикими звѣрьми, вспада, когда Гаучосъ прошелъ возлѣ ней, прыгнула къ его ногамъ, обнюхала всего спарика, завыла и выскочила вонъ. Зная смышленноспъ сїихъ живопныхъ и ихъ неуспрашimosпъ, я думалъ, чпо эпа собака воспрепепспвуепъ Гаучосу зарыпъ пѣло ея хозяина и чпо въ слѣдспвїе того произойдепъ возня, долженспвующая разбудипъ всѣхъ въ домѣ.

Между пѣмъ спарый Гаучосъ хладнокровно пригоповлялся зарыпъ кровавое пѣло своего сына; осмопрѣвъ снова всѣ лица, онъ взялъ нѣсколькo желѣзныхъ орудїй, погасилъ лампу и вышелъ, направляя шага къ коралу. Ужасное любопытспво, напомнившее мнѣ чувспва, при-

писываемья Годвиномъ Калебу Виліамсу, увлекло меня за нимъ. Подошедъ къ прупу, спарикъ, дополъ безмолвнѣй, зарыдалъ: эпо былъ голосъ природы, насильспвенно вырвавшійся изъ окаменѣвшаго сердца его; но по молчанію, послѣдовавшему за пѣмъ, я узналъ, что онъ задушилъ чувспво родипельское; попомъ закричалъ на собаку: » прочь, Торо, прочь! « вывелъ двухъ лошадей изъ *корала*, опвязалъ лассо, надѣлъ пеплю на шею мерпваго, другую на ноги ему, и прикрѣпилъ пакимъ образомъ прупъ къ лошади. Эпо была ужасная сцена. *Понго* свалилось съ молодаго челоуѣка или было съ него сорвано во время борьбы. При лунѣ, озарявшей полунагое пѣло, видны были на груди двѣ или три раны; блѣдный цвѣтъ кожи предспавлялъ ужаснѣй контрастъ съ пятнами черной крови, заспывшей отъ холоднаго ночнаго воздуха. Обезображенныя черпты мерпвеца и спеклянныя глаза, выкапившіеся изъ глазницъ, придавали лицу ужаснѣй видъ; казалось, онъ былъ еще живъ, казалось, изъ успъ, покрыпыхъ пѣною и кровью, гоповы были вырваться слова мщенія. Спарый Гаучось, прикрѣпляя между пѣмъ веревки, оспанавливался по временамъ, ломалъ руки и воздѣвалъ ихъ къ небу: то было нѣмое выраженіе тоски. Собака лежала на землѣ и, глядя на мерпваго, жалобно визжала; казалось,

инспинкпть ея полько опчаспи подозрѣвалъ злодѣйство спарика, коему она привыкла по-виноваться также точно, какъ и хозяину своему.

Наконецъ спарый Гаучось съѣлъ на лошадь, и удалился, сначала шагомъ, потомъ вдругъ во весь опоръ.

Я снова вошелъ въ хижину. Не умѣю разсказать, какъ провелъ я оспальную часть ночи; ибо силъ моихъ не спало пропи-випись силъ моихъ ощущеній; я упалъ въ обморокъ при входѣ, откуда, вѣроятно, перенесла меня на поспелю спарая Негрипянка. Солнце возшло надъ хижиной точно также, какъ будпо въ ней не произошло ничего необыкновеннаго. Я опомнился: молодая Мулапка играетъ съ своимъ ребенкомъ, собаки ходятъ взадъ и впередъ, два маленькіе мальчика, вооруженные牛皮ными лассо, ловили имъ для упражненія пѣпуховъ и куръ. Я былъ еще слабъ, но ушибы не причиняли уже мнѣ боли. » Гдѣ жъ хозяева? « спросилъ я у спарой Негрипянки. — Конечно въ спадѣ; они ѣздятъ пуда до свѣпа. — » А мальчикъ, который привелъ меня сюда? « — Въ сосѣдней хижинѣ: онъ пошелъ за молокомъ для васъ. Мальчикъ дѣйствительно принесъ молока, котораго я напился съ удивительнымъ наслажденіемъ.

Между тѣмъ какъ я завпракалъ, возвратился спарый Гаучось; онъ снялъ шляпу, поклонился какъ водится, былъ холоденъ, подобно мрамору; взоръ его свѣпился словно змѣиный. Онъ сѣлъ подлѣ меня и началъ ѣспь. Я запрепепалъ и, дабы удалитъ подозрѣнiя, спросилъ о Теобальдо. »Теобальдо, сеньоръ? мы вспрѣпились съ полпою Гаучосовъ, копорые увели его на охоту. *Ave, Maria purissima!* вропипься ему въ добромъ здоровьи! «

Молодая Мулапка, о коей я такъ часпо упоминалъ, хопѣла говорипь, но спарикъ принудилъ ее къ молчанiю взоромъ, приведшимъ ее въ препепъ; она опошла съ ребенкомъ своимъ въ уголъ и залилась слезами.

»Развѣ онъ не взялъ собакъ своихъ? « продолжалъ я.

— Наши успали, а съ другими Гаучосами были собаки; онъ взялъ съ собой полько Торо, да и того, я чай, придется ему неспи на рукахъ: бѣдное живопное больше имѣепъ усердiя, чѣмъ силы.

Тогда я далъ замѣпипь, что чувспвую себя въ силахъ продолжатъ пушь, если онъ позволипъ проводипъ меня пому мальчику, копорый указалъ мнѣ его хижину.

»Охотно, « сказалъ онъ, не будучи въ соепоянiи скрпипъ радости, причиненной ему моимъ опрѣздомъ. Я не замедилъ.

Выѣхавъ на большую дорогу, я проспился съ молодымъ проводникомъ моимъ и сдѣлалъ ему подарокъ, опъ коего бѣдняжка пришелъ въ восхищеніе. Онъ всунулъ деньги въ подкладку шляпы своей, приблизился ко мнѣ съ ножомъ и сказалъ: » Сеньоръ, нѣтъ ли у васъ врага въ Пампасахъ? Укажите полько хижину его и нынѣ же: эпо желѣзо обогрился его кровью. «

Я поблагодарилъ его за такое чиспосердечное предложеніе и переспалъ удивляясь свирѣпости опцовъ, когда увидѣлъ, какъ дѣпи воспипываются.

Выслушавъ отвѣтъ мой, маленькой Гаучось вложилъ опяпъ свой ножъ въ сапогъ, поцѣловалъ, въ знакъ почпительнаго прощанія, руку свою, препоручилъ меня благости Божіей, набожно перекрестился, пришпорилъ лошадь и вскорѣ исчезъ изъ глазъ моихъ.

Прибывъ на станцію, узналъ я, чпо Реджинальдъ разослалъ во всѣ спороны *пеоновъ*, дабы опыскапъ меня, а самъ продолжалъ пупъ свой до ближайшаго практира. Но пеоны, узнавъ на вѣрное, чпо Индійцы опустошали Пампасы, удалились въ близъ лежащую укрѣпленную станцію. * Спарякъ, сообщившій мнѣ сіа извѣ-

* Хотя кони Индійцевъ опличаются неимовѣрной быспроптой, но они не приучены скакать чрезъ заборы, а по-

спія, самъ спѣшилъ пуда же со всѣмъ семействомъ, посадивъ дѣпей въ широкія корзины, на скоро прикрѣпленныя къ хребту лошади. Я поспѣшь взявъ другую лошадь изъ корала и отправился къ другу моему, оплакивая бѣдствіе спраны, гдѣ женщины и дѣти безнаказанно умерщвляются дикими.

Трактиръ, въ который я приѣхалъ, защищался рвомъ и стѣной, возвышавшейся по грудь челоуѣка и увѣчанной оспрыми колыями. Вокругъ расхаживали толпы вооруженныхъ людей; одни носили вязанки сѣна, другіе осмапривали длинныя ружья Буэносъ-Айресскихъ солдатъ. *Los Indios! Los Indios!* Воскличанія сіи объяснили мнѣ причину сего спеченія. Нѣкоторые замѣтивъ, что я ѣду изъ равнинъ, осыпали меня вопросами, не видалъ ли я Индійцевъ, не слышалъ ли о нихъ. Опъ сихъ людей узналъ я, что они были приглашены Донъ Хозе Экиверой для опысканія его дочери, но услышавъ о приближеніи Индійцевъ, удалились всѣ въ эпо мѣсто.

Я взошелъ въ комнапу, занимаемую двумя несчастливцами, любовникомъ и опцомъ; я намѣренъ былъ опкрыпъ имъ все мнѣ извѣстное,

тому самое легкое укрьпленіе способно оспановипъ ихъ. Случалось, что нѣсколько отважныхъ Гаучосовъ защищали почти безъ опасности опъ большой толпы Индійцевъ мѣсто сравнительно весьма слабое.

но увидя друга моего, рассудилъ, что надо рассказывать оспорожно. Наканунъ, когда мы распались, Реджинальдъ былъ унылъ, но спокоенъ; теперь глаза его налились кровью; всѣ движенія обнаруживали безсмысленность, близкую къ бѣшенству. Экивера, сидѣвшій въ пѣни, плакалъ, закрывъ лице руками. Сквозь рыданія его можно только было различить слова: » дочь моя, дочь моя! « Слишкомъ опраж- дуемое сердце немногорѣчиво; для чрезмѣрнаго опчаянія, какъ и для чрезмѣрной физической боли, существуетъ только одна нопа.

При входѣ моемъ, Реджинальдъ бросился ко мнѣ. »Ну!« сказалъ онъ: »не правъ ли я? Что ты думаешь о моихъ предчувствіяхъ? Судьба преслѣдуетъ меня въ лицѣ той, копорую я богопворю. Не правда ли, что только по причинѣ меня, единственно по причинѣ меня, похищена Донна Луиза у отца своего? Если я убью себя, не разрушится ли очарованіе споль для ней гибельное? Не погибла ли она навсегда, хопя опецъ ея и ласкается надеждою, что можно ее выкупить? Она погибнетъ, если я собственнн смертью не разрушу союза, пропивнаго небесамъ! Но, увь! ея, можетъ быть, уже нѣтъ самой на свѣтѣ! «

Я увидѣлъ, что въ такомъ расположеніи духа опъ Реджинальда не должно было ничего сказать. Сеньоръ Экивера слушалъ слова мои

со всѣми знаками живѣйшей радости. Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, онъ вышелъ, дабы пригото­вить солдатъ своихъ къ походу. Реджинальдъ слушалъ меня равнодушнѣе; онъ ска­залъ опчаяннымъ голосомъ: » Такъ она жива еще! Поспѣшимъ же! Малѣйшее замедленіе, есть пресупленіе! «

Реджинальдъ вѣрилъ всему, кромѣ собственнаго счастья.

Велѣвъ одному пеону пригото­вить намъ лошадей, я увлекъ Реджинальда къ Дону Хозе, ко­порый щепотно пылался уговорить успра­шенныхъ солдатъ, чпобъ они оспавили укрѣ­пленную *посаду*; имъ было извѣстно, чпо Ин­дійцы находяпся по близости, чпо они мо­гли вскорѣ прибыть и чпо ни одинъ *христи­анинъ* въ полѣ не спасется опъ ихъ копьевъ. Я начиналъ уже опчаяваться, чпобъ солдаты со­гласились идти; они большею частію были изъ Гаучосовъ, хорошо знали свирѣпость Индійцевъ и говорили о нихъ съ злобою и спрахомъ.

» Мы рѣжемъ ихъ « — кричалъ одинъ старый усачь, — » за то и они насъ рѣжутъ: это спра­ведливо. «

— Предложите имъ по двѣнадцати долларовъ на человѣка, сказалъ я Дону Хозе; всякая ми­нута дорога.

» Молодой человѣкъ! « отвѣчалъ онъ: » не ужели вы думаете, чпо мнѣ жаль денегъ, когда дѣло

идеть о жизни моей дочери? Я опдамъ все, что имѣю; но не деньгами можно склонить эгихъ людей. Если бы я предложилъ имъ по двѣнадцати унцій золота вмѣсто двѣнадцати долларовъ, то и за эту цѣну они бы не пошли: имъ въ эгихъ равнинахъ слишкомъ мало извѣстная цѣна денегъ; но я поговорю съ ними такимъ языкомъ, котораго, надѣюсь, они лучше поймутъ. « Попомъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: » Вы знаете, что Вице-Король подчинилъ васъ всѣхъ мнѣ и что по возвращеніи въ Буэнос-Айресъ всякой, ослушавшійся моихъ повелѣній, будетъ строго наказанъ; но хочу лучше склонить васъ ласкою, чѣмъ спрахомъ. Обѣщаю каждому изъ пѣхъ, которые пойдутъ со мной, новое сѣдло, узду, шпоры и галонъ водки. «

Рѣчь сія была привѣспривована общимъ восклицаніемъ; въ минувшу пѣ, коихъ лошади спояли вблизи, побросались на нихъ и, махая вокругъ головы лассами, пуспились за другими, подалѣе пасшимися лошадьми. Чрезъ четверть часа всѣ поспроились въ боевой порядокъ и отправились, погнавъ впереди спадо лошадей, для того, дабы, въ случаѣ нужды, не имѣть недостатка въ оныхъ.

Вечеромъ прибыли мы за три мили отъ жижины, въ которой я провелъ предидущую ночь. Хотя я едва могъ держаться на лошади, но не рѣшался выпустить изъ виду Реджинальда, опа-

саясь помъшательспва ума его. По мърѣ пого, какъ приближался вечеръ, люди наши, коихъ энпузіазмъ ослабѣвалъ, шли медленнѣе, принимая всѣ предоспорожності, для избѣжанія нечаяннаго нападенія со спороны Индійцевъ. Впереди и по флангамъ держали они ведеповъ. Мы хопѣли миновавъ дорогу, по коей я ѣхалъ упромъ. Вдругъ одинъ ведепъ возвѣспилъ съ ужасомъ, что нашель мершвое пѣло, сперегомое во рву какимъ-по привидѣніемъ. Зная суевѣріе Гаучосовъ, я пришпорилъ свою лошадь, и вмѣспѣ съ Реджинальдомъ поѣхалъ оемопрѣпъ привидѣніе; визгъ собаки привелъ насъ на искомое мѣспо, гдѣ я узналъ прупъ Теобальдо, выкопанный собакой. Бѣдное живоппое было ранено, вѣрояпно спарымъ Гаучосомъ, копорый думалъ, что убилъ его. Недалеко опшуда сидѣлъ въ неперпѣливомъ ожиданіи алчный коршунъ, но вѣрный Торо не допускалъ его къ пѣлу. Я велѣлъ добипъ издыхавшую собаку и положишь въ ровъ вмѣспѣ съ хозяиномъ.

Между пѣмъ мы продолжали ѣхалъ; уже приближались пихо къ хижинѣ; вдругъ подъ ноги лошади кинулся запыхавшисъ мальчикъ, восклицая: *Los Indios! Los Indios!* При эпомъ крикѣ ряды смѣщались. Вѣрояпно вся наша милиція обратилась бы въ бѣгспво, если бы знала куда бѣжашъ; эпа нерѣшипельность, эпа прусость возврапила наконецъ Реджиналь-

ду прежнюю неустрашимость: онъ вмѣшался въ ряды, упрекалъ ихъ начальническимъ пономъ. Онъ былъ рожденъ повелѣвать; бѣдняги ободрились. Тогда Реджинальдъ спалъ распрашивающаго мальчика; но сей послѣдній опивчалъ только, повпоря въ ужасъ: *Los Indios! Los Indios!* Наконецъ я подъѣхалъ и узналъ проводника моего. Увидѣвъ меня, онъ нѣсколько успокоился. Я спросилъ у него о жипеляхъ хижины. » Всѣ убины, всѣ убины! « воскликнулъ ребенокъ. — » А дочь моя! Великій Боже! и она убила? « вскричалъ Донъ Хозе. Голосъ его, исполненный опчаянiя, смупилъ опячь ребенка; онъ снова началъ повпорячь: *Los Indios! Los Indios!* Вскорѣ по въпру доспигъ до насъ смраднiй запахъ дыма.

» Идемъ! « вскричалъ Реджинальдъ: » можемъ бычь Индiйцы зажгли хижину, но мы успѣемъ еще во время, дабы спасти Донну Луизу. « — Впередъ! спо долдеровъ пому, кпо первый приѣдечь! сказалъ я въ свою очередь. Мы пуспились съ Реджинальдомъ и Дономъ Хозе, не замѣчая, чпо изъ всей полпы за нами слѣдовалъ только одинъ молодой храбрый Гаучосъ. Минупъ черезъ десячь опкрылось предъ нами зрѣлище пожара и опустошенiя, причиненнаго Индiйцами; но ихъ уже не было. Колья корала были вырваны и навалены кучею на хижину для усиленiя дѣйствiя огня. Въ морѣ крови

плавали перебитыя или раненыя лошади. Но убійство не ограничивалось живописными: изувѣченные пруты женщинъ и дѣтей свидѣльствовали о свирѣпости дикихъ. Я узналъ голову спарой Негрипянки, но тщетно искалъ Дюны Луизы и молодой Мулапки. Индійцы умерщвляютъ только спарыхъ женщинъ, а молодыхъ увозятъ съ собой. Обѣзжая вокругъ хижины, нашли мы часъ спѣны, не поврежденную еще огнемъ, и возлѣ ней черное пѣло, до коего я прикоснулся дуломъ карабина. Раздался спонъ. Мы вѣли принесши факеловъ, но пѣло сіе само пришло въ движеніе, и глаза мои вспрѣпились съ сверкающими глазами Индійца. Я опспунилъ назадъ и приготвлялся влѣпипъ въ него пулю, какъ вдругъ мѣспо озарилось свѣпомъ пожара и я увидѣлъ, что несчастный въ буквальномъ смыслѣ слова былъ пригвожденъ къ своей лошади копьемъ, выходившимъ на пролепъ въ другой бокъ ея. Насъ поразило спокойствіе, съ какимъ онъ смопрѣлъ на дуло пистолепа, находившееся только въ трехъ фупахъ отъ головы его, и удивительному мужеству, съ коимъ онъ безжалобно переносилъ свои спраданія. Я спалъ съ нимъ говорить по Испански: большая часть сихъ Индійцевъ, посѣщая въ мирное время города Испанскіе, выучиваются сему языку. Онъ понималъ вопросы мои; но или отъ избытка боли, или по упрямству, отвѣчалъ только восклица-

ніямъ: *угъ!* Молодой Гаучось нашель средспво заспавипь его говорипь. Онъ вынулъ ножъ и, приспавивъ конецъ его къ нагой груди Индіяца, сказалъ: »Если ты будешь опвѣчапъ на наши вопросы, по я тебѣ убью и кончу спрданья пвои; если жъ ты опкажешься, по оспавлю и, когда ты ослабѣешь совершенно, коршуны прилепаяпъ клевапъ тебѣ еще живаго!«

— Храбрый воинъ не спрашився смерпи, въ какомъ бы видѣ она ни пришла къ нему, а Санглука одинъ изъ первыхъ храбрецовъ своего племени, опвѣчалъ Индіецъ тихимъ, но чистымъ, спокойнымъ голосомъ.

» Но храбрый воинъ можепъ желать умереть прежде, чѣмъ бодрость оспавипъ его; прежде чѣмъ лишипся силы владѣпъ болами копьемъ, онъ можепъ желать мирнаго упокоенія съ опцами«—сказалъ Гаучось, упопреляя свойспвенную Индіяцамъ фразеологию.

— Да! продолжалъ Индіецъ, какъ бы говоря вслухъ себѣ самому: да, Санглука храбрь; онъ убилъ много львовъ на охотѣ; часпо ножъ его обагрался кровью блѣднолицыхъ; дикія лошади пренепали его *ласса*; его *булеса* низлагали свирѣпѣйшихъ воловъ долины. Да, Санглука храбрь!

» Ерепикъ!« воскликнулъ Гаучось: »согласенъ ли ты на мое предложеніе?.. Мало полку въ помъ будепъ«—сказалъ обрапясь ко мнѣ

Гаучось — » если мы опправимъ его на погть свѣпъ нынѣ или завпра, ибо онъ прокляпъ уже на вѣчные вѣки. Я хочу знапъ, увели ль Индѣйцы съ собой кого нибудь живаго; эпо кошь не могло быпъ ни кѣмъ пушено, кромѣ Индѣйца; но эпо люди не отвѣчаюпъ никогда погпчасъ; ихъ надо выпыпывать. « Попомъ, обрапясь снова къ раненому, продолжалъ: »Красной человѣкъ хвалился, что убивалъ христѣанъ; по крайней мѣрѣ христѣанинъ опмспилъ за друзей своихъ. «

— Блѣднолицые не могупъ пускапъ Индѣйскаго копя, отвѣчалъ презрипельно раненный. Меня пронзилъ другъ мой. Мы дрались за дѣвицу съ черными очами; онъ взялъ ее, ибо оспался побѣдипельемъ; но я могъ быпъ побѣжденъ только храбрымъ.

»Злодѣй!« воскликнулъ Донъ Хозе: »и пакъ дикарь осмѣлился похипипъ единспвенную дочь мою? Моя дочь сдѣлалась добычею эпоихъ варваровъ!«

Спарикъ предался опчаянню, упалъ наземъ, заливаясь слезами. Индѣецъ, поглядѣвъ съ презрѣнїемъ на несчастнаго опца, сказалъ: » Она будепъ женою храбраго; ея дѣпи не спанупъ ѣздипъ на сѣдлахъ, не будупъ изнѣженными жипелями городовъ. Они будупъ спапъ въ долинѣ; бипъ пигровъ и львовъ; умерщвляпъ блѣднолицыхъ. «

— Собака! вскричалъ Гаучось, пронзивъ его ножемъ: спупай въ адъ!

Радость поржесства сверкнула въ глазахъ умирающаго; онъ поднялъ копье, указалъ на звѣзды и воскликнулъ: » У Индійскаго бога нѣтъ ада! Тамъ, въ вышинѣ небесъ, духи брапьевъ моихъ. Я скоро буду сіяеть также, какъ и они; они возьмутъ меня съ собой на охопу, дадутъ Сангрукъ лихаго коня, объявятъ Сангрку храбрымъ и побѣдителямъ блѣднотлицыхъ. «

Онъ сложилъ мирно руки на грудь и закрылъ глаза, какбы ожидая смерти. Я думалъ, что онъ умеръ, и пронулъ его концемъ копья; онъ открылъ большіе черные глаза свои и сказалъ: » Сладостно для Индійскаго война умираеть при свѣтѣ огня, испребляющаго жилища блѣднотлицыхъ; сладостенъ для умирающаго Индіяца видъ христіанъ, имъ убитыхъ. «

Раздраженный сими жестокими словами Гаучось довершилъ его вторымъ сильнѣйшимъ ударомъ.

Вдругъ Донъ Хозе, удалившійся опть описываемой сцены, вскрикнулъ съ ужасомъ; я обернулся: изъ кучи развалинъ и пепла вышелъ человѣкъ, закопченный дымомъ пожара. Онъ едва волокся; кровь лилась у него изъ большой раны на головѣ; онъ обозрѣлъ все вокругъ себя, потомъ, обращаясь къ Испанскому купцу, сказалъ: » Донъ Хозе, я Леонардо! « . . . Спарикъ впорично вскрикнулъ. » Я Леонардо « — продолжалъ призракъ — » Леонардо, презрѣнный пвоей ма-

перью, забытый нашим опцомъ, лишённый его наслѣдія. Я долго былъ несчастливъ изъ за тебя и проспиль тебѣ; но меня оскорбили, ударили опять изъ — за тебя же; я хотѣлъ было, чтобъ ты въ лицѣ сына моего вознаградила всѣ сіи несправедливости, сына, которому въ наслѣдіе отъ меня могла достаться только ненависть моя къ людямъ и скипальческая жизнь; но дикарь Индѣецъ опспиль за меня и тебѣ и этому дерзкому чужестранцу, полѣе чѣмъ бы я самъ хотѣлъ. «

— » Несчастнѣйшій! и ты смѣешь хвалиться своими злодѣяніями! « вскричалъ Реджинальдъ, узнавъ виновника своихъ бѣдствій, и раздробилъ ему голову лисполешнымъ выстрѣломъ. Леонардо палъ мершвъ среди развалинъ.

..... Здѣсь оканчивается эта печальная повѣсть. Мы возвратились въ Буэносъ-Айресъ, потерявъ надежду опыскашь Донну Луизу; съ тѣхъ поръ Реджинальдъ помѣшался съ ума, а Донъ Хозе вскорѣ сошелъ въ могилу.

III.

0

ЗАПИСКАХЪ ШАТОБРИАНА.

(продолженіе.)

=

ТРЕТІЙ ДЕНЬ.

Кажется, нѣтъ нужды предупреждать читателей, что все вышеизложенное есть только безобразный, безцвѣпный осповъ прекраснѣйшаго Шатобрианава созданія. Мы лишь рассказывали то, что слышали отъ другихъ; вся эта великая исторія великаго челоуѣка, дошедшая до нихъ со всей живостью, со всѣмъ блескомъ, до насъ достигла только посредствомъ отраженія, въ рассказѣ повторительномъ, слѣдственно весьма непочномъ, искаженномъ. Но тѣмъ не менѣе участіе, внушаемое

Записками Г. Шапобриана, споль велико, что мы увѣрены заслужить благодарность отъ каждаго, кто бы онъ ни былъ, обнародовавъ заранее нѣсколько подробностей, исполненныхъ прелести и простоты, не взирая на то, что онъ лишены своей первоначальной оболочки, своего, такъ сказать, дѣвственнаго одѣянія. Но возвратимся къ нашему герою.

Мы оспавали его въ каретѣ на единѣ съ прекрасной дамой; онъ въ первый еще разъ ѣхалъ въ Парижъ, былъ молодъ, невиненъ, заспѣнчивъ; не имѣлъ понятія о нравахъ, которые вскорѣ долженъ былъ узнать; дѣйствительно, робость и заспѣнчивость его простирались такъ далеко, что дама, ожидавшая найми въ соупникѣ своемъ челоуѣка военнаго, не нашла въ немъ даже школьника. А попому, по окончаніи пупи, она простилась съ нимъ очень сухо и насмѣшливо, сдѣлавъ поклонъ, копорый, казалось, говорилъ весьма понятно: *не связывайся впередъ съ дамами, а учись математикѣ!* Но гдѣ найдете вы прекраснаго, заспѣнчиваго и честнаго молодаго челоуѣка, съ копорымъ, хотя однажды въ жизнь, не случилось бы того же?

На молодыхъ людей, вѣзжающихъ въ первый разъ въ Парижъ, городъ сей обыкновенно производитъ два совершенно пропивныя дѣйствія. Молодой, мечпапельный, заспѣнчивый офицеръ, вѣзжая въ него, долженъ

былъ проспипься съ лучшими своими мечтами. Прощай поэзія! Вспомните, что онъ очутился въ улицѣ Маль, въ небольшой каморкѣ гостинницы *Европа*, въ преспьемъ эшажѣ, совершенно одинъ въ этомъ шумѣ, совершенно одинъ среди этой толпы! По счастію, въ сіи минуты самаго крайняго одиночества, нашелъ его старшій братъ, нѣжно обнявъ и поспчасъ предспнавиль своему семейству и друзьямъ, Г. Мальзербу и литераторамъ, Парижу и Версали, городу и двору.

Г. Мальзербъ прежде всѣхъ приласкалъ и понялъ молодаго Франсуа Шатобріана. Съ тѣхъ поръ сей послѣдній чувспвовалъ къ нему признательность, почти равнявшуюся почпенію, которое онъ питалъ къ его добродѣтелямъ: »Родспвенная связь, сущспсвовавшая между нашими семействами, часто доставляла мнѣ счастье бытъ съ нимъ вмѣстѣ. Мнѣ казалось, что я приобрѣпалъ болѣе силы и свободы въ приспствіи сего добродѣтельнаго мужа, которій, среди общаго разврата, царспвовавшего въ сіе время при дворѣ, сохранилъ, не спомпря на высокой санѣ свой, непорочность сердца и мужество истиннаго патриота. Долго не забоду я послѣдняго моего свиданія съ нимъ; это было упроемъ; я нечаянно съѣхался съ нимъ у его внучки. Онъ началъ говорить со мною о Руссо; разговоръ его былъ исполненъ чувства, которое и я раздѣлялъ вполне. Всегда буду помнить, какъ поч-

щенный спарець снишелъ до того, что благовоилъ почпить меня совѣсами. » Напрасно, сказалъ онъ, говорю я съ вами объ эпомъ; мнѣ напропивъ надлежало бы склоняпъ васъ къ тому, чтобы вы умѣряли эпомъ душевный жаръ, копорый причинилъ сполько зла другу нашему. Я былъ таковъ же, какъ и вы; несправедливостъ возбуждала все мое негодование; я дѣлалъ сполько добра, сколько могъ, не ожидая отъ людей благодарности. Но вы молоды, испытаете еще многое, а мнѣ жить оспаеся не очень долго. « Не описываю всего, что онъ прибавилъ къ тому въ слѣдствіе искренности почпи дружескаго разговора и снисходительности своего характера; глубокая горестъ, ощущаемая мною, когда я съ нимъ распался, кажется; была не что иное, какъ предчувствіе, прорекавшее мнѣ, что я видѣлъ его въ послѣдній разъ!

» Г. Мальзербъ былъ великъ ростомъ, но ростъ его скрадывался въ слѣдствіе распроеннаго здоровья, принуждавшаго его ходитъ сгорбясъ. Наибольше удивляла въ немъ энергія, съ коей онъ выражался въ такой глубокой спарости. Еслибъ вы видѣли его сидящимъ молча, съ глазами нѣсколько впальми, съ полупосѣдѣвшими бровями и свойственнымъ ему добродушнымъ видомъ, то приняли бы за одно изъ величественныхъ лицъ, начертанныхъ кистью Лесюёра. Но когда начинали говорить о предметѣ для него занима-

пельномъ, по онъ вскакивалъ какъ молнія, глаза его раскрывались и увеличивались. По пламенной рѣчи, по виду одушевленному и мечпательному, вы почли бы его за молодого человека въ самыхъ огненныхъ лѣпахъ; но по обнаженной головѣ и произношенію нѣсколько невнятному, въ слѣдствіе недоспапка зубовъ, узнали бы семидесятилѣтняго спарца. Такая противоположность усугубляла прелестъ его разговора, подобно какъ огонь нравился болѣе; пылая среди зимнихъ снѣговъ.

» Г. Мальзербъ наполнилъ Европу славою своего имени; но защитникъ Людовика XVI, и въ прочія эпохи своей жизни, не менѣе заслуживаетъ удивленія, какъ при дослославномъ концѣ ея. Онъ былъ покровителемъ липераторовъ; ему обязанъ свѣтъ *Эмилемъ*: извѣстно, что, за исключеніемъ Маршала Люксембургскаго, онъ одинъ искренно любилъ Жан-Жака. Сколько несчастныхъ освободилъ онъ изъ Басиліи! Онъ одинъ не участвовалъ въ порокахъ вельможъ и числъ выпшелъ изъ мѣстъ, въ коихъ споль многіе другіе утратили свою добродѣтель. Его упрекали, что онъ держался *современныхъ правилъ*. Если современными правилами называютъ ненависть къ злоупотребленіямъ, то Г. Мальзербъ безъ сомнѣнія былъ виновенъ. Что до меня касается, то, еслибъ онъ былъ полько прямой, честный дворянинъ, гошовый пожертвовать

собою для Короля своего и предпочитающій защищать его шпагою, чѣмъ религіею, по я чувствовалъ бы къ нему чистосердечное уваженіе, но хвалить его предоспавилъ бы другимъ.»

Опъ важной бесѣды Г. Мальзербъ молодой человѣкъ быспро перешель въ общества менѣ скромныя, гдѣ собирались липераторы того времени. Спранная вещь! Сколько свободенъ былъ онъ съ самаго начала при свяпомъ спарцѣ, сполько оказался робкимъ въ присупспвіи нѣкопорыхъ славившихся тогда липераторовъ, коихъ ничпожеспво пакъ вѣрно оцѣнилъ въ послѣдспвіи. Чипая его *Опытъ о Революціяхъ*, не лзя удержашься опъ легкой улыбки, возбуждаемой живыми еще слѣдами перваго энпузіазма авпора, энпузіазма, копорый со временемъ пакъ много охладѣлъ, если не совсѣмъ исчезъ. Сколько великихъ людей видѣлъ онъ въ то время! Г. де Фонпанъ, Герцогъ Нивернуа, Шевалье Берпень, Г. Ле-Брюнь, Шевалье Парни, тогда еще роялистъ и хрїстіанинъ, не изрыгавшій своей гнусной *Войны Боговъ* на олпаръ фурій, Шамфаръ, копораго авпоръ сравниваетъ съ мудрецами Греціи, Шамфаръ, *коего голубое око сверкало молніей*; особенно Флень, не знаю кпо и чпо эпопъ Флень, но тогда слывщій великимъ поэпомъ, копораго Шапобріанъ называетъ знаменипымъ Фленемъ. Удивительную прелеспъ въ Запискахъ его имѣетъ эпо описаніе липера-

поровъ: » Эпименидъ, восклицаетъ онъ, заплашилъ свою дань Г. Фленю, доставивъ ему сюжетъ для комедіи. « Г. Шапобрианъ дѣлаетъ чудесный комментарій къ эпому прекрасному замѣчанію, по случаю высокаго мнѣнія своего о помъ же Г. Фленъ. » Не покажется ли эпю, говоритъ онъ, одной изъ пѣхъ спранныхъ апоспрофъ, копорья Дидро, подъ именемъ аббапа Рейналя, ввелъ въ испорію Объихъ Индій: » о берегъ Ахингга! пы самъ по себѣ ничпо, но на тебѣ родилась Элиза! «

Изъ города попалъ онъ ко двору. Необходимо надо было представитъ молодаго чловѣка ко двору, но чпобъ бытъ представленнымъ, ему надлежало бытъ въ военной службѣ и по крайней мѣрѣ въ чинѣ Капитана. Брапъ его, не служа въ военной, не могъ ѣздитъ въ Королевскихъ каретахъ; однакожъ надо было необходимо, чпобы кто-либо, носящій его имя, ѣздитъ въ нихъ: честь фамиліи того пребовала. Но Франсуа Шапобрианъ былъ только Подпоручикомъ въ Наваррскомъ пѣхотномъ полку, а потому его сдѣлали Капитаномъ кавалеріи; въ эпомъ званіи увидѣлъ онъ Короля Людовика XVI лицомъ къ лицу. Его удостоили чести допустить ко двору.

» Людовикъ XVI былъ высокъ ростомъ; имѣлъ широкія плеча, брюхо довольно большое; ходилъ переваливаясь съ ноги на ногу. Онъ былъ

близорукъ, имѣлъ полузакрыпья глаза, большой ропъ, голосъ глухой, неблагозвучный. Онъ громко хохопалъ; видъ его опличчался веселоспью, не пой, можепъ быпъ, которая испочникомъ своимъ имѣепъ великоспъ ума, а веселоспью просподушной, свойспвенной чеспному и доброму человѣку, раждающейся опъ безукоризненной совѣспи. Онъ былъ не невѣжда, особенно въ географіи; но впрочемъ, какъ и всѣ люди, имѣлъ свои слабоспи. Любилъ, на примѣрѣ, шупипъ надъ пажами, подсмапривапъ, въ пяпъ часовъ упра, за придворными, выходившими изъ дворца. Еслибы на охопѣ вы попались между оленемъ и имъ, по онъ предавался гнѣву, что я испыпалъ самъ на себѣ. Однажды, во время сильнаго зноя, одинъ изъ спарыхъ придворныхъ, слѣдуя за нимъ на охопу и весьма успапъ, слѣзъ съ лошади, распянулъ навзничъ и заснулъ подъ пѣнью. Людовикъ, проѣзжая мимо, увидѣлъ его; ему вздумалось пошупипъ надъ нимъ. Въ слѣдспвіе чего слѣзъ онъ самъ съ лошади и, не имѣя ни мало желанія ушибипъ стараго слугу, уронилъ ему на грудь довольно тяжельй камень. Придворный попчасъ проснулся и, чувствуя сильную боль, въ первомъ движеніи гнѣва воскликнулъ: » О, по этому поспулку я узнаю тебѣ! Таковъ былъ ты и въ дѣпспивѣ своемъ! Ты тиранъ, жестокой человѣкъ, дикой звѣрь! « И продолжалъ осыпавъ Короля

ругапельствами. Его Величествю проворно вскочилъ на лошадь, смѣясь, но вмѣстѣ сожалѣя, что причинилъ боль человѣку, копораго очень любилъ, и уѣзжая, говорилъ: » о! онъ сердился, сердился, сердился! «

Безъ сомнѣнія, вы любопытствуете знать, какъ молодой Подпоручикъ, сдѣлавшись Капитаномъ кавалеріи, узналъ самъ на себѣ, что Король предается гнѣву, когда попадался къ какому-нибудь между имъ и оленемъ. Въ Запискахъ это рассказано прелестно и забавно, да и здѣсь прочтете вы не безъ удовольствія. Вскорѣ послѣ перваго представленія, молодой Франсуа получилъ чрезъ Обер-Камергера приглашеніе присутствовать на охотѣ Короля.

Судите, долженъ ли былъ дворъ понравиться нашему молодому человѣку! Что можно сравнить съ этимъ Версальскимъ дворомъ, собирающимся по звуку роговъ? Солнце блистаетъ торжественно, какъ бы гопповаясь и само къ празднеству; лошади ржашъ, пажы носятся на коняхъ; дамы, кавалеры, вельможи, Король, гвардія, и Богъ знаетъ что еще? Садятся въ кареты, въ придворныя кареты, и отъѣзжаютъ въ Сен-Жерменскій лѣсъ. Было въ обыкновеніи, чтобъ всѣ, принимающіе участіе въ охотѣ, ѣхали на Королевскихъ лошадяхъ. Нашему Капитану кавалеріи дали кобылу, по прозванію *счастливая*, весьма пугоузкую и неболящую шпорь. Охота нача-

лась, собаки лаюшь, рогъ звучитъ. *Счастливая*, разгорячася, не повинуется всаднику; пускается какъ молнія, сбиваетъ все на пупи, мужчинъ и женщинъ, лепитъ, лепитъ, лепитъ! Молодаго челоуѣка предупреждали, чпобы онъ не проѣзжалъ между Королемъ и оленемъ, въ пропивномъ случаѣ подвергнется гнѣву; но лошадь не хотѣла знать ничего; вдругъ Шапобріанъ слышитъ ружейный выстрѣлъ, кобыла оспановилась, всадникъ сходитъ съ лошади, снимаетъ шляпу, и видитъ въ двадцати шагахъ опѣ себя Короля съ ружьемъ въ рукѣ: онъ только что убилъ оленя. Не далеко же онъ ушелъ, сказалъ Король, указывая на разпростерпаго оленя. Въ это время подоспѣлъ весь дворъ; и вы можете судить о всеобщемъ изумленіи, когда увидѣли новаго придворнаго на единѣ съ Королемъ, по видимому разговаривавшаго съ Его Величествомъ.

Король уѣхалъ и Шапобріанъ остался одинъ съ другими охотниками; спали было подшучиваешь надъ молодымъ Капипаномъ; чпо онъ не сладилъ съ лошадыо. Не подалеку лежалъ опрокинушой, густой, вѣтвистый дубъ; Шапобріанъ предлагаетъ перескочить на лошади чрезъ дубъ и сучья; но сего вызова ни кпо не принялъ, и онъ возвратился домой съ честью. Впрочемъ, дворъ былъ ему не повраву. » Характеръ мой не согласовался съ придворными обычаями; я

чувспвовавъ сильное презрѣніе къ нѣкоторымъ людямъ и не скрывавъ онаго ни мало. Мнѣ ни сколько не было леспно пакъ называемое *lovyshenie*, и я присуспвовавъ при дворѣ, какъ въ классическиххъ прагедіяхъ наперсники, копорые входяпть, выходяпть, смопрятъ и молчатъ. «

При помѣ эпопъ пламенный молодой человекъ былъ пакъ уменъ, пакъ много мечпалъ о будущемъ, что не находилъ ни чего достойнаго изученія при дворѣ, когда городъ предспавлялъ сполько поучипельныхъ предметовъ, не могъ смопрѣтъ въ прошедшее, когда предъ нимъ обнажалась будущность. Онъ видѣлъ Мирабо, слышалъ, какъ его заиканье сдѣлалось мало по малу грознымъ, всенизлагающимъ краснорѣчіемъ. Онъ видѣлъ Мирабо и въ павернѣ, гдѣ сей громозвучный випія съ пакой задумчивой улыбкой говорилъ о любви своей. Каковъ долженъ бытъ эпопъ порпреть Мирабо, копораго Шапобріанъ самъ видѣлъ и самъ описалъ! Вы не сомнѣваетесь, что Мирабо любилъ Шапобріана, что ему пріятно было довѣрять свои чувспвованія эпопъ пламенной душѣ, провозвѣщаемой такимъ огненнымъ взоромъ. Они часпо обѣдали вмѣспѣ; однажды, при выходѣ изъ-за спола, Мирабо, говоря о товарищахъ своихъ, положилъ полспыя руки свои на плеча молодого человека и сказалъ ему: » Они никогда не проспятъ мнѣ моего превосходспва. «

И такъ онъ видѣлъ начало эпои революціи, копорая должна была поколебать весь міръ; видѣлъ 89 годъ, предпечу 93-го; видѣлъ паденіе Версалии и Баспилии; видѣлъ, какъ осмнадцатый вѣкъ перешелъ опъ писменнаго краснорѣчія къ краснорѣчію изуспному, опъ прагеди къ памфлену, опъ книги къ журналу. Онъ видѣлъ спрашныя зрѣлица! Видѣлъ первыя опрубленныя головы, сіи кровавыя профей, вздѣпые на копье, сіи ужасныя свидѣльства народнаго неисповспва; и видѣлъ, прибывши посмопрѣпъ вблизи на поэпическую, исполненную нѣкогда преданности къ королямъ своимъ Францію, на Францію Людовика XIV и Боссюэпа, Францію Паскаля и Конде; опчизну прекрасныхъ женщинъ и благородныхъ рыцарей; веселую, магическую родину прелеспнаго языка; несчастную землю, долженспвовавшую вскорѣ содѣлаться добычей Данпоновъ и Мараповъ.

Можете себѣ предспавипъ, могъ ли онъ не успрашиться! Могъ ли не препепать при видѣ опрубленныхъ, блѣдныхъ, холодныхъ головъ, проносимыхъ предъ самыми его окнами! При этомъ видѣ Шапобрианъ забылъ все правила благоразумія и закричалъ: разбой, убійство! Краснорѣчіе овладѣло юношей, въ окнѣ претпьяго эпажа, чпобы защищать Людовика XVI, какъ оно овладѣло имъ въ по вре-

мя, когда прощаясь съ царствованіемъ Карла X, Перъ Франціи прощался въ прогашельной благородной элегіи съ Франціей и прибуной. Но погда раздраженный народъ едва не вздѣль на пуже пику и головы самага Франсуа Шапобріана. Толпа собиралась уже выломатьъ двери госпинницы, но была оппѣснена другой нахлынувшей полпой; ибо въ это время за полпой слѣдовала другая полпа, одно неисповспво смѣнялось другимъ, одна опрубленная голова другой опрубленной головой; неподвижнымъ оспавался полько эшафонъ, не сходилъ съ мѣспа одинъ палачъ.

Внѣ себя Шапобріанъ скрылся къ Г. Мальзербу, благородному и мужеспвенному дворянину, сохранившему свое хладнокровіе до самыхъ воропъ Тампля, къ пому, кого убили какъ самага добродѣпельнаго и самага неуспрацимаго челоуѣка во всей Франціи, дабы не оспавипъ никому надежды. Г. Мальзербъ, копорый лучше всякаго другаго зналъ, чпо такое революція, сжалился, безъ сомнѣнія, надъ молодымъ челоуѣкомъ, копораго, пакъ, случайно, могли зарѣзатъ безъ всякой вины. Онъ высмалъ его изъ Франціи подъ благороднымъ предлогомъ. Г. Мальзербъ весьма любилъ географію; на споль въ его кабинетѣ всегда лежало нѣсколько карпъ. »Еслибы я былъ на вашемъ мѣспѣ«—сказалъ онъ Шапобріану,—»по

поѣхалъ бы въ Америку, предпринялъ бы что нибудь важное, пропутешествовалъ бы лѣтъ десять. « Десять лѣтъ! Благородный спарець сказалъ мало!

Эти слова воспламенили Франсуа Шапобриана. Его влекла глуда великая идея; онъ не понималъ, чпобы здѣсь могъ быть удержанъ опасностью. И такъ онъ опправился, проспился съ Г. Мальзербомъ и съ матерью, которая за тѣмъ нарочно приѣзжала въ С. Мало, гдѣ онъ съѣлъ на корабль. За два дни предъ его отъѣздомъ умеръ Мирабо. *Прости отечество!* сказалъ онъ, какъ Байронъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

Вотъ какъ самъ Г. Шапобрианъ раскрываетъ великую идею, побудившую его ѣхать въ Америку. » Эпо, предпринимаемое мною тогда путешествованіе, было только предвареніемъ другаго, болѣе важнаго, коего планы сообщилъ я по возвращеніи моемъ Г. Мальзербу. Я намѣревался, путешествуя сухимъ путемъ, рѣшить великій вопросъ о проѣздѣ въ Южный Океанъ чрезъ Сѣверъ. Извѣстно, что не взирая на всѣ усилія Капитана Кука и послѣдовавшихъ ему

мореплавателей, сіе оспяется еще подь сомнѣніемъ. «

И шакъ онъ отправился въ Новый Свѣтъ. Что намъ за дѣло, за чѣмъ онъ шуда поѣхаль? Что за дѣло до того, найдется ли у сѣвернаго полюса проѣздъ? Мы найдемъ гораздо лучше, найдемъ великаго поэта. Каждому свой удѣль: капишанамъ Куку и Парри и со всѣми другими—опкрышія, проѣзды, новыя земли, безвѣстныя на небѣ звѣзды; Американцу—города,воздвигаемые имъ въ пуспынѣ, обновленные законы, перевороты, имъ опъ насъ посылаемые, но коихъ зародышь возвращаетъ онъ намъ обратно, въ увеличенномъ, распроспраненномъ, болѣе спрашномъ видѣ. Нашему поэту доспались въ удѣль пуспыни и дремучіе лѣса Америки, ея великія рѣки, цвѣшущія деревья, меланхолическія пѣсни въ обширныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, шумъ пѣнящагося водопада; ему пуспыни съ ихъ дикарями; ему Шакпасъ, Апшала; ему поэзія, мѣрная музыкальная рѣчь, задумчивый, пронцапельный взоръ, кидаемый на эту изумительную землю. Его назвашь просто пупешеспвенникомъ! Онъ болѣе чѣмъ пупешеспвенникъ: онъ великій поэтъ. На что ему сѣверный проѣздъ? Онъ знаетъ всю эту землю, знаетъ наизустъ; знаетъ ея испорію опъ самаго созданія; это его собспвенность, его земля, его поэма, его книга, это дѣвственная

спрасть его юности; она въ зрѣлыхъ лѣтахъ будеть для него прелестнымъ воспоминаніемъ; въ старости сослужитъ для души его предметъ прогнательныхъ воздыханій! И такъ будите спокойны: путешественникъ скоро замѣнится поэтомъ; его великая идея объ опкрѣпленіяхъ успуитъ мѣсто фанпазіи! Именно такъ и случилось. Едва ввѣрился онъ морю, едва увидѣлъ небо, солнце и звѣзды морскія, какъ уже весь предался своимъ любимымъ прихотямъ. Онъ описываетъ шумъ волнъ, вѣперъ, воду и грозную пищину ея; удивляется всему; впереть взоръ поэта на мап-роса, чуть виднаго вверху мачты, на ласпочку, надъ нимъ выющуюся и прилепающую опдыхать на мачтѣ; ничто не избѣгаетъ опъ него. Эпоетъ быспрый, извѣспный вамъ взоръ, объемлетъ неизмѣримость моря и неба, а земля уже далеко. И существуеть ли она для него? Онъ едва храниеть объ ней смутное понятіе. При помъ, развѣ онъ не найдетъ ея опять?

Эти впечатлѣнія моря существууютъ вездѣ въ твореніяхъ Г. Шапобріана. Они такъ живы, что вы найдете ихъ и въ *Духъ Христіанства* и въ *Начесахъ* и въ *Дорожникъ* и особенно въ его *Запискахъ*. Какъ ему любо говорить о пустыняхъ Океана! » Находясь среди моря, я чувствовалъ себя въ нѣдрахъ опчизны;

въ первыхъ моихъ путешествіяхъ, я былъ имъ мѣлѣнъ, какъ кормицей, какъ повѣренной моихъ первыхъ радостей. Мнѣ наиболѣе приличествуютъ слѣдующіе стихи Лукреція:

Túm porrò puer ut saevis projectus ab undis
Navita. . .

Я воспитался въ поварищесствѣ съ вѣтрами и волнами; эти волны и вѣтры, это порожественное уединеніе, были первыми моими учителями; они удивительно согласуются съ свойствомъ ума моего и независимостью характера; можетъ быть, этому дикому, воспитанію обязанъ я нѣкоторыми добродѣтелями, кои были бы въ противномъ случаѣ мнѣ неизвѣстны; справедливо, что никакая система воспитанія сама по себѣ не предпочтительна другой. Все, шворимое Богомъ, шворится ко благу; нами управляетъ Его святое Провидѣніе; Его всемогущая рука спавитъ насъ на спезю, по коей мы должны идти къ нашему назначенію. « Какой слогъ!

Даже не чипавъ Записокъ Г. Шатобріана, легко можно слѣдовать за нимъ въ его путешествіяхъ: онѣ опть часпи напечатаны; главная прелестъ ихъ та, что вообще онѣ похожи на эпическую поѣму, вымышленную Тассомъ и написанную Сперномъ. Вышедъ, какъ мы уже сказали,

изъ Сен-Мало, корабль, на которомъ находился Г. Шапобрианъ, вспушилъ въ открытое море и 6 Маія 1791 года бросилъ якорь у острова Граціозы, одного изъ Азорскихъ. Изъ Граціозы отправились они въ Сен-Пьеръ, попомъ плыли вдоль береговъ Мариланда и Виргиніи. Въ сіе-по время, въ одну изъ психихъ ночей, кои такъ часпо бываюпть при берегахъ Америки, Г. Шапобрианъ нашель, не новыи, архипелагъ, а прекрасныя спраницы *Духа Христіанства*, въ коихъ описывается захожденіе солнца: » Солнечный шаръ сіялъ изъ-за корабельныхъ канатовъ среди безпредѣльныхъ проспранспвъ. « Чрезъ нѣсколько дней, спорожевой воскликнулъ: Земля! Они на пвердой землѣ Америки.

» Я. споялъ нѣсколько времени сложа руки, смопрѣлъ вокругъ себя; въ душѣ моей спѣснилось множество чувспвованій и мыслей, коихъ я не могъ поняпть погда и пеперь описать не въ соспоянніи. Эпопть маперикъ, совершенно незнаемый въ печеніе всего періода древноспи и въ продолженіе многихъ вѣковъ времени новѣйшаго; его первоначальная дикоспъ, судьба послѣ прибытія Христофора Колумба; владычество Европы, поколебавшееся въ сей часпи свѣспа; окончаніе спараго общеспва въ юной Америкѣ; наконецъ собспвенная учаспъ моя, открытія, копорыя я намѣревался учинипть въ эпомъ опечеспвѣ пу-

спынъ и уединенія, разпростирающаго обширное владычество свое за пѣсными предѣлами чуждой цивилизаціи. Вотъ чѣмъ занимался умъ мой, чѣмъ полна была душа!»

Но когда прошло это первое мгновеніе смущенной нерѣшимельности, поэтъ снова обнаружился. Онъ взираетъ съ удивленіемъ, непрерывно возрастающимъ, на песпрыхъ и болпливыхъ попугаевъ, на хорошенькихъ негришанокъ, на правильные дома Англичанъ, на бѣлокъ сѣрыхъ, черныхъ, полосатыхъ, и посреди сихъ пищъ и звѣрковъ мыслишь, »что въ Америкѣ нѣтъ ничего спараго, кромѣ лѣсовъ, сыновъ земли.« Такъ проѣхалъ онъ Соединенные Штаты и прибылъ въ Филадельфію. Въ это самое время, какъ онъ въѣзжалъ въ этотъ городъ, въѣзжала шуда же карета, запряженная въ чепыре лошади: это была карета Вашингтона.

Первое свиданіе молодого путешественника съ Вашингтономъ рассказано превосходно.

»Дворцомъ Президенту Соединенныхъ-Штатовъ служилъ небольшой въ Англійскомъ родѣ домикъ, весьма сходный съ сосѣдственными домами; въ немъ не нашель я ни спражи, ни даже слугъ. Я поспучался; мнѣ отворила молодая служанка. У себя ли Генераль? спросилъ я; она отвѣчала, что дома. »У меня есть«, продолжалъ я, »письмо къ нему.« Служанка спросила мое имя, споль шрудное для Англійскаго произношенія

копораго она никакъ не могла запомнить. Попомъ сказала мнѣ медленно: *walk in, sir!* (взойдите, государь мой!); и пошла передо мной по длинному узкому корридору, обыкновенно служащему вмѣсто сѣней въ Англійскихъ домахъ. Я взошелъ за нею въ пріемную, гдѣ она просила меня подождать.

»Я не былъ нисколько взволнованъ; величіе души или Фортуны не изумляетъ меня: удивляюсь первому, не будучи имъ подавляемъ; къ свѣту чувствую болѣе жалости, чѣмъ уваженія. Никпо, никогда не приведетъ меня въ смущеніе.

» Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ Генераль. Это былъ человекъ высокаго роста, не столько благороднаго, сколько спокойнаго, хладнокровнаго вида. Существующее порпрепы его весьма съ нимъ схожи. Молча подаль я ему письмо; онъ тотчасъ распечаталь, взглянулъ прежде всего на подпись, копорую прочель вслухъ съ восклицаніемъ: » Полковникъ Арманъ! « Такъ называль онъ Маркиза Руэри, и такъ сей послѣдній подписался.

» Мы сѣли; я объяснилъ ему, какъ умѣлъ, цѣль моего путешествія. Онъ отвѣчалъ односложными Англійскими и Французскими словами; слушалъ меня съ нѣкопорымъ удивленіемъ. Я приблизился къ нему и сказалъ съ нѣкопорой живостью: » Но найдни Сѣверо - Западный проходъ не такъ трудно, какъ создашь, подобно вамъ, новый на-

родъ. « — *Welle, welle, young man!* воскликнулъ онъ, пропягивая мнѣ руку; пригласилъ меня на слѣдующій день къ обѣду; и мы распались.

» Я не преминулъ придти въ назначенное время. За столомъ сѣло насъ пять или шесть человѣкъ. Разговаривали почти только о Французской революціи. Генералъ показалъ намъ одинъ изъ Баспильскихъ ключей. Эти Баспильскіе ключи были просто игрушки, продававшіяся въ обоихъ мірахъ. Если бы Вашингтонъ видѣлъ, подобно мнѣ, побѣдителей Баспили въ Парижскихъ лужахъ, то меньше вѣрилъ бы сказкѣ объ эптомъ ключѣ.

» Таково было свиданіе мое съ мужемъ, которій освободилъ цѣлый міръ. Вашингтонъ умеръ прежде, чѣмъ я успѣлъ хопя сколько нибудь прославиться; я мелькнулъ предъ нимъ, какъ самое безвѣстное существо; онъ былъ во всемъ блескѣ своемъ, я во всемъ моемъ мракѣ. Бышь можешъ имя мое не удержалось и на одинъ день въ его памяти. Но счастливъ я, что видѣлъ его! Воспоминаніе о немъ будешъ меня одушевлять во всю мою жизнь. Во взорахъ великаго человѣка ешь какой-то талисманъ.

» Въ послѣдствіи видѣлъ я Бонапарта. И такъ Провидѣніе благоволило мнѣ дославить случай видѣть двухъ мужей, кои, по Его волѣ, рѣшали жребій своего вѣка! «

За симъ слѣдуешъ удивительное сравненіе Ва-

шингтона съ Бонапартомъ, сравненіе, не имѣющее подобнаго въ древности, попому что древность не имѣла у себя Вашингтона, Бонапарша и Шапобріана. Вашингтонъ на полѣ битвы оставляетъ профеемъ своимъ Соединенные-Штаты; Бонапартъ думаетъ только о собственной участи. Это сравненіе, само по себѣ представляющее столько великаго и прекраснаго, удивительно раскрыто въ Запискахъ Шапобріана.

Повидавшись съ Вашингтономъ, Шапобріанъ продолжалъ путь свой. *Изумленіе* Вашингтона не остановило молодаго человѣка. Онъ оправился въ спрану дикихъ; пайный голосъ говорилъ ему, что тамъ онъ навѣрное найдетъ что-нибудь. Фанпазія поэзіи вскорѣ опять посѣпила его, подобно какъ въ школѣ Гораций и Св. Авгуспинъ часно отвлекали его отъ ариѳметики Безу. Въ свидѣтели спавлю нижеслѣдующія прелестныя спроки; спрашиваю у каждаго чипашеля, шакovy ли должны быть чувспвованія человѣка, копорый серьезно думаетъ открыть сѣверный проходъ?

» Отправляясь въ спрану дикихъ, сѣлъ я на пакетботъ, ѣхавшій вверхъ по рѣкѣ Гудсонъ до Нью-Йорка въ Альбани. Общество пассажировъ было многочисленно и любезно; оно состояло изъ многихъ женщинъ и нѣсколькихъ Американскихъ офицеровъ. Благопріятспвуемые свѣжимъ вѣтромъ, скоро достигли мы мѣста

назначенія. Вечеромъ въ первый день всѣ собрались на палубѣ, ужинали плодами и молокомъ. Женщины сѣли по скамьямъ, мушцины помѣспились у ногъ ихъ. Разговоръ не долго былъ шуменъ. Я всегда замѣчалъ, что при зрѣлицѣ великолѣпной карпины природы, каждый невольно предаенъ безмолвію. Вдругъ, не знаю кпѣпо изъ общеспва, воскликнулъ: »Вонъ здѣсь казнили Маіора Андре!« И всѣ мечпы мои разлепѣлись. Тогда спали просипь одну весьма хорошенькую Американочку, чпобы она спѣла романсъ о несчастномъ юношѣ. Она согласилась и начала пѣпъ робкимъ, исполненнымъ прелеспи и чувспва голосомъ. Солнце садилось; мы проѣзжали между высокихъ горъ. Тамъ и сямъ виднѣлись висящія надъ бездною хижины, копорья мелькали и скрывались попеременно за полубѣлыми и полурозовыми облаками, плывшими на ровнѣ съ сими жилищами. Временемъ, выше сихъ облаковъ являлись вершины горъ и елей, будпо плавающіе въ морѣ оспровки. Величеспвенная рѣка пекла яредъ нами въ прямой линіи, пѣснясь между двухъ параллельныхъ береговъ; попомъ, обращаясь вдругъ къ лучезарному западу, капила золотыя волны свои около какой-либо горы, копорая, опражаясь въ водѣ со всѣми своими распеніями, уподоблялась огромному зеленому букешу, опоясанному розово-голубой лентой. Мы всѣ хранили глубо-

кое молчаніе. Я едва смѣлъ дышатьъ. Ничто не прерывало жалобнаго пѣнія молодой пассажирки, кромѣ незамѣтнаго шума, производимаго скользившимъ по водѣ пакепбпомъ. «

Чѣмъ болѣе проникалъ онъ въ новыі міръ, тѣмъ болѣе сдружался съ поэзіей. Ему должно было изливаться изъ себя эпу поэзію, создавшую его тѣмъ, что онъ шеперь, копорый до тѣхъ поръ пользовался только липературными почестями *Франмузскаго Меркурія*—опличіе завидное, коимъ онъ погда очень гордился! И пусть онъ на свободѣ болѣе и болѣе погружается въ дѣвственныя лѣса Америки. »Прорѣхавъ чрезъ Могакъ и всплывъ въ лѣса, копорые никогда еще не слыхали попора, я вошелъ въ нѣкопораго рода воспоргъ. Я подходилъ къ деревьямъ наудачу, говоря самъ себѣ: »здѣсь ужъ нѣтъ дороги; нѣтъ городовъ, тѣсныхъ жилищъ, президенповъ, республикъ!« И желая испытать первородныя права свои, я предавался тысячи своевольствамъ, копорыя бѣсили рослаго Голландца, служившаго мнѣ проводникомъ: онъ мысленно считалъ меня за сумасшедшаго. «

.. Но, скажете вы, а сѣверный проходъ! О, проходъ! Да, конечно!.. Но развѣ въ этихъ лѣсахъ нѣтъ дѣвъ, его любящихъ и имъ любимыхъ, развѣ нѣтъ двухъ женщинъ невинныхъ, прелесныхъ, послужившихъ ему шипомъ для идеала *Атталы* и юной дочери *Цатесовъ*? Развѣ вечеромъ онъ не ужи-

намъ съ цѣлымъ племенемъ дикихъ, не засыпалъ у огня съ воинами, выпивъ водки и покуривъ *калюмета*? Чпо вы говорите о проходы! Развѣ онъ не сказывалъ вамъ, чпо имъ овладѣлъ воспоргъ, чпо онъ виѣ себя, упоенъ, свободенъ, совершенно одинъ; спранникъ пѣломъ и воображеніемъ поэпъ на волѣ, совершенный поэпъ; онъ присупспвуетъ восхищенный, съ слезами на глазахъ, съ улыбкой на успахъ, съ блаженспвомъ въ сердцѣ, при пробужденіи своего генія. Онъ восклицаетъ въ свою очередь: »и я, и я! *anch io! anch io!*«—Какая драма! Эпопъ юноша, въ эпомъ еще совершенно юномъ мірѣ; эпопъ человекъ, одинъ въ пустынѣ; эпопъ просвѣщенный, убѣжавшій изъ Парижа, и какого Парижа? который скачетъ и бѣгаетъ какъ серна! Проспи уныніе! проспи печаль! Онъ бродитъ, идетъ, садится, спитъ, оборачивается, слушаетъ, говоритъ, сморитъ, грезитъ, кличетъ себя самага, куритъ, жаритъ обѣдъ свой, любитъ кровавое мясо, любитъся на дѣпей, кои спятъ качаясь на древесныхъ вѣпвахъ... Чпо вы говорите ему о проходы! Ему нѣкогда. Онъ долженъ видѣть водопадъ Ніагары, который при раза такъ превосходно имъ описанъ. Не его вина, если онъ въ первый разъ не упалъ въ пропасть, если лошадь не увлекла его шуда во впорой. Онъ опдѣмался только переломленной рукой, но въ Америкѣ излечаются такъ скоро! Тогда

онъ кидается въ озеро Эріе, на берегу коего видить чудесныхъ жабъ и змѣй; унаепъ ихъ нравы, имена; хошите ли? онъ запляшупъ подъ его флейпу. Онъ переѣзжаетъ полсопни рѣкъ по прекраснымъ золопо-проволочнымъ моспамъ, висящимъ на воздухѣ, созданнымъ его пворческимъ воображеніемъ. Иногда оспанавливаепся на берегу озера, смоприть, какъ спаи рыбъ играюпъ въ прозрачной водѣ; иногда успремляетъ взоръ свой на ппиць, или закрывъ глаза, прислушивается къ шуму всѣхъ сихъ падающихъ въ море рѣкъ. Шумъ эпопъ былъ пакъ силенъ, чпо воспрепяпспивоваль поэпу слышатъ громъ сокрушавшагося во Франціи прона.

Эпопъ воспоргъ безмѣрень, эпо восхищеніе безпредѣльно. Онъ подобенъ челоуѣку, описанному въ одной поэмѣ, копорый, взглянувъ на міръ, только чпо созданный, могъ лишь восклицать: о! о! о! и только. Иногда пишепъ онъ цѣмья спраницы, копорыя всѣ не чпо иное, какъ длинныя восклицанія. Вы говорите ему о проходѣ; но развѣ вы не видите пысячи мелкихъ препяпспвій, оспанавливающихъ его на цѣлые дни? Однажды, проѣзжая лугомъ, видить онъ худощаву корову, спокойно пасущуюся. Вдругъ при челоуѣка пригнапи на лугъ пяпъ или шеспъ жирныхъ коровъ и прогнапи худую корову палками. При семъ видѣ нашъ

путешественникъ поспѣшь совращается съ пути. » Дикая женщина, съ виду такая же несчастная, какъ и корова, вышла изъ удивенной хижины, пошла къ испуганному живописцу, кликнула его и дала ему что-то ѣсть. Корова бросилась къ ней, вытянувъ шею, мыча отъ радости. Колонисты издали грозили Индианкѣ, возвращавшейся въ хижину. Корова послѣдовала за нею, остановилась у дверей хижины и лизала руку Индианки, ласкавшей ее. Колонисты ушли. «

Не одинъ ли у васъ вкусъ со мною! Не болѣе ли всѣхъ сѣверныхъ проходовъ нравился вамъ эта корова?

А что вы скажете о его забавной встрѣчѣ среди лѣсовъ? Эпопъ камеръ-юнкеръ, заставляющій плясать господъ дикарей и госпожъ дикарокъ въ ихъ палапахъ, наигрываетъ арію изъ *Madelon Friquet*. И пакъ путешествие его по лѣсамъ соединяетъ всѣ прелести пустыни и всѣ пріключенія жизни образованной. Часпо, сидя на Индійскихъ развалинахъ, пропивъ Англійскаго дома, вчера только что выспроеннаго, подъ защипою деревъ, ровесниковъ міра, рядомъ съ дикими, на берегу рѣки, гдѣ играющіе крокодилы извергаютъ изъ зіяющихъ челюстей своихъ фонпаны, онъ обѣдалъ, вливая поющему пеликану, крикамъ лебедя, скрывающагося въ облакахъ, ѣлъ свѣжихъ усприць, и былъ въ эти мину-

пы удивленія и покоя счастливъ, какъ царь.
 » Я былъ больше царя. Если бы жребій далъ мнѣ въ удѣлъ пронь, съ коего сверглабъ меня революція, по я не спалъ бы, подобно Карлу и Іакову, влачипь жизнь мою въ Европѣ; я сказалъ бы честолюбцамъ: » Вамъ завидно мое мѣсто; извольте, узнайте, каково на немъ; вы увидите, что оно не очень лестно. Пожалуй, убивайте другъ друга за старый плащъ мой, а я отправлюсь въ Американскіе лѣса наслаждаться свободой, которую вы мнѣ возвратили. « . .

По испинѣ, не лзя не беспокоиться опъ всей души, опъ всего сердца, взирая на мирную жизнь и энтузіазмъ молодого спранника. Онъ вспунилъ въ эти лѣса пакъ дѣвственъ, пакъ молодъ, пакъ влюбленъ во все прекрасное, благородное, доброе; онъ привесъ съ собою сполько добродѣтели, независимости, мужества; онъ пакъ счастливъ, пакъ гордъ пробудившейся въ немъ поэзіей, новой, мощной, со всѣхъ сторонъ выкипающей, изъясляющей себя криками, слезами, молчаніемъ, сопутствующей ему и на яву и во снѣ, подъ открытымъ небомъ и въ хижинѣ дикаря, на большихъ рѣкахъ, возлѣ синихъ дѣвъ, возлѣ дикихъ рапниковъ, вдали опъ людей и въ ихъ обществѣ, вездѣ и всегда! Какъ прекрасно зрѣлище, представляемое человѣкомъ споль счастливымъ, споль со-

вершено счастливымъ! Какъ боишься, чпобы это счастье не исчезло вдругъ! При каждомъ шагѣ, углубляющемъ сего молодого человѣка въ дикую жизнь смерти, невольно вспоминаешь, что онъ дворянинъ, офицеръ; что онъ ѣздилъ въ королевскихъ экипажахъ; что онъ принадлежилъ тому Королю, котораго тамъ, далеко, сажаютъ въ тюрьму; что онъ членъ Французскаго дворянства, которое тамъ, далеко, губятъ безцѣдно; что у него въ отечествѣ оспались братья, мать, родные, друзья, полкъ, и мало ли что еще. Древа лѣсныхъ, съниже его вашей священной тѣнью; безчисленныя птицы, не имѣющія еще имени, воспѣвайте предъ нимъ непрерывно ваши гимны славы; шумите, дренія рѣки; реви, обширный океанъ; воспаньте, яростные ураганы; увлечи его съ собой, Индеецъ рыболовъ; опушайте его гирляндами изъ цвѣтвъ, дикія дѣвы; воспань, вся земля Американская, не пускай его отъ себя! Дай небо, чпобы въ сія пустыни не дошли до него слухи о Франціи! Сохрани его, Провидѣніе! Онъ такъ счастливъ, ему такъ хорошо! Но какъ воспрепятствовать, чпобы ужасный громъ, потрясавшій Францію, не раздался и въ Америкѣ?

Г. Шапобрианъ не долженъ былъ избѣгать своей участи. Вопль какъ до него дошелъ слухъ о паденіи Монархіи во Франціи. »Блуждая по лѣсамъ, я приблизился къ заселеннымъ землямъ. Однажды вечеромъ, являюсь передъ хижиной,

Телеск. XX.

выспроенной на берегу ручья, пребую гостепріимства; мнѣ не отказываютъ.

» Наспала ночь. Комната освѣщалась только огнемъ камина, возлѣ коего я сидѣлъ. Между тѣмъ какъ хозяйка пригопвляла ужинъ, я спалъ чипапъ подпяпый мною съ полу журналъ. Меня поразили слова, изображенныя крупными буквами: FLIGHT OF THE KING (*Бѣгство Короля*). Это было описаніе бѣгства Людовика XVI и его арестованіе въ Вареннѣ. Въ журналѣ описывалось также возрастаніе эмиграціи и соединеніе почти всѣхъ офицеровъ арміи подъ знаменами Французскихъ Принцевъ. Голосъ чести раздался въ моемъ сердцѣ; мнѣ должно было оставишь все намѣренія, ѣхать назадъ. «

Здѣсь поэтъ не все высказалъ: не одни намѣренія свои оставилъ онъ; онъ оставилъ и свою поэзію, проспился съ любимыми лѣсами, отказался отъ эпои совершенно новой земли, коеи первый постигъ поэпическую спорану; онъ проспился съ тѣмъ, что видѣлъ, и съ тѣмъ, что ему видѣть еще оставалось. Проспите горы, долины, водопады! Проспите жипели лѣсовъ! Проспите лѣса! Онъ увозитъ съ собою *Атталу* и *Нахесовъ*, возвращается изъ эпои цвѣтущей, спокойной земли, въ Парижъ, спарый, весь измяпый, весь разбипый, весь мяпезный Парижъ. Онъ испугалъ его еще въ 89 году и теперь дожилъ уже до 92! Великій Боже!

Не думаю, чтообы когда либо молодой человекъ

представилъ болѣе сильное доказательство покорности жребію, мужества, привязанности къ своимъ вѣрованіямъ. ЕСТЬ люди, которые по долгу оппказываются опп своихъ семействъ, опп наукъ, опп любви; все это еще возможно. Но оппказаться опп своей поэзіи; проспиться съ начатой поэмой, воропиться изъ новаго міра въ міръ старій, изъ лѣсовъ и пустынь въ городъ и толпу, изъ міра рождающагося въ міръ умирающій, опп свободы дикарей къ свободѣ каннибаловъ; оппавить безмолвіе, покой, шумъ, одиночество, рѣки, пустыни, цвѣты; воропиться съ недовершенными идеями, некончанными поэмами, подъ вліяніемъ прерваннаго сна; воропиться за пѣмъ, чпобъ видѣть кровавые эшафоты, людей взаимно другъ друга рѣжущихъ, сокрушенный пронъ, испровергнутые алтари; воропиться не имѣя силы защитить ни Бога, ни Короля своего, ни живыхъ, ни мертвыхъ; воропиться на развалины, коихъ не должно смѣть и облакивать! И это сдѣлалъ онъ, не колеблясь, безъ смущенія, безъ горести, безъ страха!

По возвращеніи въ Филадельфію, дабы сѣсть памъ на корабль, первое напомнившее ему, что онъ человекъ образованный, былъ недоспапокъ денегъ для уплаты за проѣздъ. Одинъ честный Капитанъ согласился довести его въ долгъ; и такъ онъ оппправился. Буря въ девятнадцать дней примчала его къ берегамъ Франціи, гдѣ онъ едва не потерпѣлъ кораблекрушенія между остро-

вами Гернензеємъ и Ориньи. Какая буря! Какая ужасная буря! Описаніемъ ея заключается четвертая книга Записокъ Г. Шапобріана: » Когда Голландской корабль застигнетъ буря, то офицеры и мапросы сходятъ внутрь корабля, запираютъ всѣ люки; на палубѣ оставляютъ только собаку, которая лаемъ привѣщиваетъ бурю. Между тѣмъ офицеры и мапросы пьютъ и курятъ, ожидая пока буря кончится. Буря кончается, собака перестанетъ лаять и экипажъ взбирается опять на палубу. Такъ и я, говорю въ шепотъ, и я позже, что собака на кораблѣ: респаврація оставила меня на палубѣ увѣдомлять ее о бурѣ, между тѣмъ какъ сама покоилась. « Вы чувствуете, что это не Шапобріанская фраза, что я ее порчу, убиваю; но мнѣ это извинительно: я слышалъ ее не изъ устъ самаго поэта, знаю о ней по наслышкѣ, воспоминаніе мое зиждется на другомъ воспоминаніи.

(окончаніе слѣдуетъ.)

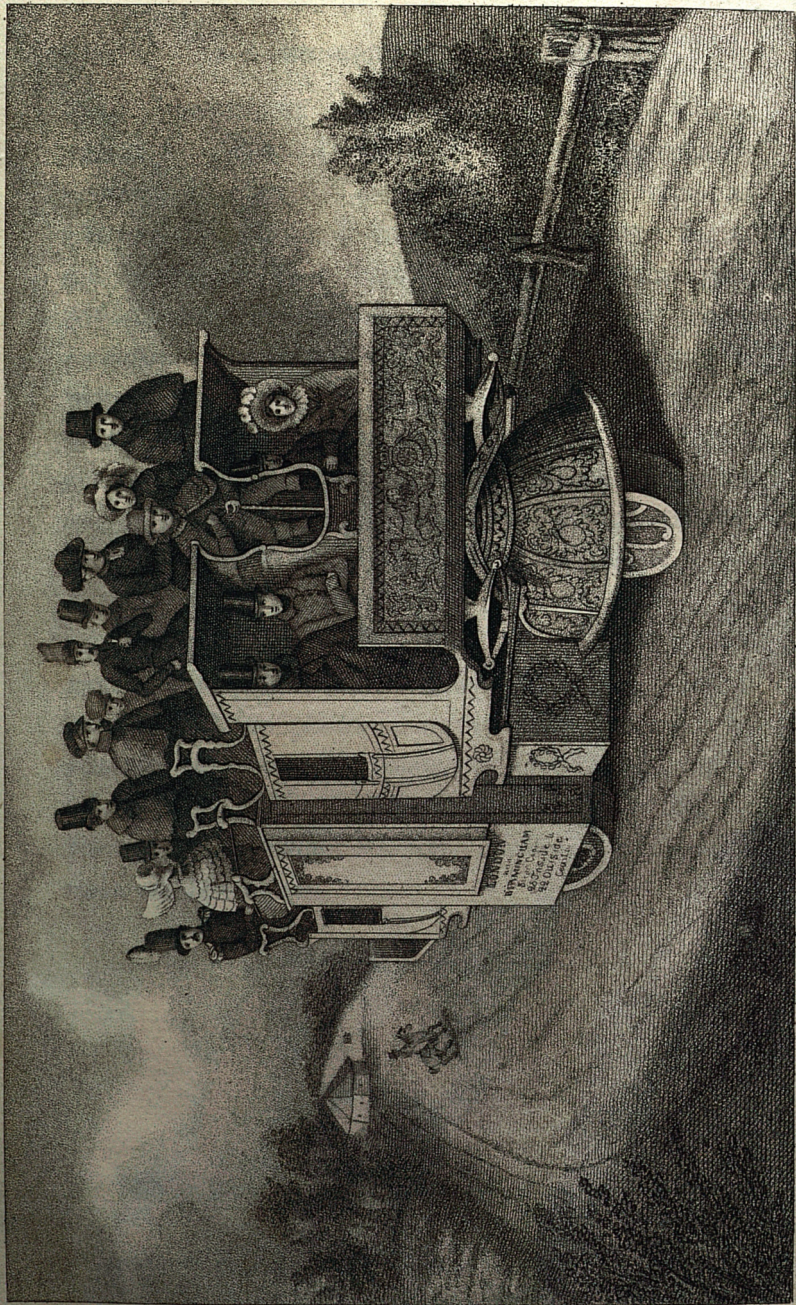
МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва. Апрѣля 6 дня, 1834 года.

Цензоръ А. Болдыревъ.

№ 2, 15 Мавч. 1834 з.

Т. А. Кошаров.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

СОВРЕМЕННАЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(продолженіе).

Когда, назадъ пому восемь лѣтъ, явился *Сен-Маръ*, я думаю, всѣ были единогласны въ разсужденіи достоинства снмля и драматическаго интереса сего прекраснаго романа. Общее упомяненіе произведено было пошлыми подражаніями Ивангое. *Сен-Маръ* предспавиль Французской публикѣ сказку, коей главныя лица принадлежали испоріи, но которая однако не имѣ-

ничего общаго съ извѣстнымъ шипомъ историческаго романа. Для госпинныхъ эпо былъ первый дебютъ сочинителя; ибо его поэмы, разбросанныя въ опривкахъ, были извѣсны только шѣмъ, кои постоянно слѣдятъ ежедневно возобновляющуюся производительность фанпази.

По сему, какъ обыкновенно случается въ подобныхъ обспояпельспвахъ, личная слава, на которую романистъ имѣлъ законное право, заглушилась совершенно славою самой книги. Теперь вещи пришли въ свой настоящій порядокъ. Книга оспалась въ липературномъ мнѣнн шѣмъ, чѣмъ она была, прекрасною и высокою книгою, и имя, подъ ней подписанное, сдѣлалось славнымъ, какъ должно было того надѣяться. Ришелье, Людовикъ XIII, Анна Авспрійская, начерпаны рукою твердою и знающею. Воспитанникъ или лучше сказать школьникъ кардинала весьма искусно соспавленъ изъ черпъ, разсѣянныхъ въ запискахъ современныхъ придворныхъ. Альфредъ де Виньи спрого уважалъ испину, имъ изученную. Онъ предспавилъ намъ короля слабаго и спыдящагося своею слабости, оплакивающаго кровь, которая льется предъ его глазами, и не смѣющаго сдѣлать шага, чпобы оспановить сѣкиру, гоповую пась на главу неповинную, вступающую въ заговоръ пропивъ своего миниспра, котораго оспавилъ не

смѣепъ, и доносящаго на своихъ соучаспниковъ пому самому врагу, котораго желалъ ниспровергнушь. Физиономія удивипельно жалкая! Но я думаю, поэтъ сдѣлалъ бы большую ошибку, еслибъ исказилъ ее; ибо безъ настоящаго Людовика XIII и Ришелье невозможенъ. Трудно было изобразипь Кардинала: здѣсь предспавлялись двѣ опасныя крайности. Возвышая его политическое величїе, надо было усиливатъ скрыть болѣзненную свирѣпость его характера. Изучая слишкомъ подробно всѣ спранности сего чуднаго лица, въ коемъ кошечья напура соединялась съ пигровой, можно было увлечься и забыть всѣ великія дѣла, кои были имъ сдѣланы или предначерпаны для обезпеченія силы и могущества Франціи. Въ *Сен-Марть* Ришелье проспъ и еспеспвенъ даже въ самыхъ неожиданныхъ своихъ причудахъ; посреди ихъ онъ сохраняетъ всю высоту и вѣрность своихъ видовъ. Удивипельно прїяпно видѣть, какъ онъ обхвапываетъ однимъ взглядомъ всѣ колеса Европейской машины, какъ окидываетъ съпью своихъ мыслей всѣ воли, кои повинуются ему, считая себя повелѣвающими, какъ упорно пушаетъ и перепуываетъ свои инприги, какъ сѣетъ вездѣ вражды, чпобы подбипать пайны, неоспорожно вырывающїяся въ минупы гнѣва.

Анна Авспрїйская оспалась у насъ въ памяпи, какъ одно изъ прелеспнѣйшихъ

созданій поэзіи. Ея молодость и прекрасные бѣло-курые волосы, ея страхи и набожность, ея дѣтское кокетство, даже самыя ошибки въ ея поведеніи, все это составляетъ чудное цѣлое, идеальную и гармоническую фигуру, представляющую занимательный контрастъ Королю и Кардиналу.

Дружба Сен-Мара и Ту, своею суровостью, напоминаетъ нѣ древнія дружбы, о которыхъ читаемъ мы въ жизнеописаніяхъ Плутарха. Любовь Сен-Мара къ Маріи есть поэтическая картина, оцѣленная со всею тонкостью и истиною. Что касается до самаго Сен-Мара, автора, какъ извѣстно, упрекали, что онъ украсилъ его сверхъ мѣры, что увеличилъ по слишкомъ обширному размѣру честлюбивыя виды фаворита. Если основываться на современныхъ свидѣтельствахъ, то, сказать правду, сей упрекъ совершенно основателенъ. Но ты знаешь, какъ Альфредъ де Виньи опивчалъ на оный; ты знаешь, какъ онъ далъ надлежащее значеніе тому, что должно понимать подъ исторической истиной. Доводя до послѣдней крайности мысль Вальтера Ралейга, я пожалуй соглашусь, что нынѣ вѣра въ исторію невозможна, что надо сказать всѣ книги, въ коихъ повѣствуется о прошедшемъ, или только забавляться ими, отказавшись отъ всякой возможности научиться. Но между без-

условнымъ невѣріемъ Англійскаго вольнодумца и безусловнымъ православіемъ Университетовъ, естъ средняя степень довѣрчивости, которая именно и должна принадлежать поэту. Историкъ обязанъ изслѣдывать проповѣдающія преданія, и послѣ зрѣлаго соображенія извлекать изъ нихъ заключеніе, согласно съ характеромъ и положеніемъ рассказчика. Поэтъ имѣетъ право выбирать изъ сихъ преданій то, которое лучше ему нравится. Значитъ ли это, что онъ можетъ свободно искажать характеръ вѣка, откуда беретъ своего героя? Не думаю! Но къ чему выбирать непременно для своихъ вымысловъ определенное время и определенную страну? Что значитъ это условіе, если отъ него можно отказаться безъ всякой поперки? Если Сен-Маръ исторіи не естъ Сен-Маръ поэта, то это еще ничего не доказываетъ проповѣдь красоты романа; въ подобныхъ случаяхъ успѣхъ естъ наилучшее оправданіе. Сверхъ того здѣсь представляется весьма важное и рѣшительное обстоятельство, что Сен-Маръ могъ быть гораздо удобнѣе идеализированъ, чѣмъ Людовикъ XIII и Ришелье; ибо онъ не оставилъ слишкомъ глубокаго слѣда въ жизни общественной.

Такимъ образомъ сіе эпическое созданіе Альфреда де Виньи твердо держится проповѣдь всѣхъ придинокъ критики; и мы смѣло можемъ дать ему

мѣсто между прекраснѣйшими страницами современной Французской исторіи и поэзіи.

Единственный Романъ Мериме: *Хроника Карла IX*, отличаетъ особенно живописною испиною подробностей. Зачѣмъ онъ выбралъ Вареломеевскую Ночь рамою для своего романа? Я не знаю. Можетъ быть онъ и самъ того не знаетъ. Онъ читалъ, какъ говоритъ самъ, множество пасквилей и современныхъ записокъ о концѣ шестнадцатаго вѣка. Ему захопѣлось сдѣлать извлеченіе изъ своихъ чтеній, и, по капризу художника, изъ эпизода извлеченія вышелъ романъ. Въ приключеніяхъ Мержи, главнаго лица *Хроники Карла IX*, не надо искать поспешнаго развитія одной предначертанной идеи. Нѣтъ! авпоръ идетъ на удачу, какъ и герой его. Онъ вводитъ насъ въ пракпирѣ и харчевни, въ припоны бродягъ и цыганокъ, въ высшій кругъ придворныхъ инпригановъ, въ молебную сладосприасной Графини; но, по видимому, совсѣмъ не заботился, чпобы его книга имѣла конецъ или цѣль. Онъ рассказываетъ, чпобы рассказывать. Каждая глава его книги есть образецъ проспекты. Вы не найдете въ ней ни одного лишняго описанія. Каждая вещь на своемъ мѣстѣ и для определенной цѣли. Онъ не слишкомъ охотно пускается въ описаніе мебели и старыхъ нарядовъ спилемъ антикварія. То, что ему нужно, что онъ умѣетъ создавать и что намъ пока-

зывается; есть соединеніе живыхъ, энергическихъ картинъ дѣйствительности, которыя движутся смѣло, по законамъ правдоподобія и опчепливости.

Если дасть себѣ вопросъ, какой синтезъ предшествовалъ созданію сей *Хроники*, то едва ли возможно найти на оный доспапочное рѣшеніе. Но сколько есть другихъ книгъ, коимъ также не доспаептъ синтеза и которыя нѣмъ не менѣе оспаются прекрасными книгами! Гдѣ на пр. синтезъ *Жил-Блаза*? А развѣ Лесажъ менѣе великъ опъ того, что не зналъ заранѣе приключеній, имъ рассказанныхъ?

Два лица владычествуютъ въ эпохѣ *Хроникъ*: Бернардъ де Мержи и Діана де Тюржисъ. Бернардъ есть типъ весьма удачно изобрѣпленный, исполненный мужества и довѣрчивости, добродѣпелный и пвердый въ своихъ вѣрованіяхъ, но запальчивый, какъ всѣ молодые люди его лѣтъ, опъ бурной горячности чувствъ. Провидя въ первый разъ надежду бытъ любимымъ, онъ препенетъ опъ радости и слѣпо предаепся своей судьбѣ. Онъ не оспанавливаепся ни минутой, чтобы взглянуть на опасность; и между нѣмъ его мужество и ослѣпленіе исполнены еспественности; романъ ладитъ съ ними прекрасно. Сверхъ того авторъ умѣлъ дасть своему герою такое добродушное чиспосердечіе, которое съ перваго взгляда выигрываетъ ему симпатію читателей.

Когда Бернардъ идетъ на Пре-о-Клеркъ, гдѣ можетъ покинуть жизнь свою, онъ не прещепъ, а только муцаепся, какъ и должно быть дѣйствительно; онъ знаетъ, что чрезъ минупу можетъ погибнуть, и не можетъ безъ вздоха распаться съ жизнью, едва распускаясь, съ надеждами совершенно еще свѣжими, коихъ время не успѣло оправить своимъ плепворнымъ прикосновеніемъ.

Вопъ почему я люблю Мери! Діана еснъ опважная рапница, копорая смѣло бросаепся въ бой съ обспояпельспвами. Она берепъ на себя роль, копорую Бернардъ не опваживаепся испыпать. Она преслѣдуепъ любовника, копорому бы слѣдовало нападапъ на нее. Я согласенъ, что эпа мепода нынѣ не упобрептельна; но романъ происходипъ въ XVI вѣкѣ, между женщинами, коихъ Бранпомъ оставилъ намъ такіе веселые порпрепы. Эпа хронологическая замѣпка заслуживаепъ вниманіе. Позже вѣкомъ, въ Версали, на примѣръ, хопя очень далеки были опъ чиспопы, хопя въ Бюсси и Сен-Симонахъ почпи сполько же наглаго разврапа, какъ у въ спаринныхъ біографіяхъ любезныхъ дамъ, Діана де Тюржисъ уже была бы неправдоподобна.

Харакперъ Діаны, не смопря на ея наружную, почпи мужскую жесткось, имѣепъ свою поэпическую - занимательность. Съ первыхъ

самыхъ спраницъ видно уже, что она никогда не знала любви, подобной любви Бернарда. До тѣхъ поръ она любима была только за красоту свою. Въ почтительныхъ исканіяхъ Мержи она провидитъ привязанность болѣе чистую и болѣе возвышенную, и не зная, способна ли сама испытать подобное чувство, гордится тѣмъ, что внушила оное, и рѣшается сдѣлать половину дороги, чтобы довести до себя своего робкаго антагониста.

Сии два характера удивительно обрисованы и обнаруживаются въ дѣйствіяхъ съ рѣдкою вѣрностью.

Спиль Мериме, въ эпическомъ романѣ, замѣчательною своею сжатостію и въ то же время богатію емкостію.

Хотя рама сей хроники занята у испоріи, однако фигуры историческія въ ней рѣдки. Но тѣ, которыя являющіяся, обозначены живыми и смѣлыми силуэтами. Карлъ IX, какъ представляеть его Мериме, мелкопою своихъ видовъ и ограниченностью ума совершенно сходень съ головою, оставшеюся отъ него въ Луврѣ. Мериме извлекъ изъ сего портрета все, что только можно было извлечь. Онъ нашель чело-вѣка подъ мраморомъ.

То, что Мериме говоритъ на счетъ Варооломеевской Ночи, казалось нѣкоторымъ спещен-

нымъ умамъ не болѣе, какъ запѣйливымъ парадоксомъ. Многіе даже опказывались видѣти въ семъ совершенно новомъ исполкованіи мысль искреннюю и добросовѣстную. Чпо касается до меня, признаюсь, я не прочь опъ теоріи авпора *Хроники*. Я не думаю, чпобы Карль IX былъ способенъ къ намѣреніямъ долго обдумываемымъ. Я гоповъ подозрѣвать, чпо онъ могъ приказать убійство, также какъ выѣздъ на охопу. Надо приниматъ эту теорію за то, чпо она въ самомъ дѣлѣ: это не апология и не обвиненіе; это просто взглядъ, копорый можно оспоривать, но копорому не лзя опказатъ въ правдоподобіи.

Впрочемъ какъ бы ни думали ученые читатели объ испорическихъ и нравспвенныхъ мнѣніяхъ Мериме, мы бы должны были оплакивать поперю превосходной сцены, еслибъ авпоръ помѣспилъ рассказъ свой не въ годъ Вареоломеевской Ночи. Когда Мержи хочетъ оставитъ свою любовницу и Діана, напрасно спаравшись обрапитъ его, усиливается по крайней мѣрѣ его удержатъ, сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ; поэтъ невольно возвышается до самыхъ спраспныхъ звуковъ. Не смотря на безприспастіе, имъ проповѣдуемое, онъ не можетъ пропивитъ увлеченію предмета; будучи обыкновенно такъ воздерженъ на образы, теперь безъ собеспвеннаго своего вѣдома находитъ

выраженія живописныя. Въ любви Діаны есть что-то бурное и свирѣпое, что-то похожее на материнскую ярость львицы, защищающей своихъ дѣтей: это отъ того, что Діана въ часъ опасности любитъ Бернарда иначе, чѣмъ прежде; отъ того, что въ минушу, когда можетъ его поперять на вѣки, она чувствуетъ въ себѣ усугубленіе прежней привязанности.

Сцена сія есть прекраснѣйшая во всемъ романѣ; ея одной достаточно, чтобъ упрочить литературное имя Мериме.

Въ своемъ *Соборѣ Парижской Богородицы*, другъ мой, я удивляюсь неисчислимому богатству эпизодовъ и приключеній, коими ты устрѣялъ эту прекрасную книгу. По видимому, ты находилъ особенное удовольствіе залушывать связь нитей своего разсказа, дабы разрѣшать попомъ безъ всякаго затрудненія то, что казалось неразрѣшимымъ. Никакое произведеніе человѣческое не доказываетъ въ такой степени могущество своего творца, какъ твой *Соборъ Парижской Богородицы*.

Тѣ, которые въ сей обширной эпопее видятъ одну поэтическую занимательность, понимаютъ только половину твоей мысли; намѣреніе твое, я знаю, было гораздо выше и смѣле. Ты предполагалъ возсоздать Францію XV вѣка. Предпріятіе важное: но осуществлено ли оно тобою?

Ты взялъ центромъ для созданія своего Парижскій соборъ и вокругъ него сполпилъ всѣ формы національной жизни. Фебюсъ, Гренгуаръ, Клодь-Фролло, Квазимодо, сущь шипы глубоко обдуманнѣя, въ коихъ поэтически выражающся сословія и нравы Французскаго общесства въ XV вѣкѣ.

Я люблю Эсмеральду, и совсѣмъ не намѣренъ спорить съ Единбургскими крипиками, происходишь ли она опъ Фенеллы, копорая произошла опъ Миньоны, копорая произошла. . . и п. д? Охотно оспавляю эпи ничпожныя придирки празднословамъ и зѣвакамъ. Она принадлежишь тебѣ, другъ мой! принадлежишь тебѣ вся, ибо безъ тебя у насъ ея бы не было. Сіи опдаленнѣя аналогіи могушь служишь пищею для библиопечныхъ сплешней, но не уменьшающъ ни на волосъ достоинства поэпического созданія.

Какая счастливая мысль, сосредопочить на одной панцовщицѣ любовь солдата, пѣпца, священника и Квазимодо! Благодаря ей, романическая занимательность проникаетъ всѣ части разсказа.

Но за сею видимою героинею, соспавленною изъ человѣческой плоти и крови, скрывается идея паниспвенная и непреодолимая, идея судьбы, руки желѣзной, копорая давишь всѣ сіи лица и спремить ихъ къ невѣдомой цѣли. Рас-

полагая такимъ образомъ созданія своей фантазіи, пы дѣйствоваль совершенно по праву; и я поступилъ бы очень дурно, еслибъ вздумаль спрашивать у\себя, за чѣмъ пы былъ такъ распочипелень на бѣдспвія. Это былъ бы вопросъ невѣжливый и глупый.

Нѣтъ, другъ мой, я не буду обвинять тебя за печальную и мрачную унымость пвоего сказанія. Ты такъ хотѣль, спало быть и могъ поступать такъ!

Воздушная прелестъ Эсмеральды, пропивоположная чудовищному безобразію Квазимодо, есть одна изъ пвоихъ прихопей, но такая прихопь, копорая не подлежишь опчепу.

Въ разсужденіи священника и поэта, мнѣ кажешся, они ничего бы не поперяли, еслибъ одинъ изъ нихъ имѣль чувспва менѣ грубья, а другой сознаваль въ себѣ достоинство болѣе возвышенное, характеръ менѣ низкій. Но и здѣсь ояпъ, я знаю, опвѣшь у тебя гошовъ: это потому, что псебѣ такъ хотѣлось.

И такъ въ добрый часъ! Но приступимъ къ вопросу болѣе важному. По пвоей идеѣ, въ XV вѣкѣ, народъ зависѣль опъ воли судьи, судья опъ воли священника, священникъ опъ воли одного Бога. Но, другъ мой, почно ли такъ было въ царспвованіе Людовика XI? Я совѣмъ не имѣю намѣренія защищать здѣсь судейское званіе или духовенство: это второстепенныя

обстоятельствъ, на которыхъ я не хочу останавливаться: спрашиваю только, почто ли въ 1483 году церковь была верховно-самодержавною, почто ли священники владычествовали, общество управлялось слѣпой, покорной вѣрою? Теократическая власть, столь блистательная и сильная въ XIII вѣкѣ, не ниспала ли съ своего прежняго могущества, когда Кардиналъ деля Балю долженъ былъ расплачиваться за свое упрямство въ желѣзной клѣпкѣ? Филиппъ деля Коминъ могъ ли жить въ одно время съ Томой Аквинапскимъ?

Эти вопросы, ты знаешь, не зависятъ отъ фантазій. Одна исторія можетъ рѣшить ихъ.

Но какая была политическая мысль всей жизни Людовика XI? Унижать дворянство возвышеніемъ мѣщанскаго сословія, раздѣлять силы хитростию, воздвигать власть свою на развалинахъ феодальнаго могущества, призывать къ должностямъ самыхъ способнѣйшихъ, не уважая ни богатства, ни рожденія, дабы унижать знаменитыя фамиліи и помрачать блескъ знаменитыхъ именъ, осуждая ихъ на бездѣйственную праздность.

И такъ, другъ мой, міръ, который ты намъ представилъ, не есть міръ XV вѣка. Это міръ, который весь тебѣ принадлежитъ. Это не міръ исторіи, а созданіе, образовавшееся въ твоёмъ умѣ, которое слово твое одарило жизнью, ко-

второму ты далъ права липературнаго гражданства.

Но, оставивъ все сіи замѣчанія, спѣшу признаться, что въ *Соборъ Парижской Богородицы* ты сдѣлалъ поже для прозы, что сдѣлалъ для поэзіи въ *Восточныхъ Элегіяхъ*. Ты выковалъ языкъ на звучной и пвердой наковальнѣ, обогапилъ его образами дополъ невѣдомыми; эпо поле, которое ты воздѣлалъ и засѣялъ собственными руками; несправедливо и безчестно было оспаривать у тебя его жатву.

На мои глаза, пвой *Соборъ* есть великолѣпное зданіе, исполненное неожиданныхъ и изумительныхъ пайнствъ, которые упомляютъ любопытство не испощая. Эпо спроеіе гигантское, коего безчисленные камни, связанные невидимымъ цементомъ, по видимому, вызываютъ на бой самую опважнѣйшую мечпательность. Но въ эпой необыкновенной поэмѣ, кромѣ развѣ одной затворницы, есть ли человѣческія роли?

Гдѣ помѣспить прекрасную поэму *Рене*, которая, въ продолженіе придцати лѣтъ, не упоминала еще нашего удивленія? Что эпо: элегія или романъ? Какая намъ до того нужда? Второспепенный крипикъ въ *Духъ Христіанства*, непочный и многорѣчивый пупешеспвенникъ въ своемъ *Дорожникъ*, прудолубивый, но не всегда успѣшный подражатель. *Виргилія* и *Гомера* въ *Мученикахъ* и *Начесахъ*, *Шапобрианъ*

занимаешь досель одну изъ возвышеннѣйшихъ ступеней въ нашей поэзіи, копорую видѣлъ возраставшею предъ своими глазами. *Рене*, по своей сладоспной и испинной меланхоліи, по глубокой, хопя и быспрой, живописи, по описанію внутреннихъ спраданій бездѣйспеннаго генія, по гореспіной, но пѣмъ не менѣе живо начерпанной карпинѣ сердца, гнушающагося наспоющимъ и не находящаго будущности, копорой могло бы желать и искаать, *Рене*, съ великолѣпнымъ эпизодомъ *Велледы*, оспаепися досель самымъ сущеспвеннѣйшимъ и самымъ блиспапельнѣйшимъ пипломъ славы Шапобріановой. Много карпинѣ, много чувспвованій, нынѣ уже почти поперявшихъ свою цѣну по своей общенародности, были вырѣзаны на мѣди рукою *Рене*. Не думаю, чпобы должно было жаловаться на недостатокъ драматическаго развитія въ сей величеспвенной автобіографіи: гдѣ начинается дѣйспвіе, тамъ оканчиваются мечты. *Рене*, разъ испоргнутый изъ мукъ собспвенной своей мысли, пѣмъ болѣе убійспенной, чѣмъ менѣе въ ней рѣшищельности, не былъ бы уже *Рене*, еслибъ вошелъ въ свѣтъ, чпобъ играть тамъ свою роль; онъ потерялъ бы невозвратно ту величеспвенную пищину, копорая не оспавляетъ его посреди самыхъ опчаянныхъ гимновъ.

Въ сіи послѣдніе дни, ты знаешь, поэтъ

открылъ некопорымъ избраннымъ друзьямъ смыслъ сей таинственной загадки. Онъ читалъ первыя страницы своихъ *Записокъ*; разсказывалъ безъ ханжества и безъ скрипности испину, сокрытую въ сей досель неизяснимой поэмѣ. Его *Записки*, вѣроятно, будуще, и я охотно вѣрю пому, самымъ твердымъ и самымъ прочнымъ изъ всѣхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ имъ для увѣковѣченія своего имени.

Шапобрианъ принимался и за испорію, но опустилъ назадъ съ первыхъ шаговъ. Въ христіанскомъ прологѣ сей некончанной эпопеи, естъ страница, подъ копорыми Боссюетъ подписалъ бы свое имя. Но повѣствование едва начатое удаляется въ ту пору опять своего прежняго вдохновенія. Драмагическій талантъ Августина Тіерри, философическіе синтезы Гизо пробудили въ лѣтписца новое, непредвидѣнное честолюбіе. Христіанскій духъ изгладился, а мысль чисто человѣческая не имѣла времени прозябнуть и созрѣть. Порталъ католическій привелъ насъ внезапно къ колоннадамъ языческимъ. Гдѣжь зданіе?

Индіана, *Валентина* и *Лелія* представляютъ въ романѣ при совершенно различныя спороны мысли: обыкновенный расказъ семейныхъ нравовъ, драмагическое сцѣпленіе эпизодовъ жизни дѣйствительной, и наконецъ, какъ будто для увѣнчанія, лирической символизмъ, возведенный до

самой высшей степени общности. Первую часть *Валентины* сравнивали, и по моему мнѣнію справедливо, съ лучшими страницами *Исповѣди Жанъ-Жака*. Всѣ описанія Берри восхитительны своею прелестью и свѣжестью. Характеры Индианы и Валентины ознаменованы печатью самой строгой недѣлимости, исчезнувшей изъ поэзіи со временъ *Евгенія де Ротелья*, *Адели де Сенанжъ* и *Графини де Фаржи*.

Въ *Индианъ* и *Валентинъ* особенно достойно замѣчанія постоянное преобладаніе человѣческаго элемента. Можно было пожелать большаго благоразумія и искусства въ постепенномъ развитіи басни, большей экономіи въ изобрѣщеніи сценъ, и особенно болѣе вѣрной предсуппозитивности и болѣе полного сознанія окончательной развязки; но за то на каждой страницѣ выражается глубокая истина чувствованій. Сія истина, кою я люблю и кою часто искалъ напрасно въ лучшихъ современныхъ произведеніяхъ, слагается вмѣстѣ изъ анекдотической дѣйствительности и изъ самыхъ возвышеннѣйшихъ красотъ поэзіи.

Лелія, столь различно судимая полною, пережила, какъ и должно было ожидать, всѣ проклятія и обоготворенія: я оставляю искуснѣйшимъ рѣшить, отъ чего благовоніе ея міама причиняло столько смертельныхъ упоеній.

Конрадъ, Лара и Манфредъ завѣщали Лелии свою неиспощимую грусть; но исходя на уста женщины, грусть сія сдѣлалась рѣзче, кровавѣе; одиночество и опчаяніе, опданныя въ удѣлъ пошій, копорая должнабъ была плавать въ упованіяхъ лучшаго міра и переносить всѣ испытанія человѣческихъ спрастей, запечатлѣваютъ сію мелодическую элегію характеромъ совершенно новымъ.

Видимое проповорѣчіе, опдѣляющее *Индіану* и *Валентину* опъ *Лелии*, совершенно уничтожается размышленіемъ. Не нужно слишкомъ большой проницательности, чпобы прослѣдить и понять переходъ опъ слабости, проклинающей эгоизмъ, къ довѣрчивости сердца, копорое послѣ долговременнаго упорства предается своему влеченію, но вскорѣ, разочарованное въ наслажденіяхъ, о коихъ мечтало, погружается въ презрѣніе и иронию.

Какая будетъ судьба новаго поэта, копорый въ два года завоевалъ себѣ споль высокую спепень? По окончаніи сей пайнспвенной прилогіи, возвраппся ли онъ снова къ домашней жизни или захочетъ попытаться новыхъ пупей и опдохнуть опъ сихъ первыхъ ппудовъ въ прихотливыхъ фанпазіяхъ? Я не знаю. Въ кругѣ умспвенномъ, эпо обновление было бы шагомъ еспеспвеннымъ и логическимъ. Но чпобы ни случилось, сочинитель сихъ пре-

красныхъ романовъ можетъ опдыхать и дремать спокойно, не боясь нашихъ упрековъ. Чемъ бы ему ни захопѣлось бышь, глаза наши не покинутъ его дороги, будупть поспоянно слѣдовать за прахомъ ногъ его.

Очень хорошо! Но-кпожъ. будепть царемъ романа?

(окончаніе слѣдуетъ.)

II.

МАСКЕРАДЪ.

АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

=

1833.

=

Я хопѣлъ бытъ одинъ и приказалъ всѣмъ опказываць.

Одинъ изъ друзей моихъ ворвался ко мнѣ насильно.

Слуга вошелъ доложитъ, что прѣхалъ Антоній Р*. Изъ-за ливрейнаго фрака моего Жозефа замѣпилъ я клочекъ чернаго сюршукъ; вѣроятно и попъ, на комъ былъ чернѣйшій сюршукъ, съ своей стороны также видѣлъ полу моего шлафрока, и опказаць было невозможно.

» Милоспи просимъ! « сказалъ я вслухъ.
 » Чорпъ шебя возьми! « сказалъ я про себя.

Безнаказанно мѣшапъ намъ въ заняпїяхъ можепъ полько одна любовница, и по попому, чпо нѣпъ шакого заняпїя, въ копоромъ бы любимая женщина не принимала учаспїя.

И такъ я пошелъ на встрѣчу къ госпю съ нахмуреннымъ лицемъ авпора, копораго опорвали опъ дѣла въ одну изъ пѣхъ минупъ, когда онъ больше всего боялся быпъ опорванымъ. Къ удивленїю моему замѣпилъ я, чпо и его лице было блѣдно и распроено, и невольнo первыми словами моими былъ вопросъ: » Чпо съ вами сдѣмалось? Здоровы ли вы? «

— Ахъ! дай мнѣ опомнипъся, заговорилъ онъ: я шебѣ все расскажу. Незнаю, — можепъ быпъ все эпо сонъ, мечпа, — а можепъ быпъ — я сошелъ съ ума.

Онъ кинулся въ кресла и закрылъ лице руками.

Я глядѣлъ на него съ удивленїемъ: волосы его были смочены дождемъ; сапоги, колѣнки и нижняя часпъ панталонъ забрызганы грязью. Я взглянулъ въ окно: у подѣзда споялъ его жокей съ кабрїолешкою...

Онъ замѣпилъ мое удивленїе.

— Я былъ на кладбищѣ Опца Лашеза, сказалъ онъ.

— » Въ десяпомъ часу упра? ..

— Въ седьмомъ. — Проклятый маскерадъ! —

Я не могъ повяпъ, какая могла бытъ связь между маскеромъ и кладбищемъ опца Лашеза? Рѣшившись молчати, я спалъ задомъ къ камину и началъ сучить сигарку со всѣмъ хладнокровіемъ и долгоперпѣливостию Испанца.

Когда сигарка совершенно свернулась, я подалъ ее Антонию, зная, что онъ охотникъ куришь.

Онъ поблагодарилъ меня легкимъ наклоненіемъ головы и пихо опполкнулъ мою руку.

Я нагнулся было, чтобы зажечь сигарку для себя, но Антоній удержалъ меня.

— »Выслушай меня, Александръ! Ради Бога, выслушай! « сказалъ онъ.

— Я съ четверть часа приготоуился тебя слушати, но ты молчалъ.

— »О! приключеніе мое спранно, удивительно, непоспизимо! «

Я приподнялся; положилъ сигарку на каминъ; скрестилъ руки, какъ человекъ на все гоповый, и въ душѣ началъ подозрѣвати, что онъ подлинно помѣшанъ.

— »Помнишь ли ты оперный балъ, на которомъ мы съ побою вспрѣпились? « спросилъ онъ меня послѣ минупнаго молчанія.

— Последній? Помню: на немъ было около двухъ сотъ персонъ.

— »Помнишь ли, я опшуда хопѣлъ ѣхати

на балъ въ Театръ Разноспей (Variétés), о копоромъ мнѣ говорили, какъ о величайшей диковинкѣ въ нашъ диковинный вѣкъ? Ты меня опговариваль, но какая-то непреодолимая сила влекла меня пуда. Ты взялся описывать намъ современные нравы; за чѣмъ же тебя памъ не было? За чѣмъ не было памъ ни Гофмана, ни Калло, чпобъ срисовать всѣ эпи карпинны, вмѣстѣ пакъ смѣшныя и фантаспическя!

Пріѣхавши изъ залы Оперы, пустой и скучной, я вдругъ вошелъ въ залу полную и веселую. Корридоры, ложи, партеръ, все было бипкомъ набито, все было запружено.

Я обошелъ кругомъ всей залы и двадцать масокъ кликали меня по имени и шептали мнѣ свои фамиліи. Кого-жъ я узнаваль подъ эпой безобразной одеждой арлекиновъ, пьеро, паяцовъ, прубочисповъ и пуасардокъ? — Все эпо были начальники опдѣлений различныхъ минисперспвъ, члены палаптъ; все были люди съ именемъ, съ вѣсомъ, съ чеспью и съ dospoinспвомъ, копорые, забывъ о своемъ происхожденіи, забывъ искусствва, науки, полипику и весь нашъ спрогій и важный вѣкъ, убивали здѣсь Махиавелическій свой вечеръ! Мнѣ напередъ сказывали, чпо я ихъ встрѣчу... Я не хотѣлъ этому вѣрипь...

Поднявшись на нѣсколько спупенекъ, я при-

слонился къ колоннѣ, копорая меня въ полови-
ну закрыла, и успремилъ глаза на это море
человѣческихъ существъ, копорое предо мной
двигалось и кипѣло. Безчисленныя домины, по-
лосатые камзолы, смѣшныя кафтаны, песп-
рѣли, блиспали и вмѣспѣ соспавляли чпо-
по совсѣмъ не человѣческое. Музыка загремѣ-
ла; и вдругъ всѣ эти спранныя фигуры на-
чали двигатьсь подѣ звуки оркестра, копорого
отголоски смѣшивались съ крикомъ, визгомъ,
хохотомъ и восклицаньями. Всѣ хватали другъ
друга за руки, за спанъ, за шею. Вдругъ обра-
зовался широкой кругъ и началось кругообраз-
ное движеніе: все запопало ногами, мужчины и
женщины; подошвы шмыгали съ шумомъ по
полу; пылъ вилась облакомъ и мяшежный блескъ
люспръ освѣщаль малѣйшіе ея апомы. Все
верпѣлось шибко и быспро. Одна пара пере-
гоняла другую и съ самыми спранными дви-
женіями, неприспойными жеспями, уродливымъ
кривляньемъ, криками веселаго развраща. . . И
все шибче и шибче, шапаясь, какъ опьянѣлый
мужчина, изнывая, какъ поперывшаяся женщина;
больше опѣ безумспва, чѣмъ опѣ радоспи;
больше опѣ бѣшенспва, чѣмъ опѣ удоволь-
спвія. . . Словомъ: это былъ хороводъ осужден-
ныхъ, копорые по демонскому побужденію со-
вершають адское свое опредѣленіе.

И все это происходило передѣ глазами мо-

ими, у ногъ моихъ; на меня вѣяло вѣпромъ опъ ихъ бѣга; и каждая знакомая маска мимоходомъ бормопала мнѣ нѣскольпо словъ, опъ копорыхъ меня бросало въ ознобъ и въ краску.

И весь эпопъ шумъ, говоръ, смяпеніе и звуки повпорялись въ моей головѣ почно пакже, какъ и въ залѣ. Наконецъ я былъ не въ соспояннн опличипъ мечпу опъ дѣйспвипельноспн и спрашивалъ самаго себя: я ли попереялъ разсудокъ, или они все въ безумспвѣ?

Меня влекло какое-по испушеніе: я хопѣлъ бросипся въ средину эпоаго адскаго навождевія, какъ Фауспъ на шабашѣ; меня рвало и дергало; я чувспвовалъ поже, чпо и они; попѣже смѣхъ, пѣже жеспы, пѣже позы, попѣже хохопъ. Положеніе ужасное: одинъ шагъ оспавался до сумасшеспвія! Я испугался, кинулся вонъ изъ залы. . . и до самаго крыльца преспѣдовалъ меня дикій ревъ, похожій на любовное мычаніе звѣрей, копорое слышнпся иногда въ Африканскихъ пещерахъ.

У выхода я оспановился, чпобъ опамяшовавпся. Я не рѣшался выдпн на улицу съ такимъ разспройспвомъ въ умѣ; я боялся, чпо не найду дороги; боялся, чпо попаду подъ карѣпу, пошому чпо не могъ различипъ спука колесъ ея.

Я похожъ былъ на пьянаго, у копораго возспрапилось сполько чувспва, чпо онъ замѣцнлъ

свое положеніе, и желая скрыть его, но не имѣя довольно силы, съ неподвижными и мупными глазами, крѣпко прислоняется къ фонарному столбу или къ дереву на публичномъ гульбищѣ.

Въ эпу минуту у подъѣзда оспановилась карепа; подножка опкинулась и женщина соскочила на крыльцо. Она вошла въ сѣни, оборачивая голову на всѣ спороны, какъ заблудившаяся. На ней было черное домино и черная бархатная полумаска. Она подошла къ дверямъ.

— » Вашъ билепть? « спросилъ Швейцаръ.

— Билепть? У меня нѣтъ билепа.

— » Такъ извольте взять въ продажѣ. «

Домино воропилось въ сѣни, обшарило проворно свои карманы. . . » Денегъ нѣтъ! « вскричала она. . . » Все равно! мой перспень! «

Она сняла съ руки бриллиантовой солиперъ червонцевъ въ двѣспи — и подошла къ конпоркъ.

— » Билепть для входа! вопъ вамъ перспень! « сказала она.

— Мы не поргуемъ и не мѣняемъ! отвѣчала грубо женщина, продававшая билепты, и опшполкнула шакъ неосторожно руку съ перспнемъ, что онъ изъ ней выпалъ и подкапился ко мнѣ.

Я его поднялъ и подаль дамъ. Я видѣлъ, какъ глаза ея сквозь маску успремилась на мои гла-

за; она глядѣла на меня въ нерѣшимоспи, попомъ вдругъ подала мнѣ руку.

— » Введице меня въ залу! Ради Бога введице! «

— Я сей часъ полько вышель опшуда, опвѣчалъ я.

— » Такъ дайце мнѣ десяць франковъ на эпошъ перспень: вы окажете мнѣ услугу, за копорую я буду вамъ обязана во всю жизнь мою! «

Я надѣлъ ей перспень на палець; подошелъ къ продажѣ, взялъ два билепа и мы вошли вмѣспѣ.

Въ корридорѣ я почувспивовалъ, что она зашапалась и вдругъ обѣ руки ея крѣпко ухватились за мою руку.

— Вамъ дурно? спросилъ я.

— » Нѣспѣ!.. ничего!.. эпо шакъ... опъ сильного освѣщенія! « опвѣчала она и пошацила меня въ залу.

Мы вошли въ эпошъ веселый домъ безумныхъ. Три раза окружили залу, съ прудомъ разсѣкая волны масокъ, копорья пѣснились одна за другой.

Она дрожала при каждомъ неблагоприспойномъ словѣ, кошорое слышала; я краснѣлъ опъ того, что шель подѣ руку съ женщиной, копорая рѣшалась слушати шакія слова.

Мы опящ очупились на концѣ залы и она

въ изнеможеніи упала въ кресло. Я спалъ передъ нею и облокотился на спинку кресла.

— » Вамъ вѣрно такъ же, какъ и мнѣ, все это кажется спраннымъ? « говорила она. » Божусь вамъ, я даже не имѣла понятія объ этихъ балахъ; мнѣ и во снѣ никогда не снилось того, что я здѣсь видѣла. . . Но я получила сегодня записку. . . онъ будетъ здѣсь, говорили мнѣ. . . съ женщиной. . . И какова-жъ должна быть женщина, которая спваживается прѣхаетъ сюда! «

Я опшашнулся опъ удивленія; она поняла мое движеніе.

— » А я? хопите вы спросить? За чѣмъ я здѣсь? О! это совсѣмъ другое дѣло: я ишу его!.. я его жена! Эту полну женщинъ завлекли сюда безуміе и развратъ, а меня — адская ревность! — Я бы вездѣ спала его опыскивать; я пошла бы въ полночь на кладбище; я пошла бы на площадь во время казни; и не смопряд на по; повѣрите ли? когда я была еще дѣвушкой, я боялась выдти на улицу безъ маперы; замужемъ, ни разу не уходила со двора безъ лакея; а теперь и я здѣсь, такъ же, какъ и всѣ эти женщины, копорыя пвердо заучили дорогу въ этопъ домъ. Я здѣсь—и подъ руку съ незнакомымъ мужчиной, и должна краснѣть подъ маскою при мысли о мнѣніи, копорое ему внушаю. . . Такъ, сударь, я здѣсь!.. Скажите: знаете ли вы, что такое ревность? «

— Я любилъ! я ревновалъ!

— »Такъ вы не должны осуждать меня: вы сами все испытали! Вамъ знакомъ эпопѣй голосъ, голосъ бѣснующагося, который безъ умолку кричитъ вамъ на ухо: »иди! ищи!« Вы чувствовали эту руку, которая влечетъ васъ на стыдъ и преступленіе, какъ рука неумолимаго рока! Вы знаете, что въ такую минуточку человѣкъ способенъ на все: ему нужно только мщеніе! одно мщеніе!«

»Я хотѣлъ оповѣщать, но она вдругъ вскочила съ мѣста, и глаза ея приковались къ двумъ доминамъ, которыя въ эту минуточку проходили мимо насъ.

— »Замолчите!« прошептала она и повлекла меня за ними.

Я былъ замѣшанъ въ интригу, въ которой самъ ничего не понималъ. Я чувствовалъ, какъ дрожали всѣ мои фибры, и не могъ ее оставить: она была въ такомъ волненіи, она была какъ инпересна! Я повиновался ей слѣпо, какъ ребенокъ, и мы пустились вслѣдъ за двумя масками, изъ которыхъ одна очевидно былъ мужчина, а другая женщина. Онѣ говорили въ полголоса и звуки съ трудомъ долетали до ушей нашихъ.

— »Эпо онъ!« пвердила она... »Я узнаю его по голосу!.. Его ростъ, его манеры «.. Домино, которое было выше, засмѣялось... »Его

смѣхъ! « воскликнула она: » эпо онъ!.. Меня не обманули... эпо онъ! О! Боже мой! Боже мой! «

Между пѣмъ маски все шли впередъ, а мы опъ нихъ не опспавали: онѣ вышли изъ залы и мы за ними; онѣ поднялись по лѣспницѣ въ корридоры ложъ — и мы пакже; онѣ оспановились у средней ложи—а мы поодаль, какъ будпо ихъ двѣ пѣни.

Маленькая ложа съ рѣшеткою опворилась: маски вошли въ нее, дверь за ними хлопнула и вскорѣ щелкнулъ замокъ.

Волненіе несчастной, копорую я вель подъ руку, начало спрашивать меня: я не могъ видѣть ея лица, но когда она прижалась ко мнѣ, прижалась близко и крѣпко, я слышалъ удары ея сердца, чувствоваль, какъ дрожало ея шѣло, какъ препетали ея члены. Спраненъ былъ способъ, копорымъ сообщались мнѣ всѣ эпи пылкія и глубокія спраданія. Я не поопигаль ихъ причины, я не зналъ ихъ жерпвы, но признаюсь, въ эпу минупу, я не оспавилъ бы этой женщины ни за чпо на свѣпѣ.

Когда она увидѣла, чпо обѣ маски вошли въ ложу и дверь за ними зашворилась, она нѣсколькo минупъ спояла въ оцѣпненіи, какъ пораженная громомъ; попомъ вдругъ кинулась къ дверямъ, чпобъ подслушашь. Малѣйшее ея движеніе могло обнаружить наше присуствіе и погубить ея на вѣки: я схватилъ ее за

руку, пожалъ ручку у ближняго замка, дверь въ сосѣднюю ложу отворилась и я силою вовлекъ ее пуда; попомъ поднялъ рѣшетку и дважды повернулъ ключъ въ замкѣ.

— Если вы хопите подслушивать, сказалъ я, такъ по крайней мѣрѣ слушайте опсюда.

Она упала на одно колѣно и приспавила ухо къ перегородкѣ; а я споялъ съ другой споронъ, сложивъ руки, опуспя голову и погружаясь въ размышленіе.

Все, что я могъ замѣнитъ въ эпой женщи-нѣ, обличало въ ней молодость и красоту: нижняя часть лица, не закрытая маскою, была кругла, нѣжна и бѣла; маленькія губки алѣли, какъ шипокъ розы; зубы, которые казались бѣлѣй перламутра опъ чернаго бархата маски, были раздѣльны и блестящи; ручка полная; станъ можно было обхватитъ четырьмя пальцами; червыя, мягкія, шелковистыя кудри, волнами сыпались изъ — подъ капишона ея домины; и ножка, нѣжная, оспрая, миниатюрная ножка дитяпи, казалась, съ спрудомъ поддержи-вала ея прелестное шѣло, не смотря на его воздушную спройность и гибкость. О! эпо было чудесное созданіе!.. И смерпный, копорый могъ держатъ ее въ своихъ объспяхъ, могъ видѣтъ, какъ всѣ способности души ея сосредоточились въ одно чувспво любви, могъ чувспвовать подъ сердцемъ своимъ всѣ эпи

судорожныя движенія, эпі нервическіе припад-ки, эпіопъ гальванической препенъ и могъ ска-зашъ: » все эпіо изъ любви; изъ одной любви ко мнѣ, ко мнѣ одному среди миллионовъ людей, ко мнѣ избранному небомъ. «... Топъ смерпный... О! я гоповъ былъ ему завидовашъ; за-видовашъ до ненависпи!

Таковы были мои мысли, какъ вдругъ я увидѣлъ, что эпіа женщина поднялась, обраппилась ко мнѣ и препеннымъ, прерывающимся голосомъ сказала:

— » Послушайте: я прекрасна! клянусь вамъ, я прекрасна! Я молода! мнѣ полько девятнадцать лѣтъ!.. До сихъ поръ я была чиста и невинна, какъ ангелъ первозданный.. И пакъ «... тупъ обвила она объ руки около моей шеи... »И пакъ... я ваша!.. Дѣлайте, что хопите.«.

Тупъ уста ея прильнули къ моимъ губамъ; чувство поцѣлуя, или лучше сказать, чувство укушенія попрясло все мое препенущее и обомлѣвшее тѣло; огненное облако набѣжало на глаза. Прошло десять минутъ. Я споялъ передъ нею; она, полумертвая, лежала опрокинувшись въ креслахъ и рыдала.

Медленно возвращалась она въ чувство; я замѣпилъ сквозь маску, что глаза ея блуждали; нижняя часть лица была блѣдна. Я слы-

шалъ, какъ зубы ея спучали какъ опть лихорадки... Все это глубоко запало въ моей памяти.

Вдругъ она вспомнила обо всемъ; и упала къ ногамъ моимъ...

— » Будьте великодушны! « сказала она: » хопъ изъ состраданія, изъ милоспи, не глядите на меня! Не спарайтесь узнавать, выпустите изъ ложи и забудьте обо всемъ, что произошло между нами; а я... я буду помнить за двоихъ! « ..

При сихъ словахъ она вскочила, кинулась къ дверямъ, отверла ихъ...

— » Не слѣдуйте за мною! Ради Бога! не слѣдуйте! « вскричала она и исчезла быспрѣе мысли, копорую мы не можемъ схватить...

Дверь съ шумомъ захлопнулась, я оспался одинъ — и никогда не видалъ ее болѣе.

Я не видалъ ее больше! Но въ продолженіе десяти мѣсяцевъ искалъ ее вездѣ: на балахъ, въ театрахъ, на гуляньяхъ; каждый разъ, когда видѣлъ издали женщину съ понкой паліей, дѣпской ножкой, черными локонами, я бѣжалъ за ней, подходилъ къ ней, глядѣлъ ей прямо въ лице, въ надеждѣ, что она покраснѣетъ, смущится... все напрасно! — Я нигдѣ ее не находилъ! Нигдѣ не встрѣчалъ ее, кромѣ живыхъ сновъ моихъ, въ бессонныя мои ночи! — О! пущь она являлась ко мнѣ каждый разъ... Я

чувствовалъ ея боязнь, ея прелесть, поцѣлуй, жгучія ласки... чувствовалъ въ нихъ что-то неземное, что-то адское... Попомъ вдругъ спадала съ нея маска, и лице ея представлялось мнѣ подъ самыми спранными видами: то смутное, какъ бы подернутое облакомъ; то блестящее, какъ бы окруженное заревомъ; то блѣдное съ голымъ черепомъ, съ пустыми глазами, съ ходячею челюстью... Словомъ, съ блаженной ночи маскарада, я больше не жилъ; я старалъ любовью къ женщинѣ, копорой не зналъ; надѣялся найдти ея, и всегда обманывался въ надеждѣ; ревновалъ ея... и самъ не зная къ кому, не имѣя на то никакого права... Самому себѣ не смѣлъ я признацца въ своемъ безуміи... а между тѣмъ старалъ, крушилъ, испаявалъ опъ моей спрасни. «

Оканчивая эти слова, онъ вынулъ письмо изъ кармана.

— » Я тебѣ всё разсказалъ... Вотъ письмо: прочти его. «

Я развернулъ письмо и прочелъ:

» Вы, можетъ быть, позабыли несчастную
» женщину, съ копорой однажды встрѣпились
» случайно, въ маскарадѣ. Она не могла ниче-
» го забыть — и за то поплапилась жизнью.
« Когда вы получите это письмо, меня уже не
» будетъ. Тогда сходите на кладбище Опца
» Лашеза, позовите могильщика, велите пока-

» запы себѣ одну изъ свѣжихъ могилъ, на камнѣ
 » копорой, вмѣсто надписи, будетъ проспо вы-
 » рѣзано: МАРІА! — И когда вы подойдете къ
 » эпой могилъ, спаньше на колѣна и помолитесь!»

— » Я получилъ записку вѣчера, сказалъ Антоній, а нынче я былъ на кладбищѣ. Спорожъ указалъ мнѣ ея могилу; два часа я на ней молился и плакалъ. «

— » Понимаешь ли ты, Александръ? Она была тамъ, подъ ногами моими, въ эпой могилъ! Эпа божеспвенная женщина была въ могилъ! Пылкая душа ея оплелѣла; а прекрасное тѣло обречено на исплѣніе ея совѣспью и опчаяніемъ! Она жила и умерла неузнанная мною! Неузнанная. . . но занявъ въ жизни моей такое-же мѣсто, какъ теперъ заняла въ могилъ. Неузнанная. . . и похоронивъ въ душѣ моей холодный и бездушный призракъ, какъ теперъ похоронила бездушное свое тѣло во гробъ! Слыжалъ ли ты чтонибудь подобное? — Знаешь ли ты проишествіе спраннѣ моего? — И теперъ нѣтъ больше надежды! Я ее не увижу, никогда не увижу! Еслибъ даже я раскопалъ ея могилу, то не найду ни одной черпы, копорая могла бы мнѣ выразить прелестное лице ея! — Я ее не увижу больше! и все еще люблю! Понимаешь ли ты, Александръ? Я люблю ее. . . спраешю, пылко, какъ безумный! Я сей часъ бы поднялъ

на себя руку, чшобъ послѣдовать за нею. . .
«еслибъ не зналъ, что и въ пространствѣхъ
вѣчности она оспанеся мнѣ также неизвѣсп-
ною, какъ быма на землѣ!»

Тупъ вырвалъ онъ у меня письмо изъ рукъ,
прижалъ его къ губамъ своимъ и началъ пла-
кать, какъ ребенокъ.

Я его обнялъ, и не зная, что сказаць ему въ
ушѣшеніе, заплакалъ съ нимъ вмѣспѣ.

ПЕР. ФЕДОРЪ КОНИ.

III.

0

ЗАПИСКАХЪ ШАТОБРИАНА.

(окончаніе.)

=

пЯТЫЙ ДЕНЬ.

Надобно знать, что всякая книга сихъ Записокъ начинается великолѣпнымъ введеніемъ. Сии Записки, въ которыхъ такъ удивительно отражается жизнь величайшаго писателя нашихъ временъ, начаты уже давно. Онѣ часно прерывались и снова были начинаемы тамъ и сямъ, въ палаткѣ, во дворцѣ, въ Волчьей Долинѣ, въ улицѣ Ада, въ домѣ Министертства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Берлинѣ, въ Лондонѣ, вездѣ. Онѣ писаны въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ поэта, но всегда съ равнымъ ду-

хомъ. О какой бы эпохѣ жизни своей ни рассказывалъ поэтъ, всегда, приступая къ описанію прошедшаго, переноситъ насъ въ настоящее; что бы ни представлялось уму Шапобриана, великое ли происшествіе, великій ли человекъ, прекрасный ли ландшафтъ, онъ поспѣхъ займется имъ; потомъ возвращается къ своему предмету, къ своему герою, но еспѣ къ себѣ самому уже погда, какъ не можетъ обойтись безъ пого. Эти введенія, о копорыхъ я говорю вамъ, суть великолѣпныя орапорскія мѣспа, ни мало не лишнія, но напропивъ глубоко входящія въ главный рассказъ: пакъ чудесно служатъ онѣ къ обозначенію мѣспа, времени, душевнаго и умспвеннаго расположенія, въ какомъ авпоръ мыслитъ, пишетъ и рассказываетъ. Вы не должны надѣяться, чпобъ я могъ вамъ дать хопя легкое поняпие о сихъ великолѣпныхъ прологахъ, гдѣ языкъ Французскій возведенъ на неслыханную высоту, копорой не достигалъ прежде и самъ Шапобрианъ.

Обрапимся вновь къ сему повѣспвованію споль разнообразному и проспому, забавному, какъ хорошая сказка, копорой герой пакъ проспѣ, честень, уменъ и добръ, почпи самъ не знаетъ могущества своего генія и больше всего надѣется на всемошнаго покровителя великихъ умовъ, на случай. Топчасъ послѣ женипъбы (онъ женился топчасъ по своемъ возвращеніи), оп-

правился онъ съ женою въ Парижъ, гдѣ остановился позади церкви Святаго Сюлпиція, въ глухомъ переулкѣ Феру. Здѣсь Шапобрианъ возносился на высочайшую степень испорія, занимаетъ первое мѣсто между испориками-живописцами. Какое зрѣлище представлялъ Парижъ въ 92 году! А онъ видѣлъ его весь; обошелъ изъ конца въ конецъ; видѣлъ лицомъ къ лицу всѣхъ кровопійцъ того времени. Онъ слышалъ всѣ крики, всѣ вопли, всѣ свирѣпыя восклицанія, раздававшіяся съ прибуны, въ псапрахъ, въ Пале-Рояль, на улицахъ, въ журналахъ; онъ былъ свидѣтелемъ терроризма, эпого пигра, съ коимъ не сравняется ни какое чудовище Новаго-Свѣта. Онъ видѣлъ Робеспьера, Марата, Дантона, присушествовалъ въ Клубѣ Якобинцевъ при ихъ засѣданіяхъ. Имѣя хопя нѣкошорое понятіе о кодориптѣ и неподражаемомъ слогѣ Г. Шапобриана, вы можете представить, каковы должны быть страницы, гдѣ онъ описываетъ эпо обширную, худо освѣщенную церковь, исполненную мяпежнаго шума; изображаетъ лепучихъ мышей, нѣкогда мирныхъ обитательницъ сихъ влажныхъ сводовъ, кои теперь ужаснымъ эхомъ отвѣтствуютъ на орапоровъ Горы; крики сихъ лепучихъ мышей, заглушающіе собой звуки энихъ грубыхъ голосовъ, шакъ что они принуждены время отъ времени спрѣмашь

вверхъ изъ ружей, приглашая симъ спраннымъ средспвомъ къ молчанію. Ничто изъ сего мрачнаго зрѣлица не избѣгло опть воспоминанія Г. Шапобріана; ни даже прибуна, соспавленная изъ двухъ бревенъ, кресптъ на кресптъ посспавленныхъ, образуя нѣкопорымъ образомъ приготопительный эшафоптъ; ни орудія древнихъ пыпокъ висѣвшія позади орапора, dospойное, хопя неожиданное, украшеніе пакихъ рѣчей и совѣщаній! Здѣсь—по ежедневно произносилось сптолько смерпныхъ приговоровъ. Между пѣмъ все Французское дворянспво, будучи выведено изъ перпѣнія, утекало изъ Франці, для послѣдняго, бесполезпаго опыта.

Здѣсь Шапобріанъ, копорый будучи великимъ живописцемъ, еспъ въ поже время и великій полипикъ, спрашиваетъ самъ у себя: позволипельна ли была эмиграція? Надобно думать, что сей важный вопросъ очень занималъ его, ибо для рѣшенія сей задачи онъ вызываептъ великую пѣнь Мальзербъ: воззваніе въ древнемъ родѣ, какое со временъ Плагпона весьма часпо возобновлялось величайшими орапорами. Впрочемъ объ эпомъ вопросѣ Шапобріанъ уже и прежде разсуждалъ превосходно. »Я сдѣлалъ себѣ эшоптъ вопросъ еще описывая испорію тридцати Аевинскихъ пирановъ: зачѣмъ перевозносятъ Тразибула до небесъ? и за чѣмъ пакъ уицаютъ Французскихъ эмигранцовъ? Случай

попъ же самый. Бѣглецы изъ обѣихъ странъ удаляются отъ припѣсненій, берутся за оружіе въ чужой землѣ, хопягъ зацѣпили древнія поспановленія ихъ опечесѣва. Слова не измѣняютъ вещей. Первые дрались за демократію, впорые за монархію: дѣло само по себѣ одно и поже!

» Чужеспранецъ, сидя у камина въ странѣ спокойной, увѣренный, что завтра упромъ вспанепъ, какъ нынѣ легъ вечеромъ, не лишасть ничего, зная, что у него не выломають дверей, что въ домѣ его полько расположенные къ нему друзья, что извнѣ царствуетъ безопасность, конечно спанепъ доказывають за спаканомъ вина, что Французскіе эмигранты виноваты, что не должно никогда оставлять своего опечесѣва: и будепъ заключають весьма правильно. Ему хорошо, его никто не припѣсняетъ, онъ можетъ гулять гдѣ хочепъ, не опасаясь, что его оскорбятъ, или даже убьютъ; жилище его не предають пламени, самага не изгоняють, не пиравяють какъ дикаго звѣря, по пошъ весьма основательной причинѣ, что онъ называется Яковомъ, а не Пепромъ; что его дѣдушка, который умеръ лѣтъ за сорокъ, имѣлъ право садиться на скамьяхъ въ церкви, поспавивъ позади себя двухъ или прехъ арлекиновъ въ ливреѣ; нѣтъ сомнѣнія, повпоряю, эпопъ добрый человекъ очень

можешъ и долженъ думашъ, что преступно покидать свое опечесство.

» Только несчастіе можешъ судить о несчастіи, а сердце, огрубѣвшее въ блаженствѣ, не можешъ понимать чувствованій злополучнаго. Если безъ приспрасія разсудить о всемъ томъ, что эмигранты претерпѣли во Франціи, то кто изъ счастливыхъ нынѣ людей осмѣлился сказать, положи руку на сердце: я не сдѣлалъ бы какъ они.

» Гоненіе началось вдругъ во всемъ государствѣ: и не думайте, чтобъ причиной онаго были мнѣнія. Если бъ вы были самый неистовый демократъ, папріотъ самый сумасбродный, то доспапочно было носить извѣстное имя, быть дворяниномъ, дабы васъ преслѣдовавъ, имѣніе ваше сжечь, васъ самихъ повѣсить на фонарномъ столбѣ; доказательствомъ служаваъ Ламешы и множество другихъ, коихъ помѣстья были опустошены, хопя они опличались республиканскимъ образомъ мыслей и сами принадлежали къ Соспавительному Собранію.»

Между тѣмъ въ Парижѣ, разсвирѣтѣвшемъ до ужаснѣйшаго неистовства, каждый день приносилъ новую опасность; ни одинъ дворянинъ не могъ спокойно ѣсть послѣдній, горькой, еще остававшійся у него кусокъ хлѣба. Тщешно Шатобріанъ хопѣлъ воспоржесство-

вашь надъ самимъ собою: надлежало уступить силѣ обстоятельствъ, ухватъ. И въ эпоху разъ онъ опять терпѣлъ недоспапокъ въ деньгахъ; въ эпоху біографіи, споль наполненной различными приключеніями, безпрерывно встрѣчающагося слова: *нѣтъ денегъ!* Это единственная метафора, коей повтореніе не кажется однообразно въ длинномъ повѣствованіи. Она всегда неожиданна, всегда печальна; она есть единственное извинительное препяпствіе, единственное горе, которое всегда и всякій понять можетъ. *Нѣтъ денегъ!* Толпа любитъ слышать эту фразу изъ успѣ людей, которые споятъ выше ея; ибо она чувствуетъ пайную радость, видя, какъ великій человекъ съ вершины высокихъ идей своихъ и великихъ событий ниспадаетъ на ровную съ ней спелень сими prospectsми, но въ поже время слишкомъ драматичными словами: *нѣтъ денегъ!*

И такъ у Шапобриана не было денегъ; все имущество его соспояло въ ассигнаціяхъ, полученныхъ въ числѣ приданого за женою. Какъ ухватъ изъ Парижа? Послѣ многихъ поисковъ, нашель онъ, наконецъ, въ улицѣ предмѣспія Сент-Оноре, ношариуса, который согласился ссудить ему двѣнадцать тысячъ франковъ. Онъ отправился самъ за этими двѣнадцатью тысячами въ улицу Сент-Оноре, положилъ ихъ въ поршфель и, возвращаясь, встрѣпился въ

переулкѣ Феру съ однимъ изъ друзей своихъ. Пріятель подошелъ къ нему; они спали разговаривающъ, идучи вмѣстѣ. Бѣдняжкамъ тогда было очень не весело среди эшаго народа, котораго забавлялся ежедневно въ клубахъ или около эшафота. Короче, Шапобрианъ, по слабости, или отъ скуки, или изъ любопытства, зашелъ съ другомъ своимъ въ игорный домъ на улицѣ Ришелье; спалъ играющъ и проигралъ всѣ деньги, кромѣ 1,500 франковъ. Онъ могъ погубить и себя и брата, но по счастью равнодушіе возвратилось къ нему: онъ оставилъ игру, сѣлъ въ фіакръ и возвратился домой; входивъ къ женѣ, хочещъ вынуть изъ кармана поршфель—его нѣтъ! ищещъ—нѣтъ! Онъ забылъ поршфель въ фіакръ, забылъ свои послѣдніе 1,500 франковъ!

Въ отчаяніи онъ бросился вонъ изъ дому. Какъ бытъ? Что будетъ съ нимъ? Бѣжипъ на площадь Св. Сьюльпиція; играющія дѣши говорятъ ему, что фіакръ, котораго онъ ищещъ, только что отправился полный. Онъ осведомляется, ему сказываютъ жилище кучера; онъ идетъ къ кучеру, дожидается его. Въ два часа кучеръ приѣзжаетъ; обыскиваютъ карету; нѣтъ поршфеля! Кучеръ отвозилъ вечеромъ прехъ *сан-кюлотовъ* и молодаго священника, коихъ жилище сказалъ Шапобриану. И такъ онъ почти навѣрное лишился своихъ денегъ.

Онъ воропился домой, и принадлежа къ пѣмъ испинно мужеспвѣннымъ людямъ, копорыхъ ничпо не изумляетъ, коихъ взоръ попчасъ проникаетъ до самой глубины предмета, заснулъ также спокойно, какъ въ хижинѣ дикаря, гдѣ спятъ даромъ. На другой день упромъ его разбудилъ одинъ молодой аббатъ, спрашивавшій: онъ ли Г. Шапобрианъ? Въ поже самое время молодой человекъ опдалъ ему порпфель и 1,500 франковъ, съ коими сей послѣднй и опправился попчасъ въ Брюссель, взявъ съ собою спаршаго брапа и слугу.

Они одѣли слугу мѣщаниномъ, и какъ въ дилижансѣ, такъ и въ пракпирахъ называли однимъ изъ друзей своихъ. Бѣднякъ, смущенный такими почеспями, не могъ привыкнутьъ къ новому своему достоинству. Едва смѣлъ онъ садиться, едва смѣлъ ѣспъ при господахъ своихъ; онъ переходилъ попеременно опъ самага глубокаго почшенія къ самой смѣшной фамилярности. Сверхъ того эпопъ слуга былъ лунапикъ: ночью онъ разсказывалъ предъ всѣми сидящими въ дилижансѣ по, чпо въ печеніе дня скрывалъ съ такимъ усилениемъ. Сонный онъ разговаривалъ только объ однихъ Графахъ, Маркизахъ и вельможахъ; наконецъ однажды ночью, по близости Камбре, не будучи въ силахъ скрывать долѣ своей пайны, дабы избѣгнуть опъ эпой несносной для него прину-

жденности, закричалъ онъ кучеру: »спой! спой!« Ему опворили дверцы, и онъ безъ шляпы, не сказавъ ни слова, пустился бѣжасть по полю. Шапобріанъ съ прудомъ могъ уговорить кондуктора дилижанса, чпобы онъ продолжалъ ѣхать, не дожидаясь ихъ соупника. На слѣдующій день слуга былъ взятъ подъ карауль, посаженъ въ шюрму; и, въ послѣдствіи, по причинѣ его болѣе неблагоразумнаго, чѣмъ злонамѣреннаго показанія, братъ Шапобріана былъ осужденъ на смершь.

Между тѣмъ оба брата благополучно прибыли въ Камбре; въ паспортахъ были они названы винопродавцами, поставщиками Сѣверной Арміи. Изъ Камбре они безпрепятственно перебрались въ Брюссель. Сей послѣдній городъ былъ тогда наполненъ роялистами; это было общее сборное мѣсто арміи Принцевъ; здѣсь рѣчь шла только о побѣдахъ, поржествахъ, ресавраціи, почестяхъ, старомъ дворѣ и привилегіяхъ. Сіи ослѣпленные были увѣрены, что они какъ разъ кончатъ эту игру, начавшуюся въ Мячевой залѣ, завпра они снова возведутъ Короля на престоль; они хотѣли одни получить славу и награды за совершеніе сего подвига. Каждый новоприбывшій былъ для нихъ въ пягоспѣ, казался поварищемъ опаснымъ и бесполезнымъ. Эмигранты уже раздѣлялись на двѣ партіи: прежде и послѣ прибывшихъ; прежде при-

бывшіе предостѣвляли исключительно себѣ право респавраціи. Безумцы! А потому Г. Шапобріанъ и брагъ его были приняты весьма худо въ арміи Принцевъ. У нихъ спрашивали: за чѣмъ, они приѣхали? откуда? для чего такъ не кспати безпокоились? за чѣмъ не дожидались лучше съ шергъніемъ прибытія Королевской арміи?

Вопъ какой пріемъ сдѣлали имъ брагья и союзники. Тщепно Шапобріанъ хопѣлъ вспунпъ въ свой полкъ, Наваррской полкъ, находившійся въ соспавѣ арміи Принцевъ; ряды его сжались такъ пѣсно, что онъ принужденъ былъ вспунпъ въ одну изъ Брепонскихъ ропъ, опсправлявшихся осаждапъ Тіонвиль. Теперь молодой спранникъ разквивался съ службой. Если въ первый разъ, будучи подпоручикомъ пѣхопы, онъ сдѣлался капитаномъ кавалеріи, за пѣмъ только, чтобы ѣздитъ въ придворныхъ каретахъ, шеперь капитанъ кавалеріи сдѣлался проспымъ солдапомъ. Взваливъ суму на плеча, взялъ плохое ружье безъ курка, и маршь, впередъ. Для сохраненія благообразія, онъ носилъ свой бѣлой мундиръ, и шелъ гордо, не заботясь ни о чемъ; вдругъ встрѣшился съ нимъ Король Прусской, Фридерикъ Вильгельмъ, ѣхавшій верхомъ; онъ спросилъ у него: » Куда вы идете? « — Драпья, отвѣчалъ Шапобріанъ. — » Узнаю изъ эшого отвѣща Фран-

цузскаго дворянина! « сказалъ Прусскій Король, и продолжалъ пупъ свой.

Шапобріанъ имѣлъ уже и въ Брюсселѣ такой же разговоръ съ человѣкомъ, копорый опличчался однимъ оспроуміемъ и копорый жилъ только именовъ Шамфора. » Откуда вы, государь мой?« спросилъ Шамфоръ.—Съ Ніагары, государь мой.—Куда вы, государь мой?« сказалъ Шамфоръ.—Туда, гдѣ дерущся, государь мой!— И тѣмъ кончился разговоръ. Можеть бытъ Шамфоръ, одинъ изъ послѣднихъ Французскихъ скепшиковъ, подумалъ, что эпопѣ молодой человѣкъ надъ нимъ насмѣхается.

И такъ Шапобріанъ продолжалъ пупъ свой съ сумой за плечами, продолжая мечпанѣ о поэзіи, въ ожиданіи пока явится непріятель. Непріятель для Шапобріана былъ впорымъ сѣвернымъ проѣздомъ, копорый слѣдовало опыскивать. Онъ шелъ къ непріятелю, какъ прежде шелъ къ проливу, безъ всякаго плана, предаваясь мечпаніямъ. Въ Америкѣ онъ оспанавливался, дабы описать Ніагару; въ Бельгіи оспановился, чпобы поклониться наслѣднику Фридриха Великаго: въ немъ все преобладаетъ фантазія. Однакожъ сколько разъ приходилось ему пожалѣть объ Америкѣ! » Бурбонамъ не было никакой нужды, чпобы я, неизвѣстный юноша, явился изъ-за моря съ моей слабою помощью.

Если бы, продолжая пупешествовать, я засвѣтилъ лампу хозяйки моей журналомъ, копорый перемѣнилъ образъ моей жизни, то никто бы и не замѣтилъ моего опсупствія, ибо никто не зналъ о моемъ существованіи. Простая размолвка между мной и моей совѣстью возврапила меня на поприще свѣта; я могъ бы сдѣлать, что хопѣлъ, ибо одинъ былъ свидѣтелемъ пренія; но это одинъ изъ всѣхъ свидѣтелей, предъ коимъ я не захочу краснѣть. «

Такимъ образомъ прибылъ онъ къ спѣнамъ Тіонвиля. Въ этомъ городѣ засѣли республиканцы, копорые держались крѣпко и не робѣли ни сколько роялисповъ, умиравшихъ съ голоду, коихъ все искусство соспояло только въ помѣть, чтобы драпъся на дуэли и гоняпъся за оленемъ; это были весьма храбрые молодые люди, но они не соединяли съ храбростью перпѣливости и искусства. Осажденные осмѣяли ихъ; ибо въ первый разъ, когда роялиспы спали палипъ изъ своихъ пушекъ, ядра ихъ надали на шесть фушовъ не долетая до спѣны. И такъ эта роялиспкая армія сдѣлала все, что умѣла, для осады. Она раскинула палатки, рыла рвы, спавила часовыхъ, дѣлала смотры, спрѣяла когда имѣла ружья и порохъ. Шапобріанъ, будучи солдапомъ, ходилъ шакже, какъ и другіе, съ папрулюю. Его шоварищи, привыкшіе только

охопипсья въ кустахъ, ходили съ ружьемъ подъ мышкой, разшевеливая спволоомъ куспарники, какъ будто могли заспавивпъ взлетѣть оппуда какого-нибудь синекафтанника или республиканца; съ симъ солдатскимъ ремесломъ всякой соединялъ свои прежніе щегольскіе обычаи и оспрыя слова. Описаніе Тіонвильскаго лагеря еспъ картина, исполненная изящества и прелести. Чпо касается до Шапобріана, то, въ ожиданіи пока добудетъ къ ружью курокъ, онъ предавался своимъ очаровательнымъ поэпическимъ мечпаніямъ. Теперь онъ наслаждался эпой солдатской жизнью, какъ нѣкогда жизнью между дикихъ: пробуждаясь упромъ, прислушивался къ опдаленному крику пѣлуха; любилъ слѣдитъ за полепомъ ласпочки, весело щебечущей въ высопѣ. Онъ извлекалъ для себя пользу изъ представлявшихся ему пропивоположностей: здѣсь природа спокойная, прекрасная, нарядная, блестящая лучами восходящаго солнца; шамъ челоуѣкъ въ лохмопьяхъ, блѣдный, безобразный, вооруженный, гоповый принеспъ себя на жерпву; цвѣщущія деревья и ружья со шпыками; журчащій ручей и грѣмящій барабанъ. Это впечатлѣнія весьма еспеспвенныя, кои вы найдете о всей живоспи, со всѣмъ блескомъ весны и молодоспи, въ одной изъ прекраснѣйшихъ книгъ *Мучениковъ*.

Часпо опъ сихъ воспорженныхъ мечпаній

онъ былъ отвлекаемъ по приказанію капрала, чшобы гоповишь супъ, и надо сказаць правду, гоповиль славно; въ другое время опыскивалъ хорошенькое мѣспечко на берегу, спановился на колѣна и мыль самъ свою рубашку со всею ловкостью, какой можно требоваць опъ чеснаго дворянина, моющаго бѣлье свое въ ключевой водѣ, безъ мыла. Но и въ эпихъ неблагопріятныхъ обспояпельспвахъ юный умъ его обращался всегда къ поэзи. Чего бы не далъ онъ, чшобъ въ пѣ дни, когда мыль онъ свою рубашку, возврапились времена Гомеровы и чшобъ ему вспрѣпилась на дорогъ почпенная Царевна Навзикая!

Въ другое время спояль онъ на караулъ, или осмапривалъ съ дозоромъ окреспности. При пакихъ рекогносцировкахъ съ нимъ всегда бывали какія-нибудь вспрѣчи. Однажды, между прочимъ, нашель онъ во рву полспаго челоуѣка, лежавшаго въ низъ лицомъ, неподвижнаго, безъ дыханія. Вопъ Шапобріанъ пуспился рекогносцировать; выставиль ружье впередъ, спалъ подходиць пихими шагами, и наконецъ узналь своего жирнаго двоюроднаго брапа Моро, копорый до такой спепени былъ полспъ, чшо, упавъ въ ровъ, оспался бы шамъ до скончанія міра, еслибъ не попался солдапъ Шапобріанъ и не подн्याль какъ его самаго, пакъ и ружье его.

Вечеромъ, поѣвъ супу, если онъ былъ, поварищи его говорили, играли, смѣялись, разыгрывали въ палаткахъ роль знатныхъ вельможъ, а Шапобрианъ мечпалъ, и уже прудился надъ *Аталой*. Однажды манускриптъ *Аталы*, которъй онъ носилъ всегда съ собою въ сумъ, былъ пробитъ пулею и такимъ образомъ спасъ жизнь поэта; но прибавляетъ онъ, съ той милой улыбкой, которую вы знаете: » *Атала должна была еще выдержать огонь Аббата Морелле.* «

Однакожь осада Тіонвля должна была когда нибудь кончиться: вѣдь кончилась же и осада Трои! Она и кончилась, почто какъ осада Трои, съ шюю только разницею, что осаждающіе первые поперяли перпѣніе. Къ голоду и успалоспи присоединился ужасный поносъ. И такъ пѣ и другіе репировались, каждый въ свою спорону. Въ самый день снятія осады Шапобрианъ былъ раненъ въ ногу осколкомъ горячей балки, и такъ долженъ былъ спрадапъ въ одно время раной въ ногъ, оспой и поносомъ; эпо были печальные спупники. Но и на эпопъ разъ бодрость не оспавила его; онъ доказалъ, что великая душа всегда повелѣваетъ пѣломъ, которое ею одушевляется. Онъ продолжалъ идпи, пока могъ. При проходахъ чрезъ города ему указывали госпитали, но онъ шель мимо. Въ Намуръ одна бѣдная женщина, видя, что

его прясепть лихорадка, сжалилась надъ нимъ и набросила ему на плеча старое одѣяло. Онъ взглянулъ съ улыбкой на спаруху и важно продолжалъ путь свой, завернувшись въ одѣяло. Наконецъ онъ упалъ въ ровъ. Между пѣмъ, какъ лежалъ онъ памъ безъ чувспва и безъ движенія, шла мимо ропа Принца де-Линя. Кому-то пришло въ голову подойти къ эпому прупу; въ немъ оказались нѣкоторыя признаки жизни; его взвалили на шельгу и привезли къ воропамъ Брюсселя. Когда нашъ молодой человекъ опамяповался и нашель у себя только при прежнія болѣзни: рану, поносъ и оспу, по вспунилъ въ Брюссель. Онъ отправился сначала на прежнюю свою кварпиру, но его не приняли; такимъ образомъ переходилъ онъ изъ госпинницы въ госпинницу, изъ дому въ домъ, но ни гдѣ его не принимали. Къ чему могъ бытъ годенъ въ Брюссель эпоть изможденный, хромой, чахлый, блѣдный человекъ? Правда, въ послѣдспвіи Брюссель обогатился перепечашиваніемъ его сочиненій; но онъ не имѣеть привычки оказывать даже однодневнаго пособія писателямъ, (коихъ такъ безсовѣстно обкрадываетъ!

Наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ возвратился къ первому практиру. Его намѣреніе было умереть у эпихъ дверей, завернувшись

въ одѣяло. Онъ уже совершенно расположился и приготовился умирать, какъ вдругъ мимо проѣхала карета; въ ней каретѣ его братъ; представьте, какой восторгъ! У брата было 1,200 франковъ, половину коихъ далъ онъ ему. Не смотря на эти двадцать пять лудоровъ, Франсуа не принялъ въ прекрасномъ пражирѣ; одинъ сосрадапельный цирюльникъ согласился взять его къ себѣ. Тамъ проспился онъ съ своимъ братомъ, которъи опправился во Францію, гдѣ и погибъ.

Рану Шапобриана кой-какъ перевязали; ее почти не смѣли перевязывать по причинѣ двойной болѣзни; наконецъ онъ выздоровѣлъ, но выздоровѣвъ ояпъ впалъ въ крайность. Тогда рѣшился онъ отправиться на островъ Жерзей, для соединенія съ Брепанскими роялистами. Съ помощію небольшого количества денегъ, имъ занятыхъ, прибылъ онъ въ Оспенде. » Въ Оспенде нашель я многихъ Брепонцевъ, моихъ соопечесвенниковъ и поварищей, копорые имѣли одно со мною намѣреніе. Мы наняли небольшую барку; насъ спѣснили въ каюпъ. Непогода, недостатокъ воздуха и простора, морская качка довершили испощеніе силъ моихъ; въперъ и приливъ принудили насъ выдти на берегъ въ Гернезеъ.

» Такъ какъ я уже былъ при послѣднемъ изъ-

дыханіи, по меня снесли на берегъ и приспавили къ спѣнью, лицомъ къ солнцу, дабы я умеръ въ такомъ положеніи. Мимо меня прошла жена одного моряка; ей спало меня жаль; она кликнула мужа, копорый, съ помощію двухъ или трехъ Англійскихъ мапросовъ, перенесъ меня въ рыбацью хижину и положилъ на хорошую постель. Върояпно эпой благопворительности обязанъ я жизнию. На другой день меня перевезли на Оспендской шлюпъ. Когда мы приѣхали въ Жерзей, я былъ въ совершенномъ бреду. Меня принялъ графъ Беде, дядя мой съ маперней спороны; я оспавался нѣсколько мѣсяцовъ между смерпью и жизнью.

»Весною 1793 года, чувспвуя себя въ силахъ снова взяпсь за оружіе, я переѣхалъ въ Англию, гдѣ надѣялся найпи дирекцію Принцевъ; но здорѡвье мое, вмѣспо того, чпобы поправипсь, опяпъ распроилось: мнѣ завалило грудь, я едва могъ дышати. Искусные лѣкаря, съ которыми я совѣпвался, объявили мнѣ, чпо я могу промаячипь нѣсколько недѣль, можетъ быпть нѣсколько мѣсяцевъ, даже годовъ, но чпо мнѣ необходимо надо избѣгати упомленія и не надѣяпсь на долгую жизнь. «

Здѣсь эпопъ геніальный чловѣкъ предается одной изъ пѣхъ неожиданныхъ выходовъ, кои придають пакую живоспъ и непредвидѣнноспъ его рѣчи:

» Дорогу Его Превосходительству Г. Виконту де Шапобриану, Перу Франціи, Посланнику въ Лондонъ, Кавалеру большого креста ордена Почетнаго Легіона, и проч. и проч.« И весь народъ спремится къ нему на встрѣчу; ему дають почепную спражу, сопуществующъ всъ современныя знаменитые мужи.

»Эпо былъ попъ самый молодой человекъ, который, за сорокъ лѣтъ предъ симъ, входилъ въ Лондонъ бѣднымъ, полунагимъ изгнанникомъ, безвѣспнымъ больнымъ, коего искуснѣйшіе лѣкаря осудили на смерть.«

Записки Шапобриана изобилують сими выходками; многія изъ нихъ ходящъ въ обществѣ. Эпо человекъ, который любитъ контрасты и не опускаетъ ни одного изъ нихъ. Вы видѣли, какъ онъ сей часъ пропивополагалъ безвѣспному, дурно одѣтому поэту, входящему въ Лондонъ, Пера Франціи и Посланника. Вскорѣ попомъ онъ сравниваетъ двѣ выписки изъ меприческихъ книгъ объ умершихъ: объ опцѣ своемъ и матери. Когда спарый Графъ умеръ въ древнемъ своемъ замкѣ, онъ могъ еще насладиться всѣми почестями, должными его рождению. Въ меприкѣ его прихода было написано: »Нынѣ, таково-то числа, умеръ въ своемъ замкѣ благородный Виконтъ Рене-Августъ де Шапобрианъ, владѣлецъ Комбурга и другихъ мѣстъ.«

Онъ погребенъ въ хорѣ церковномъ, подъ мраморнымъ памянникомъ, съ изображеніемъ его герба, но эпопъ гербъ не долго оспался на камнѣ. Вмѣспѣ съ эпой пышной выпиской Шапобріанъ спавипъ выписку изъ меприки о своей мапери. Вы можете предспавипъ себѣ, съ какой меланхолической, исполненной кропоспи и сожалѣнія улыбкай, приступаепъ онъ къ пому:

» Выписка изъ рееспровъ умершихъ города Сен-Серванпа, 1 округа депаршаментпа Илье-Вилена, въ VI годъ Республики: «

» 12 Преріаля, VI года Республики Французской, ко мнѣ Жаку Бурдасу, муниципальному чиновнику округа Сен-Серванпскаго, избранному въ сію должность 4 минувшаго Преріаля, явились Жанъ Боле садовникъ и Жозефъ Булье поденщикъ, оба въ совершенномъ возрастѣ и живущіе порознь; они объявили мнѣ, что Апполина-Жанна-Сюзанна де Реде, родившаяся въ Бурселѣ, 7 Апрѣля 1726, дочь покойнаго Анжа-Аннибала де Реде и Рениги-Жанны-Маріи де Равенель, жена Рене-Августа де Шапобріана, умерла въ домѣ гражданки Компонъ, на улицѣ Ралю, въ здѣшнемъ мѣспѣ, сего числа въ часъ по полудни; по сему объявленію, въ испинѣ коего я удостовѣрился, соспавленъ эпопъ акпъ, подписанный полько мною и Жаномъ Боле, ибо Жозефъ Булье объявилъ, что писапъ не умѣепъ. «

Здѣсь оспанавливаются Записки Г. Шапобріана. Эпо чпеніе, часпо прерываемое криками удивленія, слезами и пѣмъ глубокимъ молчаніемъ, которое сильнѣе всѣхъ криковъ заглушаетъ голосъ чипапеля, произвело въ слушапеляхъ живое и глубокое соучастіе. Эпо медленное обзорніе жизни, споль исполненной дѣяній и мыслей, неминуемо должно было произвести впечатлѣніе неизгладимое. Начальныя похождения сего молодого человѣка, который долженъ былъ въ послѣдствіи сдѣлаться Шапобріаномъ, были вѣрными предсказаніями славной судьбы его. Въ эплой книгѣ еспь все: воспоминанія молодости, пересказанныя съ спарческой важностью; рассказы ребенка, для котораго начинается уже попомство; разочарованія юности, сведенныя лицомъ къ лицу съ гореспями спароспи; горькія сожалѣнія двадцати пяти лѣпняго человѣка, глубокія сожалѣнія человѣка семидесятилѣпняго; здѣсь монархія уходящая, памъ опять возвращающаяся; здѣсь молодой человѣкъ, который спѣшипъ обрапно въ опечество, дабы умереть съ своимъ Королемъ; памъ спарець, пришедшій въ немилость у двора, опправляющагося на другой же день въ Шербургъ, спарець весь облеченный въ прауръ по сей монархіи, составившей всю его любовь, поэзію, вѣру! Эпо, безъ сомнѣнія, было одно изъ зрѣлищъ, кои должны бытъ всемогущи надъ юными умами и душами, надъ благород-

ными дамами, надъ всѣмъ эпитомъ опдѣльнымъ общеспвомъ, копорое скрывается подъ полумірскими и полу-священными сѣнями Аббе-о-Буа.

Безъ сомнѣнія, это впечатлѣніе должно бытъ весьма глубоко; очень должны бытъ живы ощущенія, симъ чпеніемъ произведенныя, когда мы, профаны, такъ глубоко чувствуемъ отраженіе ихъ въ нашемъ сердцѣ и умѣ. Боже мой, что мы сдѣлали Г. Шапобріану, мы, почтапели его генія, дѣпи возросше подъ его поэпическимъ взоромъ, мы, коихъ юность онъ предохранилъ отъ ложнаго скепшицизма и вольперіанской ироніи, эпой иссушающей ироніи, копорую только Вольперъ могъ переноситъ безъ опасности, потому что онъ былъ Вольперъ? Чѣмъ прогнѣвали мы великаго поэта, что онъ не сообщилъ намъ эпихъ послѣднихъ завѣщаній своего генія? Для чего не сказалъ онъ намъ: »спупайте, спаньте на колѣна у порога и слушайте сквозъ замѣкъ; я не хочу совсѣмъ васъ лишитъ моей довѣренности!« Тогда бы мы вѣрно пришли; спали бы съ обнаженной головой на колѣна предъ дверями и едва переводя дыханье, слушали бы сіи завѣщательныя слова. Но Г. Шапобріанъ не подумалъ о насъ: онъ избралъ нѣкопорыхъ! А мы принуждены были собирать опдѣльныя крупицы сихъ опкровеній, сдѣлапъ изъ нихъ кое-какъ связанное цѣ-

лое, поспроишь, съ имѣющимися уже у насъ матеріалами, первую часть его Записокъ, которыя и передаемъ вамъ, какъ сами ихъ знаемъ. Дабы узнать болѣе, надобно дождашься, чпобы Г. Шапобріанъ прочелъ продолженіе своихъ Записокъ. Дабы получить въполнѣ эти Записки, должны вы дождашься смерти Г. Шапобріана.

Записки Шапобріана оспанавливаются на первомъ его путешествіи въ Англію. Въ Англіи собственно начинается его литературная жизнь, и начинается сочиненіемъ, которое было весьма различно переполковываемо и которое уже изобличаетъ первокласнаго писателя, именно *Опытъ о Революціяхъ*.

Послѣднее чпеніе Г. Шапобріана содержитъ недавнее путешествіе его къ Карлу X. Теперь онъ начинаетъ описывать свои новѣйшія воспоминанія, и воспоминанія самыя горесипныя. Онъ очень хорошо помнитъ, чпо съ нимъ было за сорокъ лѣтъ, но можетъ ли надѣяться, чпо помнитъ твердо все случившееся въ 1830 году? Сколько происшествій, несчастій, измѣнъ, превращеній! А попому онъ и спѣшилъ описать все видѣнное и узнанное имъ въ послѣдніе годы, какъ спѣшалъ опдѣлаться опъ пягоспной обязанности; послѣ того съ новымъ наслажденіемъ и воспоргомъ возвращиися онъ къ бѣдспвіямъ своей юности.

О, если бы изъ числа блестящихъ введеній, о которыхъ я говорилъ вамъ, можно было мнѣ рассказать самое удивительное, въ коемъ разсуждаешъ онъ о старости людей, о чловѣкѣ, который вешаетъ среди этой природы вѣчно юной! Кпо бы вы ни были, въ какомъ бы возрастѣ ни находились, при чтеніи сей пирады вы увидѣли бы, что сами вы очень стары, а Г. Шапобрианъ очень молодъ!

Теперь вопъ еще любопытное обстоятельство! При помнше, что Талейранъ также пишешъ свои Записки. Шапобрианъ и Талейранъ, вмѣстѣ идущіе въ одной эпохѣ! Одинъ представляешъ ея поэтическій и роялистскій смыслъ, другой ешъ ея политическое выраженіе; одинъ наследникъ Босюэпа, хранишель начала религіознаго, другой послѣдователь Вольтера, всегда поклонявшійся сомнѣнію; одинъ смотритъ на прошедшее со стороны будущаго, другой держится за настоящее, какъ за единственное кормило будущности; одинъ энтузіастъ всегда убѣжденный, другой иронистъ всегда готовый казаться убѣжденнымъ; одинъ краснорѣчивый на трибунѣ, въ своихъ книгахъ, и вездѣ, другой нигдѣ не краснорѣчивый, кромѣ какъ на единѣ, въ креслахъ, у домашняго камина; одинъ чловѣкъ съ гениемъ и доказываешъ это, другой предоспавилъ другимъ думать, что онъ уменъ;

одинъ полонъ любви къ человѣчеству, другой менѣ эгоистъ, чѣмъ его считають; одинъ добръ, другой менѣ золь, нежели сколько показывается себя паковымъ; одинъ идетъ прыжками, скачками, спремипеленъ какъ громъ или фраза воспочная, другой хромаетъ, а приходитъ всегда первый, самъ не зная почему такъ; одинъ всегда выказывается, когда другой всегда прячется, говоритъ, когда другой молчитъ; другой приходитъ всегда во время, когда надо его не видятъ, не слышатъ; а онъ вездѣ, все видитъ, все знаетъ; одинъ умень сердцемъ, другой головой; одинъ имѣетъ парпизановъ, почипапелей, энпузіасповъ, другой только повѣренныхъ, льстецовъ, родню и слугъ; одного любятъ, богошворятъ, воспѣваютъ, другаго едва боятся; одинъ вѣчно молодъ, другой вѣчно старъ; одинъ всегда побѣжденъ, другой всегда побѣдитель; одинъ жертва проигранныхъ дѣлъ, другой герой дѣлъ выигранныхъ; одинъ умретъ неизвѣстно гдѣ, другой умретъ Княземъ въ своемъ домѣ, съ Архіепископомъ у изголовья; одного народъ всегда носилъ въ пріумфѣ, другаго только сносилъ; одинъ никогда не могъ обойтись безъ толпы, другой не знаетъ даже, что такое толпа; одинъ извѣстенъ всѣмъ какъ великій писатель, другой великій же писатель, но никто про него не знаетъ; одинъ пишетъ свои Записки, чтобы про-

чеспъ ихъ своимъ друзьямъ, другой пишеть Записки за пѣмъ, чпобы пряпашъ ихъ опъ друзей; одинъ изъ каприза не издаешъ ихъ, другой не издаешъ попому, чпо онъ кончался не прежде, какъ чрезъ восемь дней по его смерпи; одинъ видѣлъ все свысока, издали, другой снизу, вблизи; одинъ первый вельможа современной испорія, видѣлъ ее въ щегольскомъ убранспивѣ, другой, бывшій слугою испорія, знаешъ всѣ ея скрыпя раны; одинъ жилъ десяпью годами впередъ, другой десяпью годами назадъ; одного зовупъ проспо Шапобрианъ, другаго Князь Беневенпскій. Таковы мужи, коихъ девятнадцатый вѣкъ долженъ почиташъ своими самыми грозными судіями, самыми опасными цѣнипелями, испориками совершенно пропивоположными, основываясь на коихъ, попомспво будешъ судишъ его!

REVUE DE PARIS.

IV.

СУДЬБЫ ПОЭЗИИ.

ИЗЪ

ПУТЕШЕСТВІЙ ПО ВОСТОКУ

АЛЬФОНСА ЛАМАРТИНА *.

Однажды раскинулъ я шаперъ свой на камениспомъ полъ, гдѣ разбросано было нѣсколько суковатыхъ, недорослыхъ оливъ, подъ спѣнами Іеру-

* Путешествіе по Востоку (VOYAGE EN ORIENT) знаменитаго Французскаго поэта, въ чепырехъ томахъ, пригото- вляется къ изданію. Оно выдетъ въ свѣтъ не прежде осени; но опривки изъ него входятъ въ составъ общаго предисловія къ полному собранію сочиненій А. Ламартина, которое издатель, Карлъ Госселень, обещался выдать въ первыхъ числахъ текущаго Апрѣля. Къ нимъ-то принадлежатъ помѣщаемые здѣсь, кои, по волѣ автора, напечатаны предварительно въ журналахъ: *Revue de Paris* и *Revue de deux Mondes*. Изд.

салима, за нѣсколько сотъ шаговъ опъ башни Давидовой, вблизи испочника Силоамскаго, еще текущаго подъ извешшальными плитами своего гроба, не подалеку опъ гробницы царя-поэпа, споль часпо воспѣвавшаго спруи его. Высокія, черныя перрасы, носившія нѣкогда храмъ Соломоновъ, виднѣлись влѣвѣ, увѣчанныя према синими куполами и легкими, воздушными колонцами мечепи Омаровой, возвышающейсе нынѣ надъ развалинами дома Іеговы. Городъ Іерусалимъ, въ по время опустошаемый язвою, былъ весь облипъ лучами солнца, съ ослѣпительною яркостью опражавшимися опъ его безчисленныхъ главъ, бѣлыхъ мраморовъ, раззолоченныхъ башень, опъ его спѣнъ, выполированныхъ вѣками и соляными вѣпрами Асфальпического озера; ни малѣйшаго шороха не выходило изъ его оградѣ, безмолвной и мрачной, подобно ложу умирающаго; его широкія воропа были не заперты и по временамъ мелькали бѣлый пюрбанъ и красный плащъ арабскаго солдапа, бесполезнаго спража сихъ покинутыхъ воропъ; ни что не входило и не выходило изъ нихъ; лишь упренній вѣперокъ воздымалъ иногда клубящуюся пылъ надъ дорогами и на минупу обманывалъ ожиданіемъ каравана; но когда порывъ его укрощался, когда вспахнувшій вѣперокъ издыхалъ со свиспомъ на зубцахъ башни Пизанцевъ или на прехъ пальмахъ дома Каіафы,

пыль опадала, пустыня являлась снова и на помостѣ дороги не слышалось шаговъ ни верблюда, ни мула. Только, каждую четверть часа, объ желѣзныя спворки всѣхъ воропѣ Иерусалима раскидывались насшежь; и мы видѣли мерпвецовъ, пораженныхъ язвою, коихъ два нагѣ невольника тащили на носилкахъ къ гробамъ, вокругъ насъ разсѣяннымъ. Иногда длинный коршежь Турковъ, Арабовъ, Армянъ, Жидовъ, сопровождалъ покойника и пянулся межъ оливныхъ деревьевъ съ погребальнымъ пѣніемъ, попомъ, медленными шагами, безмолвно возвращался въ городъ; но чаще мерпвецы были одни, и два невольника, раскопавъ на нѣсколько пальмъ песокъ или землю холма, укладывали на семь послѣднемъ ложѣ принесенную ими жерпву, попомъ садились на грудяхъ, ими взрыпыхъ, дѣлили промежь себя плапье умершаго и закуривъ свои длинныя трубки, безмолвно смотрѣли на дымъ, выходившій изъ ихъ чубуковъ легкою сизою колонною и прелестно перявшійся въ живой, свѣпмой, прозрачной аппмосферѣ, свойспвенной осеннимъ днямъ Воспока. Подъ ногами у меня проспиралась долина Иосафапова, какъ обширное кладбище; изсохшее русло Кедрскаго попока прорѣзало ее бѣлою равною, усѣянною огромными дикими каменьями; бока обоихъ холмовъ, ее окружающихъ, также бѣлѣлись опѣ гробницъ и рѣзныхъ шюрба-

новъ, пошлыхъ надгробныхъ памятникѣвъ Османлисовъ. Нѣсколько въ право гора Элеонская опускалась и, между разбросанными цѣпями вулканическихъ конусовъ обнаженныхъ горъ Іерихона и Св. Саввы, открывался горизонтъ, простиравшійся подобно свѣплой аллеѣ межъ вершинами неровныхъ кипарисовъ; взоръ невольно спремился пуда, привлекаемый лазурнымъ, свинцовымъ блескомъ Мерпваго Моря, покоившагося при подножіи сихъ горъ. Сзади, синяя цѣль горъ Каменистой Аравіи ограничивала горизонтъ; но ограничивающъ, здѣсь выраженіе не совсѣмъ почное, ибо горы сіи казались прозрачными какъ хрусталь и за ними виднѣлся, или какъ будто виднѣлся новый, безпредѣльный горизонтъ, плавающий въ парахъ воздуха, оцвѣпленного сизо-бирюзовымъ пурпуромъ.

Быль часъ полудня, часъ, когда муедзинъ подсперегающъ солнце на самой верхней галлерей минарета и воспѣвающъ часъ молитвы всѣхъ часовъ. Голосъ живой, одушевленный, который знаетъ, что говоритъ и что поющъ, гораздо превосходнѣйшій, по моему мнѣнію, безсознательнаго звука мѣди звѣнящей. Мои Арабы насыпали ячменю въ мѣшки изъ козьей шерсти для лошадей моихъ, привязанныхъ ногами къ желѣзнымъ кольцамъ вокругъ шатра; эти прекрасныя, кропкія живопныя спояли неподвижно; ихъ наклонен-

ныя головы осѣнялись длинною, разметанною гривною; сѣрая шерсть сверкала и дымилась подь свинцовыми лучами раскаленнаго солнца; люди собрались подь тѣнью оливнаго дерева, которое было шире всѣхъ, разоспали по землѣ свои Дамасскія цыновки и курили, рассказывая другъ другу пуспынныя легенды или воспѣвая спихи Аншара. Аншаръ — эпо пипъ скипающагося Араба, вмѣспѣ паспухъ, воинъ и поэтъ, въ своихъ національныхъ тѣсняхъ изобразившій весь міръ пуспынный; эпикъ подобно Гомеру, печальный подобно Юву, спраспный подобно Теокрипу, мудрецъ подобно Соломону! Спихи его, усыпляющіе или воспоргающіе воображеніе Араба, подобно дыму кальяна, раздавались горпанными звуками въ одушевленномъ кругѣ моихъ сопутниковъ; и когда поэтъ прогаль вѣрнѣе или сильнѣе чувспвипельную спруну сихъ дикихъ, но способныхъ къ впечатлѣніямъ людей, легкій шопопъ шевелилъ ихъ губы; они складывали свои руки, подымали ихъ выше ушей и, наклоня головы, вскрикивали поочередно: Аллахъ! Аллахъ! Аллахъ! За нѣсколько шаговъ опъ меня молодая Турчанка оплакивала своего мужа на одномъ изъ тѣхъ маленькихъ бѣлокаменныхъ памятникъ, коими усѣяны всѣ холмы вокругъ Іерусалима; по видимому, ей было осмнадцать или много двадцать лѣтъ, и я не видывалъ никогда споль очаровательной карпины гореспи; ея

профиль, выказываясь изъ-подъ закинушаго назадъ покрывала, чистотою линий напоминалъ прекраснѣйшія головы Парвенона, но въ тоже время выражалъ нѣгу, сладость и прелестную томность Азіяпокъ, красоту болѣе спрастную, болѣе очаровательную для сердца, болѣе женскую, чѣмъ суровая, мужественная красота Гречанокъ. Ея волосы, бронзовозолотые, подобно мѣди древнихъ спапуѣ, цвѣпа весьма уважаемаго въ сей странѣ солнца, коей она естъ какъ будто вѣковѣчное отраженіе, ея волосы, опдѣлившись отъ головы, падали вокругъ ней и разбрасывали землю въ буквальномъ смыслѣ. Грудь ея совершенно была открыта, по обыкновенію женщинъ сей часпи Аравіи; и когда она наклонялась, что бы обнять каменный порбанъ или приложитъ ухо къ гробу, ея обнаженныя перси прикасались къ землѣ и напечатлѣвали на прахѣ слѣды свои, подобно слѣду прекрасной груди Апалы, обрисовываемому пескомъ могилы, въ превосходной эпопеѣ Шапобріана! Она усыпала гробъ и окрестную землю цвѣтами; прекрасный Дамасскій коверъ былъ разостланъ подъ ея колѣнами; на эпомъ коврѣ спяло нѣсколько цвѣточныхъ горшковъ и корзинка, наполненная фигами и ячменными пирожками, ибо эта женщина должна была провести весь день въ сѣпованіяхъ. Скважинка, прорытая въ землѣ надъ самымъ ухомъ мерп-

ваго, по крайней мѣрѣ такъ думала печальная вдова, служила для ней трубою, обращенною къ другому міру, гдѣ почивалъ усопшій, ею посѣщаемый; время опъ времени она наклонялась къ эпому пѣсному опверсію; пѣла пѣсни, задушаемыя вздохами, попомъ прикладывала ухо, какъ будто вслушиваясь въ опвѣпъ, и снова начинала пѣть жалобно! Я спарался понять слова, вырывавшіяся у ней, копорья доходили до меня; но мой Арабскій драгоманъ не могъ либо разслушать, либо передать ихъ. Какъ мнѣ это досадно! Сколько паянъ любви и грусти, сколько вздоховъ, проникнурыхъ цѣмой жизнию двухъ сердець, распоргнурыхъ навсегда другъ опъ друга, должны заключать сіи смутныя слова, облипыя слезами! О! если что можетъ когда-нибудь разбудить мерпвеца, то конечно подобныя слова, произносимыя подобными уснами!

Въ двухъ шагахъ опъ эпой женщины, подъ кускомъ чернаго пологна, распянуаго на двухъ проспнкахъ, вопкнурыхъ въ земль, вмѣсто зонпика, двое маленькыхъ дѣпей ея играли съ према черными Абиссинскими невольницами, прильнувшими, подобно госпожѣ, къ ковру, разоспланному на пескѣ. Сія при женщины, всѣ при молодыя и прекрасныя, съ гибкимъ спаномъ и орлинымъ профилемъ Абиссинскихъ Негровъ, своими различными положеніями соснавлиали одну группу, словно при спа-

пуи, изсѣченныя изъ одной глыбы; одна, опершись однимъ колъномъ на землю, на другомъ держала дитя, протягивавшее свои ручки къ плачущей матери; другая сидѣла поджавъ обѣ ноги подъ себя и сложивъ руки на своемъ передникѣ изъ синяго пологна, подобно Магдалинѣ Кановы; шрепя спояла, наклоняся нѣсколько къ обѣимъ подругамъ, и качаясь изъ спороны въ спорону, убаюкивала младшаго ребенка, пщечно спараясь усыпить его у своей груди, едва обрисованной. Когда рыданія молодой вдовы достигали до дѣшей, они начинали плакать, и при черныя невольницы, опозвавшись рыданіемъ на рыданіе своей госпожи, принимались пѣть усыпительныя, дѣпскія пѣсни ихъ родной спороны, чптобы успокоить дѣшей.

День былъ воскресный. За двѣспи шаговъ отъ меня, изъ-за полспыхъ, высокихъ спѣвъ Иерусалима, съ чернаго купола Греческаго монастыря, срывались слабые опдаленные опголоски; гимны и псалмы Давида раздавались спуспя двѣ птысячи лѣпъ, на шѣхъ самыхъ холмахъ, копорыя ихъ вдохнули; изъ успъ чужеземцевъ, на язѣкъ новомъ; и я видѣлъ на перрасахъ монастыря нѣсколько фигуръ спарыхъ монаховъ Св. Земли, бродившихъ взадъ и впередъ съ молишвенникомъ въ рукѣ, шепчущихъ молишвы, копорыя въ продолженіи сполькихъ вѣковъ

произносились на споль различныхъ языкахъ въ споль различныхъ риемахъ.

И я былъ здѣсь, дабы воспѣвать все сіе, дабы изучаць вѣка въ ихъ колыбели, восходипь до невѣдомаго испочника цивилизаціи и религіи, дабы упиваься духомъ опчизны и сокровеннаго смысла испорій и памяпниковъ, на сихъ берегахъ, опкуда началъ свое шеспвіе міръ новьй, дабы начинаць мудроспью болѣе сущеспвенной, философій болѣе испинной, важную и раздумчивую поэзію вѣка, въ коемъ живемъ мы.

Эта сцена, случайно брошенная моимъ взорамъ и сохранившаяся въ моихъ воспоминаніяхъ, изобразила мнѣ судьбу и видоизмѣненія всякой поэзіи: при черныя невольницы, убаюкивающія дѣпей, напѣвая безсознапельно проспья пѣсни спороны ихъ — паспушеская и инспинкпуальная поэзія младенчеспвующей націи; молодая вдова Турчанка, оплакивающая мужа своего, съ рыданіями, пщапельно довѣряемыми земль — поэзія элегическая и спраспная, поэзія сердца; Арабскіе солдапы и мукры, повпоряющіе воинспвенные, чудесные и любовные спихи Авпара — эпическая и героическая поэзія номадовъ или завоевапелей; Греческіе монахи, поющіе псалмы на своихъ уединенныхъ террасахъ — священная и лирическая поэзія вѣковъ энпузіазма и религіознаго возсозданія; а я, мечпающій въ моей палаткѣ и

собирающій крохи преданій и мыслей со всей земли, я—поэзія философіи и мыслипельности, дочь эпохи, въ которую человечество изучаешъ себя и обращается къ самому себѣ, да-же въ пѣсняхъ, коими услаждаешъ свои досуги.

Вошъ вся поэзія минувшаго; чѣмъ-по будетъ она въ будущности?

(окончаніе слѣдуетъ).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать дозволяется. Москва. Апрѣля 13 дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

СОВРЕМЕННАЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(окончаніе).

Послѣ краткаго обзорія настоящаго положенія нашей поэзіи, не льзя ли сдѣлать нѣсколь-ка догадокъ о будущей судьбѣ различныхъ формъ ея? Должно ли согласиться съ пѣми легкомысленными умами, кои ограничиваютъ всю свою мысль паркетными и академическими сплешнями, что мы дошли уже до послѣдней страницы нашей литературной испоріи?

Эпо, самъ ты знаешь, не болѣе какъ парадоксъ, способный доставить развлеченіе празднымъ женщинамъ или одряхлѣвшимъ старикамъ. Конечно, не моя вина, если теперь не рѣдко встрѣчаются вишні, поставляющіе всю славу свою въ томъ, что бы отрицать движеніе, котораго они никогда не понимали, ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ, герои околочностей и намековъ, усиливающіеся давая подражывать мысль, которой доказать не могутъ, предоставляющіе неопредѣленной будущности исполненіе прорицаній, коихъ смысла сами не понимаютъ, повелѣвающіе воображенію человѣческому остановиться, дабы извинить собственное свое безсиліе и лѣность. Эпи люди не принадлежатъ ни къ какому времени, ни къ какому поколѣнію; ихъ жужжаніе не заслуживаетъ вниманія. Все равно, говорятъ ли они или молчатъ: голосъ ихъ ничего не значить въ важныхъ преніяхъ.

Поэзія лирическая испощила уже всю жизнь частную, индивидуальную; она разсмотрѣла наше человѣческое я со всѣхъ точекъ зрѣнія. Теперь, по моему мнѣнію, предположить ей другое поприще. Я совсѣмъ не намѣренъ, подобно ученикамъ нѣкоторыхъ новыхъ системъ философіи, назначать ей прямое участіе въ дѣлахъ политическихъ; но думаю, что ей слѣдовало бы дѣ-

ящельнѣе вмѣшиваться въ положительныя ин-тересы и спраспы общества. Значитъ ли это, что поэтъ лирической долженъ сдѣлаться прибуномъ или гіерофантомъ? О! безъ сомнѣнія нѣтъ. Еслибъ онъ вздумалъ присвоить себѣ обязанность орапора или философа, онъ бы поглотился въ ней весь и исчезъ совершенно. Я замѣчаю только, что поэпическій эгоизмъ со дня на день возбуждаетъ къ себѣ менѣе сочувствія. Вещь конечно прекрасная и даже высокая, ставитъ себя уединенно предъ лицомъ общества, высказываетъ вслухъ свои внупреннѣйшія спрада-нія, сокровеннѣйшія надежды, презирая шумъ и суепы міра дѣйспивительнаго, жиптъ въ самомъ себѣ, какъ въ неприкосновенномъ убѣжищѣ, созерцая хладнокровно толпу, мяпущуюся вокругъ, какъ пастухъ свое стадо. Но, дабы жиптъ въ одномъ себѣ, надо быть, по выраженію Бакона, меньше человекъ или больше Бога. Безпрестанно пипаясь самосозерцаніемъ, не лзя сохранить первобытной пицины и ясности своихъ мыслей; волею или неволею, должно по временамъ возвращаться въ міръ дѣйспивительный и тамъ освѣжать себя.

Уже сапира вознеслась на высочайшую степень лиризма; сіе законное сліяніе энпузіазма съ ироніею должно заронить новыя, богатыя сѣмена въ будущность. Теперь не должно бояться,

что мысль поэтическая, нисходя къ дѣйствительности, испощить или обезобразить себя. Поэтъ ничего не поперяетъ изъ своей личности, покидая уединенныя вершины сомозерцанія. Его легко будетъ узнать по богатству языка, по цѣломудренной и проницательной энергій взгляда.

Будущность романа и пьеса обрисовывается еще рѣзче, чѣмъ будущность лирической поэзіи. Такъ какъ сіи двѣ формы поэтическаго творчества находятся въ ближайшемъ соотношеніи съ дѣйствительностію, то онѣ гораздо скорѣе должны выразумѣть и гораздо полнѣе удовлетворить современныя потребности.

Какіяжъ сіи потребности? Не очевидно ли для всѣхъ добросовѣстныхъ наблюдателей, что романъ и пьеса исперебили наконецъ всю матеріальную поэзію и что настало время приняться за другую спорную челоуѣчества? Не очевидно ли, что высшіе классы общества съ равнодушіемъ и даже съ отвращеніемъ принимаютъ эти шумныя фантасмагоріи, эти кровавыя оргіи, эти могильныя вакханаліи, кои въ послѣднія пятнадцать лѣтъ завладѣли романомъ и сценою? Глупо думать, что бы публика не пресыпилась наконецъ этими хрониками, разсѣченными на главы, изрубленными въ діалоги! Если драма и романъ будутъ все оставаться въ

пойже исперпой колеѣ, по скоро книги и театры придется закрыть: никто здравомыслящій не заглянетъ въ нихъ! *

Само собою разумѣется, что я опнюдь не намѣренъ утверждать, будто поэзія не должна совсѣмъ касаться исторіи. Благодаря Бога, я чуждъ того слабоумнаго пуританизма, который воспрещаетъ совершенно воображенію область дѣйствительности? ** Изреченіе Марльборуга не доказываетъ ничего пропивъ Шекспира и не опняло ни одного чипапеля у оспроумныхъ и краснорѣчивыхъ спраницъ Давида Юма. Никогда не будутъ учиться исторіи изъ романовъ или изъ трагедій. Но драматургъ и романистъ всегда будутъ имѣть право восполнять недостающую часть преданій, свойственнымъ имъ образомъ.

Впрочемъ, въ настоящее время, я думаю, надо будетъ оставить ниву поэмы исторической на нѣсколько лѣтъ подъ паромъ. Изучая людей, подъ различными вліяніями времени и мѣстъ, мы почти забыли человека всѣхъ мѣстъ и всѣхъ временъ, человека вѣчнаго, неизмѣняемаго; изслѣдывая нравы и обычаи каждой эпохи, мы

Вотъ мысль лучшаго критика современной Французской словесности, мысль, по нашему мнѣнію, не заключающая въ себя ничего *нестовиго!* *Изд.*

** Густавъ Плянцъ конечно опказался бы опъ сей ужасной ереси, когдабъ прочелъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, что соединеніе » исторіи съ воображеніемъ « есть » соблазнительное прелободѣваніе. « *Изд.*

позабыли общій типъ спраспей, скрывающихся подъ сими разнообразными оболочками; чудесно изображаемъ любовь и честполюбіе, но едва знаемъ пружины, коими движутся сіи чувства.

Зло проникло глубоко, но найдется лѣкарство. Оставляя на время исторію, по есть видимое разнообразіе, должно смѣле приняться за философію человѣчества, по есть за внутреннее позорище спраспей: здѣсь разнообразія не менѣе, но оно прудвѣе для поспиженія, хотя и въ равной степени дѣйствительности. Исторія безъ философіи можетъ производить только ничтожную поэзію. Дабы понять человека въ повѣствованіяхъ прошедшаго, надо жертвовать драпировкою сцены. Надо насмотрѣться вдоволь на живую наготу, прежде чѣмъ выработывать складки плащя.

Вопръ почему романъ и драма должны исполнить двѣ вещи, прежде чѣмъ снова примутся за исторію. Во первыхъ они должны взять современнаго человека и подвергнуть его всѣмъ метаморфозамъ вдохновенія. Не имѣя нужды заниматься наружностію, они могутъ глубже и основательнѣе обрабатывать избранный ими предметъ, спрасить, характеръ. Сдѣлавъ сей первый опытъ, опъ котораго предчувствую много блистательныхъ и прочныхъ успѣховъ,

они могутъ приложитъ шуже меподу къ исторіи.

Напримѣръ, они могутъ взять эпоху строга опредѣленную, какъ по царствованіе Людовика XIII, 1610 — 1642, и въ предѣлахъ сей эпохи попытаться осуществитъ идею сопоставленную а ргіогі, баснь уже сдѣланную, развитіе характера заранѣе изобрѣпеннаго. Остпанавливаемые на каждомъ шагѹ временнаго, преходящемо дѣйствительностию, копорая должна служитъ рамой для вѣчной сущности природы челоѳческой, они пріобрѣтутъ въ сей мужеспенной борьбѣ новую ловкость и искусство.

Эпо не будетъ уже ни романъ, ни историческая драма. Эпо будетъ романъ и драма въ исторіи. Но такъ какъ имена и лица историческія не будутъ играть никакой роли въ сихъ новыхъ опытахъ, то не будетъ никакого сродства между симъ родомъ поэзіи и пою, копорая доселѣ называется поэзією историческою. Каждый изъ актеровъ весь будетъ принадлежать поэпу; и историческія частности, отражаясь въ сихъ созданіяхъ, ни сколько не будутъ вредитъ ихъ оригинальной самобытности.

Наконецъ, послѣ сей второй попытки, обѣщающей не менѣе успѣховъ, какъ и первая, поэзія можетъ приняться за исполкованіе историческихъ лицъ и событий. Безъ всякаго опасенія, она можетъ переноситъ въ романъ и

въ драму лица, коихъ поршреты и біографіа завѣщаны намъ преданіемъ, доканчивають недорисованныя фізіономіи, наполняять промежутки въ повѣспвованіяхъ, разрѣшають полишическія загадки, оспавшіяся шемными для современниковъ, восполняять науку вдохновеніемъ.

Сіе пройсшвенное развитіе, мною предвидимое, совершится конечно не во всѣхъ умахъ. Одни оспановяются на первой степени и займупся поэпическимъ изученіемъ челошечества въ самомъ себѣ, безъ опношенія къ условіамъ мѣспъ и времени; и дабы избавишься опъ описаній, кои погубили сполько поэшовъ, будущъ помѣщають героевъ фанпазіи своей въ помъ вѣкѣ, въ копоромъ живупъ сами. Романъ Сенп-Бѣва, вскорѣ ожидаемый, безсомнѣнія будепъ принадлежають къ сей первой категоріи.

Вшорая степень развитія, на копорой я желалъ бы видѣть романъ и драму, сколько я знаю, не имѣепъ еще у насъ признанныхъ предспавипелей. Кому предоспавлена сія слава: авшору *Сен-Мара* или авшору *Собора Парижской Богородицы*? Мы это узнаемъ скоро.

Оспается шретья степень, копорая должна осуществишься въ будущности опдаленнѣйшей! Въ свое время, шы конечно согласишься въ помъ, она будепъ принята съ единодушною искренностью. Приготовленная двумя первыми, она не поглотипъ ихъ, а дополнишь. Это будепъ

внутриреннее и живое слияние истории с философией подъ формой поэтической.

Если все сии размышления истинны, какъ я предполагаю; если онѣ выражаютъ вѣрно мысль, которая не есть исключительно моя, а уже въ продолженіе многихъ лѣтъ бродитъ глухо въ умахъ, не находя только себѣ исполкователя; если я не безъ основанія предчувствую для поэзіи будущность, которая ни въ чемъ не будетъ завидовать настоящему: то что станется съ современными кумирами, коимъ такъ услужливо и охотно воздвигаются алтари и храмы? Должны ли будутъ основаны новыя династии? Великія имена, мною исчисленныя, ужели навсегда исчезнутъ? Не думаю! Формы для подобныхъ спатуй опливаются не за ночь!

Но въ сихъ предчувствіяхъ заключается урокъ важный и назидательный. Такъ какъ идеи, вчера поржествовавшія, нынѣ колеблющіяся, завтра должны будутъ уступитъ мѣсто свое новымъ, то не надо слишкомъ поспѣшно возносить на пьедесталы временщиковъ, проходящихъ предъ нами. Надо всякому отдавать справедливость, величать и хвалить по достоинству, но не распочать безусловно имѣямъ благоговѣнія. Не должно считать полубогами тѣхъ, кои выше насъ головой, и преклонять предъ ними колѣна. Въ литературѣ

нѣтъ освященныхъ лицъ; еслибъ онѣ были, то ихъ надобъ было мѣнять ежедневно.

Оспавимъ людей и вещи идпи, какъ они идупъ; оспавимъ роппавъ на досугъ зависпъ и посредспвенноспъ; но не будемъ думавъ, что бы исключительное, безусловное благоговѣнне могло сокрыпъ навсегда недоспапки обоготворяемаго кумира! Пуспъ размышленне и изслѣдованне не покидающъ фанпазін, какъ бы она ни была свободна! Тогда сполько поэзін и криппика поладяпъ между собою. А эпа минуша не далеко!

REVUE DE DEUX MONDES.

II.

ЯЗЫКЪ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА:

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ *.

Вошь повернули Цыганы на *Большую Прешпективу*. Такое громкое названіе дано было улицѣ, копорая пиянулась, съ перехватами пуштырей, опть Луговой линіи къ Авичковой слободѣ. Тогда Пепровъ городъ переводился съ оспрова сего имени большою частію на Адмиральшейскую спорону, и попому *Прешпектива*

* Такъ называется новый романъ автора Последняго Новика, копорый уже печашается въ Москвѣ и конечно не замедлитъ обрадовать публику своимъ появленіемъ. Онъ будетъ состоять изъ чепырехъ часпей. *Изд.*

заспраивалась *нарочитыми* домами. А каковы были эти нарочитые дома, можно судить по лучшему изъ нихъ, *комедіантскому театральному дому*, деревянному и съ крышею изъ дерева, воздвигнутому, какъ сказалъ древній описатель Пепербурга, для *отправленія трагедій, комедій и оперъ*. Образчикъ сего великолѣпнаго храма Талии, Мельпомены и проч. и проч., существовалъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ подмосковномъ селѣ Кусковѣ. Другіе дома, болѣе скромной наружности, выбѣгали однакожь по вызову Правительсва на *Большую Преспективу*, и своими новенькими, черепичными или гонповыми крышами свидѣтельствовали, что и они достойны показаться въ большомъ свѣтѣ и стоять въ указную линію. Деревянный гостинный дворъ въ два яруса, съ безчисленными, мелкими арками, какъ спойлами, опспроивался на помъ мѣстѣ, гдѣ спойтъ нынѣшній. Онъ примыкалъ еще тогда къ березовой роцѣ, успутившей ему часть своего достоянія, но сохранившей другую, большую часть къ споронѣ Аничковской слободы, какъ бы убѣгая опъ наспущивыхъ, бойкихъ горожанъ къ жителямъ, болѣе спокойнымъ. Но и путь людность споллицы не дала долго опдыхасть упѣсненнымъ Гамадриадамъ, завела рынокъ посреди роци и въ скоромъ времени святопапспвенно посягнула на бытіе послѣднихъ, кое-гдѣ мелькавшихъ, де-

ревъ, осѣнявшихъ хижину спараго инвалида морскихъ баталіоновъ. Гдѣ пеперь и Аничкова слобода, и гордый комедіанпскій домъ, и домики, чопорно выходившіе на Большую Прешпективу, что бы похвастаться своими черепичными кровлями, какъ набѣленные и разрумяненные купчихи выходятъ въ праздничный день къ своимъ воропамъ, на людей посмопрѣшь, а болѣе себя показать? Гдѣ все, о чемъ пеперь говорили? Ряды огромныхъ камней, классически выпянутыхъ по шнуру, классически уравненныхъ, спали на пепелищѣ первобытнаго Пепербурга, какъ холодные, великолѣпные памятники, воздвигнутые наслѣдственной обязанностію надъ прахомъ любимыхъ, народныхъ поэтовъ.

Люблю воображать себѣ эпопѣю первобытный Пепербургъ, но только лѣпомъ, когда закатъ солнечный набрасываетъ на него фантасмагорическій опливъ. Живописно красуется онъ съ своими аристократическими палатами, важно поглядывающими свысока, и полною мазанокъ, постепенно пробивающихся въ знашь; съ своими полу-голландскими, полу-русскими домиками, надъ которыми спроишели испощили независимыя, безопчетныя запѣи, какъ бы хотѣли ими сказать: *всякой молодецъ на свой образецъ*. Однѣ кровли домовъ уже богапая жапва для взора, любящаго вездѣ преслѣдовать поэзію. Съ какою нѣгою раскидывается солнышко по муравѣ ихъ,

на коей время подобрало оппѣнки зеленого, желтаго, ржаваго и дикаго цвѣповъ! Послѣдніе лучи какъ хорошо графяпъ розовыя, черепичныя крыши (кое-гдѣ въ два-три этажа, словно двѣ-три шляпы треугольныя, одна на другую нахлобученныя, кое-гдѣ стрѣльчатыя, минарепенныя, или на подобіе голубяпентъ)! Какъ поигрываетъ свѣпило міра нашего въ яблокѣ Адмиральпейскаго шпица, будпо въ золопомъ шарикѣ, копорый верпипся поверхъ скачуцаго водомета! Какъ искрился въ кресахъ Божіихъ храмовъ, большою часпію деревянныхъ, и выбиваетъ огненный снопъ о луженое желѣзо высокыхъ палапъ! А крыльца разнохарактерныя, по прачупся на дворъ, по чванливо подбоченили зданія, или выпупаютъ на улицу; а кораблики съ вѣющими флагами на воропахъ, а мѣльницы, съ вычурными колпаками и ходулями, на берегу Васильевскаго оспрова, кивающія Зимнему Дворцу и смонрящіяся вмѣспѣ съ нимъ и Меншиковыми палапами въ одно зеркало Невы; а подлѣ эпихъ палапъ свипа мазанокъ, спавшая въ ранжиръ подъ именемъ Французской слободы; а Нева безъ мостовъ, копорую по-и-дѣло снуютъ флопиля раскрашенныхъ лодокъ, или изъ копорой выраспаютъ мачпы, какъ частный проспникъ на озерѣ; и наконецъ роци и луга посреди эпого города: все эпо развѣ не живопись, не поэзія? . .

Но зимой, и особенно зимой 1739—40 года, не желалъ бы я бытъ въ первобытномъ Петербургѣ. Это Голландія и Сибирь вмѣстѣ, одна призванная, другая осѣдлая, съ изумленіемъ сошедшіяся у Финскаго залива; онѣ косятся другъ на дружку и силатся выжить одна другую. Разумѣется, что въ морозы наша Русачка беретъ верхъ. Даже и на имениной *Прешпективы* она является самовластною. Множество пустырѣй; дома, будто гошпипальные жилища, выглядывающіе въ бѣлыхъ колпакахъ и въ бѣлыхъ халапахъ, и спавшіе одинъ опъ другаго въ спрѣлковой диспанціи почно послѣ пожара; улицы только именемъ и заборами, ихъ означающими; каналы съ деревянными срубамы и перилами; снѣжные бугры, безлюдство, Бироновскіе ужасы: незавидная карпина!

Только къ концу *Большой Прешпективы*, около господина двора, Русской торговый духъ оживляетъ ее. Бойкіе сидѣльцы, при появленіи каждаго прохожаго, скинувъ шапку и выпянувъ руку, будто загоняютъ цыплятъ, опряхнувъ свою масляную голову, осприженную въ кружокъ, клохчашъ, лаютъ, выпѣваютъ, вычипываютъ длинный списокъ поваровъ, вертятъ калейдоскопъ своихъ привѣпсвѣй, вспрѣчаютъ и провожаютъ эшимъ гамомъ, какъ докучливья шапки, пока попереютъ прохожаго изъ виду. — » Чпо вамъ угодно? Барыня, сударыня, по-

жалуйте сюда! Чпо покупаете? Господинъ честной, милоспи просимъ! Чпо попребно? Желъзо, медъ, бахта, плащѣи, бархатъ, парча, деготь, бумага!.. Образа промѣнивать!.. Мѣха Сибирскіе! Икра Астраханская! Сафьянъ Казанскій! Ко мнѣ, сударыня, у меня поваръ лучшій! — Не слушайте, онъ вретъ... у меня... — Ей Богу, уступаю за безцѣногъ... съ убыткомъ, полько для почину... съ легкой руки вашей. «.. — И гоповы разорвать прохожаго. А вздумай онъ войти въ лавку, такъ продавецъ въ убыпокъ запроситъ съ него въ пятъ разъ дороже, чего поваръ споитъ. Жеманныя барыни въ разноцѣпныхъ, бархатныхъ шубахъ, въ плапочкѣ, обвязавшемъ по Русски голову, причесанную по *Нѣмецки*, съ собольими муфсами, расхаживаютъ по *рядамъ*, какъ павы, и бранятся съ купцами, какъ мапросы. Разрумяненные купчихи въ парчевыхъ кокошникахъ и полшубкахъ, чинно киваютъ, какъ глиняныя кошечки, не шевеля своего пуловища и едва процѣживая сквозь зубы свои преобанія. Кое-гдѣ важный господинъ въ медвѣжьей шубѣ и, на перекоръ сѣверной природѣ, въ преугольной шляпѣ, вѣнчающей парикъ, очищаетъ себѣ *натурально* просью дорогу между спаяей докучливыхъ сидѣльцевъ, предоспавляя послѣди нахаловъ-слугъ разметать въ лѣво и въ право эту мѣщанскую челядь. *Воловые и подъязжіе*

извощики по и дѣло шныряютъ около госпинаго двора съ опзывомъ Тапарскихъ временъ: пади! пади! Тамъ кричатъ: блины горячи! здѣсь: сбипень! пупъ: папушники! Бубенчики звонко говорятъ на лошадяхъ; счепно гремятъ полосы желѣза; воркуютъ тысячи голубей, копорыхъ Русское православіе пипаетъ и лелѣетъ, какъ священную пипцу; рукавицы похлопываютъ; морозъ сипитъ подъ санями, скрипитъ подъ ногой. Вездѣ движеніе, говоръ, гамъ, бряцанье.

Эти предметы, эша суэта торговая, новы для нашихъ Цыганъ; на все они заглядываются, всего заслушиваются.

Вдругъ откуда-то раздается спорожевой крикъ. Кажется, это вѣсповой голось, что наспупаетъ конецъ міра. Все слѣдомъ его молкнеть, всякое движеніе замираетъ, пульсъ не бѣется, будто жизнь задохнулась въ одинъ мигъ подъ спопою гнѣвнаго бога. Вѣсы, аршины, ноги, руки, рпы, оспановились въ помъ самомъ положеніи, въ какомъ заспалъ ихъ эпопъ возгласъ. Одинъ слухъ, напряженный до возможнаго, замѣнилъ всѣ чувства; онъ одинъ обнаруживаетъ въ эпихъ людяхъ присупспвіе жизни: все прислушивается. . .

Опять раздается возгласъ, волнуется, всходитъ будто со спупени на спупень, ближе и

ближе; ужъ можно слышать въ немъ слово:
Языкъ!

— *Языка* ведутъ! *Языка!* . . повторяютъ съ ужасомъ сонни головъ. Слово *Языкъ* спонептъ въ обоихъ эпажахъ госпинаго двора, по улицамъ, слабѣетъ, усиливается и сообщается, какъ зараза. Почти каждый человекъ естъ его опголосокъ. Бросають поварь, деньги, запирають лавки, запираются въ нихъ, полкають другъ друга, валять, давятъ, шагають другъ чрезъ друга, бѣгутъ опрометью, задыхаясь, кпо-куда попать, въ свой, въ чужой домъ, сквозь подворопни, вороша на заноръ, въ погребъ, на чердакъ, бросаються въ свои экипажи, сядяся не поргуясь на извощиковъ; лошади лепятъ, какъ будипо въ сраженіи, предчувствуя вмѣсптъ съ людьми опасностъ. И въ нѣсколькo мгновеній, *Большая Прешпектива*, *Госпиный Дворъ*, вся частъ города пуста, словно вымершая.

Только на площадкѣ, пропивъ Госпинаго Двора, видны два человекъ. Они, какъ-бы обезумленные, пе понимая ничего, не зная, что дѣлается около нихъ и что имъ дѣлать, ожидая чего-то ужаснаго, споятъ на одномъ мѣсптъ. Эти два человекъ наши Цыгапы.

Оборачиваються. . .

На нихъ, прямо таки на нихъ идетъ, сопровождаемое пѣшимъ конвоемъ и полицейскимъ

чиновникомъ на лошади, какое-то чудовищное существо. Такъ, по крайней мѣрѣ, оно кажется издали.

Цыганы думаютъ бѣжать; но куда? Ужъ поздно; ихъ можетъ погнать насигнуть верховой. Да еще ихъ ли нужно? Они за собой ничего не знаютъ. Не хотѣли ли спросить ихъ о чемъ? . . . Въ такихъ переговорахъ они спояли на одномъ мѣстѣ, ожидая на себя конвой.

Чудовищное существо ближе, ближе къ нимъ, уже въ нѣсколькихъ шагахъ. Можно различить, что это человѣкъ, покрытый съ головы до пяты мѣшкомъ изъ грубаго холста, въ которомъ оставлены только прорѣхи для глазъ и для рта. О! этого человѣка существо ужаснѣйшее. Не даромъ предупреждаетъ его бѣгство и опусиошеніе. Онъ равнозначителенъ чумѣ, прусу, наводненію. Когда изъ маленькой холщевой прорѣхи слышится магическое слово и дѣло, оно ведетъ къ допросу, пылкѣ и казни; оно мерпвитъ прежде смерти: не менѣе ужасно голоса крокодила, разверзающаго пасть, что бы поглотить свою жертву. Это одно изъ привилегированныхъ золь, отъ котораго освободила насъ Екаперина Великая. Его звали: *Языкъ!*

Чтожъ такое былъ *Языкъ*? Уголовный преступникъ, котораго водили по городу въ нарядѣ, нами описанномъ, что бы указать на участни-

ковъ въ его преступленіи. Разумѣется, эпитимъ ужаснымъ средствомъ пользовались, для исполненія своихъ видовъ, корысть или власполюбіе, мечь или желаніе продлить и запутать судъ.

Языкъ подошелъ къ испуганной Цыганкѣ и оговорилъ ее роковымъ *словомъ* и *дѣломъ*. Ее окружаетъ конвой; полицейскій чиновникъ грозно приказываетъ ей слѣдовать за нимъ. Трясаясь отъ страха, поперявъ даже силу мысли, такъ внезапно нахлынула на нее бѣда, она хочеть что-то сказать; но губы ея издають одни непонятные, дрожащіе звуки. Покорясь безпрекословно, она слѣдуетъ за ужаснымъ оговорителемъ.

Лажечниковъ.

III.

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

ФЕЛИКСЪ НЕФЪ.

Жизнь Феликса Нефа, вся посвященная благу ближнихъ, сдѣлавшись недавно извѣстна Европѣ, убѣдительно доказала, что нашъ вѣкъ также можетъ имѣть святыхъ и мучениковъ.

Феликсъ Нефъ родился въ 1798 году отъ бѣдныхъ родителей, жившихъ въ деревушкѣ, по близости Женевы. Онъ былъ воспитанъ одною только матерью своею, бѣдною вдовой. Будучи шестнадцати лѣтъ, вступилъ онъ въ ученіе къ одному садовнику и вскорѣ потомъ издалъ небольшое сочиненіе о Возращеніи Деревьевъ: сочиненіе сіе имѣло большой успѣхъ; ибо показывало замѣчательную наблюдательность. Хотя Феликсъ не учился въ школѣ, но много читалъ. Любимое чтеніе его состоя-

ляли Жизнеописанія Плутарха и Эмиль Руссо. Такимъ образомъ вмѣсто мертваго, школьнаго воспитанія, получилъ онъ воспитаніе сердца, которое способно дать однѣ женщины, воспитаніе, проникающее до глубины души, руководствующее челоуѣка на всю жизнь. Вскорѣ потомъ душа Нефа плѣнилась военной славой: онъ вступилъ въ полкъ и въ непродолжительномъ времени сдѣлался сержантомъ артиллеріи. Но гарнизонная жизнь ему не понравилась. Умственнымъ превосходствомъ своимъ возбуждалъ онъ зависть поварихъ: имъ не нравился его тихій и сдержанъ нравъ. Между тѣмъ, какъ другіе офицеры предавались забавамъ, онъ учился математикѣ, читалъ Библию и скоро замѣтилъ, что къ военной службѣ никогда не привыкнетъ. Въ умѣ его давно уже жили религіозныя идеи; онъ предпринималъ намѣреніе вступить въ духовное званіе. Намѣреніе сіе было твердо и вполне обдуманно, хотя Нефъ не учился попребытымъ для того наукамъ. Въ будущемъ открывалось ему поприще безкорыстнаго самоотверженія, подобное тому, которое совершали первые христіане, разпространившіе въ міръ ученіе Спасителя и цивилизацію. Доспойно удивленія, какъ онъ могъ успѣть въ такомъ предпріятіи, при настоящемъ состояніи общества; онъ былъ бѣденъ, безъ друзей, а западная Европа давно уже, кажется, не

расположена къ прозелитизму. Однакожь, съ помощію неупомимаго прудолобія и пвердой воли, Феликсъ Нефъ сдѣлался способнымъ вспнувшись въ духовное званіе. Три года былъ онъ пакъ называемымъ у Французскихъ пропеспанповъ *пропозаномъ*, по еспь, не будучи посвященъ въ пасторы, исправлялъ всѣ обязанности сана священническаго, былъ въ ученїи. Здѣсь увидѣлъ онъ, сколько вліянія можетъ имѣть священникъ на счастье и усовершенствованіе низшихъ классовъ; поему и рѣшился попчасъ посвяпить себя апостольскому распроспраненію добрыхъ нравовъ. На двадцать пятомъ году своей жизни, онъ спалъ обходипь въ качеспвѣ пропозана Изерскій департаментъ; но ему много препяпспсвовали незнаніе народнаго нарѣчія сей часпи Дофине и недоувѣрчивостъ, которую имѣли къ нему мѣспянья начальспва, какъ къ иностранцу. На проспранспвѣ осмнадцати птысячъ квадрапныхъ миль жило восемь птысячъ пропеспанповъ, управляемыхъ премя пасторами, изъ коихъ одинъ былъ еще въ описупспвіи. Они всѣ почти были бѣдныя крестьяне, пастухи, земледѣльцы. Нефъ упѣщаль и наспавлялъ ихъ, сообщалъ имъ не только религіозныя свѣденія, но и давалъ пракпческіе совѣпы, приучалъ къ порядку, бережливости, добродѣтели. Не спранно ли въ девятнадцатомъ сполѣтїи видѣть, какъ эпопъ Женевецъ обходипь Французскія Альпы пѣшкомъ, съ

апостольской проповѣдью, совершенно чуждый перевороповъ царствъ и идей, колебавшихъ все-ленную? Вскорѣ эпопѣя челоуѣкъ, не имѣвшій ни соспожня, ни пособій, заслужилъ себѣ у всѣхъ славу общаго благодѣтеля; протеспантпы кучами бѣжали къ нему на вспрѣчу. Онъ спалъ опцемъ сихъ добрыхъ поселянъ, кои не замедлили просить его себѣ въ паспоры.

Но для того надо было преодолѣть много преяшспвій. Спрогій Женевскій Кальвинизмъ не нравился Феликсу Нефу. Французская Консиспорія могла опказать ему въ посвященіи, какъ иносправцу; а съ Германскими протеспантскими церквами не было у него никакихъ сношеній. Въ 1823 году опправился онъ въ Англію, не зная ни слова по Англійски и не имѣя ни одного рекомендапельнаго письма. Феликсъ Нефъ былъ посвященъ въ паспоры въ Лондонъ, въ маленькой часовнѣ квартама Пульпней. Онъ опспѣшилъ возврашиться во Францію; но объ немъ уже дали знать Французскому Правипельству, что онъ Англійскій агентъ, и Префектъ Изерскаго департаментпа, былъ уже предупрежденъ на счетъ его оффиціальною депешою опъ Миниспра Внушреннихъ Дѣлъ. Небольшое жалованье, копорое дается протеспантскимъ священникамъ, было у него опнято; но онъ не обрашпалъ на то вниманія, согласился на все, раз-

чипывая, что живучи въ горахъ, можетъ издерживать весьма мало, а между тѣмъ будетъ имѣть множество средствъ благотворить безкорыстно, исполняя святое служеніе любви и самоотверженія, взятое имъ на себя добровольно.

» Я всегда мечпалъ«—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ—» о счастіи, коимъ буду наслаждаться, распроспраняя благочестіе и просвѣщеніе на высотахъ Альпійскихъ. Тамъ живутъ люди, исполненные особенной энергіи, наиболѣе чуждые нашихъ искусственныхъ упонченностей, наиболѣе пригпотовленные къ нравственному образованію, подъ лучами прекраснаго солнца, живопворящаго Лангедокъ, вездѣ цвѣтеетъ наслажденіе, удовольствіе, радость. Важныя и высокія мысли умолкаютъ предъ потребностями чувствъ и легкомысліемъ духа. Но чѣмъ выше восходите вы на сіи горы, тѣмъ болѣе находите въ народѣ величія, силы и мужества, хотя, разумѣется, въ нихъ много и грубости. Это горестное, но, къ сожалѣнію, совершенно справедливое замѣчаніе, что тамъ, гдѣ наслажденія въ изобиліи, гдѣ жизнь исполнена пріятностей, гдѣ счастіе само собою приходитъ къ человѣку, не будучи приобретаемо въ пошлѣ лица, тамъ вѣра умираетъ, опшуда бѣжитъ добродѣтель! Мнѣ казалось, что нравственность человѣческая спановилась спрже и непоколебимѣе, по мѣрѣ пого какъ я удалял-

ся опть равнинъ и приближался къ высочайшимъ унесамъ горъ. « И пакъ онъ поселился, въ департаментъ Верхнихъ Альпъ, между долинами Фрессиньеръ и Кейрасъ. По топографическому образованію, сіи долины сходны съ долинами Пиемонтскими; но въ Пиемонтъ скалы покрыты обильною зеленью, а здѣсь вы найдете только мрачныя гробы, пещеры одна надъ другой возвышающіяся, Альпы надъ Альпами, исполинскія граничные скалы. Въ Пиемонтъ увидите вы обширный Англійскій садъ, мѣстами перерѣзываемый полосами бесплодной почвы; но въ Верхнихъ Французскихъ Альпахъ вся земля суха, бесплодна, и плодородныя полосы составляютъ исключеніе. Только крайняя необходимость должна была вынудить человѣка избрать себѣ жилищемъ сіи удаленныя убѣжища, сіи скалы висящія надъ безднами, сіи мрачныя неприсупныя ущелья, сіи узкія долины, вѣчно угрожаемыя паденіемъ снѣжныхъ лавинъ. И дѣйствительно послѣдніе оспапки Вадпландскихъ протестантовъ, испребленныхъ Альбигенсовъ, Кальвинисповъ гонимыхъ подобно дикимъ звѣрямъ, нашли себѣ убѣжище въ этихъ неприсупныхъ горахъ. Драгуны Людовика XIV и варварскіе рыцари Графа Тулузскаго не смѣли преслѣдовать несчастныхъ ерепиковъ до сихъ ужасныхъ мѣспъ. «

Предспавыте себѣ маленькую, продолговатую,

темную, дымную лачугу, осѣняемую и защищаемую впадиной скалы, обросшей мохомъ : это было жилище пастора Нефа, не получавшаго никакого жалованья. Рѣдко солнце освѣщало сію хижину священно-служителя, болѣе почтенную въ глазахъ нашихъ, чѣмъ дворцы, обитаемые пѣми гордыми сановниками церкви, коихъ безпорядки такъ много содѣйствовали къ сокрушенію Французской монархіи. Тропинки, по которымъ надлежало идти въ сіе жилище, были такъ опасны, что часно люди, рѣшавшіеся на сей путь, погибали въ пропастяхъ, по бокамъ дороги зіяющимъ. Нефъ отказался отъ удовольствій семейной жизни; для него не существовало никакой земной награды: будучи принужденъ служить въ приходѣ значительно обширномъ, гдѣ дороги представляли столько опасностей, онъ могъ исполнять обязанности свои только при помощи непрерывныхъ и упоминательныхъ путешествій; но и путь не могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, ибо не имѣлъ никакого соспоянія и не обладалъ даромъ вездѣсущности.

» Между горными жителями«—говоритъ Феликсъ Нефъ въ своей перепискѣ—»самые неблагодарные были тѣ, коихъ полупросвѣщеніе озаряло своимъ ложнымъ блескомъ. Они взвѣшивали мои услуги и считали мои обязанности; по ихъ мнѣнію, я сдѣлалъ съ ними условіе, въ слѣдствіе ко-

его, за бѣдную хижину мною занимаемую, долженъ былъ посвящать имъ исключительно всѣ труды мои и все время. Истинное положеніе мое и искренность чувствъ были извѣстны только наименѣе просвѣщеннымъ и самымъ грубымъ жителямъ округа; сіи послѣдніе справедливо судили обо мнѣ: они цѣнили меня по чувствованіямъ собственнаго сердца. Я служилъ имъ единственно изъ любви и радущія; и они очень хорошо это понимали. На вершинѣ Сен - Верана, самой высокой и бесплодной изъ сихъ горъ, я не находилъ неблагодарныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ спускался въ долину, мнѣ пруднѣе было вперяпъ въ жителей правила спрогой нравственности и благочестія: они, казалось, забывали, что я провожу мою жизнь въ сей пустынѣ, по собственному выбору, пренебрегая всеми выгодами, съ совершеннымъ самоотверженіемъ.

Нефъ особенно любилъ дикихъ обитателей деревни Дормильёзъ, лежащей на самомъ высокомъ мѣстѣ долины Фрессиньеръ. Это все были древніе Вадшландцы, кои сохранили еще въ свѣжей памяти преданіе о мученическихъ подвигахъ своихъ предковъ. Никогда, благодаря мѣспности, ими занимаемой, не преклоняли они колѣнъ предъ своими палачами. Изъ всѣхъ обитаемыхъ въ Европѣ мѣстъ, самое недоступное еспъ эша несчастная деревушка: со всѣхъ сторонъ окружа-

юпть ее природныя укрѣпленія, состоящія изъ скаль и ледниковъ; дабы добрапсья до ней, надобно пройпи по опасной крупизнѣ, покрытой въ печеніе осьми мѣсяцовъ въ году льдами. Среди самыхъ лѣпныхъ жаровъ, когда солнце сіяетъ въ полномъ блескѣ, бока горы, лежащей прямо пропивъ деревни Дормильѣзъ, покрыты снѣгомъ; вокругъ видите вы только пропасти, мрачные утесы, на коихъ вѣпть и слѣда распительности. Вы даже долго не примѣчаете самой деревни и, уже совершивъ нѣсколько пупи по сей пустынѣ, усмаприваете наконецъ дюжину хижинъ, подобныхъ логовищамъ дикихъ звѣрей. Въ нихъ-то обитаюпть жипели деревни Дормильѣзъ. Когда Феликсъ Нефъ шелъ къ нимъ въ первый разъ, по принужденъ былъ вырубапть во льду шопоромъ спупени. Упошребленіе холспа было имъ неизвѣспно. Жипели деревни Мензасъ, которая лежитъ пониже Дормильѣза, но съ первыхъ чисель Сентября уже покрывается снѣгомъ, упопали въ такомъ же невѣжеспвѣ, жили въ такой же бѣдноспи. Нефъ образоваль ихъ съ помощію религіи. Этимъ несчастнѣйшимъ въ Европѣ сущеспвамъ посвятиль онъ совершенно всю свою жизнь. Бѣдные въ большихъ городахъ привлекаюпть наши взоры и вниманіе; но намъ неизвѣспно, каково положеніе пѣхъ несчастныхъ, кои спояпть, пакъ сказапть, на послѣднихъ предѣлахъ цивилизаціи и общеспва.

Будь одинъ годъ неурожая, для нихъ вся надежда исчезла: имъ оспаеся или умереть въ своихъ горахъ или бѣжать и искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Это и дѣлають они зимой, когда опасаются прибытія сборщиковъ податей, коихъ уплатить не въ силахъ, и припѣсненій, коимъ неминуемо должны подвергнуться, если не будутъ имѣть благоразумія спастись заранее бѣгствомъ. Они сходятъ тогда на равнину, спараясь добыть сколько-нибудь денегъ, служа посыльными, носильщиками, рабочими. » Часто « — говорятъ пасторъ Нефъ — » встрѣчалъ я цѣлые полки мушкетеровъ, женщинъ и дѣтей, кои покидали такимъ образомъ свою родину. Но съ первыми днями слѣдующей весны, привлекаемые въ свои жилища, тою любовью къ родинѣ, которую такъ сильно чувствуютъ всѣ горцы; они возвращаются спрдасть и влечуть печальную жизнь на мѣстахъ, видѣвшихъ ихъ дѣтство. « Нефъ въ письмахъ своихъ описываетъ самымъ прогательнымъ образомъ господствство, оказанное ему симъ бѣднымъ народомъ. Онъ одинъ былъ ихъ упѣшицелемъ, ихъ журналомъ, ихъ библіотекой; составлялъ для нихъ всю поэзію, всю философію, весь міръ искусства, исторіи, религіи. Часто упрасивали они его оспаться съ ними на нѣкоторое время; кормили его своей грубой пищею, просили, чтобъ онъ благославлялъ

дѣпей ихъ, и спрашивали у него о мѣрѣ, о будищности, о Богѣ.

» Спарики «—говорить онъ—» спояли у дверей своихъ хижинъ; женщины, съ младенцами на рукахъ, прибѣгая, пѣснились вокругъ меня, изъясняя радость, которая наполняла сердце мое истиннымъ, чистѣйшимъ удовольствіемъ. Я выучилъ ихъ дѣлать печи съ трубами, кои до того времени были имъ неизвѣстны. Они довольствовались только тѣмъ, что дѣлали въ крышѣ отверстія, чрезъ которыя дымъ улеталъ. Не смотря на всю ихъ набожность, они не умѣли читать; мнѣ удалось вразумить ихъ, что, дабы молиться съ пользою, надо, посредствомъ чтенія, доставить себѣ возможность понимать смыслъ молитвъ, произносимыхъ устами. Слѣдуя совету моему, они стали учиться и выучились читать. Единственное, извѣстное имъ средство грѣться, состояло въ томъ, что они собирались въ числѣ пяти или шести въ хлѣвъ, гдѣ и живописныя находились въ кучѣ съ мущинами, женщинами и дѣтьми. Я успѣлъ, хотя не безъ труда, опучить ихъ отъ сей привычки, равно пропивной нравственности и здоровью. Ихъ способъ сажать картофель, составляющій столь важное пособіе при ихъ крайней бѣдности, былъ такъ смѣшонъ и неудобенъ, что едва получали они и половину того количества яблокъ, которое мо-

гли бы получить при сажаньи, обыкновенно вездѣ употребляемомъ. « Въ эпомъ отношеніи Нефъ, которъй самъ нѣкогда былъ въ ученьи у садовника, принесъ имъ весьма много пользы. Въместо того, что бы сажать картофель въ нѣкоторомъ другъ опъ друга разспоянн, они такъ спѣсняли его, что корни и зелень вредили другъ другу, перепутываясь между собою. Нефъ устроилъ благососпоянне эпихъ бѣдныхъ людей, исправивъ ихъ земледѣльческія понятія; но въ эпомъ успѣлъ онъ съ большимъ трудомъ. Сначала только припворялись, будто слушающъ его; допускали самаго сажать картофель; но едва онъ удалялся, поспчасъ спѣшили уничтожить всю его работу и возвращались къ старымъ своимъ обычаямъ. Ему было нужно невѣроятное поспоянство, чтобы достигнуть своей цѣли; наконецъ онъ выпросилъ изъ милоспи, что бы дали ему уголокъ земли, которъй обрабатывалъ самъ по своей методѣ. Когда жипели Дормильѣзскіе увидѣли успѣхъ, полученный Нефомъ, и превосходство его продуктовъ, по предразсудки ихъ вдругъ уничтожились и они оказались опъ своего невѣжественнаго приспраспн къ старому способу.

Нефъ во время своего ученья у садовника и въ продолженіе солдатской жизни, изучалъ еспественныя науки, если не въ теоретическиххъ

опвлеченіяхъ , по крайней мѣрѣ въ практическомъ приложеніи. Будучи инженеромъ, земледѣльцемъ, геометромъ, онъ улучшалъ тысячу способами положеніе сихъ Французскихъ Парій , между коими поселился. Но всегда лѣность и невѣжество ихъ пропивополагали предпріятіямъ его почти неодолимыя препятствія. Безъ помощи религіи, ему никогда бы не удалось усовершенствоватъ ихъ промышленность и земледѣліе. Часпо съ высоты своей грубой каедрѣ или въ паспырскихъ словесныхъ бесѣдахъ, предписывалъ онъ имъ, въ видѣ религіозной обязанности, такое или такое улучшение, которое иначе они бы отвергли. Въ Фрессиньерской долинѣ содержится много скота; но когда лѣтомъ случается засуха, то бываетъ недостатокъ въ фуражѣ и животноя погибаютъ въ большомъ количествѣ. Феликсъ Нефъ замѣнилъ, что легкобъ можно было воспользоваться потоками и испочниками, бѣгущими съ вершины горъ, вырывъ для нихъ бассейны и каналы, оспановивъ воду плотинами и распредѣливъ ее такъ, что бы можно было довольствоваться ею во всякое время года. Въ глазахъ горцевъ это былъ исполинскій прудъ, ко-его и пользы они почти не могли понимать. Онъ посвящалъ для убѣжденія ихъ двѣ или три проповѣди; говорилъ, что слѣдствіемъ ихъ упрямства будетъ не только совершенное безплодіе

горъ и бѣдность ихъ жилищъ, но что Богъ сверхъ того накажетъ ихъ, давъ имъ пороки, сопутствующіе всегда бѣдности и невѣжеству.

Въ 1825 году зимою былъ недоспапокъ въ снѣгъ и на весну все предвѣщало, что почва, не будучи доспапочно приготовлена, не произведетъ зелени, попребной для пипанія скопа. Нефъ возобновилъ свое предложеніе, на которое многіе не соглашались; одни не хотѣли вѣрить прочноспи такой работы; другіе сомнѣвались въ пользѣ предпріятія, которое могло уничтожиться опть первой лавины; сверхъ того надо было превозмочь предразсудки каждаго владѣльца, на землѣ коего слѣдовало рыть каналы и дѣлать водопроводы. Не прежде какъ по испеченія цѣлаго мѣсяца, проведеннаго въ переговорахъ и поспоянныхъ усиляхъ, удалось Нефу получить или, лучше сказапъ, вырвать согласіе у своей паспвы. Горцы послѣдовали за нимъ съ ломомъ и заступомъ въ рукахъ, болѣе для того, чтопбъ угодишь ему и доказапъ свою привязанноспь, чѣмъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Завоеватель, покоряющій какую-либо провинцію, не болѣе находилъ препятспвій къ достиженію цѣли своего намѣренія, какъ Нефъ при исполненіи своихъ благоптворныхъ и великодушныхъ предпріятій. Казапось, природа и люди за одно сопротивлялись ему; надо читать въ его перепискѣ опчепъ, который

онъ даетъ объ эпой мирной экспедици. Надо видѣть важность, копорую онъ ей прида- етъ, и труды, коихъ она ему спшила.

»Люди«—говоритъ онъ—»коихъ я употреб- лялъ для работы, не имѣли никакой довѣренности къ успѣху нашихъ общихъ усилій; съ ихъ сто- роны это трудолюбивое предпріятіе было только доказательствомъ ихъ преданности ко мнѣ. Мы должны были преодолѣть величайшія препятствія. Уступы скаль принуждали насъ то поднимать, то опускаеть на восемь или де- сять фузовъ русло главнаго канала; иногда, послѣ суточной работы, усматривали мы, что уровень былъ худо взятъ, что заставляло насъ все прежнее разрушить и начинать опять все съ изнова.« Самъ Феликсъ Нефъ, эпопъ паспырь- просвѣщитель, съ пвердымъ умомъ и пламенною душою, шелъ впереди ихъ, работалъ съ ними, раз- дѣлялъ ихъ труды, подавалъ собою примѣръ. Фенелонъ, лучший изъ духовныхъ, коихъ именами могутъ хвалиться новѣйшія времена, не сдѣлалъ ничего болѣе прекраснаго и истин- но хрисіанскаго. Послѣ двухнедѣльной ра- боты провили наконецъ воду въ при деревни; для достиженія сей цѣли взорвали скалу. Но какъ скоро работа кончилась, то благословенія посылались на главу Нефа; цивилизація, никогда еще не проникавшая въ сіи пещеры, явилась на-

*

конецъ въ нихъ подъ предводительствомъ христіанскаго священника. Феликсъ Нефъ нашель жипелей долины Фрессиньерской шаковыми же, каковыми они были въ чепырнадцатомъ вѣкѣ; онъ совершилъ въ нятнадцатъ дней шо, чего цѣлые спольпія не могли сдѣлать.

Нѣтъ сомнѣнія, что эпо было племя варварское, необразованное, но вполне заслуживающее участіе, которое принялъ въ немъ Феликсъ Нефъ. При своихъ грубыхъ нравахъ и нарѣчіи, болѣе подходящемъ къ Провансальскому, чѣмъ къ Лапинскому, эпо горные жипели храбры, смышлены, дѣятельны, и особенно исполнены поэпического огня. Чувство признапельности въ нихъ живо и глубоко. Въ сильныхъ движеніяхъ они опличаются проспымъ, почти Оссіановскимъ краснорѣчіемъ. Нефъ сохранилъ много образчиковъ эпого еспеспвеннаго краснорѣчія; на другомъ языкѣ трудно дасть о немъ понятіе, ибо съ Европейскіе языки супъ дѣпи нужды образованнаго и упонченнаго общества: на нихъ не иначе, какъ съ большимъ трудомъ, можно выражать дикія энергическія спраспи. Представыте себѣ многочисленныя и частыя примѣненія къ горнымъ ландшафтамъ; множество смѣлыхъ метафоръ, вошедшихъ въ самый обыкновенный языкъ; риомическія выходки, приведенныя въ мѣру съ особеннымъ искусствомъ, обнаружи-

вающимъ природный вкусъ къ поэзіи. Все, что наши поэты вымысляютъ, дабы сообщать жизнь и колоритъ своимъ созданіямъ, здѣсь есть только естественный результатъ живописнаго, уединеннаго быта. Тамъ мать, утратившая дитя свое, садится на крутую скалу и, хотя никто не внимаетъ ея голосу, повѣряетъ ночнымъ вѣтрамъ свои горестныя стенанія. Тутъ старый отецъ, на похоронахъ своей дочери, преклоняетъ колѣна предъ гробомъ, заключающимъ ея прахъ, и громко молится по душѣ той, которая навсегда покинула землю. Что въ нашемъ образованномъ быту сдѣлалось театральною игрою, выливается естественно само собой изъ эпическихъ могучихъ душъ, изъ эпическихъ непросвѣщенныхъ умовъ. Одни одни обладаютъ истинной драмой и поэзіей, коей у насъ одна только пѣнь, измѣженный обликъ.

Одинъ изъ самыхъ пропагандельныхъ примѣровъ сего краснорѣчія, который, по мнѣнію Нефа, вовсе не лзя перевести, поразитъ однакожъ нашихъ читателей. Нефъ, коему помогали Англійскіе протестанты, ободрившіе его усилія, имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько денегъ, кои употреблялъ въ пользу несчастнѣйшихъ изъ своихъ прихожанъ. Однажды къ нему пришелъ сынъ старой весьма больной женщины, прося посѣтить его

мапъ для оказанія ей пособія. Нефъ отпра-
вился въ полночь. Тогда шелъ снѣгъ; дороги
были почти непроходимы; жизнь паспора нѣ-
сколько разъ подвергалась опасности. Когда
они достигли дверей хижины, то сынъ бросилъ
ся на колѣна предъ Нефомъ и сказалъ ему:
» Не такъ быспро и мѣпко низпадаетъ орелъ
на дикую козу, какъ благословеніе Божіе низпа-
детъ на главу твою! Ты спаситель здѣшнихъ
горъ.« Въ сихъ немногихъ словахъ заклю-
чается болѣе силы и истиннаго краснорѣчія,
чѣмъ въ большей части нынѣшнихъ парламен-
тскихъ рѣчей.

Женщины сихъ горъ были покорными и
смирными рабынями, гошовыми исполняпъ
всѣ прихоти своихъ мужей и братьевъ. За спо-
ломъ онѣ никогда не сажались вмѣстѣ съ му-
щицами, но спояли позади ихъ, ожидая того,
что имъ дадутъ отъ остатковъ обѣда; ѣли
всегда споя; говорили съ мужьями не иначе, какъ
со спрахомъ и благоговѣніемъ. Феликсъ Нефъ
перемѣнилъ эти нравы; за то весь женскій полъ
съ той поры сдѣлался ему совершенно пре-
данъ. Вскорѣ паспортъ Верхнихъ-Альпъ, про-
свѣпившій сихъ грубыхъ людей первыми
лучами образованности, сдѣлался неограни-
ченнымъ царемъ всего округа; всѣ семейства
долинъ Фрессиньерской и Кейрасской покая-

лись его благодѣшнымъ учрежденіямъ. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ архипекпоровъ, каменщи-ковъ, плотниковъ, споляровъ, кровельщиковъ; заставилъ ихъ выспроить себѣ новые дома, хорошо освѣженные воздухомъ, удобно распо-ложенные; научилъ уважать благосостояніе, споль-пѣсно связанное съ добродѣпелю. Вскорѣ воз-двигнуть былъ новый храмъ, построена школа, не только подъ надзоромъ Нефа, но и соб-спвенными его руками; ибо онъ всегда былъ первымъ работникомъ. Эпо удивительное по-споянство усилій не замедлило сдѣлапся извѣспнымъ. Женевскіе псппоры и Англій-ское духовенство всѣхъ исповѣданій присы-лали къ Нефу добровольныя приношенія, кои поставили его въ возможности продолжати и усовершенспвовати свои работы. Вся не-обходимая для школы мебель была сдѣлана собственными его руками, при помощи вѣрныхъ его горцевъ. Въ спеченіе многихъ лѣпъ, Нефъ, не получая ни жаловапья, ни другаго какого-ли-бо ободренія, кромѣ собственнаго личнаго удо-вольспвія, училъ ихъ основаніямъ грамапики, ореографіи, математикъ. Особенно ученики его успѣли въ музыкѣ; и скорѣ въ эпой нуспын-ной, печальной спороиъ, жажда познаній и любовь къ ученію разспространилась почти на все народонаселеніе. Въ школу поступило двѣ-надцать молодыхъ человѣкъ; эпп воспитанники

самой бѣдной когда либо существовавшей школы прудились по чепырнадцати часовъ въ супки: все опдохновеніе ихъ соспоямо въ помѣ, что они пѣли хоромъ псалмы, коимъ выучилъ ихъ пасторъ. Единственную пищу ихъ соспавляла солонина и ячменный хлѣбъ, копорый размачивали они въ водѣ, и разбивъ предварительно молопомъ. Въ атмосферѣ эпихъ горъ мука не можетъ сохраняться, почему, попчасть послѣ жапвы, самыя dospaпочныя семейсва принуждены запекачь весь хлѣбъ вдругъ, копорый попомъ сушатъ и такимъ образомъ запасають на цѣлый годъ. Молодые анахорепы Дормилѣза не выходили совсѣмъ изъ своей обипели въ жестпчайшіе зимніе морозы; часто громъ падающихъ лавинъ примѣшивался къ ихъ мѣрному пѣнію. Къ Пасхѣ Нефъ отбиралъ пѣхъ изъ учениковъ, кои наиболѣе успѣли и отпраплялся вмѣспѣ съ ними, дабы проводить каждаго въ его деревню. Въ запискахъ его находипся прогапельное описаніе опбыпія сихъ молодыхъ людей; эпо была почти поржественная церемонія. Божественная служба и скудный обѣдъ предшеспвовали ихъ разлукѣ и послѣдному прощанію съ юными поварищами. Мѣсто, гдѣ происходило пиршеспво, было окружено зубчатыми спѣнами грубой поспройки; сюда-по удалились древніе Вадпландцы, преспѣдуемые свирѣпымъ фанатизмомъ капюликовъ. Какое испинно прогапельное зрѣ-

лице представляла тогда сія ограда! Эпа въра, оставшаяся неприкосновенною, нераздѣльно съ воспоминаніями о предкахъ-мученикахъ, это дивное просное и мужеспвенное развитіе сельскихъ добродѣтелей, озаренныхъ уже лучами просвѣщенія, но нисколько не испорченныхъ! Феликсъ Нефъ увѣряетъ, что онъ не могъ удержаться опъ слезъ, когда съ высопы скалы видѣлъ, какъ эпа кучка людей, имъ, пакъ сказапъ, созданныхъ, эпа горспъ дѣпей, воздвоенныхъ его трудами и попеченіями, удалалась и исчезала въ излучиспыхъ пропипкахъ долины.

Сполъ многопрудная и прекрасная жизнь не могла долго продолжипсь. Въ прищапильпнемъ возрастѣ, при началѣ 1828 года, Нефъ умеръ, испощенный своими трудами, спрогими правилами жизни и худой пищей. Онъ умеръ, или лучше сказапъ, заснулъ посреди дѣпей своихъ. *Не говорите, что добрые люди умираютъ; они засыпаютъ священнымъ сномъ:* это изреченіе Греческаго поэта должнобы было вырѣзатъ на гробѣ Нефа.

Если можно упрекнупъ въ чемъ-либо сего удивительнаго человѣка, коего имя должно поставипъ на ряду съ именами Оберлина и Фенелона, по развѣ только въ чрезмѣрной спрогоспи его жизни: это было настоящее самоубійство!

Сія строгость сдѣлалась для него обыкновенною и легкою; она внушила ему идеи, можетъ быть, преувеличенныя о нравственности человѣческой и обязанностяхъ, ею налагаемыхъ. Онъ осуждалъ съ излишнею, кажется, строгостью панцы, игры, удовольствія всякаго рода. Его продолжительное пребываніе, среди угрюмой природы и жестокаго климата, приучило его къ самому суровому образу жизни, удаленному отъ всякихъ наслажденій, отъ всякаго разсѣянія. Быть можетъ, безъ этой рѣшительной строгости, онъ не былъ бы и способенъ принести всѣхъ жертвъ, необходимыхъ для его благородныхъ предпріятій.

Въ настоящемъ состояніи общества, никакого класса люди не могутъ имѣть такого спасительнаго вліянія, какъ низшее духовенство въ своихъ приходахъ. Успѣхи просвѣщенія не должны уменьшать сіе вліяніе. До тѣхъ поръ, пока христіанство, коего корни вѣчны и несокрушимы, существуетъ на землѣ, до тѣхъ поръ крестьянинъ, пастухъ, земледѣлецъ, поденщикъ, всегда будетъ въ самыхъ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ низшимъ духовенствомъ. Можетъ быть и не подозреваютъ, что нравственное воспитаніе духовенства всѣхъ исповѣданій есть основаніе, на которомъ зиждется будущая судьба Европы. Не всякой, скажутъ намъ, можетъ

имѣтъ такую пламенную, усердную любовь къ человѣчеству, такую твердую волю. Безъ сомнѣнія. Но нефъ, можетъ быть, ни одной провинціи въ Европѣ, ни одного прихода, гдѣ бы священникъ, будучи честнымъ человѣкомъ, не могъ имѣть вліянія споль же дѣятельнаго и благопворнаго, какъ Феликсъ Нефъ среди своихъ ледниковъ и скалъ. Возьмемъ въ примѣръ Англійскую деревню: тамъ находяпса паверны, въ коихъ крестьяне развращаюпса; тамъ переходяптъ изъ рукъ въ руки журналы, исполненные опасныхъ, соблазнительныхъ подробностей; всѣ зловредныя испаренія испорченнаго общества туда заносяпса и пускаюптъ корни. Частъ народонаселенія состоиптъ во враждѣ съ сущесвующими законами, враждѣ пѣтъ болѣе жестокой, чѣмъ она скрипнѣе. Кто жъ осмѣлился сомнѣваться, что съ сими врагами война будетъ менѣ трудна, чѣмъ съ пѣми, надъ копорыми воспоржеспвовалъ Нефъ? Для нравственнаго улучшенія и преобразования народа, не лзя найпти людей полезнѣе священниковъ, кои пойдуптъ по слѣдамъ Нефа и посвяпяптъ всю жизнь свою споль высокому служенію. Правда, ихъ увѣщанія, совѣты, поученія, погда только будутъ имѣть дѣйспвіе, когда они сами своей нравспвенностью и просвѣщеніемъ будутъ выше другихъ членовъ общества: но научите ихъ безкорыспію; внушите имъ, въ чемъ состоиптъ ихъ обязанность;

пусть они подражаютъ Оберлину и Нефу, не только въ проповѣдяхъ, но и въ вещественныхъ пособіяхъ ближнему! Тогда они сдѣлаютъ для просвѣщенія больше, чѣмъ самыя лучшіе законы.

(FOREIGN QUARTERLY REVIEW.)

IV.

СУДЬБЫ ПОЭЗИИ.

(окончаніе).

. . . . .
. . . . . Въ другой разъ я проѣзжалъ вершины Саннима, покрытыя вѣчными снѣгами, и съ Ливана, увѣнчаннаго своею кедровою діадимою, спустился въ нагую, бесплодную пуспыню Иліополя. Подъ конецъ дня, проведеннаго въ длинномъ и прудномъ пупешеспвіи, передъ нами, во глубинѣ горизонта, еще опдаленнаго на послѣднихъ успупахъ черныхъ горъ Анпи-Ливана, необозримая группа желтыхъ развалинъ, озлащенныхъ послѣдними лучами солнца, опдѣлилась опъ мрачнаго фонда горъ, опражая на себѣ догарающее сіяніе вечера. Наши проводники указали пальцемъ и закричали : Бальбекъ! Бальбекъ! Это въ самомъ дѣлѣ

было дивное чудо пустыни, баснословный Бальбекъ, возникшій предъ нами въ такомъ ослѣпительномъ блескѣ, изъ своей безвѣспной могилы, свидѣпелемъ вѣковъ, о коихъ испорія потеряла воспоминаніе! Мы приближались медленно, переваливаясь шагъ за шагомъ, на успалыхъ лошадяхъ, вперивъ взоры на сіи исполинскія стѣны, громадныя колонны, облитыя яркимъ свѣпомъ, кои, по видимому, выроспали, разширились и вытягивались предъ нами, по мѣрѣ нашего приближенія. Глубокое молчаніе царствовало во всемъ караванѣ; каждый боялся потерять какое-нибудь новое впечатлѣніе изъ сей великолѣпной сцены, передавая то, которое уже получилъ; самые Арабы молчали и по видимому предавались столь же важнымъ и глубокимъ думамъ при семъ зрѣлищѣ, уравнивающимъ всѣ мысли и чувства. Наконецъ, мы коснулись первыхъ глыбъ мрамора, первыхъ обломковъ колоннъ, размешанныхъ землетрясеніями почти на цѣлую милю отъ самыхъ памяшниковъ, подобно сухимъ листьямъ, разбрасываемымъ далеко отъ носившаго ихъ дерева дыханіемъ урагана. Глубокія и широкія каменоломни, раздирающія, подобно ущельямъ долинъ, черные бока Анпи-Ливана, зазіяли своими безднами подъ ногами нашихъ лошадей; сіи огромныя каменные бассейны, коихъ стѣны сохраняютъ еще глубокіе слѣды псама, извлекашаго изъ нихъ

новыя каменныя горы, выказываюпть еще нѣ-
 сколько гиганпскихъ глыбъ, полуотпорванныхъ
 опть ихъ основанія, другія, совершенно уже
 обстѣченныя со всѣхъ чепырехъ споронъ, кои,
 по видимому, ожидаюпть полько колесницъ
 или мышцъ новаго поколѣнія исполиновъ, да-
 бы выдвинуться на свѣпть Божій; одна изъ
 сихъ глыбъ имѣетъ шеспъдесяпть два фу-
 па въ длину, двадцапъ чепыре въ ширину и
 шеспнадцапъ въ толщину. Одинъ изъ нашихъ
 Арабовъ, сошедши съ лошади, спуспился въ
 каменоломню и, цѣпляясь за вырубкы, остав-
 ленныя на бокахъ ея, и за мхи, пущив-
 шіе въ нѣхъ свои корни, вскарабкался на сей
 огромный пѣдесталь и началъ бѣгать по
 немъ взадъ и впередъ, испуская дикіе крики:
 но пѣдесталь подавлялъ своею массою чело-
 вѣка, смерпный исчезалъ предъ дѣломъ рукъ
 своихъ. Потребна соединенная сила шеспиде-
 сяти тысячъ челоуѣкъ нашего времени, чпо-
 бы полько приподнять эпопть камень; а на
 плап-формахъ Бальбекскихъ храмовъ еспь еще
 колоссальнѣе, кои подняпы на двадцапъ пяпъ
 и на придцапъ фуповъ опть земли, дабы слу-
 жипть основаніями для колоннадъ, имъ пропорці-
 ональныхъ! Мы продолжали пущь свой между
 пущпынею съ лѣвой и волнистыми изгибами
 Анти-Ливана съ правой спороны, мимо нѣ-
 сколько небольшихъ учаспковъ полей, обрабо-

пываемыхъ паспухами-Арабами, вскрай широкаго русла попока, змѣщагося между руинами, берега коего мѣстами опушались прекраснымъ орѣшникомъ. Акрополисъ или искусственнѣй холмъ, носящій на себѣ всѣ великіе памятники Иліополя, мелькалъ предъ нами, по памъ, по сямъ, проглядывая между вѣшвей и возносясь надъ вершинами деревьевъ; наконецъ опкрылся весь; и весь караванъ оспановился какъ будто по электрическому сочувствію. Никакое перо, никакая кисть не можетъ описать впечатлѣнія, сообщеннаго однимъ эпимъ мгновеніемъ взору и душѣ; подъ ногами у насъ, въ руслѣ попока, среди полей, вокругъ каждаго древеснаго пенька, безмѣрныя глыбы краснаго и сѣраго гранита, кровянаго порфира, бѣлаго мрамора, желтаго камня, ослѣпительнаго подобно мрамору Паросскому; обломки колоннъ, рѣзныя капители, архиправы, завипки, карнизы, пѣдеспалы; разорванныя, словно еще препещущіе члены спашуй, поверженныхъ лицемъ ницъ на землю; и все это раскиданное, перепутанное, скомканное кое-какъ въ груды, раздробленное на пысячи дребезговъ — спелелся со всѣхъ споронъ попоками, подобно лавѣ волкана, разразившагося обломками великой имперіи! Маленькая пропипка едва продиралась сквозь эпопъ величественный мусоръ, покрывавшій всю землю; и подковы нашихъ

лошадей, на каждомъ шагу, скользили и осѣкались о гладкіе лиспя какого-нибудь карниза или о бѣлоснѣжную грудь какого-нибудь женскаго порса. Однѣ только спруи Бальбекской рѣчки пробирались сквозь эту громаду развалинъ и омывали ропопной пѣной куски мраморовъ, запрудняющіе ихъ печеніе.

За сей накипью обломковъ, образующей собою наспояцій мраморный кряжъ, возвышаея холмъ Бальбекскій, плап-форма въ тысячу фуговъ длины и семьсотъ ширины, вся поспроенная руками человѣческими, изъ песаныхъ камней, между коими нѣкопорые имѣютъ опъ пятидесяти до шеспидесяти фуговъ длины, на двадцать и двадцать два фупа вышины, но большая часпъ опъ пятнадцати до тридцати. Сей гранипный холмъ выспавился предъ нами своею воспочною оконечностью, утвржденною на глубокомъ фундаменпѣ и одѣпою камнями необъяпнаго размѣра, пакъ чпо при гранипные куска проспираютя на спо восемдесять фуговъ и образуютъ собою поверхность почти въ чепыре тысячи фуговъ квадрапныхъ; въ широкія опверспія подземныхъ сводовъ вода рѣчная врываея каскадами, съ шумомъ, подобнымъ опдаленному гулу большихъ колоколовъ нашихъ соборовъ. На сей гиганпской плап-формѣ, верхи огромныхъ храмовъ опливали золопомъ въ сине-розовомъ гори-

зонпѣ; нѣкоторыя изъ сихъ пуспынныхъ монументовъ казались цѣлыми и неприкосновенными, словно вчера только вышедшими изъ рукъ художника; опѣ другихъ торчали обломки еще споявшіе, колонны одинокія, спѣны полусогбенныя, фронтоны полуобрушенныя; взоръ перялся между искромепными рядами колоннадъ различныхъ храмовъ; и слишкомъ возвышенный горизонтъ мѣшалъ видѣть, гдѣ оканчивалось сіе каменное народонаселеніе. Три исполинскія колонны большаго храма, еще держащія на величественныхъ главахъ своихъ пышный, колоссальный карнизъ, владычествовали надъ всею сценою и перялись въ голубомъ небѣ пуспыни, подобно воздушному алпарю, успроенному для жертвоприношеній гиганповъ.

Мы оспановились только на нѣсколько минутъ, дабы возымѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что пріѣхали видѣть такъ издалека, чрезъ столько опасностей; и увѣрившись наконецъ, что завтра будемъ наслаждаться зрѣлищемъ, которое никогда не представлялось намъ даже въ мечпахъ, продолжали свой путь. День склонялся къ вечеру; надо было искапъ убѣжища подѣ шапромъ или подѣ какимъ-нибудь сводомъ развалинъ, чпобы провеспи ночь и опдохнуть послѣ чепырнадцати часовъ дороги. Оспая влѣвъ гору руинъ и обширную площадь, убѣлен-

ную обломками, мы направили путь нашъ черезъ нѣсколько лужаекъ, оглоданныхъ верблюдами и козами, къ дыму, выходившему, за нѣсколько сотъ шаговъ, изъ группы развалинъ, перемѣшанныхъ съ Арабскими лачугами. Почва была неровная и гористая: она звучала подъ копытами нашихъ лошадей, какъ будто подземелья, нами попираемая, гоповы были развѣзнувшись подъ нашими ногами. Доѣзжаемъ до низенькой хижинки, полуприкрытой обломками мраморныхъ стѣнъ, коей двери и узкія окна, безъ стеколъ и ставней, были сдѣланы изъ кусковъ мрамора и порфира, кое-какъ слѣпленныхъ грубымъ цементомъ; надъ площадкою, которая служила кровлею для сей лачуги, торчала небольшая каменная стрѣлка, въ футъ или въ два вышиной, и маленькой колокольчикъ, подобный тому, который рисуютъ на гропахъ опшельниковъ, колыхался въ ней дыханіемъ вѣтра. Это были святилища палаты Арабскаго Епископа въ Бальбекѣ, вся пасива коего ограничивалась десятью или пятнадцатью христіанами Греческаго исповѣданія, затерявшимися посреди сихъ пустынь и свирѣпаго племени независимыхъ Арабовъ Бка. Доселѣ мы не видали ни одного живаго существа, кромѣ шакаловъ, мелькавшихъ между колоннами большаго храма, и маленькихъ ласпочекъ, съ розовою шейкою, украшавшихъ собою карнизы плапформы, подобно украшеніямъ воспочной архипек-

туры. Епископъ, извѣщенный шумомъ нашего каравана, немедленно явился и, проклонясь въ дверяхъ, предложилъ мнѣ гостепріимный пріютъ. Это былъ прекрасный спарець, съ серебряными волосами и бородой, съ фizioноміей важной и кропкой, съ рѣчью благородною, сладкою и мѣрною, совершенно сходный съ идеаломъ священника въ поэмѣ или въ романѣ: лице его, запечатлѣнное миромъ, перпѣніемъ и любовью, во всѣхъ отношеніяхъ было достойно сей величественной сцены разрушенія и думы. Онъ ввелъ насъ на небольшой внупренній дворъ, также успланный обломками спатуй, дребезгами мозаикъ и древнихъ вазъ; и показавъ намъ свой домъ, по еспь двѣ маленькія низенькія комнапки безъ мебели и дверей, удалился самъ, оспавивъ насъ, по воспочному обычаю, полновластными хозяевами его жилища. Пока наши Арабы вколачивали въ землю, вокругъ дома, желѣзные гвозди, чптобы привязать къ нимъ ноги лошадей, а другіе между чпѣмъ разводили на дворѣ огонь, чптобы приготовить намъ къ ужину пилава и ячменныхъ лепешекъ, мы вышли, чптобы бросить еще взглядъ на окружавшіе насъ монументы. Огромные храмы стояли предъ нами, какъ спатуи на педесталахъ; солнце ударяло въ нихъ своимъ послѣднимъ лучемъ, который медленно уходилъ съ колонны на колонну, подобно мерцаію лампы, уносимой священникомъ во глубину святилища.

ща, и безчисленные пѣни порпиковъ, сполбовъ, колоннадъ, умирая, распилались подъ симъ дремучимъ каменнымъ лѣсомъ и мало по малу заспилали на Акрополисъ яркій блескъ мрамора и праверпина. Далѣе, на равнинѣ, виднѣлся какъ будто океанъ руинъ, перявшійся въ горизонтѣ: можно было счеспъ ихъ каменными волнами, сокрушившимися о скалу и покрывшими безмѣрное поле своею сѣдою пѣною. Ничпо не возвышалось надъ симъ моремъ развалинъ; и ночь, ниспадавшая съ высотъ посѣрѣвшаго уже хребта горы, поспепенно хоронила ихъ въ своемъ мракѣ. Мы просидѣли нѣсколько минутъ, погруженные въ безмолвіе и задумчивоспъ, предъ симъ зрѣлищемъ безъ словъ, и воропились медленными шагами на маленькой Епископскій дворъ, освѣщенный очагомъ Арабовъ.

Усѣвшись на обломкахъ карнизовъ и капителей, кои на дворѣ исправляли должность скамей, мы скоро окончили презвѣй ужинъ спранниковъ, пупешеспвующихъ въ пустынѣ, и остались еще на нѣсколько времени, до сна, поговорить о помѣ, чпо наполняло наши мысли: Разведенный огонь погаеалъ, но луна, полная и свѣпмая, капилась въ ясномъ небѣ и, проникая сквозь зубцы большой спѣны изъ бѣлаго камня и сквозь кружевную рѣзбу окна въ Арабскомъ вкусѣ, коими дворъ ограничивался со стороны пустыни, разливала ввупири его сіяніе

опсвѣчивавшееся на всѣхъ камняхъ. Молчаніе и задумчивость овладѣли нами: то, что мы думали въ эпопу часъ, на эпопу мѣспъ, такъ удаленные опъ живаго міра, въ эпопу мѣрѣ мершвомъ, предъ лицомъ сполькихъ безмолвныхъ свидѣпелей, предъ лицомъ невѣдомаго, прошедшаго ниспровергающаго всѣ наши мелкія теоріи философіи и испоріи человѣческава; то, что шевелилось тогда въ нашихъ мысляхъ и сердцахъ, изъ нашихъ идей и сиспемъ, а можетъ бытъ, увы! и изъ личныхъ нашихъ чувспвъ и воспоминаній: то извѣспно одному Богу. Языки наши и не пытались говорить; они боялись возмутить поржеспвенность сихъ минутъ, сего ночнаго свѣпила, сего глубокаго самопогруженія; мы безмолвспвовали! Вдругъ, какъ будто кропка жалоба любви, какъ будто суровый ропощъ спраспи, раздался среди развалинь, изъза большой спѣны, прорѣзанной Арабскими спрѣлками, коей кровля по видимому обрушивалась сама на себя; эпопу смупный и глухой шопощъ мало по малу укрѣплялся, распягивался, выроспалъ сильнѣе и громче; мы различили наконецъ пѣніе хора, составленнаго изъ нѣсколькихъ голосовъ, пѣніе однообразное, меланхолическое и умилипельное, которое то возвышалось, то понижалось, то умирало, то возраждалось попеременно, опсвѣспивуя само себя. То была вечерняя молитва, совершаемая Арабскимъ

Епископомъ съ своимъ малымъ стадомъ, въ развалившейся оградѣ пого, что нѣкогда соспавляло его церковь; теперь груды развалинь, недавно обрушенныхъ племенемъ Арабовъ-идолопоклонниковъ! Ничто не пригопвило насъ къ эпой музыкѣ души, коей каждая нопа была чувство или вздохъ сердца человѣческаго, въ эпомъ уединеніи, во глубинѣ пустынь, исходящей изъ среды безмолвныхъ камней, взгроможденныхъ землетрясеніями, варварствомъ и вѣками. Мы объяпы были глубокимъ благоговѣніемъ и сопровождали всѣми порывами нашей мысли, нашей молитвы, нашей внупренной поэзіи, сіи священные звуки, до тѣхъ поръ, пока липанія конялась и послѣдній вздохъ сихъ благочестивыхъ голосовъ уснулъ въ привычномъ безмолвіи сихъ маспипыхъ развалинь.

Вошь, сказали мы вспавая, вошь что, безсомнѣнія, будетъ поэзія время послѣднихъ: вздыханіе и молитва на гробахъ, грустное помленіе по міръ, гдѣ нѣтъ ни смерти, ни разрушенія!

. . . . .
 . . . . . Черезъ нѣсколько времени, я спускался съ послѣднихъ вершинъ Ливанскихъ Альпъ. Здѣсь нашелъ я госпепріимство у шека Эдена, Арабской Маронитской дереушки, повѣшенной на самомъ остромъ зубцѣ сихъ горъ, у самыхъ крайнихъ границъ распищель-

носпи, копорая и обитаема бываетъ полько лѣпомъ. Эпопъ почпенный и благородный спарець встрѣпилъ меня съ своими сыновьями и нѣкопорыми служипелями почпи въ окреспноспяхъ Сирійскаго Триполя и при нялъ меня въ своемъ Эденскомъ замкѣ пакъ чинно, пакъ радушно и вѣжливо, какъ полько можно воображапъ опъ одного изъ спарѣихъ вельможъ двора Людовика XIV. Цѣлыя деревья пылали на огромномъ очагѣ; бараны, козляпа, олени, красовались грудами въ обширныхъ залахъ; и вѣковые мѣха золопаго Ливанскаго вина, выпашенныя изъ погреба служипелями, цѣдились для насъ и нашихъ провожапыхъ. Нѣсколько дней провели мы въ изученіи сихъ блаженныхъ гомерическихъ нравовъ, исполненныхъ поэзіи, наровнѣ съ мѣспами, въ коихъ они сохранились; попомъ шеикъ далъ мнѣ спаршаго своего сына и нѣсколько Арабскихъ всадниковъ, чпобы проводипь меня къ кедрамъ Соломоновымъ, къ симъ знаменипымъ деревьямъ, вѣнчающимъ доселѣ пѣмя Ливана и, въ продолженіе сполькихъ вѣковъ, собирающихъ поклоненія пупниковъ, въ качествѣ послѣднихъ свидѣпелей славы державнаго мудреца. Я не буду ихъ здѣсь описывапъ: но, на возврапномъ пупи, послѣ сего дня, незабвеннаго для спранника, мы заблудились въ излучинахъ горъ, посреди безчисленныхъ ущелій, коими сія группа Ливана исперза-

на со всѣхъ споронъ, и очутились вдругъ на отвѣсномъ обрывѣ необозримой стѣны скалъ, въ нѣсколько тысячъ фузовъ глубины, коими опоясывается такъ называемая Долина Святыхъ. Бока сего граничнаго оплота были такъ перпендикулярны, что даже горныя козы не могли здѣсь проложитъ себѣ пропинки, и наши Арабы должны были припасть брюхомъ на землю и повиснуть головой надъ пропастью, чтобы открыть дно долины. Солнце склонялось; мы провели уже много часовъ въ дорогѣ и надобно было еще болѣе времени, чтобы отыскать потерянную пропинку и вороваться въ Эденъ. И такъ мы сошли съ лошадей и, доврившись одному изъ нашихъ проводниковъ, который зналъ не вдалекѣ родъ лѣстницы, высѣченной нѣкогда въ скалѣ Маронитскими монахами, съ незапамятныхъ временъ населяющими долину, шли нѣсколько времени по краямъ утесистаго карниза; наконецъ по симъ скользкимъ ступенямъ спустились на площадку, копорая, высѣваясь изъ скалы, владычествовала надъ горизонтомъ.

Долина сперва опускалась легкими и широкими скасами, отъ подошвы снѣговъ и кедровъ, рисовавшихся чернымъ пятномъ на ихъ бѣлой скатерти. Здѣсь разверывалась она лужайками, покрытыми мягкой, желтоватою зеленью, подобно какъ на высокихъ гребняхъ Юры или

Альгъ; безчисленное множество пѣниспыхъ ручейковъ, вырывающихся изъ - подъ пающихъ сугробовъ, бороздили своими нипями сіи муравчапые скапы и наконецъ сливались въ одну массу волнъ и пѣны при подошвѣ перваго успу-па скаль. Тупъ долина вдругъ обрывалась на чепыре или на пяпъ сопъ Фуповъ въ глубину; попокъ ниспадалъ вмѣспѣ съ нею и, расширяясь на болѣе просторной поверхности, по покрывалъ скалу, подобно жидкой, прозрачной пеленѣ, по, опрываясь опъ ней крупными дугами и разбиаясь объ оспрые углы граниповъ, скапившихся съ вершины горъ, на пысячи лепучихъ лоскупковъ, съ шумомъ подобнымъ гулу вѣчнаго грома. Вѣпръ, производимый его паденіемъ, достигалъ до насъ и, подымая съ собой, подобно легкому шуману, разноцвѣпныя дымки брызговъ, разносилъ ихъ по всей долинѣ или развѣшивалъ крупными росными каплями по вѣпвамъ кустарниковъ и по зазубринамъ скаль. Проспираясь къ сѣверу, Долина Свяпыхъ углублялась и расширялась все больше и больше; попомъ мили за двѣ опъ пункта, на копоромъ мы находились, двѣ голыя, покрыпя пѣнями горы, сближались, взаимно наклоняясь другъ къ другу, и оспавляли между собой опверспіе едва въ нѣскольпо поазовъ, гдѣ долина оканчивалась и перялась съ своими полянами, высокими виноградниками, пополями,

кипарисами и млечнымъ попокомъ. За сими двумя горами, кои задушали ее такимъ образомъ, синѣлось на горизонтѣ какъ будто озеро, цвѣтомъ гораздо темнѣе, чѣмъ небо; это былъ лоскупокъ моря Сирійскаго, оправленнаго въ рамы фантасматическаго залива другими скалами Ливана. Заливъ сей находился опть насъ миль за двадцать; но, по необыкновенной прозрачности воздуха, казался словно у нашихъ ногъ; и мы даже различали два судна съ распущенными парусами, кои, вися между синевой неба и моря, уменьшенные разспояніемъ, представлялись, будто два лебедя, плавающіе въ горизонтѣ. Это зрѣлище пакъ поразило насъ сначала, что мы не остановили нашихъ взглядовъ ни на одной изъ подробностей долины; но когда первая минута изумленія прошла и глазъ нашъ могъ проникать сквозь зыбучую дымку вечера и водъ, сцена другаго рода мало по малу развернулась предъ нами.

При каждомъ изгибѣ попока, гдѣ клубящаяся гѣна оставляла нѣсколько мѣста землѣ, обитель Маронитскихъ монаховъ рисовалась своими разбросанными зданіями, сложенными изъ камней темнокраснаго цвѣта, на сѣромъ фонѣ скалъ; и дымъ ея вился подъ облака между вершинами пополей и кипарисовъ; вокругъ, небольшие полянки, завоеванныя насильственно у попока или у скалъ, казались обработанными

не хуже самых опрятных цыпниковъ нашихъ сельскихъ домиковъ; тамъ и здѣсь мелькали монахи, pokrытые своими черными клобуками, кои возвращались съ полевыхъ работъ, одни съ заспумомъ на плечѣ, другіе гоня передъ собой маленькіе пабуны Арабскихъ лошадокъ, прегрѣи придерживая соху и погоня воловъ между шелковичными деревьями. Многія изъ сихъ обиталищъ моливвы и пруда висѣли съ своими часовнями и пустыньками на выдавшихся утесахъ обонхъ горныхъ хребтовъ; нѣкопоры были высѣчены въ самыхъ скалахъ, какъ норы дикихъ звѣрей. Тамъ воропа, сведенныя вверху спрѣлкою, гдѣ висѣлъ колоколь, и нѣсколько террасъ, выбѣленныхъ подъ самыми сводами скалы, куда спарые и немощные иноки выходили подышать воздухомъ и поглядѣть на солнце. Вездѣ, куда только нога человѣческая могла доспигнуть, даже на краяхъ спремнинъ, куда глазъ не открывалъ никакого доступа, видѣлись по креснѣ, по келья, по пустынь, по часовня, и мелькали призраки опшельниковъ, кои, работая, чипая или молясь, бродили взадъ и впередъ между скалами и куспарниками. Одно изъ зданій была Арабская типографія для просвѣщенія Маронитовъ; на террасѣ предъ ней безпреспанно ходили и выходили монахи, развѣшивая на простникѣ бѣлые листы мокрой бумаги. Ничпо,

кромѣ развѣ кисти, не можетъ изобразить живописнаго разнообразія сихъ уединенныхъ обитателей. Каждый камень какъ будто родился кельею, каждая пещера имѣетъ своего опшельника, каждый ручеекъ свое движеніе и жизнь, каждое дерево своего инока подпѣвную; куда ни проникалъ взоръ, вездѣ долина, горы, пропасти, какъ будто одушевлялись и какая-нибудь сцена жизни, молитвы, духовнаго созерцанія, опдѣлялась опъ сихъ вѣчныхъ громадъ или смѣшивалась съ ними для ихъ освященія. Но вскорѣ солнце закапилось; пруды дневные кончились; и все черныя фигуры, разсѣяння по долинѣ, возвратились въ свои кельи или пещеры. Со всѣхъ споронъ зазвонили колокола, возвѣщая часъ вечерняго молитвословія; одни звучнымъ, могучимъ гуломъ, напоминающимъ завыванія морскаго вѣпра; другіе тонкимъ, серебрянымъ голоскомъ ппичекъ, чиликающихъ среди засѣянныхъ нивъ; иреспубли жалобнымъ, глухимъ спономъ, раздающимся подобно опдаленному, ночному вздоху пустыни. Все сіи колокола перекликались другъ съ другомъ, съ обѣихъ споронъ долины; и пысячи опголосковъ, изъ пещеръ и пропастей, опклькались на нихъ смупными, прерывиспытными перекапами, мѣшавшимися съ ревомъ попока, шумомъ кедровъ, журчаніемъ безчисленныхъ ручейковъ и водопадовъ, прорѣзывающихъ

бока обоихъ горныхъ хребтовъ. Попомъ вдругъ настала минула молчанія и новый шумъ, но уже болѣ тихій, болѣ меланхолическій и важный, наполнилъ долину: по было пѣніе псалмовъ, которое, возвышаясь изъ каждой кельи, изъ cadaго храма, изъ каждой часовни, съ cadaго уступа скаль; сливаясь, доходило до насъ, однимъ полнымъ гуломъ, словно одно мелодическое спенаніе всей долины, получившей внезапно душу и языкъ. За шѣмъ облако еиміама поднялось надъ каждою кровлею, изъ cadaго опверстія, и облагоухало воздухъ такъ, чпо ангелы могли бы дышашь имъ. Мы спояли, безмолвные и очарованные, подобно горнимъ духамъ, когда, въ первый разъ паря надъ землей, почипаемой еще пуесынною, они услышали на сихъ самыхъ берегахъ первую моляпву первыхъ человеквъ; мы поняли погда, какъ голосъ человека можетъ оживляпъ самую мерпвую природу и чпо будетъ поэзія при концѣ времянъ, когда всѣ чувства сердца человеческого поглопяпся въ одномъ, когда поэзія здѣсь на земль будетъ непрерывнымъ гимномъ благоговѣніа!

Но мы живемъ еще не въ эти времена. Свѣпъ молодъ; ибо умъ опкрываетъ еще неизмѣримое распояніе между наспоющимъ положеніемъ человечества и цѣлью, копорой оно можетъ до-

спигнуть. Поэзия предлежитъ еще новыя, высокія судьбы *.

Она не будетъ уже лирическою въ помѣ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово: ибо не имѣетъ довольно молодости; свѣжести, самоизвольности впечатлѣній, чптобы пѣть, какъ пѣла при первомъ пробужденіи мысли человѣческой. Не будетъ эпическою: ибо человѣкъ слишкомъ уже пожилъ, слишкомъ надумался; его не уптѣшатъ теперь длинныя рассказы эпопей; суровая опытность ниспровергла его вѣру въ чудесное, коимъ поэма эпическая очаровывала его легковѣріе. Не будетъ и драматическою: ибо сцена жизни дѣйствительной въ наше время имѣетъ болѣе важнаго, существеннаго, пѣсно связаннаго съ бытіемъ нашимъ интереса, чѣмъ сцена театральная; ибо высшіе классы общества вѣдятъ въ театрѣ не за пѣть уже, чптобы прогнаться, а чптобы судить; ибо общество отъ прежняго радушія перешло къ крипикѣ. Теперь нѣтъ искренности въ наслажденіяхъ. Драма скоро упадетъ въ руки народной толпы; она ро-

* Любопытно сравнить сіе поэтическое прозрѣніе въ судьбы поэзии съ математическими выкладками ея будущности, изложенными въ спашѣ *Густава Пяллина*. Мы съ соею спорны замѣтимъ, чпто поэзия и здѣсь, какъ вездѣ, далеко выпередила холодную разсудительность. *Ламартина* раздраетъ покровъ грядущихъ тысячелѣтій; *Густавъ Пяллингъ* только чпто всматривается вокругъ себя. *Изд.*

дѣлась изъ среды народа и для народа, теперь возвращается къ своему началу; нынѣ только высшіе, проспонародные классы приносятъ въ театръ свое сердце. Но, драма народная, назначенная для низшаго, необразованнаго класса, не долго будетъ сохранять въ себѣ сполько благородства, красоты и возвышенности, чптобы могла привлекать высшій, проевѣщенный классъ. И такъ высшее общество должно будетъ покинуть драму. Если ей удастся возвысить свой новый партеръ до чувства истиннаго изящества, то и тогда опять ее покинетъ, такъ что она должна будетъ безпрестанно нисходить и опускаться, чптобы имѣть слушателей.

Поэзія будетъ разумомъ воспѣваемымъ: вопъ назначеніе ея на долгіе вѣки! Она будетъ философическою, религіозною, общественною, разнообразно эпохамъ, чрезъ копорья спанетъ проходить родъ человѣческій. Это должно будетъ сообщить ей совершенно особый характеръ. Она не будетъ уже игрою ума, мелодическимъ капризомъ легкой поверхностной мысли, но глубокимъ, искреннимъ, существеннымъ опголоскомъ самыхъ высшихъ помысловъ духа, самыхъ таинственнѣйшихъ впечатлѣній сердца. Это будетъ самъ человекъ, а не призракъ, человекъ во всей своей полнотѣ и силѣ! Признаки сего преображенія поэзіи замѣчаются уже давно; въ наши дни они значи-

тельно умножаются. Поэзія болѣе и болѣе со-
 влекаетъ съ себя искусственную форму; она
 почти уже не имѣетъ никакой формы, кро-
 мѣ самой себя. По мѣрѣ, какъ все одухотво-
 ряется въ мірѣ, и она также одухотворяется;
 она не хочетъ болѣе автоматовъ и куколъ,
 не изобрѣтаетъ машинъ; ибо первое, чѣмъ за-
 нимается теперь умъ чипапелей, состоитъ въ
 разоблаченіи автоматовъ, въ сломкѣ машинъ,
 въ опыскиваніи одной только поэзіи въ пворе-
 ніи поэтическомъ, въ опыскиваніи души поэта
 подъ сею поэзіей! Будетъ ли она мертвае опъ
 того, что сдѣлается истиннае, существеннае,
 откровеннае? Безъ сомнѣнія, нѣтъ! Напроривъ,
 будетъ имѣть болѣе жизни, болѣе энергіи, бо-
 лѣе дѣйствія, чѣмъ когда-либо!

Кромѣ сей философической, религіозной, об-
 щественной будущности, поэзія должна еще
 будетъ взять на себя другую высокую обя-
 занность: она должна сдѣлаться народною,
 подобно религіи и просвѣщенію. Современная по-
 эзія уже испытывала опчаспи сіе направление;
 и паланпы перваго разряда не стыдились ни-
 сходить до проспонароднаго разумнѣя. Поэзія
 превращалась въ пѣсню и на легкихъ крыльяхъ
 проспаго напѣва проникала въ поля и хижины;
 она занесла пуда нѣсколькo благородныхъ вос-
 поминаній, нѣсколькo чистыхъ вдохновеній, нѣ-
 сколько возвышенныхъ чувствъ общественной
 нравственности; но между пѣмъ, къ сожалѣнію

должно признайся, усвоила проспымыъ душамъ полько бурныя спраспи, враждебныя чувспва раздора и ненависти. Впередъ обязанностію великнхъ геніевъ будепть посвящатъ все могущеспво свое на то, чпобы вкоренятъ въ народъ чиспыя испины, любовь, мудрость, сваяпыя ощущенія религіи и папріотизма. Такую поэзію должно еще создатъ; въкъ нашъ ее требуепть, народъ жаждепть. Въ духъ народъ болѣе поэпть, чѣмъ мы; ибо ближе нась къ природѣ; но онъ имѣепть нужду въ помачѣ между имъ и природою! Наше дѣло служипть для него посредниками и, егоже языкомъ, изъясняпть ему, сколько доброты, благородспва, великодушія, папріотизма и испиннаго благочеспія, положено Богомъ въ его сердце! Въ первобыпныя времена челоѳчеспва, у всѣхъ народовъ, поэзія была не чпо иное, какъ воспѣваемая религія: ужели успѣхи просѣщенія должны задущатъ ея сладкій, упѣшипельный голосъ? Нѣпть, безъ сомнѣнія! Въ вѣчномъ порядкѣ вещей ничпо не умираепть, все полько преображаепся: поэзія еспть ангель-хранишель челоѳчеспва во всѣхъ его возрастахъ! . .

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва. Апрѣля 20 дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

	Стр.
Успроиспво военныхъ и морскихъ силъ Египта.	56
Донъ Карлосъ Испанскій.	156
Фешъ-Али-Шахъ.	292
О Запискахъ Шапобриана (Ж. Жаненя). 301,359,428	
Судьбы Поэзи (А. Ламарпина).	458

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Случай, который можетъ повториться. Русская Современная Быль. (В. П. Андреева).	15,78,145
Золотой Самородокъ. Рассказъ Сибиряка.	42
Бѣлый Волосъ. Рассказъ Ионаана Духовидца. 106,163	
Медвѣжій Окорокъ (А. Дюма).	223
Гаучосы. Южно-Американская Быль. 241,272,342	
Маскерадь (А. Дюма).	411
Фелнкъ Нефъ.	485
Языкъ. Опрывокъ изъ романа: Ледяной Домъ (И. И. Лажечникова).	475

Жрицы древней Греціи	27,87
О пользѣ изученія Россійской Исторіи въ связи со Всеобщемою	125,195

КРИТИКА.

Письмо Профессора Павлова, къ Издателю по поводу рецензи на его Физику, помѣ- щенной въ Дерпшскихъ Ученыхъ Запи- скахъ	3
Современная Французская Литература. Пись- мо Гуспава Плана къ Виктору Гю- го	257,325,391

Къ сей книжкѣ приложенъ очеркъ пароваго дилжанса,
усовершенствованнаго Чурчемъ.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	строк.		
129.	25.	не рѣдко	рѣдко
131.	28.	позволимъ	позволимъ себѣ
135.	19.	среднихъ вѣковъ	средняго состоянія
136.	27.	Неспорѣ (я	Неспорѣ. Я
	28,29	ранѣ;) его	ранѣ; да его
137.	22.	но	не
	29.	первый онъ	первый. Онъ
281.	9.	Онъ Подскакавъ	Подскакавъ
	10.	о вскричалъ	онъ вскричалъ